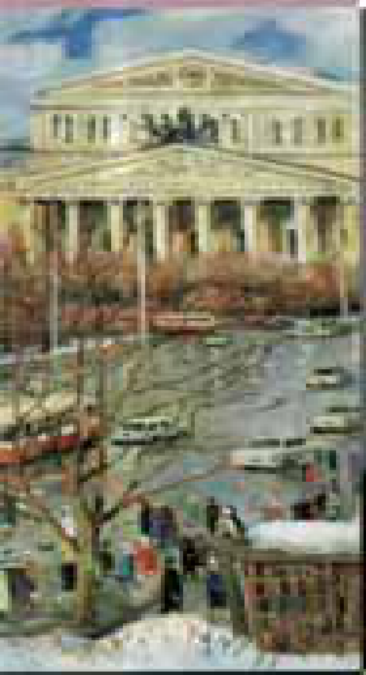
ФУРЦЕВА



Леонид Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ни одна из женщин в Советском Союзе не поднималась на такую вершину власти, как Екатерина Алексеевна Фурцева. Ее помнят как министра культуры, но прежде она была одним из высших руководителей Советского государства. Она стремительно сделала карьеру, когда женщинам не было хода в большую политику. И решительно всем она была обязана самой себе. Эта жизнерадостная женщина с бурным темпераментом и сильным характером не могла перенести одного — когда ее отвергают, и в личной жизни, и в политической. Казалось, у нее стальная воля, но она была внутренне уязвима и пыталась покончить с собой. В ее жизни немало загадок, и никто не знает, при каких обстоятельствах ушла из жизни министр культуры СССР. Новая книга Леонида Млечина — первая полная политическая биография Е. А. Фурцевой, одной из самых ярких личностей советской истории.

В оформлении переплета книги использованы фрагменты картин А. И. Волчкова «Москва. Большой театр. 1968» и Д. А. Налбандяна «Встреча Н. Хрущева и Е. Фурцевой с работниками культуры. 1962».

- Леонид Млечин
  - ОТ АВТОРА
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. А. ФУРЦЕВОЙ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Леонид Млечин
ФУРЦЕВА

ОТ АВТОРА

Двадцать четвертого октября 1974 года внезапно ушла из жизни министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева, единственная женщина, занимавшая высшие посты в государстве. Министерская должность была для нее уже понижением, свидетельством опалы.

В советские времена женщин выдвигали главным образом на звучные, но безвластные должности, чтобы они представительствовали. А вот Екатерина Фурцева была исключением, первой женщиной, которая входила в состав руководства страны. Она несколько лет была хозяйкой Москвы, а затем заняла место на партийном Олимпе — вошла в состав президиума и секретариата ЦК КПСС. Она принадлежала к числу тех немногих, кто принимал решения, определявшие судьбу нашего государства.

Почему именно она? Какими дорогами девушка из Вышнего Волочка добиралась до Кремля и что позволило ей вознестись на вершину власти? Незаурядные личные качества, удачный случай, симпатия вождей к красивой женщине? Екатерине Алексеевне приходилось пробивать себе путь в обществе, которое не поощряло стремительные женские карьеры. Но ее успехи не могли пройти незамеченными.

А вот отчего она попала в опалу и, не справившись с эмоциями, пыталась уйти из жизни? Она занимала пост министра культуры почти полтора десятка лет, и ее знали во всем мире. Фурцева не жаловалась на здоровье, и смерть показалась неожиданной и необъяснимо ранней. Екатерина Алексеевна месяц не дожила до шестидесяти четырех лет. Это были времена, когда все, связанное с высшим руководством государства, держалось в секрете. Отсутствие достоверной информации неминуемо порождало слухи. В Москве заговорили о том, что министр культуры свела счеты с жизнью и у нее были для этого основания.

В семье Фурцевой версию о самоубийстве наотрез отвергали. Официальный диагноз — сердечный приступ. Впрочем, семье не очень верили. Потому что один раз Екатерина Алексеевна уже вскрывала себе вены. Эта жизнерадостная, мажорная женщина с ярким темпераментом и сильным характером не могла перенести одного — когда ее отвергают, и в личной жизни, и в политической.

Глава первая
ПУТЬ НА ВЕРШИНУ ВЛАСТИ

Что такое страх, мы узнаём в детстве, когда понимаем, что не в состоянии существовать без тех, кто о нас заботится. Исчезновение этой защитной стены — трагедия. Иногда чувство собственной беспомощности остается на всю жизнь. Первая мировая война лишила нашу героиню того, в ком она так нуждалась, и до последних дней она пыталась сохранить вокруг себя тех, кого она боялась потерять. Иногда тщетно.

Екатерина Алексеевна Фурцева родилась 24 ноября (7 декабря по новому стилю) 1910 года в городе Вышний Волочек Тверской губернии. Ее отец, Алексей Гаврилович Фурцев, рабочий-металлист, был призван в царскую армию, как только началась мировая война, и погиб в первых боях, в том же 1914 году.

Алексея Гавриловича дочь практически не помнила. И тем не менее именно потеря отца — травма, наложившая отпечаток на всю дальнейшую жизнь Екатерины Фурцевой. Ее эмоциональный мир был довольно хрупким. Она боялась быть брошенной, отвергнутой, оставленной и потому сильно зависела от родных, друзей, подруг и любимых мужчин.

Мать, Матрена Николаевна, больше не вышла замуж, одна растила сына и дочь. После ухода мужа в армию ей пришлось пойти работать, хотя дети еще были маленькие. Матрена Николаевна была женщина с темпераментом и сильным характером, неграмотная, не умела даже расписаться, но в Вышнем Волочке пользовалась авторитетом и даже избиралась депутатом городского совета. Екатерина Алексеевна унаследовала от матери характер, способность самостоятельно принимать решения, внутреннюю силу. И все же тщательно скрываемое чувство беспомощности осталось в ней навсегда. Во взрослой жизни она подсознательно выработала стратегию, направленную на то, чтобы в дальнейшем не терять близкого человека. Но избежать этого она не смогла…

Вышний Волочек — один из чудеснейших уголков Тверской губернии. Его справедливо именуют Русской Венецией. Город возник на торговом пути, связавшем бассейны рек Балтийского и Каспийского морей. В начале XIII века здесь соорудили каналы и шлюзы, позволившие привозить товары с юга России в новую столицу — Петербург. Уникальная водная система восхищала современников.

«Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов, — писал Александр Николаевич Радищев в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву». — Первый, кому на мысль пришло уподобиться природе в ее благодеяниях и сделать реку рукодельною, дабы все концы единые области в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства».

Во второй половине XIX века Вышний Волочек превратился в центр текстильной промышленности. Одна за другой в городе строились бумагопрядильная, хлопчатобумажная, прядильно-ткацкая фабрики. Так появилась работа и для женщин, прежде занимавшихся лишь домашним хозяйством и семьей.

Кирпичный барак, где выросла Екатерина Фурцева, стоит и по сей день. В 1925 году она закончила семилетку и поступила в фабрично-заводское училище, выучилась на ткачиху. А какую еще работу она могла найти в этом городе? В пятнадцать лет встала к станку. Не очень благоприятное для юной девушки начало жизни, сулившей только тяжелый труд и не очень комфортные условия существования. В 1928 году она нашла себе место на ткацкой фабрике «Большевичка» в родном Вышнем Волочке, потому и закрепилось за ней обидное для нее впоследствии, когда она стала министром культуры, прозвище «ткачиха».

Екатерине Алексеевне всегда будут поминать работу за станком — причем высокомерно-презрительно, хотя ничего, кроме уважения и сочувствия, необходимость рано начать трудиться не вызывает. Так и ее сменщика на посту министра культуры СССР Петра Ниловича Демичева пренебрежительно именовали «химиком» — то ли потому, что он закончил химико-технологический институт, то ли потому, что несколько лет как секретарь ЦК КПСС отвечал по поручению Хрущева за развитие химической промышленности в стране.

За станком Екатерина Фурцева стояла недолго. В 1925 году она вступила в ВЛКСМ, и комсомол — главная карьерная лестница того времени — изменил ее жизнь. Молодую спортивную и общительную девушку приметили и в 1929 году назначили ответственным секретарем районного совета физкультуры.

Девушки не должны были отличаться от юношей. Та же одежда: рубашки прямого покроя, удобная для работы производственная одежда, лучше всего — ватник, мечта модницы — кожаная куртка. Те же короткие прически «под мальчика», никаких украшений! И тот же характер: все девчачье — игры с куклами, плаксивость и робость — отвергалось. Заботиться о своей внешности, мечтать об удовольствиях считалось

мещанством. Девушка — прежде всего хороший товарищ. Ценилась мужественность. Молодые люди независимо от пола обязаны были быть твердыми, энергичными, уверенными в себе. Для этого необходимо было закалять тело и волю, заниматься физической культурой, воспитывать в себе готовность трудиться на благо общего дела…

Екатерина Фурцева вполне соответствовала ожиданиям эпохи. 1920–1930-е годы — время пуританства. Сексуальность — не тема для обсуждения. А она не в силах была скрыть своей женственности, желания любить и быть любимой. Вот и будет она разрываться между желанием ни в чем не уступать сильному полу и неосознанным стремлением встретить настоящего мужчину, рядом с которым почувствует себя спокойно и надежно.

Екатерина Фурцева вскоре оказалась на руководящей комсомольской работе. В 1930 году по решению ЦК ВЛКСМ ее отправили в числе пятисот активистов из промышленных районов на укрепление комсомольских организаций Центрально-Черноземной области — поднимать сельское хозяйство. Она без сожаления покинула родной город.

Фурцеву избрали секретарем Кореневского райкома комсомола единой тогда Центрально-Черноземной области (ныне Курская область). Первым секретарем областного комитета был знаменитый в ту пору партийный работник Иосиф Михайлович Варейкис. При нем область была на виду, успешно развивалась. Кореневский район, соседствующий с Украиной, образовали незадолго до приезда Фурцевой — в июне 1928 года. В районе разрабатывали торф, песок, глину, мел. Торфоразработки имели тогда большое значение как важный источник энергоресурсов.

Шестнадцатого февраля 2007 года на здании кореневского Дома культуры появилась памятная доска в честь работавшей здесь некогда Фурцевой. Двадцатилетняя Екатерина Алексеевна в Кореневе проработала всего шестнадцать месяцев, потом получила новое назначение и больше никогда в поселок не возвращалась. Краеведы уверяют, что раскрыли самую большую тайну ее личной жизни: 25 августа 1931 года сельсовет зарегистрировал ее брак с местным плотником. Но уже через три месяца брак расторгли. Имя первого мужа Фурцевой краеведы скрывают.

В 1931 году перспективного работника перевели в Крым с повышением, сделали секретарем горкома комсомола в Феодосии. Еще 18 октября 1921 года на территории бывшей Таврической губернии образовали Крымскую автономную советскую социалистическую республику. Крымский комсомол помогал партии бороться с религией. Больше всего досталось

крымским татарам, исповедовавшим ислам. До приезда Фурцевой закрыли более ста мечетей. После 1931 года началась новая атака на религию.

В Крыму Фурцевой понравилось. Спортивная, крепкая, она с удовольствием плавала и играла в волейбол. Солнечных дней в Феодосии в теплое время года больше, чем в Ялте. Пятнадцать километров песчаного пляжа и пологое дно. Купаться можно с мая по октябрь.

У энергичной и бойкой девушки все ладилось, и начальники ее охотно продвигали. Через год поставили заведовать отделом Крымского обкома комсомола в Симферополе, сделали членом бюро областного комитета. Руководил Крымом первый секретарь обкома партии Евгений Ильич Вегер. Он приехал в Крым незадолго до Фурцевой, в декабре 1930 года. В годы Гражданской войны он был политработником, членом Реввоенсовета 7-й армии. До приезда в Симферополь трудился в аппарате ЦК ВКП(б) в Москве — заместителем заведующего организационно-инструкторским отделом. В феврале 1933 года Евгения Вегера перевели в более крупный обком — Одесский.

В Крыму Екатерина Алексеевна не задержалась. Могла бы остаться в этих благодатных местах, многие люди мечтают провести здесь жизнь. Но карьеры в провинции не делались.

Плохо было с продовольствием, даже на курортах. 20 мая 1931 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о снабжении Крыма продовольствием и топливом. Наркомату путей сообщения поручили «обеспечить своевременное продвижение всех грузов, идущих в адрес крымских курортов», а чекистам «провести расследование и привлечь к судебной ответственности лиц, не выполнивших распоряжение отраслевых объединений в отношении снабжения курортов». Но на следующий год стало только хуже. На Украине начался страшный голод — результат сталинского ограбления деревни, люди умирали, дело доходило до людоедства. В России ситуация была получше.

Фурцева решила уехать, она уже знала, чему посвятит себя. В Коктебеле она увлеклась планерным спортом. Феодосия и Коктебель — колыбель советского планеризма. На плато Узун-Сырт с 1920-х годов проводились всесоюзные слеты авиаторов. Гора Узун-Сырт уникальна восходящими потоками воздуха, поэтому здесь открыли планерную школу.

Небо манило. Фурцева добилась, чтобы обком партии рекомендовал ее на Высшие академические курсы Аэрофлота. В те годы к авиации относились очень серьезно, курсантский состав утверждался в Москве высокой партийной инстанцией — оргбюро ЦК ВКП(б). Все знают политическое бюро (политбюро) — главный

орган власти в советское время. Но с 1919 по 1952 год существовало и организационное бюро ЦК партии, занимавшееся главным образом подбором и расстановкой кадров. Кандидатура Фурцевой возражений не вызвала. Уже после ее зачисления на курсы, в марте 1934 года, по требованию Сталина было принято постановление политбюро: «Установить более строгую проверку при приеме в летные школы и при переводе в летчики… Поручить оргбюро отобрать 6300 коммунистов для направления в летные школы».

Летные курсы располагались в Царском Селе под Ленинградом. Учеба длилась три года. Екатерину Алексеевну готовили в политработники гражданской авиации.

В 1933 году в стране была высокая инфляция. На фоне голода и промышленного кризиса в руках населения скопились большие средства. Сократились капитальные вложения, уменьшилось число занятых в промышленности. Но в том же 1933-м собрали хороший урожай, и к концу года ситуация улучшилась. Страна начала выходить из кризиса.

В ноябре 1934-го на пленуме ЦК было решено в следующем году отменить карточки на хлеб. Постепенно прекратились призывы к аскетизму и жертвенности, перестали ограничивать зарплату членам партии (раньше не разрешалось получать больше установленного «партмаксимума»). В магазинах появилось больше продуктов, молодые женщины стали покупать чулки из искусственного шелка. Увлечение танцами теперь не считалось буржуазным, и в моду вошел американский бальный танец фокстрот.

Летная стезя казалась Екатерине Фурцевой очень перспективной. Для авиации денег не жалели, хотя финансовое положение страны было очень трудным. С 1933 года политбюро начало заниматься развитием военно-промышленного комплекса, выделяя деньги на закупку соответствующего оборудования и материалов за границей.

Как получить деньги на авиацию и вообще ускорить военное строительство?

«Нужно, по-моему, — писал Сталин товарищам по руководству, — увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны».

Исполняя указание Сталина, 15 сентября 1930 года политбюро приняло решение:

«а) Ввиду явного недостатка водки как в городе, так и в деревне, роста в связи с этим очередей и спекуляции, предложить

СНК СССР принять необходимые меры к скорейшему увеличению выпуска водки. Возложить на т. Рыкова личное наблюдение за выполнением настоящего постановления.

б) Принять программу выкурки спирта в девяносто миллионов ведер в 1930/31 году».

«Водочные» деньги шли на расширение Красной армии. Львиную долю ассигнований получала авиация, в том числе гражданская, которая считалась резервом военно-воздушных сил. В военной промышленности ввели уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной продукции. Рабочих в случае увольнения лишали продовольственных и промтоварных карточек и даже жилья. Но к летному составу относились с уважением, прощали промахи и упущения.

Правда, распределение после курсов оказалось для Екатерины Фурцевой не ахти каким удачным. Ее отправили в Саратов помощником начальника политотдела по комсомолу авиационного техникума. Зато здесь к ней пришла первая большая любовь. Она влюбилась в служившего в Саратове летчика Петра Ивановича Биткова.

В 1930-е годы пилоты, окруженные романтическим ореолом, пользовались у женщин особым успехом. К тому же инструктор летного звена Петр Битков был видным, интересным мужчиной. Екатерина Алексеевна инстинктивно искала надежного мужчину, который бы окружил ее заботой и вниманием, стал бы защитой и опорой, дал то, чего она была лишена в детстве и юности. Конечно, семейная жизнь под присмотром соседей из-за скудных жилищных условий не располагала к особой радости. Семья воспринималась прежде всего как ячейка общества. Мужчина и женщина соединяли свои судьбы, чтобы поддерживать друг друга и служить стране. Но не в случае Фурцевой. Она хотела, чтобы ее любили. Ее не смутило и то, что Петр Битков был женат. Ради Фурцевой он оставил семью, которая жила в Ленинграде, там росла и его дочка. Петр Иванович и Екатерина Алексеевна поженились, но брак не зарегистрировали. В те времена формальностям не придавали значения. Брак Петра Ивановича и Екатерины Алексеевны рухнет не из-за отсутствия штампа в паспорте…

В 1936 году летчика Петра Биткова перевели в политуправление гражданской авиации и молодая семья перебралась в Москву. Фурцевой тоже нашли работу в столице. Ее взяли сразу в ЦК комсомола инструктором отдела студенческой молодежи, хотя сама она высшего образования не имела и студенческой жизни не знала. Отделом студенческой молодежи руководил член бюро ЦК ВЛКСМ Ефим Давидович Лещинер.

Нового инструктора принял сам генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев, который руководил молодежными организациями страны с марта 1929 года. Его имя гремело по всей стране. Фурцева была польщена вниманием знаменитого вожака молодежи, что не помешало ей после ареста Косарева произносить суровые речи о враге народа, окопавшемся в комсомольском штабе…

Проблем со студенчеством у комсомола было хоть отбавляй. Как раз в начале 1937 года, когда Фурцеву взяли в центральный аппарат, уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК партии Заликин передал своим руководителям Якову Аркадьевичу Яковлеву и Матвею Федоровичу Шкирятову записку «О политико-воспитательной работе среди молодежи». Он откровенно описал быт и нравы студенчества: «В кино с прошлого года ни разу не были, на постановки тоже не ходят, газет не читают… Молодежь ходит по поселку и поет похабные песни… Клуб не отапливается, скамейки поломаны, окна закрыты, стены ободраны. Висит лозунг „Производительно работать, культурно жить“. В общежитиях — холодно, ноль градусов. Спят в верхнем белье и под пальто. Часть студентов четыре месяца не мылась в бане, потому что цены — высокие. Отдельные комсомолки на глазах райкома комсомола разлагаются. Инструктор по дошкольному воспитанию вбежала в дежурный магазин и требовала вина: „Если не верите в возврат денег, я заложу комсомольский билет“».

Проблемы в ту пору обыкновенно решались в силовой плоскости. Коллективизация, репрессии привели к тому, что миллионы подростков остались без родителей, оказались беспризорными. Милиция жаловалась на то, что привлекать к уголовной ответственности можно только с шестнадцати лет.

За два года до прихода Фурцевой в ЦК комсомола нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов стал инициатором закона, который разрешал расстреливать подростков не с восемнадцати, а с двенадцати лет. 19 марта 1935 года возмущенный Ворошилов написал письмо Сталину, Молотову и Калинину: «Посылаю вырезку из газеты „Рабочая Москва“ за № 61 от 15 марта, иллюстрирующую, с одной стороны, те чудовищные формы, в которые у нас в Москве выливается хулиганство подростков, а с другой, почти благодушное отношение судебных органов к этим фактам».

В газетной статье речь шла о том, что двое шестнадцатилетних подростков, совершивших два убийства, были приговорены к десяти годам тюремного заключения. Но этот срок им как несовершеннолетним сократили вдвое. Ворошилов

выяснил в московской милиции, что в столице полно беспризорных подростков, из которых вырастают настоящие бандиты. Не задаваясь вопросом о том, почему так много детей остались без родителей и без крыши над головой, Ворошилов писал: «Думаю, что ЦК должен обязать НКВД организовать размещение не только беспризорных, но и безнадзорных детей немедленно и тем обезопасить столицу от все возрастающего „детского“ хулиганства.

Что касается данного случая, то я не понимаю, почему этих мерзавцев не расстрелять. Неужели нужно ждать, пока они вырастут в еще больших разбойников?»

Сталину идея Ворошилова понравилась. Вождь вместе с прокурором СССР Андреем Януарьевичем Вышинским подготовил постановление ЦИКа и Совнаркома от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Оно требовало привлекать к суду «с применением всех мер уголовного наказания» совершивших правонарушения подростков, начиная с двенадцати лет. А в секретном разъяснении политбюро от 20 апреля говорилось, что к подросткам, начиная с двенадцати лет, применяется также «и высшая мера уголовного наказания (расстрел)».

Заняться реальным делом Фурцевой не удалось. Она попала в ЦК комсомола в разгар репрессий, которые фактически блокировали нормальную работу всех учреждений и институтов страны. В 1937 году шли аресты руководителей комсомола. На пленумах Центрального комитета в «связях с врагами народа» обвиняли то одного, то другого секретаря ЦК. Как правило, его (или ее) тут же снимали с должности и исключали из комсомола. Затем появлялись чекисты… Так, 28 августа 1937 года на пленуме ЦК ВЛКСМ вывели из состава ЦК Татьяну Федоровну Васильеву, которая курировала работу среди женской молодежи. Арестовали и недавнего прямого начальника Фурцевой в Центральном комитете Ефима Лещинера.

Полный разгром аппарата ЦК комсомола произошел в ноябре 1938 года. Все комсомольские организации страны получили указание громить прежнее руководство во главе с уже арестованным бывшим генеральным секретарем ЦК Александром Косаревым. Прямо на пленуме ЦК сформировали новый состав секретариата во главе с Николаем Александровичем Михайловым, который никогда не учился, а рабочую жизнь начал в сапожной мастерской отца. Через много лет Фурцева сменит Михайлова на должности министра культуры…

Екатерина Фурцева вовремя ушла из центрального комсомольского аппарата, где шла безжалостная чистка. Ей не

хватало образования, и она поспешила восполнить анкетный недостаток. Недолгая работа в ЦК ВЛКСМ помогла получить диплом. В 1937 году ее по комсомольской путевке направили учиться в Московский институт тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова. Она поступила в институт, не имея школьного аттестата зрелости.

Существовавшие до революции Московские женские курсы в 1918 году преобразовали во 2-й Московский университет. А в 1930-м его разделили на три института: Московский государственный педагогический, 2-й Московский медицинский и Институт тонкой химической технологии, который и выбрала Фурцева.

Училась Екатерина Алексеевна средне, потому что сразу пошла по общественной линии. Студентку с опытом политической работы избрали секретарем партийного комитета института, так что учеба отошла на второй план. Диплом о высшем образовании инженер-химик Фурцева получила в 1941 году, накануне войны. Работать по специальности ей не довелось.

Глава вторая
САМЫЕ ТРУДНЫЕ ДНИ

Великая Отечественная война для Фурцевой оказалась вдвойне трагическим событием. Ее муж, Петр Иванович Битков, в первые же дни отправился на фронт. Он выжил, но в семью не вернулся, хотя во время войны у них появился долгожданный ребенок — дочь Светлана.

Екатерина Алексеевна мечтала о детях, а забеременела только на тридцать втором году, после одиннадцати лет жизни в браке. Как и многое в жизни Фурцевой, обстоятельства, связанные с рождением дочки, обросли слухами и мифами. Поговаривали, будто и не муж вовсе был отцом ребенка, поэтому-то оскорбленный Петр Битков и ушел из семьи…

Рассказывают и другое. Петр Иванович, как это случилось со многими ушедшими в армию молодыми мужчинами, надолго оторванными от жен, встретил на фронте другую женщину, влюбился, ему ответили взаимностью. И он завел новую семью. Это больше похоже на правду, потому что от дочки Петр Иванович не отказывался, напротив, сохранил к Светлане отцовские чувства до конца жизни.

Когда Екатерина Алексеевна вышла замуж, ее скрытый страх остаться одной, лишиться защиты в какой-то степени только усилился. Вместо того чтобы наслаждаться семейной жизнью, она испуганно вздрагивала всякий раз, когда муж собирался куда-то пойти без нее. Она убедила себя в том, что если он постоянно будет с ней, она не только его не потеряет, но и обретет утерянное со смертью отца чувство безопасности.

Когда брак распался, самым ужасным для беременной женщины было одиночество. Она не могла возвращаться вечером в пустую комнату. Перед Екатериной Алексеевной встал ужасный вопрос: оставлять ли ребенка? Молодая женщина сомневалась: справится ли она с ним в одиночку — да еще в военные годы?

Настали тяжелые времена. Второй секретарь Московского горкома партии Георгий Михайлович Попов (будущий начальник Фурцевой) вспоминал свой первый день войны: «Я вбежал в свой кабинет. Первые указания, которые дал горком, были: прекратить неограниченную продажу сахара, соли, спичек, мыла, хлеба; прекратить выдачу вкладов из сберегательных касс…»

Вечером 22 июня 1941 года организационно-инструкторский отдел Московского горкома партии информировал руководителей города: «Среди части населения имеются панические настроения.

Во многих магазинах образуются большие очереди за хлебом, крупами, макаронными изделиями, консервами, керосином, солью, сахаром и другими продуктами. В сберегательных кассах образовались большие очереди вкладчиков, которые забирают свои вклады. Проведенной проверкой установлено, что вклады берут в основном работники интеллигентного труда. Народная артистка СССР Тарасова (Московский художественный театр) закрывает весь вклад — около шестидесяти тысяч рублей».

Одиннадцатого июля в Москве и Ленинграде (раньше, чем в других городах) ввели карточки на хлеб, крупу, сахар, кондитерские изделия, масло, мясо, рыбу, мыло, обувь и ткани. Существовало сто четырнадцать различных норм и видов снабжения — в зависимости от места работы и должности.

Восемьсот граммов хлеба выдавали по рабочей карточке, шестьсот граммов — по карточке служащего. Детям и иждивенцам (то есть пенсионерам и неработающим) полагалось всего четыреста граммов. Хлеб продавался ежедневно, свою пайку разрешалось выкупить на один день вперед. Просроченные талоны не отоваривались. Жиры, мясо и рыбу продавали подекадно. Колбаса, сельдь, консервы засчитывались в норму отпуска рыбы или мяса.

Рабочим и инженерам полагалось на месяц два с лишним килограмма мяса и мясопродуктов, килограмм рыбы, два килограмма крупы и макарон, полтора килограмма сахара и кондитерских изделий. Для остальных категорий нормы снабжения были значительно меньше. Неравенство состояло и в том, где и как отоваривались карточки, как тогда говорили. В закрытых распределителях выдавали настоящее мясо, в обычных магазинах — кости. Некоторые продукты оставались и в свободной торговле, но по удвоенным ценам. Вот свидетельство очевидца: «Мороженое еще продают везде. Изящные московские кафе превратились в трактиры: исчезли скатерти, появились оловянные ложки, подавальщицы стали грубее». «В „Гастрономе“, который ломился от товаров и людей, совершенно пусто, — отмечал один из москвичей. — Только несколько коробок крабов (консервы) по 7 рублей 60 копеек. Коробочки хватит, чтобы закусить одну рюмку водки. Крабы по карточкам. Спор с женой: по каким карточкам будут отпускать крабов — по мясным или рыбным? Вопрос сложный, ибо краб — ни рыба, ни мясо».

Сразу же запретили только продажу водки. Это сделали потому, что в первые дни мобилизации начались пьянки, призывников провожали в армию с обильной выпивкой.

Накануне войны население Москвы составляло четыре

миллиона двести тысяч человек. Мобилизация (в армию из Москвы ушли восемьсот пятьдесят тысяч человек) и эвакуация (как женщин и детей, так и рабочих промышленных предприятий) уменьшили население города на четверть. В октябре 1941-го, по данным карточного бюро, в Москве оставалось три миллиона сто сорок тысяч человек.

По Подмосковью в направлении города катились волны беженцев из западных областей. Комендант Москвы получил приказ на дистанции в пятьдесят — сорок километров от города остановить беженцев и направить их вокруг столицы обходными путями. Эвакуированных из Москвы назад не пускали. Если кто-то проникал в город, ему не выдавали продовольственных карточек. Но все равно еды в городе не хватало. 31 октября продажа по коммерческим ценам прекратилась.

Промышленные товары — ткани, швейные изделия, чулки и носки, обувь, мыло — тоже распределялись по разным категориям работников. К первой относились рабочие, инженеры и служащие оборонных отраслей, ко второй — остальные граждане. Екатерине Фурцевой как партийному работнику было чуть легче, чем остальным москвичам. В каждом районе столицы открыли столовые для руководящих партийных и советских работников, где кормили совсем по другим нормам. На крупных предприятиях появились спецбуфеты для начальства, которые сразу окрестили «ресторанами для комиссаров». Тем не менее в какой-то момент, отчаявшись, напуганная одиночеством и неопределенностью Екатерина Алексеевна была готова избавиться от ребенка. На помощь пришла мать.

«Мама осталась одна, — рассказывала Светлана Петровна Фурцева газете «Совершенно секретно». — Время, сами понимаете, какое было, и она не решилась рожать. Написала бабушке, которая осталась в Вышнем Волочке и всегда имела в семье право решающего голоса. Она и сказала маме: „Ну как это так! Столько лет ждали. Что уж, одного ребенка не воспитаем?“ И приехала в Москву. Так с нами до конца своих дней и осталась».

Матрена Николаевна, оставшаяся в двадцать шесть лет вдовой с двумя маленькими детьми на руках, привыкла рассчитывать только на себя. Она и вырастила внучку — в строгости. Как вспоминала впоследствии Светлана Фурцева, бабушка могла и бельевой веревкой отхлестать.

К Москве стянули максимальное количество средств противовоздушной обороны. К бомбежкам в городе готовились.

«Поступил приказ затемнить окна, — вспоминали москвичи. — Чтобы ни один лучик света не пробивался наружу. В один-два дня все окна крест-накрест были заклеены светлыми

полосками. Москва стала напоминать великана, израненного и заклеенного пластырем. Витрины магазинов оделись в деревянные щиты, и снаружи их заложили мешками с песком…»

Поздно вечером 24 июня служба наблюдения и оповещения приняла советские самолеты, сбившиеся с курса, за бомбардировщики врага. Зенитная артиллерия открыла огонь. Причем зенитчики приняли разрывы собственных снарядов за купола парашютов, то есть им показалось, что немцы еще и десант выбросили… Такое случалось не раз. При стрельбе зенитными снарядами старого образца в воздухе образовывались белые облачка, которые в горячке боя принимали за раскрывшиеся парашюты. Немецких парашютистов боялись смертельно, хотя боевое десантирование командованием вермахта практически не использовалось, сообщения о немецких парашютистах были порождением страха.

Первый массированный налет на столицу произошел через месяц после начала войны, 21 июля. Он начался в десять вечера и продолжался пять часов. В нем участвовало 250 немецких бомбардировщиков. Фурцева, как и другие москвичи, впервые ощутила леденящее дыхание войны.

Генерал-майор Михаил Громадин, командующий Московской зоной противовоздушной обороны, доложил Сталину:

— Десять немецких самолетов сбили истребители на подлете к городу, еще десять подбили огнем зенитной артиллерии и пулеметов.

Сталин остался доволен:

— Двадцать уничтоженных самолетов — это десять процентов от числа участвовавших в налете. Для ночного времени нормально.

Начальник столичного управления НКВД Михаил Иванович Журавлев сообщил наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии, что по предварительным данным в ходе налета немецкой авиации на столицу пострадало 792 человека, разрушено 37 зданий. На площади Белорусского вокзала была повреждена магистральная водопроводная труба. Вода затопила вестибюль станции метро «Белорусская», проникла в машинный зал эскалаторов, прорвалась в торец станции, но воду откачали. Бомба пробила тоннель на перегоне между станциями «Смоленская» и «Арбатская», одновременно разрушилась магистраль городского водопровода и вода хлынула в метро. Людей успели вывести.

Следующей ночью последовал новый налет — 180 немецких самолетов. Сбили четыре. Появление бомбардировщиков в небе столицы означало, что части вермахта неудержимо приближаются

к Москве.

«В одну из ночей самолеты прорвались, — вспоминал один из москвичей. — Это было настолько ужасно, что я даже почти ничего не помню. И ужасны не сами разрывы бомб, а сознание того, что „они прорвались“… У людей появилось какое-то новое выражение лиц. Какая-то жестокость и в то же время отчаяние во взгляде.

С этой ночи началось. Каждый вечер, приблизительно часов в семь, поднимались в небо аэростаты, напоминающие покачивающихся заснувших рыб. В районе десяти часов, когда серость окутывала землю, раздалась воздушная тревога.

По улицам бежали люди, спешащие укрыться в убежища. По небу метались лучи прожекторов, выискивая врага. Воздух заполнял лопающийся звук зениток, страшные разрывы падающих бомб и душераздирающий вой пожарных машин…»

Спасения от налетов искали в метро, где ночью укрывалось двести-триста тысяч москвичей. В шесть вечера, не ожидая сигнала воздушной тревоги, движение поездов прекращалось. Люди уже заранее с вещами собирались у вестибюлей. Беременная Екатерина Алексеевна Фурцева скрывалась от бомбежек вместе со всеми. Постоянные бомбежки изматывали. Это могло сказаться на ребенке.

Пятого сентября 1941 года недавние коллеги Фурцевой по ЦК комсомола обратились в ЦК партии: «Женщины с грудными детьми и больными (коклюш, грипп, корь и др.) размещаются в вагонах поездов. Женщины с детьми до двухлетнего возраста, как правило, размещаются на станционных платформах прямо на мраморном холодном полу. Остальные женщины с детьми размещаются в туннелях…

В туннелях сыро, температура 10–12 градусов. Дезинфекция нар и скамеек не производится, в результате на станциях „Парк культуры и отдыха“, „Красные ворота“ появились вши, клопы, тараканы. Вентиляция на станциях „Смоленская“, „Арбат“, „Коминтерн“ неудовлетворительная, воздух тяжелый и спертый… Уборных на станциях и туннелях недостаточно. Многие уборные находятся в антисанитарном состоянии. Нет питьевой кипяченой воды. В медицинских пунктах нет акушеров, хотя ежедневно в метро имеют место 8–10 случаев родов…»

В 1941 году на станциях столичного метро во время воздушных налетов родилось двести семнадцать детей. В метро навели порядок, условия стали лучше, но укрыться там во время бомбежек могли далеко не все москвичи.

«Воздушных налетов ожидали обычно к ночи, поэтому движение поездов метрополитена прекращалось с 8 часов вечера

до 5 часов 30 минут утра. В половине девятого вечера двери метро открывались для детей и женщин с детьми. С собой можно было проносить одеяло, постельные принадлежности, детское питье. Для детей до двух лет в вагонах поездов ставились кроватки. Работали буфеты, на каждой станции была вода. Остальных в метро пускали лишь после сигнала воздушной тревоги, если оставались свободные места…»

Тем временем в городе шла массовая эвакуация. Сталин исходил из того, что немцы могут прорваться в столицу, поэтому придется эвакуировать правительство и все главные учреждения. Мало кто знал тогда, что он распорядился подготовить к взрыву основные промышленные предприятия и другие важнейшие объекты города. 8 октября вождь подписал особо секретное постановление:

«В связи с создавшейся военной обстановкой Государственный Комитет Обороны постановляет:

Для проведения специальных мероприятий по предприятиям города Москвы и Московской области организовать пятерку в составе:

Заместителя наркома внутренних дел СССР Серова (руководитель);

Начальника Московского управления НКВД Журавлева;

Секретаря МГК ВКП(б) Попова;

Секретаря МК ВКГТ(б) Черноусова;

Начальника Главного военно-инженерного управления Наркомата обороны Котляра».

На следующий же день, 9 октября, руководитель «пятерки» комиссар госбезопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов представил Сталину список из тысячи ста девятнадцати предприятий города и области, которые предполагалось вывести из строя. Предприятия военного значения намеревались взорвать, остальные ликвидировать «путем механической порчи и поджога». 10 октября взрывчатые вещества были доставлены на предприятия, подлежащие уничтожению.

Взрывные команды в ожидании приказа приступили к тренировкам. Главный инженер старейшего в Москве хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» вспоминал: «Мы поджигали шнур и за время его сгорания должны были пробежать определенную дистанцию… Каждому исполнителю полагалось для проведения этой операции по пять секунд на четыре точки… Он должен был выйти из цеха через двадцать секунд, иначе погибнет…»

Уничтожению подлежали не только заводы оборонной

промышленности, но и хлебозаводы, холодильники, мясокомбинаты, вокзалы, трамвайные и троллейбусные парки, мосты, электростанции, а также здания ТАСС, Центрального телеграфа и телефонные станции… Иначе говоря, жизнь в городе должна была стать невозможной.

Сталин предполагал, что если об этом станет известно москвичам, они могут помешать подрывникам. Поэтому саперные работы велись секретно. Практической подготовкой к взрывам занимались московские чекисты под руководством начальника столичного управления НКВД старшего майора госбезопасности Михаила Ивановича Журавлева.

В ночь на 15 октября Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». В последнем пункте говорилось:

«В случае появления войск противника у ворот Москвы, поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)».

К счастью, разрушать город не понадобилось. Столицу отстояли. Но во время битвы за Москву Екатерины Алексеевны в городе не было. Беременную Фурцеву эвакуировали в Куйбышев (Самару), где разместились основные наркоматы и иностранные посольства. Екатерине Алексеевне как уже опытному партийному работнику нашли работу — сделали инструктором одного из райкомов — Молотовского.

Куйбышевское начальство нервничало — ждали приезда самого вождя. Под зданием обкома партии спешно строили бункер для Сталина и сопровождающих его лиц. Сталин не верил, что столицу удастся удержать. Отсюда, из Куйбышева, вождь намеревался вести войну дальше. Все документы, его архив, книги, даже личные вещи уже были эвакуированы.

Светлана Фурцева родилась в Куйбышеве 10 мая 1942 года. Екатерина Алексеевна дала девочке свою фамилию. В Куйбышеве они оставались недолго. В отличие от многих других москвичей, которым до конца войны не позволяли вернуться в город, партийного работника Фурцеву ждали в Москве.

Когда в августе 1942 года Екатерина Алексеевна вернулась в Москву, линия фронта отдалилась от столицы. Фурцеву вновь избрали секретарем парткома института. Поскольку диплом о высшем образовании она уже получила, то ее оформили в аспирантуру. Заниматься наукой и писать диссертацию она не собиралась, секретарь парткома — работа, не оставляющая много свободного времени. Активного молодого работника приметил

первый секретарь Фрунзенского райкома партии Петр Владимирович Богуславский и взял к себе в аппарат. Так началась успешная партийная карьера Фурцевой, которая приведет ее на вершину власти — в президиум ЦК.

Она вернулась в коммунальную квартиру на Красносельской, где все напоминало о муже, о том, как он приехал с фронта и объявил, что уходит из семьи. Развод — это было нечто неприемлемое и для семьи, и для знакомых. Ей трудно было признаться самой себе, что брак рассыпался. Что подумают люди? Она слишком зависела от мнения матери, друзей, сослуживцев.

Принято считать, что женщины более ревнивы, чем мужчины. Думаю, это не так. Когда мужчины ревнуют, они что-то делают. Мужчина может в гневе хлопнуть дверью и уйти, куда глаза глядят. На худой конец напиться. Женщина уходит только тогда, когда ей есть куда уйти. С точки зрения женщины, мужчина может выбирать, мужчина может поступить так, как хочет. Женщина лишена свободы выбора. Оставшись без мужчины и любви, она чувствует себя брошенной и парализованной. Мужчины имеют и больше возможностей утешиться в случае измены любимой женщины, поэтому они трезвее смотрят на жизнь.

Власть мужчины состоит в том, что он может сделать женщину счастливой. Для женщины любовь и дети — главное в жизни. У мужчины есть еще дело — работа, служба… Кроме того, общество по-разному относится к изменам мужчин и женщин. Изменять — это вроде как привилегия мужчин, за это их не очень-то осуждают. У брошенных женщин, да еще с ребенком, возможностей начать все сначала куда меньше.

Крушение брака оставило глубокий шрам на всю жизнь. После разрыва с мужем Екатерина Алексеевна не могла оставаться в прежней квартире. Но теперь у нее как секретаря райкома появилась возможность перебраться в другую — в том доме, где сейчас находится Российское информационное агентство «Новости». Квартиру Екатерина Алексеевна получила рядом с Фрунзенским райкомом партии, где она работала.

Фрунзенский райком размещался на Кропоткинской улице, в здании, где жил когда-то поэт и гусар, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов. Екатерина Алексеевна жила с дочкой, матерью и братом, злоупотреблявшим горячительными напитками. Она заботилась о брате, выручала его. После войны Сергей Алексеевич Фурцев работал заместителем директора Всесоюзного научно-исследовательского института водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии, созданного в Москве в 1934 году.

Петр Битков навещал дочку, но не часто. В семье Фурцевых считалось, что Битков больше внимания уделяет дочери от первого брака. «Мне бабушка в детстве рассказывала, — вспоминала Светлана, — что отец той дочке пианино из Германии привез… Бабушка у нас была очень ревнивая и часто упрекала отца в том, что ребенок растет, а он даже конфетки не принесет».

В ноябре 1942 года Екатерину Алексеевну избрали секретарем Фрунзенского райкома по кадрам. Подчинялась она не только Петру Богуславскому, но и секретарю Московского горкома по кадрам. Им с ноября 1940-го по май 1946 года был Иван Михайлович Соколов.

Екатерина Фурцева вернулась в столичный партийный аппарат, когда там прошла большая (хотя и негласная) чистка. Появились вакансии — и не потому, что многие мужчины ушли на фронт в первые недели войны. Чистка последовала после октября 1941 года. События тех дней сыграли важную роль в карьере Фурцевой, поэтому о них следует рассказать подробно.

Шестнадцатое октября 1941 года вошло в историю как день позора Москвы — тогда власть, думая только о своем спасении, практически бросила город на произвол судьбы. Многие документы, связанные с решающими событиями обороны Москвы, еще не рассекречены.

В стране, как известно, все зависело от Сталина, а Сталин решил, что город не удержать. Обычно он работал до поздней ночи и на следующий день приезжал в Москву, в Кремль часам к двенадцати. В ночь же на 15 октября он, видимо, вообще не спал. 15 октября Сталин собрал политбюро необычно рано. Охранникам пришлось будить остальных членов политбюро. Вождь сказал, что им нужно сегодня же эвакуироваться, а сам он уедет из города утром, 16 октября.

Весть о том, что руководство страны должно покинуть столицу, мгновенно распространилась среди населения. Началось нечто неописуемое. На окраине Москвы слышна была артиллерийская канонада, и чиновники решили, что немцы вот-вот войдут в город. Организованная эвакуация превратилась в повальное бегство. Начальники думали только о собственном спасении, бежали с семьями и личным имуществом и бросали столицу на произвол судьбы.

Жизнь в городе остановилась. Утром 16 октября в Москве впервые не открылось метро. Поступил приказ демонтировать и вывезти все оборудование метрополитена. Трамваи и троллейбусы тоже не вышли на линию. Директора трамвайных депо доложили своему начальству, что к ним прибыли военные

саперы, чтобы заминировать оборудование.

«16 октября, — вспоминал второй секретарь Московского горкома партии Георгий Попов, — мне позвонил Щербаков и предложил поехать с ним в НКВД к Берии. Когда мы вошли в его кабинет в здании на площади Дзержинского, Берия сказал: „Немецкие танки в Одинцове“».

Одинцово — дачное место на расстоянии 25 километров от центра Москвы. Берия и Щербаков уехали к Сталину. Георгию Попову приказали собрать секретарей райкомов партии. Вернувшись, Щербаков объявил:

— Связь с фронтом прервана. Эвакуируйте всех, кто не способен защищать Москву. Продукты из магазинов раздайте населению, чтобы не достались врагу. Всем прекратившим работу выплатить денежное пособие в размере месячного заработка…

За два месяца до этого второй секретарь Московского обкома партии Борис Николаевич Черноусов обратился к заместителю наркома обороны СССР Ефиму Афанасьевичу Щаденко: «Московский Областной Комитет ВКП(б) просит отпустить три тысячи пистолетов иностранного образца с патронами, находящихся на базе № 36 главного артиллерийского управления, для вооружения партийного актива Московской области».

Но в эти октябрьские дни начальство не собиралось отстреливаться до последнего патрона, а действовало по принципу «спасайся, кто может». Многие руководители, загрузив служебные машины вещами и продуктами, пробивались через контрольные пункты или объезжали их и устремлялись на Рязанское и Егорьевское шоссе. Увидев, что начальники грузят свое имущество и бегут, люди поняли, что Москву не сегодня завтра сдадут. Приказ об эвакуации спровоцировал панику. Горожане в страхе бросились на Казанский вокзал и штурмовали уходившие на восток поезда.

«Ранним утром 16 октября, — вспоминали очевидцы, — по бульварному кольцу к Ярославскому шоссе двигалась масса людей, нагруженных скарбом. Некоторые волокли тележки, детские коляски, наполненные вещами. Трамваи были переполнены, кое-кто устроился даже на крышах вагонов. Люди торопились уйти из Москвы…»

Самым тревожным было полное отсутствие информации. Власть, занятая собственным спасением, забыла о своем народе.

«Бодрый старик на улице спрашивает:

— Ну почему никто из них не выступил по радио? Пусть бы сказал хоть что-нибудь… Худо ли, хорошо ли — все равно… А то мы совсем в тумане, и каждый думает по-своему».

Во второй половине дня 16 октября начался хаос в городе. Разбивали витрины магазинов, вскрывали двери складов. Начальник московского управления НКВД старший майор госбезопасности Журавлев докладывал своему начальству:

«16 октября 1941 года во дворе завода „Точизмеритель“ имени Молотова в ожидании зарплаты находилось большое количество рабочих. Увидев автомашины, груженные личными вещами работников Наркомата авиационной промышленности, толпа окружила их и стала растаскивать вещи. Разъяснения находившегося на заводе оперработника Молотовского райотдела НКВД Ныркова рабочих не удовлетворили. Ныркову и директору завода рабочие угрожали расправой…

Группа лиц из числа рабочих завода № 219 (Балашихинский район) напала на проезжавшие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из города Москвы и начала захватывать вещи эвакуированных. Группой было свалено в овраг шесть легковых автомашин. Помощник директора завода, нагрузив автомашину большим количеством продуктов питания, пытался уехать с заводской территории. Однако по пути был задержан и избит рабочими завода…

На Ногинском заводе № 12 группа рабочих напала на ответственных работников одного из главков Наркомата боеприпасов, ехавших из города Москвы по эвакуации, избила их и разграбила вещи».

Масла в огонь подбавила информация о том, что заводы заминированы и могут быть взорваны в любую минуту.

«На заводе № 8 около тысячи рабочих пытались проникнуть во двор. Отдельные лица при этом вели резкую контрреволюционную агитацию и требовали разминировать завод. Отправлявшийся с завода эшелон с семьями эвакуированных разграблен.

В Мытищинском районе толпой задержаны автомашины с эвакуированными семьями горкома партии. Остановлены девять машин. Вещи с машин сняты. Выслана одна рота истребительного батальона. По городу расставлены патрули.

На заводе № 58 со стороны отдельных рабочих имели место выкрики „Бей коммунистов“. Рабочие были впущены в минированные цеха для получения зарплаты. Узнав, что они находятся в минированных цехах, рабочие подняли скандал. Завод получил от Ростокинского райкома ВКП(б) распоряжение продолжить работу, но большинство рабочих в цехах не остались».

Один из очевидцев записал свои горькие наблюдения:

«16 октября 1941 года войдет позорнейшей датой, датой

трусости, растерянности и предательства в историю Москвы… Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись на восток автомобили вчерашних „энтузиастов“ (на словах), груженные никелированными кроватями, кожаными чемоданами, коврами, шкатулками, пузатыми бумажниками и жирным мясом хозяев всего этого барахла…»

Писатель Аркадий Алексеевич Первенцев тоже пытался уехать из города вместе с семьей. Машину остановили, его с женой вытащили из кабины. «Красноармейцы пытались оттеснить толпу, но ничего не получилось, — записал он в дневнике. — Толпа кричала, шумела и приготовилась к расправе. Я знаю нашу русскую толпу. Эти люди, подогретые соответствующими лозунгами 1917 года, растащили имения, убили помещиков, бросили фронт, убили офицеров, разгромили винные склады… Армия, защищавшая шоссе, была беспомощна. Милиция умыла руки. Я видел, как грабили машины, и во мне поднялось огромное чувство ненависти к этой стихии».

Шестнадцатого октября утром, вспоминал один из сотрудников московского партийного аппарата Дмитрий Квок, работавший тогда на заводе «Красный факел», поступило распоряжение: станки разобрать, все, что удастся, уничтожить и вечером уйти из города:

«Москва представляла собой в тот день незавидное зрелище — словно неистовая агония охватила всех и вся — и город, в котором еще не было ни одного вражеского солдата, где никто не стрелял, вдруг решил в одночасье сам покончить с собой, принявшись делать это неистово, отчаянно, хаотично. Толпы, кто в чем, со скарбом, беспорядочно двигались на восток. Появились мародеры, грабившие магазины, банки, сберкассы. Из некоторых окон на проезжую часть выбрасывали сочинения классиков марксизма-ленинизма и другую политическую литературу».

Страх, вспоминали очевидцы, овладел москвичами: «Выходя утром на улицу, они с тревогой всматривались, стоит ли на посту на площади наш советский милиционер или уже немецкий солдат».

Далеко не все москвичи боялись прихода немцев. Историк литературы Эмма Герштейн вспоминала, как собрались друзья и соседи по дому и уговаривали друг друга никуда не бежать:

«Языки развязались, соседка считала, что после ужасов 1937-го уже ничего хуже быть не может. Актриса Малого театра, родом с Волги, красавица с прекрасной русской речью, ее поддержала.

— А каково будет унижение, когда в Москве будут хозяйничать немцы? — сомневаюсь я.

— Ну, так что? Будем унижаться вместе со всей Европой, —

невозмутимо ответила волжанка».

О зверствах фашистов мало что было известно. Не было еще чувства ненависти к врагу. 29 сентября на собрании партийного актива первый секретарь Московского обкома и горкома Александр Щербаков говорил:

— У нас в Москве арестовано немало людей, которых засылают немцы. Особенно используют уголовников, используют бывших кулаков. Одним дают задания по диверсиям, мы таких переловили немало. Но значительной части дают одну установку — идите и расскажите, что мы вас не били, никого не бьем, не режем. Наоборот, вас напоили водкой, накормили, хлеба дали на дорогу. Вот, товарищи, какова механика, ясная, простая и очень коварная. И этой механики многие не видели, не разгадали. И находятся и среди партийных люди, которые наслушаются и говорят: немцы не трогают русских людей… Ничего подобного, товарищи, мерзости творят невероятные! И нет таких преступлений, которых бы не творили в отношении прежде всего коммунистов, в отношении трудящихся.

Но партийная пропаганда в октябре 1941-го действовала слабо. Профессор Леонид Иванович Тимофеев запечатлел приметы тех дней: «По Ленинградскому шоссе проехали три тяжелые пушки. Теперь смотришь на них, как на „осколки разбитого вдребезги“… В очередях и в городе вообще резко враждебное настроение по отношению к старому режиму: предали, бросили, оставили. Уже жгут портреты вождей… Национальный позор велик. Еще нельзя осознать горечь еще одного и грандиозного поражения не строя, конечно, а страны. Опять бездарная власть…»

Аркадий Первенцев записал в дневнике: «В ночь под 16 октября город Москва был накануне падения. Если бы немцы знали, что происходит в Москве, они бы 16 октября взяли город десантом в пятьсот человек. Сотни тысяч распущенных рабочих, нередко оставленных без копейки денег сбежавшими директорами, сотни тысяч жен рабочих и их детей, оборванных и нищих, были тем взрывным элементом, который мог уничтожить Москву раньше, чем первый танк противника прорвался бы к заставе. Да, Москва находилась на пути восстания! И 16 октября ни один голос не призвал народ к порядку».

Вечером 16-го и весь день 17 октября во многих дворах рвали и жгли труды Ленина, Маркса и Сталина, выбрасывали портреты и бюсты вождя в мусор. Областное управление НКВД докладывало: «17 октября в Бронницком районе в деревнях Никулино и Торопово на некоторых домах колхозников в 14 часов были вывешены белые флаги. На место послан оперативный

работник. В деревнях Петровское, Никулино, Свободино и Зеленое наблюдаются попытки отдельных колхозников разобрать колхозный скот, подготовленный к эвакуации».

Вот еще свидетельства тех дней: «Кругом летали, разносимые ветром, клочья рваных документов и марксистских политических брошюр. В женских парикмахерских не хватало места для клиенток, „дамы“ выстраивали очередь на тротуарах. Немцы идут — надо прически делать».

«Только один раз за весь этот страшный отрезок времени у меня полились слезы, и я зарыдала от злости. Я встретила полотера, который когда-то натирал у нас полы. Он спешил со всей своей полотерной снастью, когда мы столкнулись с ним нос к носу. Я спросила его, уж не натирать ли полы он спешит?

— А как же… Сейчас самые заработки. Немцев ждут. Готовятся.

— Кто это ждет немцев? Да что это за люди?

— А может, они всю жизнь этого ждали…

— А вы что же?

— А мне что? Деньги платят, и хорошо…

Увидев мое лицо, полотер понесся дальше, и не успела я опомниться, как он исчез за углом. То, что есть в Москве такие люди, вернее нелюди, которые собираются встречать немцев, повергло меня в ужас.

Придя домой, я дала волю слезам. В это страшное время из всех щелей вылезли какие-то мерзкие твари. Те, которые могли спокойно смотреть на голодного ребенка. Те, которые спокойно зарабатывали на смерти и несчастье ближнего. Всколыхнулась всякая дрянь, которая осела где-то глубоко на дне…»

Профессор Леонид Тимофеев записал в дневнике: «По улицам все время идут люди с мешками за спиной. Рассказы о невероятной неразберихе на фронте. Очевидно, что все кончается. Судя по газетам, даже начался распад армии, дезертирство, бегство. Говорят, что на заводах почти не работают. Когда заводы минировали, были столкновения рабочих с саперами. Народ озлоблен, чувствует себя преданным и драться за убеждения не будет. Разгром, должно быть, такой, что подыматься будет трудно. Думать, что где-то сумеют организовать сопротивление, не приходится. Таким образом, мир, должно быть, станет единым под эгидой Гитлера…»

Молодая женщина, муж которой сгорел в танке под Смоленском, решила идти на фронт. Она написала заявление. Ее вызвали в ЦК комсомола и направили в Рязанское пехотное училище. Вот что она увидела возле здания Московского университета 16 октября: «Возле памятника Ломоносову полыхал

огромный костер, в который из окон библиотеки летели тома Ленина, Сталина, куча других книг. В ужасе я отправилась в райком комсомола, зашла к одному из секретарей, который тоже жег какие-то бумаги.

— Что мне делать? — спросила я.

— Немедленно уезжать!

Кругом кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что „капитаны первыми сбежали с кораблей“, да еще прихватили с собой ценности. Начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверенность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славословия…

Неужели может держаться город, у которого такое настроение? В очередях драки, душат старух, давят в магазинах, бандитствует молодежь, а милиционеры по двое — четверо слоняются по тротуарам и покуривают:

— Нет инструкций».

Профессор Леонид Тимофеев отмечал в дневнике: «Настроение подавленное и критическое. Киев, говорят, наутро после вступления немцев уже имел правительство, в котором оказались и члены Верховного Совета. Вероятно, то же будет и в Москве… Говорят о либерализме немцев в занятых областях. В украинском правительстве профессор Филатов и артист Донец. Говорят, что во главе московского правительства значится профессор Ильин, знакомый москвичам и в свое время высланный в Германию… Меня некоторые знакомые пугали, что если я останусь, то должен буду войти в правительство — это нелепая идея».

В Москве не топили, обещали начать отопительный сезон с 15 декабря. Закрылись поликлиники и аптеки.

«Уже ни один телефон не работал, — записал в дневнике писатель Аркадий Первенцев. — Позвонили в ЦК партии. Ни один телефон не отвечал. Только телефонистки, несмотря на грядущую опасность, оставались на местах. Они не имели собственных или государственных автомобилей. Они не имели права покинуть посты. Только важные лица сбежали».

В учреждениях отделы кадров жгли архивы, уничтожали личные документы сотрудников и телефонные справочники.

«На улице холодно, ветрено, мокрые хлопья снега, пронизывающая сырость. Что-то сжигают, да так спешно, что полуобгоревшие листы бумаги вылетают из труб, лежат на асфальте… Решили уничтожить все бумаги, относящиеся к

электричеству. И все служащие старательно жгли и рвали карточки абонентов. В Москве 940 тысяч счетчиков, на каждый имеется несколько картонных карточек с указанием сумм, подлежащих уплате, фамилии и адреса.

Если бы эти документы и достались немцам, они им ничего не сказали бы секретного! Но все же это все разорвано, причем у рвавших руки были в мозолях, а собрать потом плату за сентябрь, октябрь и начало ноября оказалось невозможно, так как неизвестны показатели счетчиков, записанные в последний раз и уничтоженные».

Когда Екатерина Фурцева вернется в столицу и ей все это начнут рассказывать — за плотно закрытыми дверями кабинетов, самой поразительной окажется история о том, как потеряли действительно секретные документы, которые никак не должны были попасть в руки врага. Секретариат горкома и обкома партии распорядился вывезти их из Москвы:

«Эвакуации подлежат все учетные карточки членов и кандидатов в члены ВКП(б), книги регистрации учетных карточек, книги учета и выдачи партийных билетов и кандидатских карточек, протоколы заседаний бюро, пленумов горкомов, райкомов, МК и МГК ВКП(б), протоколы районных партийных собраний и собраний партактива, документы секретной переписки и учетные карточки членов ВЛКСМ».

Отдельным постановлением распорядились эвакуировать личные дела на номенклатурных работников. Остальные документы партийного архива — сжечь. И что же? Некоторые сотрудники обкома и горкома партии убежали из столицы и 17 октября вечером были уже в безопасности, в Горьком. Свой багаж они прихватили с собой, а казенный потеряли.

На следующий день, 18 октября, заместитель наркома внутренних дел Иван Серов доложил Берии: «Сегодня, в 15 часов, при обходе тоннеля Курского вокзала работниками железнодорожного отдела милиции было обнаружено тринадцать мест бесхозяйственного багажа. При вскрытии багажа оказалось, что там находятся секретные пакеты МК ВКП(б), партийные документы: партбилеты и учетные карточки, личные карточки на руководящих работников МК, МГК, облисполкома и областного управления НКВД, а также на секретарей райкомов города Москвы и Московской области».

Иначе говоря, перепуганные насмерть сотрудники московского партаппарата, спасая свою шкуру, бросили на Курском вокзале самые секретные материалы. Если бы немцы вошли в город и эти ящики попали в руки гестапо, все оставшиеся в городе видные члены партии были бы обречены на

уничтожение.

Трусость союзного и городского начальства поражала. В тот же день, 18 октября, начальник московской милиции Виктор Николаевич Романченко доложил заместителю наркома Серову: «Распоряжением Московского комитета ВКП(б) и Московского Совета о расчете рабочих предприятий, кои подлежат уничтожению, и об эвакуации партийного актива жизнь города Москвы в настоящее время дезорганизована… Районные комитеты партии и райсоветы растерялись и фактически самоустранились от управления районом… Считаю необходимым предложить горкому партии временно прекратить эвакуацию партийного актива».

Чекисты сообщали, что партийные чиновники драпанули и бросили город на произвол судьбы. Аппаратчики считали, что чекисты к ним несправедливы. Московские руководители валили вину друг на друга.

Фурцева имела возможность прочитать стенограмму выступления Щербакова на партактиве: «Мы отстранили от работы секретаря Москворецкого райкома Твердовского. Это типичный пример того, как человек растерялся, в первый день растерялся. Как только началась война, у него морда дергается, губы дрожат, распустился. Придет в аппарат, посмотрят на него, от одного вида тошно станет. Мы ждать не стали, вышибли, потому что загубит такой, один вид людей в уныние приводит. Раскис, никакой это не руководитель. Еще одного секретаря заменили — Ходорова. Нельзя сказать, что он растерялся или что-нибудь в этом духе, но повел себя недостойно. Во время бомбежки с какими-то девчонками путались, занимались совсем не теми делами, какими надо заниматься в военное время».

Второй секретарь горкома партии Георгий Попов возлагал вину на хозяина города Александра Щербакова: «Я поехал в Московский комитет партии. Там было безлюдно. Навстречу мне шла в слезах буфетчица Оля, которая обычно приносила нам чай с бутербродами. Я спросил ее, где люди. Она ответила, что все уехали.

Я вошел в кабинет Щербакова и задал ему вопрос, почему нет работников на своих местах. Он ответил, что надо было спасать актив. Людей отвезли в Горький. Я поразился такому ответу и спросил: а кто же будет защищать Москву?

Мы стояли друг против друга — разные люди, с разными взглядами. В тот момент я понял, что Щербаков был трусливым по характеру».

Сотрудники городского партийного аппарата понимали, что Георгий Попов недолюбливает своего руководителя. Но ни

Фурцева, ни ее коллеги-секретари не знали, что было тому причиной. Позже Никита Сергеевич Хрущев рассказал, что назначили Попова в Московский комитет, вторым человеком к Щербакову, с дальним прицелом.

«Сталин, — вспоминал Хрущев, — дал мне и Маленкову поручение:

— Вы подберите вторым секретарем такого человека, который следил бы за Щербаковым и в случае чего доложил бы нам.

Потом Щербаков так повернул дела, что, будучи подхалимом и цепным псом, стал грызть людей и буквально на спинах своих жертв выдвигался, завоевывая себе авторитет у Сталина».

Но не один Щербаков виновен в октябрьских событиях. Опозорилось начальство всех рангов. Вот секретная справка горкома партии, которую потом прочитает Екатерина Алексеевна:

«Из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников. Бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено наличными деньгами за эти дни 1 484 000 рублей, а ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей. Угнано сотни легковых и грузовых автомобилей».

Заведующий организационно-инструкторским отделом горкома партии представил Щербакову записку: «О фактах уничтожения партийных билетов 16–17 октября сорок первого в Москве»: «Уничтожение партийных документов имело место не только в прифронтовых районах… Всего выявлен 1551 случай уничтожения коммунистами своих партийных документов. Большинство коммунистов уничтожили партдокументы вследствие трусости в связи с приближением фронта».

Страх охватил даже аппарат Центрального комитета партии. Заместитель начальника Первого отдела НКВД старший майор госбезопасности Шадрин (отвечавший за охрану руководителей партии и правительства) доложил заместителю наркома внутренних дел Всеволоду Меркулову, что чекисты обнаружили в брошенном здании ЦК:

«Ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было. Все хозяйство оставлено без всякого присмотра.

Оставлено больше сотни пишущих машинок разных систем, 128 пар валенок, тулупы, 22 мешка с обувью и носильными вещами, несколько тонн мяса, картофеля, несколько бочек сельдей, мяса и других продуктов.

В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП(б) и другие документы. Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен. В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов…»

Начальники бежали из Москвы, считая, что война проиграна. Поразительно, какими трусливыми они все оказались. Бежали, даже не видя врага, те самые люди, которые других призывали умирать на поле боя!

Профессор Леонид Тимофеев записал в дневнике: «Начались суды и расстрелы над бежавшими. Владимирское шоссе закрыто для частного транспорта. Снова поднимают на крыши зенитки, на бульвары вернулись аэростаты, которые, было, увезли. Все это знак того, что Москву хотели оставить, а потом раздумали. Интересно, узнаем ли мы, в чем дело. В эти дни всюду сожгли архивы, на горе будущим историкам».

А вот запись из дневника выдающегося ученого академика Владимира Ивановича Вернадского, потрясенного паникой в Москве: «Ясно для всех выступает причина — бездарность центральной власти, с одной стороны, и власть партийных коммунистов-бюрократов, столь хорошо нам известная на каждом шагу, с другой. Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. В тюрьмах, ссылке, и казнены лучшие люди страны. Это сейчас сказывается катастрофически. Цвет страны заслонен дельцами и лакеями-карьеристами…»

Александр Щербаков по радио обратился к москвичам: «Под давлением вражеских войск, прорвавших на одном из участков фронта нашу оборону, части Красной армии отошли на оборонительный рубеж ближе к Москве. Над Москвой нависла угроза. Но за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови… Самым опасным является паника, чего допустить нельзя… Сохраняйте выдержку и дисциплину! Обеспечивайте порядок! Московские организации обязали всех руководителей торговых предприятий, городского транспорта, коммунальных и лечебных учреждений обеспечивать нормальную работу в городе. Директора и руководители предприятий и учреждений обязаны обеспечить твердый порядок… Товарищи, будьте бдительны! Провокаторы будут пытаться сеять панику. Не верьте слухам! Разоблачайте и задерживайте шпионов и провокаторов!»

Свое обращение Щербаков закончил словами: «Да здравствует Сталин!»

Этих слов в подготовленном для него тексте не было. Здравицу вождю он дописал сам карандашом.

В тот же день, 17 октября, Щербаков санкционировал решение секретариата горкома, написанное в спешке и потому не очень грамотное:

«За неустойчивость в условиях, когда советский народ ведет борьбу с гитлеровцами и которая представляет опасность для партии:

а) Дашко И. И. снять с поста первого секретаря Коминтерновского РК ВКП(б) и исключить из партии;

б) снять с поста первого секретаря Ленинградского РК ВКП(б) Коростылева А. В. и исключить из партии».

21 октября бюро Московского обкома постановило:

«За дезертирство со своих постов в момент угрозы захвата района немецкими фашистами снять с работы и исключить из партии секретаря Шаховского РК ВКП(б) Мухина М. В. и председателя исполкома райсовета Родионова В. Е.

Глебова А. С. за преступление, выразившееся в том, что он важнейшие партийные документы, порученные ему для доставки по назначению, бросил и сам убежал — с работы заместителя заведующего оргинструкторского отдела МК ВКП(б) снять, исключить из партии и дело передать в военный трибунал…

За трусость и дезертирство со своих постов в момент захвата района немецкими фашистами секретаря Малоярославецкого РК ВКП(б) Денисова М. Ф. и председателя исполкома райсовета Панченко А. С. с работы снять, исключить из партии и предать суду военного трибунала».

Все эти документы Екатерина Фурцева прочитает уже после возвращения из эвакуации. Это объяснит ей, куда делись знакомые лица и почему в коридорах горкома и обкома на Старой площади так много новых людей.

До начала контрнаступления советских войск под Москвой жить и работать в городе было по-прежнему опасно. Никто не был застрахован от вражеских бомб. 28 октября 1941 года бомбы попали в Кремль и в здание Центрального комитета партии на Старой площади. Взрывной волной было разрушено здание обкома и горкома партии. В кабинете Щербакова в тот день проходило совещание. Командующий Московской зоной обороны генерал Павел Артемьев докладывал план обороны Москвы. «В тот момент, когда Артемьев твердо и уверенно заявил, что Москва с воздуха прикрыта надежно, раздался огромной силы взрыв, — вспоминал член военного совета Московского военного

округа и Московской зоны обороны генерал Константин Телегин. — Все здание задрожало и, казалось, вот-вот рухнет. Град осколков стекла и кусков штукатурки обрушился на присутствующих, погас свет, листы доклада и записей разметало. Щербакова контузило. Без посторонней помощи он не мог подняться».

Георгий Попов, присутствовавший на этом совещании, рассказывал: «Нас спасло то, что мы находились около мощной прямоугольной колонны. На полу валялись мелкие осколки оконных стекол и куски штукатурки с потолка. Мы спустились через запасную лестницу и вышли в проезд между зданиями МК и ЦК партии. Здание ЦК было охвачено пламенем. Пожар продолжался трое суток… Погибли десять человек, пятеро в здании ЦК партии и пятеро в горкоме партии…»

Когда Фурцева вернулась из Куйбышева в Москву, опасность для города уже миновала. Струсивших, плохо проявивших себя убирали с видных должностей, в партийном аппарате происходили серьезные кадровые перемены. Вот почему Екатерина Алексеевна стала секретарем райкома столицы, перешагнув сразу через несколько ступеней служебной лестницы.

Возможно, успешно начавшаяся партийная карьера помогла Екатерине Алексеевне справиться с личной драмой. У Фурцевой сложились особые отношения с первым секретарем Фрунзенского райкома Богуславским. Он руководил райкомом с 1940 года. Говорят, Петр Владимирович ценил не только ее деловые, но и женские достоинства, что не удивительно: молодая Фурцева была очень хороша — яркая, стройная, с бурным темпераментом. Во всяком случае Богуславскому Екатерина Алексеевна многим обязана. Он сделал ее в 1945 году вторым секретарем райкома. Они повсюду бывали вместе.

Тогда еще не было понятия «деловая женщина», но правило — никогда не заводить романов на работе — уже действовало. Трудно обсуждать то, что произошло между Петром Владимировичем и Екатериной Алексеевной. Они сами не рассказывали. Это не та история, которой делятся даже с доверенными людьми.

Почему они сблизились? Мы можем только предположить. Служебные романы похожи один на другой как две капли воды…

Никто не пытался завоевать ее так, как он. Многому ее научил. Ей льстили особые отношения. У них оказалось много общего. Он не мог обсуждать свою работу с женой, а с ней мог. Но едва ли такой роман может долго устраивать женщину. Идут годы, а он не собирается уходить от жены. Мужчина счастлив

иметь и жену, и любовницу. А женщине нужна настоящая семья. Так что, как правило, служебные романы заканчиваются, как только мужчина и женщина перестают работать вместе…

Что представлял собой Фрунзенский райком партии в те годы, когда в нем работала Екатерина Алексеевна? Состав районного комитета (35–40 человек) избирался на районной конференции. Члены райкома, в свою очередь, на пленуме избирали бюро РК и трех секретарей. Каждый месяц утверждался план проведения пленумов, собраний партийного актива, заседаний бюро. Райком партии отвечал за все, что происходило на территории района: от положения дел на предприятиях и уровня преступности — до состояния тротуаров и дорог, работы магазинов и поликлиник. Впрочем, хозяйственной работой непосредственно занимался райисполком, за его работой следил первый секретарь райкома Петр Богуславский.

Аппарат райкома состоял из отделов — организационного, пропаганды и агитации, промышленности, военного, а также из особого и финансово-хозяйственного секторов и бухгалтерии. Разрешалось иметь семь-восемь технических работников. Богуславскому полагался помощник. В приемной первого секретаря велось круглосуточное дежурство, как в рабочие, так и в выходные и праздничные дни.

Орготдел, в котором работали тринадцать-пятнадцать инструкторов, контролировал партийные организации района. Сектор учета кадров ведал подбором номенклатурных работников — то есть тех, кто назначался и смещался с должности по решению райкома. Сначала кадровый вопрос обговаривался, как правило, с Фурцевой, потом оформлялся решением бюро. Список номенклатурных работников утверждался на бюро. На каждого из них заводилось личное дело, в котором хранились справки-объективки, характеристики с места работы, отзывы товарищей по работе, рекомендации и т. д.

В те времена (до лета 1955 года!) в анкетах еще существовали вопросы о службе в царской армии, об участии в оппозициях, службе в полиции и белой армии. Во всех анкетах обязательно был вопрос: находились ли вы или ваши ближайшие родственники на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны?..

В личное дело инструктор подшивал копии решений о назначении, снятии с должности и вынесении взысканий. ЦК периодически выражал недовольство тем, что «в приказах, постановлениях и учетно-кадровых документах не указываются истинные причины и основания увольнения или перемещения работников». Высшее партийное руководство требовало «раз и

навсегда прекратить порочную практику назначения на руководящую и материально ответственную работу проворовавшихся на прежней работе людей, повести решительную борьбу с семейственностью, круговой порукой, угодничеством и подхалимством». Но сотрудники райкома в решениях предпочитали ограничиваться обтекаемыми формулами.

Екатерина Фурцева отвечала и за работу сектора учета, ведавшего партийными документами (это учетные карточки членов партии и бланки партийных документов, то есть партбилеты и кандидатские карточки). Орготдел занимался и приемом в партию. В отдел из партийной организации района поступали документы кандидата в члены ВКП(б). Курирующий парторганизацию инструктор готовил документы для заседания бюро. Если бюро голосовало «за», на нового члена партии заводили учетную и контрольную карточки (краткие биографические данные, дата приема в партию и трудовая деятельность). Учетная карточка хранилась в райкоме, контрольная отправлялась в ЦК, в сектор единого партбилета. Если член партии переходил на работу в другой район, туда же пересылали и его учетную карточку.

«ЦК партии сознательно ограничил прием интеллигенции в партию, — писал руководитель отдела пропаганды ЦК КПСС Георгий Лукич Смирнов. — Действовала жесткая установка: принимать в партию рабочих и колхозников. Соответствующие цифры-задания доводились до обкомов и райкомов партии. В соответствии с ними первичные организации получали разнарядку на определенное количество анкет для желающих вступить в партию… В результате сотни и тысячи заявлений о приеме в партию от преподавателей, учителей, журналистов, ученых годами оставались не рассмотренными… Но орготдел стоял как стена, а первые секретари обкомов и крайкомов привыкли видеть в орготделах высшую инстанцию партийной мудрости».

Отдел пропаганды (восемь-девять инструкторов) проводил агитационные кампании в районе, ведал партийной учебой, подготовкой и переподготовкой пропагандистов и агитаторов. Промышленный отдел (пять инструкторов) обязан был следить за тем, чтобы предприятия района выполняли государственный план, а хозяйственные руководители неукоснительно исполняли свои обязанности и соответствовали морально-политическому облику директора-коммуниста.

В особом секторе райкома хранились решения бюро и документы, поступавшие из городского комитета или ЦК.

Финансово-хозяйственный сектор контролировал уплату первичными организациями партийных взносов и платил зарплату освобожденным партработникам. Два раз в неделю по три часа в райкоме принимал население один из секретарей, Петр Богуславский — раз в месяц.

Военный отдел состоял всего из одного человека. Формально он должен был следить за работой правоохранительных органов на территории района. Но правом контроля за милиционерами или тем более за чекистами даже первый секретарь райкома Богуславский не был наделен. Это входило в компетенцию соответствующих наркоматов и ЦК партии. Но у первого секретаря было право особого рода. В соответствии с постановлением Совнаркома и ЦК от 1 декабря 1938 года «О порядке согласования арестов» задержание членов и кандидатов ВКП(б) требовало санкции первого секретаря райкома (а в его отсутствие второго). Партийные секретари, как правило, не препятствовали действиям Наркомата внутренних дел или госбезопасности, но формально могли возразить.

Бдительности во время войны придавалось особое значение. По городу ходили невероятные слухи о шпионах, которые наводят вражеские самолеты на город. Врач скорой помощи Александр Григорьевич Дрейцер записал в дневнике: «Один из старших врачей рассказал интересный случай. На Моховой, в верхнем этаже, жила глухая и подслеповатая старушка лет семидесяти пяти. Никак не могла усвоить правил светомаскировки. По вечерам всегда зажигала свет. Ни управдом, ни милиция не могли сладить с глухой. Поздно вечером во время воздушной тревоги в ее окне снова появился свет. Выстрел в окно. Шальная пуля, или часовой для острастки выстрелил. Пуля попала в голову старушке. Старушка мертва. Везут в приемный покой. Раздели. Под гримом „старушки“ оказался сорокалетний мужчина».

История — совершенно невероятная. Если бы немецкой разведке удалось внедрить в Москве такого ценного агента, глупо было бы использовать его для нарушения светомаскировки при авианалетах. Немецкие бомбардировщики сбрасывали свой груз с большой высоты, и одно-единственное освещенное окно летчики просто не заметили бы.

От райкомов требовали мобилизовывать население на борьбу с внутренним врагом, помогать органам выявлять шпионов и антисоветчиков. Так, 4 ноября 1941 года комендант Москвы генерал-майор Кузьма Романович Синилов докладывал наркому внутренних дел Берии: «В городе проживает много враждебного, антисоветского элемента, деятельность которого все больше активизируется по мере приближения фашистской армии к

столице. За период с 20 октября по 2 ноября 1941 года расстреляно на месте — 7 человек, расстреляно по приговорам Военных трибуналов — 98 человек. Осуждено к тюремному заключению на разные сроки — 602 человека.

Ежедневно получаются анонимные контрреволюционные письма. Имели место случаи разбрасывания и расклеивания по городу такого же содержания листовок. Все это свидетельствует о нахождении в городе разрозненных и, может быть, организованных враждебных сил».

На партийном собрании столичной комендатуры с докладом выступал заместитель коменданта Москвы по политической части бригадный комиссар Федор Гаврилович Филинов: «Есть у нас сигналы о том, что в связи с некоторой активизацией наступления немцев кое-кто уже начинает психовать из населения. Мы должны правильно построить взаимоотношение с местными партийными, советскими организациями и общественностью, которые могут дать тот или иной сигнал. Там, где это хорошо поставлено, мы имеем такие заявления граждан в райкомендатуру. Мать родная заявила на сына, что он дезертир. Брат о брате сообщает. Сосед о соседе и вообще информируют о положении дел в их доме и дворе. Это и есть не что иное, как величайшее патриотическое чувство…»

Совершенно фантастическую историю поведал Александр Сергеевич Щербаков на пленуме горкома:

— В Кашире, в одной из деревень, обнаружена кладовщица, незаметная, казалось бы, серая, замызганная личность. Но оказалось, она фашистская шпионка. Оказалось, что она знает даже не один язык, а несколько, чего нельзя было подозревать. Если такие люди могут быть обнаружены где-то в деревне, под Каширой, то, конечно, в еще большей степени они могут быть обнаружены здесь, в Москве…

Чем могла в глухой деревне заниматься немецкая шпионка, Щербаков не объяснил. Статьи в прессе о шпионах и диверсантах были нацелены на усиление бдительности, а в реальности способствовали слухам и панике. Иногда расстреливали невинных людей, приняв их за диверсантов.

Врач московской скорой помощи Дрейцер записал в дневнике: «Двенадцать часов ночи. Тихо. Пьем чай. Коллега рассказывает, как его друг, старый артист, обнаружил шпиона. Человек этот отмеривал шагами расстояние от подстанции метро до углов улиц. Проделал он это несколько раз. Артист с помощью милиции его задержал и привел в комендатуру, где шпиона разоблачили».

Еще 6 июля 1941 года вышел указ президиума Верховного

Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Виновные карались тюремным заключением на срок от двух до пяти лет, «если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания». А уже 15 июля второму секретарю Московского обкома Борису Черноусову было доложено: «В отдельных районах области крайне медленно реализуется Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения. В Шатурском районе из двадцати трех дел, поступивших в управление госбезопасности на нарушителей Указа от 6 июля, привлечено к ответственности только шесть человек…»

Населению было приказано сдать все радиоприемники. Исключение сделали только для чекистов и милиционеров. Но партийный аппарат сигнализировал об отсутствии бдительности в самих карательных органах: «Отдельные работники милиции организуют слушание немецких радиопередач. Оперуполномоченный районного отделения УНКВД Звенигородского района тов. Евтеев организовал слушание радиопередач немецких радиостанций, где присутствовали беспартийные сотрудники и после рассказывали содержание передач другим сотрудникам. Парторганизация райотдела УНКВД либерально подошла к обсуждению поведения члена ВКП(б) Евтеева, ограничившись объявлением ему выговора с выводом из состава партбюро…»

Враждебным слухом можно было назвать любые слова о бедственном положении на фронте, любое неодобрительное слово о командовании армии и тем более о партийном руководстве. Арестовали известного киноактера Бориса Федоровича Андреева. Его обвинили в том, что во время налета на Москву немецкой авиации он вел «контрреволюционную агитацию» и высказывал «террористические намерения». Борису Андрееву повезло — через несколько дней его отпустили. Видимо, Сталин к нему хорошо относился.

Будущего известного актера Петра Сергеевича Вельяминова арестовали за участие в мифической антисоветской организации «Возрождение России». Знакомый отца девушки, с которой он дружил, не сдал радиоприемник и слушал немецкие радиопередачи. Всех, с кем этот человек был связан, арестовали. Вельяминову было шестнадцать лет. Он провел в ГУЛАГе девять лет. Вышел на свободу в 1952 году. Учиться его не брали. Но разрешили поступить в местный театр. Так началась его актерская карьера. Заявление о реабилитации он рискнул подать

только в 1984 году. Получил справку, и ему сразу же присвоили звание народного артиста России…

На пленуме горкома Александр Щербаков сообщил, что органы НКВД обнаружили «антисоветскую группу» в топливно-энергическом управлении Моссовета:

— Эта группа собиралась для контрреволюционных разговоров, рассказывали контрреволюционные анекдоты. На этой стадии их и застукали. Можно себе представить, что бы они делали дальше, когда бы они перешли к другим стадиям. Целое важнейшее управление оказалось в руках этих мерзавцев! Нужно беспощадно разоблачать врагов.

В реальности люди возмущались трусливой и негодной властью, допустившей немцев к Москве. Москвичи как раз проявили редкое мужество, оказались смелее своих начальников.

Екатерина Фурцева отвечала за школы, за работу с детьми, за летний отдых школьников. К тому же Фрунзенский район взял на себя шефство над подмосковной Истрой, которая оказалась фронтовым городом. Ни один город в Подмосковье не пострадал так сильно, как Истра. Отступая, немцы его сожгли. Богуславский и Фурцева отправили туда строителей, которые восстановили и оборудовали больницу, затем школу.

Секретарь горкома и обкома комсомола Николай Прокофьевич Красавченко обратился к партийному руководству столицы с предложениеи провести месячник по подготовке детских домов к зиме: «В городе Москве и Московской области имеется 140 детских домов, в которых воспитываются 14 200 детей… Особенно напряженное положение в большинстве детских домов с обеспечением топливом. Зимняя обувь и одежда для воспитанников детдомов имеется в недостаточном количестве, причем ввиду плохого качества установленный срок носки, как правило, не выдерживается. Для преодоления всех этих трудностей детским домам необходима широкая помощь…» В пример Николай Красавченко привел успешную работу Фрунзенского района: «Во Фрунзенском районе г. Москвы созданы бригады для ремонта детского дома, на предприятиях района организована починка и реставрация мебели (175 табуреток, 50 стульев, шкафов), изготовляется посуда (1600 столовых и чайных ложек, 200 тарелок, кухонная посуда и т. д.) …»

Каждую весну, перед летними каникулами, под председательством Фурцевой создавали районную лагерную комиссию. На заседания вызывали директоров предприятий, которые отчитывались о состоянии пионерских лагерей, о готовности их принять детей на отдых. Комиссия же утверждала

начальников лагерей и их заместителей по воспитательной работе. Старших пионервожатых подбирал райком комсомола. Екатерина Алексеевна занималась и подготовкой школ к новому учебному году. Как второй секретарь отвечала и за жилищное строительство на территории района.

А положение с жильем в городе было отчаянным. После войны в столице создавались все новые ведомства, растущий аппарат требовал квартир, которых катастрофически не хватало. 4 марта 1946 года заведующий отделом городского хозяйства МГК Василий Михайлович Майоров отправил справку первому секретарю Георгию Попову — о неудовлетворительном состоянии дома 62 по улице Усачева и злоупотреблениях при распределении жилой площади:

«За последнее время от жильцов дома № 62 по улице Усачева, принадлежащего Московскому авиационно-технологическому институту наркомата авиационной промышленности, систематически поступают жалобы в ЦК ВКП(б), МГК ВКП(б) и Моссовет на бесхозяйственное содержание дома и незаконное разбазаривание жилой площади. В своих заявлениях жильцы сообщают, что в настоящее время институт производит массовое вселение в дом граждан, которые не имеют на это право.

В течение ряда лет институт совершенно не уделяет внимания нормальной эксплуатации дома, в результате чего дом как следует не отапливается, канализация в неисправном состоянии, электроосвещение нормально не работает, и все жители этого дома поставлены в крайне тяжелые жилищные условия… Температура в комнатах не превышает 5–7 градусов… На всех этажах в главном корпусе вместо двух уборных на 22 квартиры оставили по одной… Уборные находятся в антисанитарном состоянии и без резиновой обуви пользоваться ими невозможно… В силу того, что дом фактически не отапливается, электроэнергия расходуется варварски, во всех кухнях горят по 6–8 плиток, в комнатах установлены самодельные двух-трехкиловаттные печи…

Вместо наведения порядка в доме и создания жильцам нормальных бытовых условий руководство института без ведома Фрунзенского райисполкома и Моссовета втихомолку занялось незаконным переоборудованием помещения детского сада и бывшей столовой под индивидуальные квартиры для руководства института… Вместо прекращения работ по указанию Моссовета и Фрунзенского райисполкома директор института т. Попов и его заместитель т. Гордополов спешно организовали круглосуточные работы и дали указание начальнику ЖКО т. Корсик не пускать в дом представителей Моссовета, райисполкома и МГК ВКП(б)…

Дирекция института всех студентов переселила в общежития за город (станция Салтыковка), а жилые комнаты на улице Усачева раздает „руководящему“ персоналу и работникам ОРСа. Например, заместитель директора института т. Гордополов имеет квартиру из двух комнат 30 кв. м на площади Свердлова, дом № 2/4, кв. 13, кроме того, отделывает себе квартиру по улице Усачева, дом № 62, и подал заявление в 107-е отделение милиции на прописку его вместе с дочерью, оставив жену с другим ребенком в ранее занимаемой квартире…

Партбюро института, зная об этих безобразиях, никаких мер не принимает. Отдел городского хозяйства МГК ВКП(б) считает необходимым обсудить данный вопрос на бюро МГК ВКП(б)».

Екатерина Фурцева немедленно исправила отмеченные недостатки и доложила в горком.

Глава третья
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Выжить в аппаратной среде и продвинуться по карьерной лестнице женщине в те годы было очень непросто. Иерархия чинов была нерушима, как в армии. Начальники, конечно, бывали разные. Но мало кто терпел самостоятельных подчиненных. Как правило, попытки высказать собственное мнение пресекались. Более всего ценились дисциплина и послушание, умение угадать, чего желает непосредственный начальник.

Писатель Андрей Платонов отмечал, что не всякое угодливое слово нравится вождям. Надо, чтобы это лакейское слово было сказано вовремя. Не годится, если оно произнесено с опозданием, и оно часто вызывает гнев, если высказано до срока, — начальство терпеть не может «забегальщиков».

Екатерина Алексеевна Фурцева быстро усвоила основные правила достижения успеха в партийном аппарате и выдвинулась на первые роли. Поручил Фурцевой самостоятельную работу новый руководитель Москвы Георгий Михайлович Попов. Он пользовался правом назначать первых секретарей райкомов партии, задним числом получая формальное одобрение оргбюро ЦК. Попов был грубым и малограмотным человеком; подбирая себе команду, предпочитал людей хватких и напористых. Эти качества он оценил и в Фурцевой.

Георгий Попов стал хозяином столицы после кончины первого секретаря МК и МГК ВКП(б) Александра Сергеевича Щербакова, одного из немногих молодых руководителей страны. Перед войной Сталин сделал Щербакова секретарем ЦК, членом оргбюро и кандидатом в члены политбюро. Кроме того, Щербаков возглавил Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а с началом войны стал руководителем Совинформбюро. В общем, политический вес набирал стремительно. 12 июня 1942 года Щербакова сделали еще и начальником Главного политического управления Красной армии — вместо Льва Захаровича Мехлиса, наказанного Сталиным за военное поражение в Крыму.

Один из офицеров ГлавПУРа вспоминал, что «на рабочем столе Щербакова никогда не было никаких бумаг или книг — только аппарат для связи с Кремлем, телефонный справочник и простой письменный прибор». Резолюции на бумагах Щербаков, подражая Сталину, всегда писал красным или синим карандашом.

В декабре 1942 года Щербакову, не служившему в армии,

присвоили звание генерал-лейтенанта, в сентябре 1943 года сделали генерал-полковником. В 1944-м Александр Сергеевич, не видевший фронта, получил полководческие ордена Суворова и Кутузова 1-й степени. И генеральские погоны, и ордена воспринял как должное. Однако недавно вознесенный на вершину партийной власти, чувствовал себя неуверенно, перед Сталиным стоял чуть ли не навытяжку. Возражать не смел и ставить серьезные вопросы не решался: а вдруг не угадал настроение, спросил то, что не следовало бы?

Начальник ГлавПУРа Щербаков, следуя примеру Сталина, снисходительно относился к слабостям военных. 6 июля 1942 года Щербаков выступал на совещании политсостава. И затронул тему морального облика командира и политработника:

— Половая распущенность, разврат и нормальные человеческие отношения — вещи разные. Отрываться от земли и витать в облаках не следует. С пьянством нужно бороться всеми мерами. Если же сойдутся люди — командир с женщиной, чего здесь особенного? К чему устраивать переполох, зачем следить, а потом писать, заседать, преследовать? Надо строго следить за тем, чтобы не попала в среду командиров стерва-шпионка. Таких надо разоблачать и гнать. А если случилось — люди сошлись, незачем шумихи поднимать.

Зато в политических делах снисхождению и либерализму места не было. Однажды Щербаков вызвал главного редактора «Правды» Петра Николаевича Поспелова (будущего академика и секретаря ЦК) и ответственного редактора «Красной звезды» Давида Иосифовича Ортенберга. На столе Щербакова лежали номера газет, фотографии в которых были расчерканы красным карандашом. Щербаков объяснил редакторам:

— Видите, снимки так отретушированы, что сетка на них выглядит фашистскими знаками. Это заметил товарищ Сталин и сказал, чтобы вы были поаккуратнее. Нужны вам еще пояснения?

С тех пор главные редакторы в лупу рассматривали полосы с фотографиями. Если что-то смущало, снимок возвращался в цинкографию, где его подчищали…

Одиннадцатого сентября 1942 года пришло сообщение Совинформбюро о том, что сдан Новороссийск. А корреспондент «Красной звезды» сообщал в редакцию, что немцы ворвались в город, но они остановлены и идут бои. Редактор газеты Ортенберг позвонил Щербакову:

— Александр Сергеевич, надо дать поправку. У нас и так много городов «утекло». Зачем же прибавлять? Что скажут наши воины, те, кто сражается в городе? И так горько, зачем еще прибавлять им горечи?

Щербаков равнодушно ответил:

— Сводку составляли в оперативном отделе Генерального штаба. Не пойдут они на поправки. Этим только дискредитируют наше Совинформбюро, вообще перестанут верить этим сводкам…

У партийного работника Щербакова были свои заботы. В ноябре 1942 года он сделал Ортенбергу замечание:

— Почему «Красная звезда» не пишет о социалистическом соревновании на фронте? Ни одной статьи, ни одной заметки я не видел. Почему такое могучее средство воспитания и организации людей на фронте вы игнорируете?

Редактор ответил, что, по мнению работников «Красной звезды», попытки устроить социалистическое соревнование на фронте приносят только вред. Щербаков не согласился. Тогда Ортенберг написал записку Сталину:

«„Красная звезда“ держит курс на то, что в частях действующих армий не может быть социалистического соревнования. Приказ командира должен исполняться точно и в срок. Между тем армейские, фронтовые и ряд центральных газет широко раздувают социалистическое соревнование на фронте, в том числе вокруг таких вопросов, как укрепление дисциплины, самоокапывание, взятие опорных пунктов и т. п.

Права редакция „Красной звезды“ или местные газеты?»

Письмо вернулось Ортенбергу с резолюцией Сталина: «По-моему, права „Красная звезда“, а фронтовые газеты не правы».

Довольный Давид Ортенберг поехал к Щербакову в ЦК. Тот прочитал письмо, ознакомился с резолюцией и сказал:

— Ну что же, так и будет…

Александр Сергеевич даже не обиделся на то, что оказался в неудобном положении и вынужден был отказаться от собственной точки зрения. В войска немедленно ушла новая директива ГлавПУРа…

Городские партийные работники, в том числе и Екатерина Фурцева, учились у Щербакова. Многие уроки она усвоила на всю жизнь.

Писатель Сергей Петрович Бородин, получивший Сталинскую премию 2-й степени за исторический роман «Дмитрий Донской», подал заявление о приеме в партию. Как положено, вступающего вызвали на бюро Краснопресненского райкома, в ведении которого находился Союз писателей.

Первый секретарь райкома Сергей Абрамович Ухолов поинтересовался, какие у писателя творческие планы. Бородин рассказал, что работает над новым историческим романом. Ухолов, не долго думая, посоветовал Сергею Петровичу не лезть в далекую историю, а рассказывать о героях современности — из

родного Краснопресненского района столицы. Уловив недовольство первого секретаря, члены бюро стали задавать Бородину каверзные вопросы и завалили. Бюро райкома отказалось принять писателя в партию как политически неподготовленного. Да еще и отдельно указали партийной организации Союза писателей за плохую работу с вступающими в партию.

Союз писателей обратился в горком. Дело дошло до Щербакова (подробнее см. книгу А. Н. Пономарева «Александр Щербаков. Страницы биографии»). Хозяин города объяснил партийным работникам, что с лауреатом Сталинской премии следует вести себя поуважительнее. Премию своего имени каждому из них дал сам вождь.

На бюро горкома хозяин города обрушился на секретаря райкома:

— Товарищ Сталин с трибуны мавзолея на Красной площади в трудный момент, когда враг стоял в тридцати километрах от Москвы, говорил о наших славных предках — Дмитрий Донской, Александр Невский, Суворов… Бородин раньше — чутьем — об этом написал прекрасную книжку. В то время, когда ЦК отметил эту книжку второй премией, а потом был разговор, что можно было бы дать первую премию, секретарь Краснопресненского райкома говорит: «Да брось Дмитрием Донским заниматься, написал бы ты лучше о Красной Пресне». Вероятно, в Союзе писателей много чего было сказано по адресу райкома…

Сергей Бородин получил партийный билет, Сергей Ухолов лишился кресла секретаря райкома. Фурцева запомнила, что с заметными, «нужными» писателями надо вести себя осторожно. Этот вывод ей пригодится в дальнейшем.

В 1943 году Щербаков стал одновременно, заведовать отделом международной информации ЦК ВКП(б). Это была нагрузка, превышающая человеческие возможности. Александр Сергеевич вполне мог стать вторым человеком в партии. Но он был тяжелым сердечником, неправильный образ жизни усугубил его нездоровье. Для него участие в сталинских застольях было смертельно опасным. Но Щербаков об этом не думал, напротив, считал за счастье получить приглашение на дачу к вождю.

Первые победы вернули Сталину прежнюю уверенность в себе, и во время так называемых обедов, которые затягивались за полночь, вождь веселился от души. Официальные заседания Сталин не любил. Когда он ближе к вечеру приезжал с дачи в Кремль, то приглашал приближенных в кинозал. Они смотрели один-два фильма, а попутно что-то обсуждали.

«После кино Сталин, — писал Хрущев, — как правило,

объявлял, что надо идти покушать. В два или в три часа ночи, все равно, у Сталина всегда это называлось обедом. Садились в машины и ехали к нему на ближнюю дачу. Там продолжалось „заседание“, если так можно сказать…»

Одиночества вождь не переносил, поэтому коротал вечера в компании членов политбюро. Официантки ставили закуски на один стол, а разнообразные супы — на другой. Каждый выбирал себе, что хотел. Во время обеда обсуждались политические вопросы. Вождь любил дунайскую сельдь, копченого рыбца, цесарок, уток, отварных перепелов, цыплят, с удовольствием ел ребра барашка, приготовленные на вертеле… Стол ломился от снеди.

«Просто невероятно, что Сталин порой выделывал, — рассказывал Хрущев. — Он в людей бросал помидоры, например, во время войны. Я лично это видел. Когда мы приезжали к нему по военным делам, то после нашего доклада он обязательно приглашал к себе. Начинался обед, который часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда в потолок и стены то руками, то ложками и вилками.

Меня это возмущало: „Как это вождь страны и умный человек может напиваться до такого состояния и позволять себе такое?“ Командующие фронтами, нынешние маршалы Советского Союза, тоже почти все прошли сквозь такое испытание, видели это постыдное зрелище. Такое началось в 1943 году и продолжалось позже, когда Сталин обрел прежнюю форму и уверовал, что мы победим. А раньше он ходил как мокрая курица. Тогда я не помню, чтобы случались какие-то обеды с выпивкой. Он был настолько угнетен, что на него просто жалко было смотреть».

Один из послевоенных руководителей Югославии Милован Джилас с изумлением описывал ужин на сталинской даче: «Сталин предложил, чтобы каждый сказал, сколько сейчас градусов ниже нуля, и потом в виде штрафа выпил бы столько стопок водки, на сколько градусов он ошибся… Вдруг пахнуло на меня изоляцией, пустотой и бессмысленностью жизни, которой живет советская верхушка, собравшаяся вокруг своего престарелого вождя…»

Развлекался Сталин так. Наливал в стакан водку или коньяк, подзывал кого-то из приглашенных и заставлял пить до дна. И ни у кого не хватало смелости отказаться… Поздний обед превращался в тяжелую пьянку. Может, вождю нравилось видеть своих соратников пьяненькими и жалкими. А может, он думал, что пьяный человек обязательно выболтает свои потаенные мысли.

Однажды Анастас Иванович Микоян, вынужденный выпить

много коньяка, вышел в соседнюю комнату, прилег на диван и уснул. Вернулся в столовую бодрый и свежий. Увидев его таким, Сталин зло произнес:

— Ты что? Хочешь быть всех умнее? Можешь потом сильно пожалеть.

Вождь не терпел, когда кто-то пытался остаться трезвым.

«Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые приносили вино, чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда воду и слегка закрашивали ее вином или же соками, — вспоминал Хрущев. — Таким образом, в бокалах виднелась жидкость нужного цвета: если белое вино — то белая жидкость, если красное вино — то красная. А это была просто вода, и они пили ее.

Но Щербаков разоблачил их: он налил себе „вина“ из какой-то такой бутылки, попробовал и заорал:

— Да они же пьют не вино!

Сталин взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и Микояну. Мы все возмущались Щербаковым, потому что не хотели пить вино, а если уж пить, то минимально, чтобы отделаться от Сталина, но не спаивать, не убивать себя. Щербаков тоже страдал от того же. Однако этот злостный подхалим не только сам подхалимничал, а и других толкал к тому же. Кончил он печально.

Берия тогда правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Сталин, правда, говорил другое: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой. Но мы-то знали, что умер он оттого, что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину…»

У Александра Сергеевича Щербакова была плохая наследственность. В автобиографии он писал об отце: «Душевно заболел и попал в лечебницу. Причиной болезни являлось также, очевидно, и то обстоятельство, что отец страдал алкоголизмом. Что стало дальше с отцом, я не имею понятия».

Странное впечатление оставляет такое нарочитое отсутствие интереса к отцу. Но упоминание о его недуге должно было бы заставить самого Александра Сергеевича учесть трагический опыт отца…

Хозяин Москвы надорвался. С конца 1944-го он сильно болел. 10 декабря того же года его свалил обширный инфаркт. Врачи не давали надежды на выздоровление, о чем было доложено Сталину. Вождь, надо полагать, списал верного соратника со счетов и Щербакову не звонил. Тот переживал, это дополнительно

ухудшало его состояние.

Первого января 1945 года он поздравил вождя с Новым годом:

«Дорогой товарищ Сталин!

От всей души и тысячу раз благодарю Вас за Ваши слова привета, сказанные Вами по моему адресу в новогоднюю ночь.

К великому моему огорчению, врач лишил меня возможности лично услышать Ваш голос. Ваши слова для меня — это живая вода. Я быстро поправлюсь и работой наверстаю свое теперешнее безделье.

Еще раз спасибо Вам, товарищ Сталин!

Поздравляю Вас и товарищей с наступившим Новым годом, который будет годом самой полной Сталинской победы.

Преданный Вам

А. Щербаков».

Сталину письмо понравилось. Велел своему помощнику Поскребышеву сохранить его в личном архиве вождя. 9 мая 1945 года, в день, когда страна отмечала победу, Сталин позвонил Щербакову, поздравил с окончанием войны. Александр Сергеевич был счастлив. Вечером он вызвал машину, чтобы проехать по ликующему городу. Это прогулка оказалась роковой. В его состоянии наступило ухудшение. На следующий день, 10 мая 1945-го, в шесть вечера он умер. Ему не было и сорока четырех лет.

Восемнадцатого мая 1945 года Сталин подписал постановление Совнаркома «Об увековечении памяти и обеспечении семьи А. С. Щербакова»:

«1. Соорудить в г. Москве памятник Александру Сергеевичу Щербакову.

2. Переименовать Ростокинский район г. Москвы в Щербаковский район.

3. Установить следующие стипендии им. А. С. Щербакова:

а) в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова — 3 стипендии по 400 руб. каждая для студентов, отличников учебы исторического факультета;

б) в Иркутском государственном университете им. А. А. Жданова — 3 стипендии по 400 руб. каждая для студентов, отличников учебы историко-филологического факультета.

4. Выдать единовременное пособие жене т. А. С. Щербакова — Пестроуховой Вере Константиновне в размере 200 000 руб. и матери — Щербаковой Александре Петровне 50 000 руб.

5. Назначить персональную пенсию семье т. А. С. Щербакова в следующих размерах:

жене — Пестроуховой Вере Константиновне — 2000 руб. в

месяц пожизненно;

сыновьям — Александру, Константину и Ивану — по 1000 руб. в месяц до окончания ими образования;

матери — Щербаковой Александре Петровне — 700 руб. в месяц пожизненно;

сестре — Балуконис Капитолине Сергеевне — 300 руб. в месяц пожизненно.

6. Сохранить за семьей А. С. Щербакова все виды снабжения по линии 6-го Управления НКГБ СССР и промтоварный лимит по линии закрытых распределителей Совнаркома СССР.

7. Закрепить за семьей А. С. Щербакова квартиру в г. Москве по улице Грановского, дом 3, и обеспечить дачей с обслуживанием по линии 6-го Управления НКГБ СССР.

8. Закрепить за женой А. С. Щербакова для постоянного пользования легковую автомашину, приняв ее на содержание гаража особого назначения Кремля.

9. Сохранить за всеми членами семьи А. С. Щербакова право на лечение в Кремлевской поликлинике».

Александр Сергеевич Щербаков, видно, сильно насолил своим соратникам. Его терпеть не мог и его ближайший помощник по руководству Москвой — Георгий Попов. Именно он сменил Щербакова в кресле хозяина столицы. Он станет главным руководителем Фурцевой.

Весной 1938 года Попов закончил Промышленную академию, получил специальность «инженер по организации труда и производства». Но на производство не попал. В июле его откомандировали «в распоряжение ЦК ВКП(б)». Попова взял к себе главный партийный кадровик Георгий Максимилианович Маленков и назначил ответственным инструктором отдела руководящих партийных органов. Но в ЦК Попов проработал всего четыре месяца. В октябре сняли все московское руководство. Руководить столицей поставили людей со стороны — Щербакова (его перевели из Донецка) и Попова.

Второго ноября 1938 года Георгий Михайлович был назначен вторым секретарем Московского горкома. Он ведал столичной промышленностью, в первую очередь самой важной — авиационной, и чисто партийными делами.

В сентябре 1940 года Попов впервые побывал у вождя.

— Нас вызывают к товарищу Сталину, — торжественно предупредил его Щербаков, — поедем в Кремль.

По словам Попова, «лицо у Щербакова было очень бледное, он был взволнован». Георгий Михайлович Попов, надо понимать, понравился вождю. В феврале 1941 года на XVIII партийной

конференции Сталин назвал его «серьезным, деловым человеком» и предложил из кандидатов перевести в члены ЦК. В 1944 году Попова сделали еще и председателем исполкома Моссовета. Когда Щербаков заболел, Попов уже единолично управлял городом и областью.

Столица жила и работала, несмотря на войну. В Берлине много говорили о «чуде в германской военной промышленности». Адольф Гитлер восхищался своим «гениальным» министром вооружений Альбертом Шпеером. Но в успехах Шпеера не было ничего чудесного: в основе лежала безжалостная мобилизация всех ресурсов Германии и ограбление оккупированных территорий. Если уж говорить о чуде, то оно произошло в советском военном производстве. Несмотря на потери огромных территорий, на необходимость эвакуировать заводы и разворачивать их на новом месте, советская промышленность во всем опережала германскую. И советские люди шли на огромные жертвы во имя победы над Германией.

В 1943 году, несмотря на войну, вступили в строй новые станции метро — «Завод имени Сталина» («Автозаводская»), «Павелецкая», «Новокузнецкая». В 1944-м — «Бауманская», «Электрозаводская», «Сталинская» («Семеновская»), «Измайловская» («Измайловский парк»). Продолжение строительства метрополитена обсуждалось на пленуме горкома в феврале 1944 года.

Щербаков был еще жив, когда в конце апреля 1945-го Сталин пригласил Попова вместе проехать по Москве на автомобиле. После прогулки сели обедать. Сталин изложил свои впечатления. Он хотел, чтобы из центра убрали трамваи, построили красивые дома и позаботились о том, чтобы город стал зеленым. Гордый доверием вождя, Георгий Михайлович распорядился о массовой посадке деревьев в центре столицы, в первую очередь на улице Горького (ныне Тверская).

Вождь упивался своей ролью победителя.

Двадцать шестого июня 1945 года президиум Верховного Совета СССР принял указ об установлении высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза». На следующий день это звание присвоили Сталину. Любопытно, что императоры, жаловавшие других высокими званиями, не подумали возвести в генералиссимусы самих себя. Давать звания самому себе считалось неудобным. Последний русский император Николай II так и остался полковником — в том звании, в которое его произвел перед смертью отец-император.

Сталин же, ни дня не служивший в армии, в марте 1943 года захотел стать маршалом. Он с удовольствием носил маршальскую

форму с широкими погонами и брюки с красными лампасами. Поклонники вождя любят рассказывать о его равнодушии ко всему мирскому, о его подчеркнутой скромности, о стоптанных сапогах и залатанной одежде. На самом деле мундиры он носил с золотым шитьем. Потом его, видимо, стало раздражать, что он оказался одним из многих маршалов, и он польстился возможностью поставить себя выше военачальников и принял нелепое звание, смешно звучащее для русского уха.

Прежде чем принять звание генералиссимуса, Сталин недовольно говорил своим маршалам, что ему это не нужно. О себе он по обыкновению отзывался в третьем лице:

— Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без этого имеет авторитет. Товарищу Сталину не нужны никакие звания для авторитета.

А потом согласился, как бы уступив настояниям маршалов. В этой сцене, вспоминал маршал Иван Степанович Конев, проявилось свойственное Сталину «чрезвычайное высокомерие, прятавшееся за той скромностью, которая паче гордости».

Третьего мая 1945 года заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации МГК ВКП(б) Силантьев подписал информационную сводку Попову об откликах трудящихся Москвы на взятие войсками Красной армии Берлина:

«Рабочие многих предприятий (завод № 632, АТЭ-1, № 45 и другие) в связи с приближением дня победы высказывают пожелания и обсуждают между собой вопрос о том, как отблагодарить получше от имени всего советского народа т. Сталина. Говорят о том, что надо присвоить т. Сталину звание „ВЕЛИКОГО“, учредить для него одного самый лучший, самый почетный орден…»

Рабочие беспокоились напрасно. Сталин не обошел себя орденами.

Только первый орден Красного Знамени он получил в 1919 году при Ленине. Остальные награды дал себе сам: еще два ордена Красного Знамени (в 1930 и 1944 годах), три ордена Ленина (1939, 1945, 1949). В 1939 году он получил золотую звезду Героя Социалистического Труда № 1.

Шестого ноября 1943 года генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совнаркома, председателя Государственного Комитета Обороны, народного комиссара обороны и Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР маршала Сталина наградили полководческим орденом Суворова 1-й степени. 8 ноября 1943 года Президиум Верховного Совета СССР учредил орден Победы с бриллиантами — высший военный орден для награждения лиц командного состава Вооруженных сил СССР.

Его удостоились всего семнадцать человек. 29 июля 1944 года «за исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Советской Армии» Сталин сам себя наградил первым орденом Победы.

А в июле 1945 года советский народ поздравил товарища Сталина с награждением вторым орденом Победы и с присвоением «любимому учителю и другу» звания Героя Советского Союза.

Только отдел пропаганды спешил порадовать руководство горкома партии радостными известиями. Другие отделы горкома под грифом «секретно» сообщали о менее приятных настроениях москвичей. Заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом МГК Наголкин и заведующий сектором информации Подельщиков 9 мая 1945 года доложили Попову:

«Среди части трудящихся имеют место недовольства тем, что во многих магазинах в такой торжественный день отсутствуют в продаже спиртные напитки, мясные и рыбные продукты. В магазинах отделов рабочего снабжения фабрики им. Фрунзе, завода № 738, завода № 27, в магазинах № 1, 40, 51 (Дзержинский район), № 24,29 (Фрунзенский район), № 6, 18 (Куйбышевский район) и других нет в продаже спиртных напитков. В некоторых магазинах есть водка, но старые талоны использованы, а новые не объявлены… В некоторых магазинах, кроме крупяных изделий и яичного порошка, других продуктов нет… В коммерческих магазинах отмечены очереди, главным образом за водкой…»

Если район попадал в сводку, секретари райкома получали нагоняй. Приходилось и Фурцевой докладывать, что ошибка исправлена, в магазины района завезен минимальный ассортимент продуктов, в том числе водка.

Город жил ожиданием большого праздника. Заранее ничего не сообщалось, поэтому москвичи питались слухами. Заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом МГК партии Наголкин и заведующий сектором информации Подельщиков 18 мая 1945 года информировали Попова:

«На многих предприятиях распространен слух о том, что якобы 20, 21 и 22 мая народ будет праздновать победу и не будет работать. Устанавливается, что в первый день состоится встреча войск и маршалов Советского Союза Жукова, Конева, Рокоссовского. Прибудут они на Белорусский вокзал. От вокзала до Красной площади будут настланы ковры, по которым пройдет народ и пронесет на руках маршалов. Во второй день состоится молебен в знак памяти павших в боях за Родину воинов. На третий день состоится народная демонстрация».

Ни молебна, ни народной демонстрации устраивать не стали. Маршалов на руках не носили. Вождь не хотел возвышать кого-то из прославленных военачальников, чтобы военачальники не заблуждались: мол, раз они войну выиграли, то им теперь все можно.

Двадцать четвертого июня 1945 года в Москве состоялся Парад Победы. Принимать парад должен был Верховный главнокомандующий. Но возникла техническая трудность. Объехать войска, выстроенные на Красной площади, надо было на коне. Говорят, что Сталин даже пробовал ездить верхом. Но не получилось. Все-таки ему было шестьдесят шесть лет, а в кавалерии он не служил в отличие от маршала Жукова, чья военная карьера началась в драгунском эскадроне. За несколько дней до парада Сталин вызвал Жукова и приказал ему принять парад. Георгий Константинович поблагодарил, но дипломатично ответил, что эта честь по праву принадлежит Верховному главнокомандующему. «Я уже стар, — сказал Сталин, — а вы помоложе».

В Параде Победы участвовали сводные полки всех фронтов от Карельского до 4-го Украинского и сводный полк военно-морского флота. Не повезло летчикам: из-за непогоды они не смогли пролететь над Красной площадью. Небо заволокли тучи. Парад длился больше двух часов. Шел сильный дождь, поэтому демонстрацию отменили.

Мавзолей Ленина перестроили, появилась центральная трибуна. Отныне справа от членов политбюро выстраивались маршалы. Каждый фронт выставил сводный полк. По лицам солдат и офицеров с касок и козырьков фуражек стекали струйки воды. Но на кадрах сохранившейся хроники это совершенно незаметно. Участники парада, как и вся страна, были счастливы. Под барабанный бой двести солдат бросили к подножию мавзолея двести знамен разгромленной немецкой армии. Это был момент триумфа для всех, воевавших и не воевавших.

На следующий день после парада маршал Жуков собрал у себя на даче несколько близких ему генералов. Военачальники поднимали бокалы за Георгия Константиновича — выдающегося полководца, одолевшего фашистскую Германию. Разговоры на даче Жукова записывались, записи показали Сталину. Он был крайне раздражен, потому что настоящим победителем считал себя, а вовсе не Жукова…

Для Георгия Михайловича Попова эти дни были вдвойне праздничными. 12 июня 1945 года на объединенном пленуме МК и МГК ВКП(б) его избрали первым секретарем обкома и горкома партии. Вскоре, 18 марта 1946 года, он станет еще членом

оргбюро и секретарем ЦК партии.

Приметы войны исчезали в столице одна за другой. Еще 30 апреля 1945 года решением правительства отменили светомаскировку. 16 сентября 1945 года открыли для посещения мавзолей Ленина. 21 сентября отменили введенное 19 октября 1941 года осадное положение.

Девятого октября 1945 года Попов обратился к заместителю председателя Совнаркома Николаю Алексеевичу Вознесенскому:

«В настоящее время в Москве создалось чрезвычайно тяжелое положение со снабжением населения продовольственными товарами. По октябрьским продовольственным карточкам до сих пор не производится продажа мяса, рыбы и жиров. Ввиду отсутствия запасов продовольственных товаров у наркоматов-поставщиков продукты могут быть не выданы населению по карточкам на октябрь месяц.

Москве выделяется значительный процент заменителей, так, например, по фондам мясопродуктов выделяются в большом количестве яичный порошок и омлет. Больше 2 тысяч тонн круп заменяется в октябре картофелем. Из общего фонда животных жиров 7300 тонн в третьем квартале масла сливочного было отпущено только 2 тысячи тонн. Мяса свежего при общем фонде мясопродуктов 20 тысяч тонн выделяется в квартал не более 4 тысяч тонн. Мало получает московское население свежей рыбы, риса, ядрицы и манной крупы. Повидло и джем отпускаются в счет нормы сахара как заменители…»

Еще по указанию покойного Щербакова вторые секретари райкомов лично отвечали за работу столовых и вообще за общественное питание. Занималась этим и Екатерина Фурцева. Во время войны поощрялись подсобные хозяйства, которые снабжали ведомственные столовые, и собственные огородики, которые помогли горожанам перенести голодные карточные годы.

Первого ноября 1945 года, накануне праздничных дней, Фурцеву вызвали на совещание в горком. Собрали секретарей райкомов и председателей райисполкомов. Председательствовал Попов. Обсуждалась предстоящая демонстрация. Выступал заведующий торговым отделом исполкома Моссовета Филиппов:

— Согласно решению правительства участникам демонстрации будет предоставлен ряд льгот в питании 7 ноября. Во-первых, каждый из них получит до начала демонстрации горячий завтрак по нормальной цене по следующим нормам: мясорыбопродукты — пятьдесят граммов, жиров — двадцать граммов, крупы — сто граммов, кондитерских изделий — двадцать граммов, хлеба — двести граммов. Вместо горячего завтрака можно давать холодный завтрак. В этом случае сто

граммов крупы заменяется сдобой, равной по весу. Будут выданы специальные талоны на завтраки… Кроме того, правительство разрешило организовать по пути следования демонстрации продажу продуктов для ее участников по умеренным ценам, примерно на пятьдесят-шестьдесят рублей ниже цен Особторга. Так, например: горячие сосиски в Особторге двадцать семь рублей за сто граммов, а будут продаваться по десять рублей за сто граммов, то есть примерно по пять рублей за штуку. Сардельки — восемь рублей за сто граммов, котлеты московские жареные — четыре рубля за штуку, сыр плавленый в фасовке пять рублей за штуку, пельмени — сто граммов за три рубля, яйца вареные — пять рублей штука, пирожки с разным фаршем — пять рублей штука, булочки московские — пятьдесят граммов за два рубля… После демонстрации будет продажа пива и водки по нормальным ценам…

Начальник Главного управления московскими столовыми, ресторанами и кафе Наркомата торговли СССР Веселов подписал 21 декабря 1945 года приказ № 221 об открытии коммерческих чайных:

«В коммерческих чайных производить продажу чая парами чайников, хлеба ржаного и пшеничного (ситного), баранок, хлебобулочных и кондитерских изделий, спичек, курительной бумаги, водки, вино-водочных изделий и пива, горячих и холодных напитков…

Одному посетителю при заказе им чая или закусок или кулинарных изделий по его желанию отпускать:

а) хлеба не более 200 г; б) баранок или штучных хлебобулочных изделий не более 100 г; в) конфет 50 г весовых или восемь штук штучных или 100 г печенья или пряников…»

Все эти пока еще очень небольшие радости послевоенной жизни связывали с неустанной деятельностью вождя. Но в эти месяцы москвичи часто задавались вопросом: Что с ним случилось?

Сталин был кабинетным работником. По стране он не ездил и потребности такой не испытывал. Редко выступал, общался лишь с узким кругом доверенных лиц. Так что его мало кто видел, но люди хотя бы следили за ним по газетам. А после войны он стал периодически исчезать из поля их внимания, газеты ничего о Сталине не сообщали.

«Он самый могущественный и самый недоступный политик в мире, — писал о Сталине американский посол в Москве. — Он отрезан от внешнего мира и изолирован от собственного народа. Он только циркулирует между Кремлем и своей дачей по тщательно охраняемому маршруту. Его личная жизнь окружена

тайной. Американцы в Москве даже не знают, где живет Сталин…

Для большинства русских Сталин — это имя и символ, человек, которого они никогда не видели… Насколько нам известно, он никогда не гуляет по московским улицам и почти никогда не посещает заводы или колхозы. Сообщения о том, чем он занимается повседневно, не публикуются. Как и перечень гостей, которых он принимает.

Нам такая жизнь кажется странной. Даже работает Сталин в Кремле в другое, чем мы, время. Он работает после полудня и до утра, поэтому редкие встречи с иностранными дипломатами назначаются в промежутке от девяти вечера до полуночи».

Телевидения тогда не было, и народ не представлял, как именно выглядит стареющий вождь. На портретах он был по-прежнему молод и полон сил. Но он постоянно болел. У него после войны было два инсульта. Но об этом нельзя было говорить.

Судя по тому, что с середины 1930-х годов к нему стали приглашать известного профессора-кардиолога Владимира Никитича Виноградова, вождь страдал от высокого давления, атеросклероза. Виноградов, являвшийся действительным членом Академии медицинских наук, известен своими трудами по диагностике и лечению инфарктов миокарда. Сталин жаловался окружающим на головные боли, что естественно для хронического гипертоника.

Вождь позаботился, чтобы соотечественники знали о нем только то, что им позволено знать. Личная жизнь и состояние здоровья Сталина были высшим государственным секретом… Когда Сталин болел, он никого к себе не допускал. Уезжал лечиться на юг, не разрешал себя навещать. Сохранились результаты анализов, которые у него брали. Только выписывались медицинские направления на другое имя — обычно офицера Главного управления охраны Министерства госбезопасности. Он не нуждался ни в чьем сочувствии и не хотел, чтобы кто-то знал о его недугах. Все должны считать, что вождь здоров и работает. Работает даже в отпуске.

После войны Сталин ежегодно проводил на юге три-четыре месяца. Москву возвращался обыкновенно к 21 декабря, к своему дню рождения.

О своем здоровье Сталин заботился. Многие годы он почти непрерывно курил трубку. Однажды главный редактор «Правды» Дмитрий Трофимович Шепилов ему сказал:

— Товарищ Сталин, вы так много курите. А ведь вам, наверное, это нельзя?

— Вы невнимательны, — ответил Сталин, — я же не

затягиваюсь. Я просто так: пых-пых. Раньше затягивался, теперь не затягиваюсь.

Так что вождь прислушивался к рекомендациям врачей.

— Когда говорят, что Сталин не заботился о своем здоровье, гнал докторов и лечил его Поскребышев, это не соответствует действительности, — рассказывал профессор Владимир Павлович Наумов, который разбирал личные документы вождя. — Поскребышев отвечал за приглашение врачей. И он первым глотал все таблетки, которые прописывались Сталину!.. Этот средневековый способ избежать отравления — еще одно свидетельство того, что Сталин боялся за свою жизнь и никому не доверял.

Многие люди работали в секретариате Сталина. Одних он выдвинул на повышение, от других избавился. Только одного Поскребышева постоянно держал возле себя. Должность Александра Николаевича называлась по-разному. В 1923–1924 годах он руководил управлением делами ЦК. С 1924 по 1929 год был помощником секретаря ЦК, затем его сделали сначала заместителем заведующего, а затем и заведующим секретным отделом ЦК (делопроизводство политбюро и личная канцелярия Сталина). В соответствии с новым уставом ВКП(б), который был принят на XVII съезде в 1934 году, секретный отдел ЦК переименовали в особый сектор. Поскребышев был поставлен заведовать этим сектором 10 марта 1934 года.

Он рассказывал, как руководил всей сталинской канцелярией:

«Все документы, поступавшие в адрес т. Сталина, за исключением весьма секретных материалов МТБ, просматривались мною и моим заместителем, затем докладывались т. Сталину устно или посылались ему по месту его нахождения».

Поскребышев получил генеральские погоны. Его сделали депутатом Верховного Совета и даже председателем комиссии законодательных предположений Совета Союза. После XIX съезда (1952 год) он стал именовать себя секретарем президиума и бюро президиума ЦК. Но он как был, так и остался необразованным и малограмотным человеком. Аппаратный склад ума помогал ему угадывать желания вождя, когда речь шла о внутриполитических интригах.

Высшие руководители, как правило, не отличались крепким здоровьем. Сказывались тяжелые нагрузки военного времени и неправильный образ жизни. Мало кто занимался физкультурой, зато почти все переедали, не ограничивали себя в спиртном, много курили. В недрах аппарата в 1947 году подготовили проект

совместного постановления ЦК ВКП(б) и Совета министров, направленного на оздоровление политической элиты:

«Анализ данных о состоянии здоровья руководящих кадров Партии и Правительства показал, что у ряда лиц обнаружены серьезные заболевания сердца, кровеносных сосудов и нервной системы со значительным снижением трудоспособности. Одной из причин указанных заболеваний является напряженная работа не только днем, но и ночью, а нередко даже и в праздничные дни.

ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР считают, что сохранение здоровья и трудоспособности руководящих работников Партии и Правительства является государственным, а не только их личным делом. В целях максимального сохранения здоровья руководящих кадров и для предупреждения преждевременного снижения их трудоспособности ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР постановляет:

1. Установить следующий распорядок дня и режим работы для руководящих работников Партии и Правительства:

а) начало рабочего дня — в 13.00, конец рабочего дня не позднее 1 часа ночи с двухчасовым перерывом для обеда и дневного отдыха. В субботние и предпраздничные дни заканчивать работу не позднее 20.00;

б) запретить работу в выходные и праздничные дни;

в) запретить проведение заседаний и совещаний в промежуток времени от 17.00 до 20.00; установить длительность совещаний не более 3 часов. Курение во время заседаний запретить…

2. Считать обязательным для каждого руководящего работника использование ежегодно месячного очередного отпуска. Для лиц, нуждающихся в санаторно-курортном лечении, должны быть установлены по медицинским показаниям время и длительность отпуска, а также и место его проведения.

3. Обязать руководящих работников Партии и Правительства строго выполнять назначенный врачами пищевой режим, предусматривающий характер питания и приемы пищи не менее трех раз в день. Для организации рационального и лечебного питания передать столовую МГБ СССР в ведение Лечебно-Санитарного Управления Кремля…»

Молодым ушел из жизни Щербаков. Вслед за ним умер член политбюро и секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов. Сам Сталин старел и дряхлел на глазах.

В первых числах октября 1946 года он уехал на юг отдыхать.

Об уходе вождя в отпуск в газетах, ясное дело, не писали. Показалось, что Сталин просто исчез, и никто из чиновников не решился объяснить, где он. Иностранные журналисты стали

говорить, что его отправили в отставку, что он тяжело болен или вообще уже умер, только русские не знают, как об этом сообщить. Слухи в Москве распространялись с поразительной быстротой. Секретарь райкома Фурцева тоже не знала, где Сталин, но многие думали, что уж ей-то все известно.

Двадцать восьмого ноября 1946 года заместитель заведующего оргинструкторским отделом МГК Каплан и заведующий сектором информации Подельщиков доложили Попову о политических настроениях среди трудящихся:

«Среди рабочих и служащих имеют место многочисленные разговоры, связанные с отсутствием т. Сталина на торжественном заседании 6 ноября, посвященном 29-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, и на параде

7 ноября, и что приказ подписывает т. Булганин. Многие высказывают предположение, что отсутствие т. Сталина на торжествах обусловлено его болезнью, и выражают тревогу и сожаление в связи с этим.

Работница трамвайного депо им. Щепетильникова (Советский район) т. Финисова с волнением сказала: „Я была поражена, когда 7 ноября не увидела т. Сталина на трибуне. Только ради того я шла на демонстрацию, чтобы посмотреть на нашего любимого вождя. Что случилось? Не заболел ли он? Ведь в газетах не сообщалось, что т. Сталин находится в отпуске“.

„В народе распространяются слухи, будто бы т. Сталин болен, — заявил рабочий завода „Котлоочистка“ (Красногвардейский район) т. Беляев, — и действительно, чем можно объяснить его отсутствие на торжественном заседании и на параде? Неудивительно, если это правда. Ведь т. Сталин вынес на своих плечах всю тяжесть войны. Наверное, он подорвал свое здоровье“.

Слесарь типографии „Красное знамя“ (Коминтерновский район) т. Зайцев в частной беседе уверял группу рабочих, что будто бы произошло крушение поезда, в котором ехал т. Сталин на юг отдыхать, и что в данное время он находится в тяжелом состоянии.

Работница этой же типографии, член ВКП(б) т. Розова, услышавшая этот разговор, обратилась в партбюро с требованием установить точность данной информации, заявив при этом: „Всех нас глубоко волнует состояние здоровья т. Сталина. Мы должны знать истинное положение, а не пользоваться непроверенными слухами…“»

Московский партийный аппарат получил указание искоренить зловредные слухи и призвать народ к бдительности.

С окончанием войны люди связывали огромные надежды: они жаждали спокойной и сытной жизни. Но надежды не сбылись. Осенью 1946 года начался жестокий голод.

Надо сказать, что голодали и другие победители. Урожай 1946 года был очень скудным на всем Европейском континенте. Затем последовала суровая зима. В Англии по карточкам давали меньше продовольствия, чем во время войны. После войны шутили: у Англии остались только два ресурса — уголь и национальный характер.

Министр заготовок Борис Александрович Двинский (бывший помощник вождя) писал Сталину, что важнейшие области России, Украины и Молдавии «охвачены неурожаем, в Сибири и Казахстане из-за длительных дождей хлеб медленно убирается и промокает на корню, много погибло по стране озимых и яровых культур, резко сократились посевы крупяных культур, мы быстро проедаем наши хлебные запасы».

Шестого сентября 1946 года политбюро приняло решение: из-за засухи и низких хлебозаготовок «отмену карточной системы на продовольственные товары перенести на 1947 год» и повысить цены на продовольствие, распределяемое по карточкам (хлеб, мука, крупы, мясо, масло, рыба, сахар, соль). Соответственно возросли цены в заводских и учрежденческих столовых.

Шестнадцатого сентября 1946 года заведующий торговым отделом исполкома Моссовета Филиппов подписал распоряжение № 548:

«а) Продажу черной икры по нормированным ценам прекратить повсеместно и по всем назначениям;

б) обеспечить немедленное снятие остатков черной икры на складах, в торговой сети и предприятиях общественного питания, составляя акт о наличии черной икры в установленном порядке, и представить копии акта продовольственному сектору Горторготдела…

в) продажу черной икры организовать без карточек по коммерческим ценам за 1 кг:

Белужья, калужья, осетровая, стерляжья, зернистая, баночная: высш. сорт — 900 руб. 1-й сорт — 800 руб. 2-й сорт — 700 руб.

Белужья, калужья, осетровая, шиповая, севрюжья, зернистая, бочковая:

высш. сорт — 600 руб.

1-й сорт — 550 руб.

2-й сорт — 500 руб.

Севрюжья, шиповая, зернистая, баночная, также и паюсная баночная, мешочная всех осетровых рыб:

высш. сорт — 800 руб.

1-й сорт — 700 руб.
2-й сорт — 600 руб.
Паюсная бочковая всех осетровых рыб:
высш. сорт — 700 руб.
1-й сорт — 650 руб.
2-й сорт — 600 руб.

Продажу организовать в приспособленных для этой цели магазинах и предприятиях общественного питания (наличие холода, наличие оборудования и опытных продавцов)».

Цены на икру мало интересовали даже секретаря райкома Фурцеву. А вот повышение цен на самые обычные продукты было неприятным сюрпризом. Задача Екатерины Алексеевны состояла в том, чтобы не допустить всплеска недовольства в районе.

По всей стране заранее провели собрания партийных активов, на которых объяснялась необходимость принятых мер.

«Во многих городах, в том числе в Москве, — докладывал в политбюро начальник Управления ЦК ВКП(б) по проверке партийных кадров Николай Семенович Патоличев, — населению стало известно о повышении пайковых цен. В магазинах в связи с этим создаются очереди, население пытается выбрать продукты полностью за сентябрь».

Георгий Попов 25 сентября 1946 года провел совещание секретарей райкомов:

— Мы с Черноусовым в воскресенье были в Можайском районе. Там все дороги разбиты, машина еле проходит. Если сейчас Москва и Московская партийная организация основательно не помогут и не возьмут дело в свои руки, то у нас в Москве картофеля не будет… Я считаю, что лучше нам пожертвовать на полтора месяца и машинами, и людьми, но обеспечить год сытой жизни… Нужно послать народ на копку картофеля… Люди, которые будут работать на картофеле, будут получать каждый десятый мешок…

Двадцать седьмого сентября появилось новое постановление правительства «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало количество людей, получавших продуктовые карточки. Лишение карточек было тяжелым ударом. Чтобы изменить настроения в обществе, с 1946 года стали демонстративно проводить снижение цен. Фактически ничего в жизни людей не менялось, отмечают историки, но люди были благодарны Сталину. В реальности в эти годы цены на продукты выросли в два — два с половиной раза.

Трудности московской жизни почувствовал на себе и посол Соединенных Штатов в Советском Союзе генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит, бывший начальник штаба войск союзников.

Он был выходцем из бедной семьи. Высшего образования не получил. Единственный генерал в американской армии, не окончивший военное училище в Вест-Пойнте, из-за чего кадровые офицеры смотрели на него свысока. В Вашингтоне рассчитывали, что простой человек найдет общий язык с большевиками.

Он оставил подробные воспоминания о своей работе в Москве. Смита предупредили, что в послевоенной России сплошной дефицит, достать ничего нельзя, и большую часть года очень холодно.

Собираясь в дальнюю дорогу, посол с женой закупили часы, ремешки для часов, авторучки, бритвы и лезвия к ним, радио, лампочки, фен для сушки волос, утюги, батарейки, пылесосы, тостеры, чернила, книги, игральные карты, поздравительные открытки, рождественские украшения, скатерти, пепельницы, свечи, замки, пластинки, иглы, вешалки для одежды, мыло, щетки для чистки обуви, оберточную бумагу, открывалки и штопоры, фонарики, спички, термосы, лекарства, салфетки, косметику, заколки для волос, коньки и лыжи, теннисные ракетки и мячи, а также подарки для будущих дней рождения…

Все, у кого были друзья в Москве, попросили посла что-то прихватить для них. В результате самолет был забит припасами, включая свечи для алтаря небольшой католической церкви, которую открыли в Москве в соответствии с договоренностью президента Франклина Рузвельта и наркома иностранных дел Максима Литвинова…

«Мое первое впечатление — серость, — рассказывал Смит. — Москва хуже всего выглядит ранней весной, когда покрытый сажей и грязью снег оседает и город становится тусклым и однообразным. Одежда москвичей напомнила мне Пекин зимой… Многие дома в очень плохом состоянии, хотя я не видел следов серьезных бомбардировок, как в Лондоне и Берлине…»

Жизнь в Москве недавнему армейскому офицеру показалась более трудной, чем в разрушенной и оккупированной Германии, где он прежде служил. Первая проблема возникла из-за завтрака. В штате Индиана, где вырос Смит, к завтраку относятся серьезно. Это пара яиц и солидный кусок ветчины. Когда посол и его жена приехали в Москву, существовала карточная система. Послу полагалось пятнадцать яиц в месяц. Его жене, хотя в Советском Союзе говорили, что женщины и мужчины равноправны, полагалось только десять. На рынке яйца стоили безумно дорого. Смиты решили купить несколько кур, чтобы обеспечить себя яйцами.

«Это легко сказать, но трудно сделать, — вспоминал посол. — В Советском Союзе нельзя просто сесть в машину, поехать на

ферму и купить цыплят. Такие операции можно провести только через правительство, а бюрократические пути медленны и сложны. Обратились в Бюро по обслуживанию иностранцев. Наш запрос переадресовали в Министерство сельского хозяйства. Сотрудник министерства в сопровождении машины с охраной повез нас по Ярославскому шоссе на птицеферму, где нам устроили ужин с водкой и шампанским. Цыплята были доставлены в Спасо-хаус, и моему примеру последовали другие послы».

В декабре 1947 года продовольственные карточки отменили, дипломатические лавки закрыли. Иностранцам предстояло покупать продукты в обычных магазинах и на рынке. Американки испытали шок, познакомившись с ценами в московских магазинах. Они были просто невероятно высоки для людей, живущих на зарплату.

«Мы организовали кооператив, — рассказывал посол, — и стали заказывать консервированные продукты в Америке. Всякий раз, когда посольский самолет прилетал из Берлина, он привозил продовольствие. А вот когда правительство ввело ограничение на ввоз беспошлинного продовольствия, всем пришлось покупать еду в дорогих московских магазинах. Гражданам Америки с супермаркетами и дешевыми магазинами на каждом шагу трудно представить себе условия жизни в Москве, где полностью отсутствуют вещи повседневного обихода, которые мы воспринимаем как данность…

Немногие в Соединенных Штатах понимают, как тяжело приходится русскому человеку трудиться, чтобы заработать то немногое, что он получает, и какое давление на него оказывается, чтобы он увеличивал продолжительность и напряженность труда. Советскому рабочему приходится работать почти пять часов, чтобы заработать на дюжину яиц, американскому рабочему — тридцать восемь минут. Ради пачки сигарет советский рабочий трудится два часа, американский — четыре минуты. На пару мужской обуви американец заработает за полчаса, советский за сто четыре часа».

В отличие от американских дипломатов и их семей москвичи не имели возможности создать кооператив и заказывать продукты там, где они подешевле…

Лучше всего о трудностях жизни в столице были осведомлены чекисты. В 1946 году начальником управления МГБ по Московской области стал генерал-майор Иван Иванович Горгонов. Прежде он служил у Абакумова в Главном управлении военной контрразведки СМЕРШ, возглавлял первый отдел (агентурно-оперативная работа в центральном аппарате

Наркомата обороны). Став министром госбезопасности, Абакумов доверил Горгонову ключевой пост — руководить госбезопасностью в столице.

Тридцать первого декабря 1946 года генерал Горгонов отправил министру Абакумову спецсообщение о настроениях в столице:

«Военной цензурой при обработке корреспонденции, исходящей от населения г. Москвы в адрес военнослужащих Советской Армии, с 27 ноября по 28 декабря 1946 г. зарегистрировано 1186 писем, содержащих жалобы на продовольственные затруднения…

„Моя жизнь хуже твоей: картошку без масла кушаю два раза в день, кусочек хлеба граммов сто, ибо на себя не получаю ни одного грамма, безработная…“

„Я работать не могу, у меня совершенно отнимаются ноги и спина. Собираю кусочки в булочной, но очень гоняет милиция…“

„Мы с Аней живем в ужасных, условиях — голодаем. Аня пухнет, болеет, не учится. Я сама больная, нет ни сил, ни энергии…“

„Питаюсь неважно, кушаю одну картошку и хлеба 400 г, и вот моя еда — ни сыт, ни голоден. Едва ноги таскаю. Мы с этого пайка должны умереть. Взять негде, и денег нет“:

„Что на карточку получаем, то все продаем. Продаем, а на эти деньги хлеб выкупаем. По 300 г хлеба съедаем, а варева не потребляем…“

„У нас есть только один хлеб. Много на хлебе не. проживешь. Картошка на рынке 10 руб. килограмм. Купить картошку можно раза два в месяц, а потом клади зубы на полку…“

„Все время варят капусту да турнепс, который готовили для скота. Спасибо тому, что получаем хлеба 650 г на день, только этим и живем, то есть существуем. На одном хлебе тоже долго не будешь существовать…“

„Все так стало дорого, просто ужас. Маме теперь не стали давать рабочую карточку, она стала получать служащую. В общем, мы на двух карточках живем вчетвером. Идем в школу голодные и приходим из школы — есть нечего…“»

Московские власти пытались скрасить жизнь горожан, но располагали довольно скромными возможностями. 31 марта 1947 года Георгий Попов в роли председателя исполкома Моссовета подписал распоряжение об открытии коктейль-холла в доме 32 по улице Горького. Это местечко станет знаменитым на всю страну и будет увековечено в литературе. Коктейль-холл был зримым свидетельством новой жизни. Впрочем, многие воспринимали его как гнездо разврата.

Секретарь горкома по промышленности Николай Павлович Фирюбин на совещании управляющих делами и секретарей партийных организаций наркоматов и ведомств потребовал экономить электроэнергию:

— Московские организации получили возможность увеличить отпуск электроэнергии населению в три раза. Что это значит, товарищи? Это значит, что за все годы войны каждый житель Москвы имел право жечь одну лампочку мощностью в пятнадцать ватт на площади пятнадцать квадратных метров, если же площадь была тридцать квадратных метров, он мог жечь две лампочки. Теперь мы увеличили этот лимит в три раза… И вот сейчас у нас складывается обстановка такая, что мы за последнее время вынуждены отключать быт… Вчера целые районы были отключены от снабжения электроэнергией, причем районы не только окраинные, но и в центре. Скажем, вчера был отключен Арбат на некоторое время… А отключать никак нельзя, потому что довольно! — население должно, наконец, почувствовать хотя бы элементарные удобства жизни, почувствовать, что годы уже не военные, что есть свет… А у нас во время войны целый ряд поселков, таких как Дубровский, Кожухово, Фили, были отключены. Люди вставали в темноте и после работы возвращались в темноту… У нас за последнее время, я бы сказал, распространилась очень вредная болезнь… Она называется светоманией. Некоторые руководители считают, что надо даже там, где нет необходимости, обязательно дать свет, ввернуть лампочки… Товарищи просто стали благодушествовать, перестали по-настоящему бороться с расточительством электроэнергии… Открыто производят самодельные нагревательные агрегаты. Ведь мы знаем, как это просто делается: на трубу накручивают провод и даже на кирпич. Это варварство включают в цепь, и оно ведет к тому, что мы теряем сотни тысяч киловатт электроэнергии, которую мы могли бы дать бытовому потребителю — школе, больнице, родильному дому и бане… Что нужно сделать, товарищи? Категорически надо запретить использование нагревательных приборов в учреждениях. При наличии где-нибудь плиток поднимать шум. Это преступление! Такого человека надо наказывать по всем статьям… Соберите профоргов, месткомы, включите в это дело комсомольские организации… Пусть наблюдают, посты наблюдения расставят, чтобы каждый видел, что за этим следят, чтобы мучился человек, — если ушел с работы и не выключил лампочку у себя на столе…

Накормить людей власть была не в состоянии. Зато могла

напугать и отбить желание жаловаться и говорить о трудностях. Послевоенное время запомнилось масштабными идеологическими акциями. Они начались с громких постановлений о литературе, музыке, кино. Самые знаменитые из них появились в голодном 1946 году — «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (от 14 августа) и «О кинофильме „Большая жизнь“» (от 4 сентября).

В результате гениальная поэтесса Анна Ахматова и талантливый прозаик Михаил Зощенко были исключены из Союза писателей, а вторая серия фильма «Большая жизнь» за «идейно-политическую порочность, фальшивое, искаженное изображение советских людей» была запрещена. Эти постановления перечеркивали надежды интеллигенции на то, что после войны репрессии не возобновятся и настанут более либеральные времена.

Суть постановлений не всегда была понятна районному начальству. Но надо было, не рассуждая, «проводить линию».

Первого октября 1946 года заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом МГК партии Каплан и заведующий сектором информации Подельщиков доложили Георгию Попову о «мероприятиях, проведенных в Москве в связи с постановлениями ЦК ВКП(б) о журналах „Звезда“ и „Ленинград“; о репертуаре театров и о фильме „Большая жизнь“»:

«В 14 районах г. Москвы проведено 60 закрытых партийных собраний, на которых выступило 583 человека из 3074 присутствующих. На 34 открытых партийных собраниях присутствовало 4023 человека и выступило в прениях 397 человек.

В Дзержинском, Молотовском и Фрунзенском районах проведено 7 совещаний, лекций и докладов для актива и редакционных работников, где выступило 13 человек из 1515 присутствующих… В Калининском, Кировском, Красногвардейском, Ленинском, Октябрьском, Первомайском, Пролетарском, Сокольническом, Сталинском, Таганском и Тимирязевском районах мероприятия не проводились…»

По каждому поводу райкомы рапортовали наверх о народной любви к вождю. 22 декабря 1947 года Каплан и Подельщиков доложили Попову:

«О горячей любви и об огромном доверии к Коммунистической партии, Советскому правительству, к т. Сталину говорят многозначительные записки и надписи, сделанные трудящимися г. Москвы на избирательных бюллетенях…

В них говорится: „С радостью отдаю свой голос за друга

народа — за т. Сталина“; „С Вашим именем, — пишет бывший воин, — я шел в бой против немцев. Мы победили потому, что Вы были с нами всюду“; „Живите, наш дорогой отец, долгие годы“; „Милый наш Сталин, — пишет одна пожилая избирательница, — солнце наше ясное, теплое. Много, много лет Вам жизни желаю“.

Много волнующих записок и надписей на избирательных бюллетенях посвящено т. Молотову. Избиратели выражают ему благодарность за неутомимую работу на посту министра иностранных дел СССР и желают успехов в дальнейшей работе…

„От всего сердца отдаю свой голос Вам, великий дипломат т. Молотов, желаю Вам долгих лет жизни“; „Приветствую Вас, Вячеслав Михайлович! — пишет другой избиратель. — Советский народ записал в историю Ваши замечательные слова: Советский Союз не просит, а требует справедливости“».

Идеологическая атмосфера становилась все более тягостной. Заворачивали даже те гайки, которые в военные годы вынужденно ослабили. 15 февраля 1947 года политбюро утвердило проект указа президиума Верховного Совета СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». По указанию ЦК ВКП(б) антифашистский комитет советской молодежи запретил советским молодым людям переписываться с иностранной молодежью — даже из социалистических стран.

Попытки заглянуть за железный занавес — без особого на то разрешения — не позволялись даже видным чиновникам. 22 мая 1947 года заведующий отделом внешней политики ЦК партии Михаил Андреевич Суслов доложил своему начальству:

«В Министерстве угольной промышленности западных районов СССР фильмы, получаемые из английского посольства, просматривались в помещении министерства и на квартире у министра т. Засядько. Эти просмотры организовывал заместитель управляющего делами министерства член ВКП(б) Я. Шрагер, который лично поддерживал связь с английским посольством через сотрудника редакции „Британского Союзника“ советского гражданина Ю. Л. Шер…

Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) в начале апреля с. г. сообщил о связях Министерства угольной промышленности с английским посольством в МГБ СССР (т. Питовранову). Спустя несколько дней т. Питовранов сообщил, что вышеизложенные факты подтвердились и Ю. Л. Шер арестован и в настоящее время находится под следствием».

Иначе говоря, контакты с иностранным посольством и просмотры иностранных художественных фильмов рассматривались как преступление против государства. Советские чиновники предупреждение поняли и от иностранцев шарахались

как от чумных.

Десятого августа 1948 года заместитель председателя Совета министров Климент Ефремович Ворошилов подписал распоряжение правительства, разрешающее открыть двадцать восемь новых православных храмов. Это не была его инициатива, такие вопросы, разумеется, предварительно решались в политбюро. Но Сталин вдруг передумал, и 28 октября последовало постановление политбюро:

«1. Указать тов. Ворошилову на то, что он поступил неправильно, подписав распоряжения Совета Министров СССР об открытии церквей и молитвенных зданий в ряде населенных пунктов, так как такого рода распоряжения должны утверждаться Советом Министров СССР.

2. Отменить подписанные т. Ворошиловым распоряжения Совета Министров СССР…»

Только что открытые церкви закрылись. И до самой смерти Сталина ни один новый православный храм не был открыт. Более того, в 1949 году стали закрывать и ранее функционировавшие церкви. К 1953 году больше тысячи храмов передали под клубы и склады.

Внутри самого аппарата идеологическая составляющая вышла на первый план. 28 мая 1946 года Георгий Попов на совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов напомнил, что обязанность партийного и советского работника повышать свой теоретический уровень — читать классиков марксизма, в первую очередь труды Сталина, и уж как минимум газеты:

— Нам надо более основательно взяться за это дело. Я не знаю, дошло до вас или еще нет, что мы в Московском комитете установили часы работы — начало в десять часов утра. Конец для инструкторов в восемь часов, и всем в девять часов. Секретарям в качестве исключения разрешается до одиннадцати-двенадцати часов. Причем формулировка была такова, что это делается в целях предоставления возможности для теоретической подготовки. Рекомендуем и в райкомах установить такой порядок. От этого получается большая польза. И международное положение сейчас довольно сложное, сейчас международному положению в газете отводится полторы полосы. Значит, надо время прочитать газету, вникнуть, так что, я думаю, некоторое упорядочение работы принесет пользу, но не за счет снижения напряжения. Я должен сказать, что люди стали больше ценить время. Когда они знают, что свою работу можно растянуть до трех-четырех часов ночи, они к своему времени не так относятся, а теперь, когда у них время ограничено, когда они должны

уложиться в определенное время, они больше ценят время…

Компонентом новой идеологической кампании стал насаждаемый сверху кадровый антисемитизм. Партийный аппарат очищали от евреев. Убрали из Фрунзенского райкома покровителя Фурцевой Петра Богуславского. Сотрудники аппарата ЦК в разговорах с представителями братских компартий откровенно хвастались:

— Товарищ Жданов вычистил всех евреев из аппарата Центрального комитета.

Сталинский антисемитизм был биологическим или, точнее, зоологическим. Еще оставалось некоторое количество евреев на достаточно видных постах; они вносили заметный вклад в науку, медицину, искусство. Поднятая Сталиным на вершину партийной номенклатуры малограмотная и злобная шпана в первую очередь боролась с конкурентами. Поэтому и в группу «безродных космополитов», и в группу «врачей-вредителей» включались и русские люди. Не только для того, чтобы замаскировать антисемитский характер кампании, но и для того, чтобы под шумок разделаться и с ними. В борьбе с «космополитами» выковалась сплоченная когорта профессиональных разоблачителей, как правило, бездарных людей, надеявшихся сделать карьеру за счет уничтожения коллег.

Чистка шла по всей стране. Евреев изгоняли из науки, медицины, высших учебных заведений, государственного аппарата, вооруженных сил. В результате едва не сорвалось создание атомной бомбы. Это были худшие времена для советской науки. Кибернетика была запрещена как буржуазная наука. Биологическая наука была уничтожена. Химическое отделение Академии наук провело сессию в подражание расправы, устроенной «народным академиком» Трофимом Денисовичем Лысенко в биологии, что нанесло огромный ущерб химии. На очереди стояла физика.

В 1948 году министр высшего образования Сергей Васильевич Кафтанов докладывал маршалу Ворошилову, заместителю председателя Совета министров по науке и культуре:

«Враждебные марксизму-ленинизму течения проникают в высшие учебные заведения через физику. В учебниках совершенно недостаточно показана роль русских и советских ученых в развитии физики; книги пестрят именами иностранных ученых…»

Физиков поделили на тех, кто понимал современную науку и мог работать в атомном проекте, и на тех, кого не взяли в проект по причине профессиональной непригодности. Люди с высокими учеными степенями отрицали квантовую теорию, теорию относительности как чуждые советской науке. Они утверждали,

что «для советской физики особое значение имеет борьба с низкопоклонством перед Западом, воспитание чувства национальной гордости».

Эти посредственные физики сконцентрировались в Московском университете и жаловались идеологическому начальству. Особенно их раздражало обилие евреев среди создателей ядерного оружия. Это давало надежду, что их праведный гнев будет услышан наверху.

Руководитель отдела науки ЦК Юрий Андреевич Жданов, сын члена политбюро и зять Сталина, докладывал своему начальству:

«Среди теоретиков физиков и физико-химиков сложилась монопольная группа: Ландау, Леонтович, Фрумкин, Френкель, Гинзбург, Лифшиц, Гринберг, Франк, Компанеец и другие. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности. Например, в школу академика Ландау входят одиннадцать докторов наук; все они евреи и беспартийные… Лаборатории, в которых ведутся работы по специальной тематике, возглавляются на восемьдесят процентов евреями».

Перечисленные младшим Ждановым ученые принесли советской науке мировую славу и сыграли важную роль в создании ракетно-ядерного оружия. Однако руководитель отдела науки ЦК не только не испытывал благодарности к людям, столь много сделавшим для родины, но и требовал проведения настоящих чисток по расовому признаку, какие за несколько лет до этого проходили в нацистской Германии.

Сторонников теории относительности обвиняли в отсутствии патриотизма.

Сергей Сергеевич Дмитриев, известный историк, профессор Московского университета, всю жизнь вел дневники. Они были опубликованы в журнале «Отечественная история». В марте 1949 года Дмитриев писал:

«Добираются до идеалистов и космополитов в физике и математике. Затрудняет, видимо, специальность этих областей науки. С „вообще“ здесь не подступишься, а знаний у „критиков“ (присяжных!) нет. Но ничего, придет пора и к ним ключики подберут… В борьбе с космополитизмом упускают страшного врага… всех женщин. Бóльших космополитов в деле мод (на платья, шляпы, прически, поведение, даже вкусы и взгляды) и пр. и представить себе нельзя. Пора, пора бы их вывести на чистую воду!»

Началась подготовка к Всесоюзной конференции физиков, которая должна была знаменоваться такой же большой чисткой,

которую Трофим Лысенко устроил в биологической науке. Уже заседал оргкомитет, выявлявший «недостатки» физической науки. В ситуации борьбы с космополитизмом это открывало широкие возможности для избавления от научных оппонентов.

В отличие от завистливых, но малограмотных идеологов руководитель атомного проекта профессор Иван Васильевич Курчатов понимал и значение теории относительности, и роль физиков-теоретиков. Он обратился за помощью к члену политбюро и заместителю главы правительства Берии. Лаврентий Павлович поинтересовался у Курчатова, правда ли, что квантовая механика и теория относительности являются идеалистическими. Курчатов ответил просто:

— Если их запретят, то и атомной бомбы не будет.

Берия пожаловался Сталину. Для вождя бомба была важнее идеологии. Советская физика была спасена…

Секретариат ЦК принял постановление:

«Во изменение постановления ЦК ВКП(б) от 31 января 1949 года отложить созыв Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики высших учебных заведений и научных работников Отделения физико-математических наук Академии наук СССР ввиду неподготовленности этого совещания».

В начале сентября 1949 года Екатерина Фурцева выступала на пленуме горкома, который обсуждал вопрос «О руководстве партийными организациями научно-исследовательских институтов».

— Великий корифей науки, вождь партии и советского народа товарищ Сталин, — начала Екатерина Алексеевна, — определил как коренную особенность передовой советской науки — она «готова передать народу все завоевания науки, обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой». Товарищ Сталин в своей исторической речи 9 февраля 1946 года поставил задачу: «Не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Первый секретарь райкома назвала цифры. Во Фрунзенском районе насчитывалось тридцать научно-исследовательских институтов: семнадцать медицинских, девять технических, четыре гуманитарных. Двадцать четыре действительных члена и члена-корреспондента Академии наук СССР и отраслевых академий. Тридцать семь ученых удостоились Сталинских премий, девятнадцать получили почетное звание заслуженного деятеля науки.

— Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, — продолжала Фурцева, — и «Закрытое письмо ЦК о деле профессоров Клюевой и Роскина» явились важными событиями в

идейной жизни страны и могучим средством воспитания нашей интеллигенции в духе советского патриотизма, борьбы против проявлений безыдейности, аполитичности и раболепия перед загнивающей буржуазной культурой.

Первый секретарь Фрунзенского райкома Екатерина Фурцева оказалась в центре печально знаменитого «дела К-Р».

Григорий Иосифович Роскин, биолог европейской известности, с 1930 года заведовал в МГУ кафедрой гистологии и лабораторией биологии раковой клетки. В 1931-м он установил, что одноклеточный микроорганизм трипаносома и экстракт из его клеток тормозят развитие опухолей у животных. В 1939 году он познакомился с профессором микробиологии Ниной Георгиевной Клюевой, которая увлеклась идей создания лекарства от рака. После войны они представили на клинические испытания препарат, полученный из трипаносомы, под названием круцин. Препарат улучшал самочувствие больных раком и замедлял развитие опухолей.

Как раз в марте 1946 года появилось постановление об увеличении зарплаты научным работникам, особые милости были оказаны академикам — им раздавали квартиры, дачи и машины. Сталин боялся, что научные достижения утекут за границу, поэтому ученых отгородили от внешнего мира, сначала им запретили публиковать свои труды на иностранных языках, а затем и получать мировую научную литературу. Советская наука оказалась в изоляции.

В июне 1946 года на пленуме Фрунзенского райкома обсуждался вопрос «О состоянии партийно-политической работы в партийных организациях научных учреждений». Чем откликнулся райком на требование увеличить роль науки? Потребовал избирать секретарями партийных организаций научных институтов научных работников, потому что выяснилось: абсолютное большинство секретарей партбюро не имели даже высшего образования…

Разработка Клюевой и Роскина получила поддержку в Академии медицинских наук. Клюева написала письмо члену политбюро Андрею Александровичу Жданову с просьбой о поддержке. 21 ноября 1946 года Жданов принял Клюеву и Роскина и приказал подготовить постановление правительства, которое 23 декабря подписал Сталин. Министерству по строительству военных и военно-морских предприятий было приказано воздвигнуть новое здание лаборатории, Министерству здравоохранения — оснастить ее всем необходимым оборудованием. Этим проектом занимался лично маршал Ворошилов, который в правительстве курировал медицину.

На беду Роскина и Клюевой их работа привлекла мировое внимание.

«Посольство получало множество писем из Соединенных Штатов от больных раком или от их родных, которые прослышали о новой надежде, — вспоминал американский посол в Москве Уолтер Беделл Смит. — Я считал, что наука и человеческие страдания не знают границ. Я по телефону попросил о встрече с президентом Академии медицинских наук. Он сказал мне, что лекарство К-Р находится еще на стадии разработки. Он предложил мне самому съездить в лабораторию. Он позвонил в лабораторию и договорился о встрече на следующий день.

На следующее утро мне позвонили из Министерства здравоохранения и сделали выговор за нарушение протокола — я должен был получить разрешение министра прежде, чем встречаться с Клюевой и Роскиным. С переводчиком я поехал в министерство и был любезно принят министром. Министр оказался не врачом и не ученым, а функционером коммунистической партии. Вместе со мной в институт отправили представителя, говорящего по-английски. Клюева и Роскин оказались мужем и женой, обаятельными людьми, преданными друг другу и своей работе…

Я обещал им от имени американского правительства всяческую помощь, в том числе посылку специального самолета с холодильником для отправки образцов лекарства в Соединенные Штаты — на той стадии, когда это можно будет сделать. Они в свою очередь рассказали, что Василий Ларин, ученый секретарь Академии медицинских наук, скоро поедет в США во главе советской делегации, и он расскажет о ходе работ американским коллегам. Они сдержали свое слово. Они прислали текст книги. Доктор Ларин выступил на пресс-конференции в Вашингтоне. А вот последствия. Ларин после возвращения был арестован и осужден. Роскин и Клюева тоже пострадали…»

Академик-секретарь Академии медицинских наук Василий Васильевич Ларин был одним из крупнейших физиологов. Он оставил американцам ампулы с препаратом. Это было оценено как раскрытие государственной тайны. Академика Парина приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения (его реабилитировали только после XX съезда). Визит посла в институт сочли мероприятием американской разведки. А поведение создателей круцина — низкопоклонством перед Западом. В их квартире чекисты установили подслушивающую аппаратуру. Записи разговоров поступали лично Сталину. Множество государственных забот были отложены в сторону. Вождь занимался только этой историей.

Министр здравоохранения Георгий Андреевич Митерев потерял должность. Его поставили руководить санитарно-гигиеническим институтом. Новому министру генерал-полковнику Ефиму Ивановичу Смирнову (недавнему начальнику Главного военно-медицинского управления вооруженных сил) Сталин приказал провести суд чести над Клюевой и Роскиным. Жданов редактировал текст обвинительного заключения.

За день до суда, 13 мая 1947 года, Сталин призвал в Кремль трех доверенных писателей — Александра Фадеева, Константина Симонова и Бориса Горбатова, который был секретарем партийной организации Союза писателей. Симонов записал сталинский монолог. Вождь сказал, что задача номер один — покончить с преклонением перед иностранцами:

— В эту точку надо долбить много лет, лет десять надо эту тему вдалбливать.

Так началась всесоюзная идеологическая кампания, которая в реальности пережила и Жданова, и Сталина. Не десять лет, как велел Сталин, а много дольше внушали ненависть к заграница и Америке в первую очередь, страх перед любым контактом с иностранцем, который наверняка шпион.

Шестнадцатого июля 1947 года всем партийным секретарям разослали «Закрытое письмо о деле профессоров Клюевой и Роскина», о котором на пленуме горкома говорила Екатерина Фурцева. В письме утверждалось, что ученые, «руководствуясь соображениями личной славы и дешевой популярности, не устояли перед домогательствами американских разведчиков и передали американцам научное открытие, являющееся собственностью Советского государства». В письме осуждались некоторые работники, «готовые оказать любую услугу иностранному разведчику ради пары льстивых, ласковых слов». ЦК требовал воспитывать советскую интеллигенцию «в духе несгибаемой воли и характера, в духе способности противостоять любому коварному приему иностранных разведок, готовности в любых условиях и любой ценой защищать интересы и честь Советского государства».

Фурцева как первый секретарь района, где сконцентрированы медицинские институты, железной рукой проводила сталинские директивы в жизнь. В июне 1948 года Екатерина Алексеевна собрала пленум райкома. Обсуждался вопрос «О работе партийных организаций научных учреждений и вузов района по осуществлению указаний товарища Сталина о дальнейшем развитии науки». Пригласили всех руководителей научных учреждений района и устроили им то, что в те годы называлось накачкой. Политическая благонадежность была важнее научных

успехов.

— Райком партии, проверяя, как выполняют партийные организации указания, данные в Закрытом письме ЦК ВКП(б), — докладывала Екатерина Алексеевна на пленуме, — несколько раз обсуждал на пленумах и заседаниях бюро вопросы идеологической работы, заслушал отчеты секретарей партийных организаций ряда институтов. Основные недостатки — слабая постановка в некоторых институтах идейно-политического воспитания научных сотрудников и недостаточное развертывание критики и самокритики. Коммунисты института биохимии подвергли критике книгу профессора Рубинштейна «Общая физиология», в которой изложение материалов было основано на некритическом использовании работ буржуазных авторов. Значение классиков русской и мировой науки Сеченова и Павлова полностью игнорировалось… В институте юридических наук партийная организация вскрыла грубые политические ошибки в научных работах профессоров Ошеровича, Шифмана, Гурвича. Бывший заведующий сектором института Гурвич на протяжении многих лет восхвалял зарубежную правовую науку и не показал принципиального отличия и преимущества советской демократии над демократией буржуазной… Особенно крупные ошибки были допущены в работе партбюро Института организации здравоохранения и истории медицины. Коммунисты института своевременно не разоблачили космополитических взглядов бывшего заместителя по науке профессора Страшуна. Вопреки исторической истине он изображал великого русского хирурга Пирогова убежденным западником. Райком просмотрел и своевременно не вскрыл крупных недостатков в работе парторганизации института и не укрепил руководство…

В августе 1948 года на сессии Всесоюзной академии сельхознаук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) Трофим Денисович Лысенко выступил с докладом «О положении в советской биологической науке». Появление этого доклада знаменовало начало погрома биологии в нашей стране, что самым бедственным образом сказалось на сельском хозяйстве. Прежде всего выгоняли научных работников, которые не считали генетику лженаукой. Называли их вейсманистами-морганистами.

Немец Август Вейсман и американец Томас Хант Морган принадлежат к числу создателей генетики. Кстати говоря, Морган, автор хромосомной теории наследственности, был в 1932 году избран почетным членом Академии наук СССР. Но в 1940-е годы ярлык «вейсманист-морганист» звучал так же страшно, как «троцкист».

— В ряде институтов, — сообщила Фурцева товарищам по

партийному руководству, — среди некоторой части научных работников были распространены реакционные взгляды вейсманизма-морганизма. В институте судебной психиатрии, в первом и втором медицинских институтах руководство некоторыми лабораториями и кафедрами находилось в руках сторонников вейсманизма. Обсуждение решений сессии ВАСХНИЛ помогло институтам перестроить направление научной работы и укрепить состав научных учреждений передовыми советскими учеными — последователями мичуринской биологии…

Фурцева обещала бороться за большевистскую партийность и высокий идейный уровень научной работы во вверенном ей районе:

— Райком партии организовал циклы лекций для самостоятельно изучающих историю ВКП(б) по произведениям В. И. Ленина и И. В. Сталина, диалектический и исторический материализм, вопросы внешней политики. Лекторской группой райкома было прочитано в институтах 216 лекций по вопросам маркистско-ленинской теории…

Екатерина Алексеевна рассказала, какие меры принял райком партии для исправления ошибок в подборе и расстановке кадров в научных институтах:

— Партийная организация института угольной промышленности разоблачила и исключила из рядов ВКП(б) некоего Тищенко, в прошлом активного участника троцкистской оппозиции… Выполняя решение бюро МГК, райком партии проверил положение с научными кадрами в институте питания Академии медицинских наук. На должность ученого секретаря была принята некая Рудошевская, в прошлом активная участница анархистской организации. Научный сотрудник Пустыльникова состояла в партии меньшевиков… Обсуждение настоящего вопроса на пленуме МГК, — заключила Фурцева, — поможет райкому устранить имеющиеся недостатки и под руководством Московского городского комитета партии мобилизовать коммунистов-ученых и беспартийных на выполнение задач, поставленных перед учеными нашей страны вождем партии и советского народа великим Сталиным!

В чем был смысл подобных идеологических кампаний? Зачем устраивать истерику в масштабе всей страны?

Писатель Константин Михайлович Симонов вспоминал, как в мае 1947 года руководителей Союза писателей принимал Сталин. Обсуждали текущие дела. И вождь вдруг сменил тему:

— Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно

воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше…

В аппарате ЦК составили «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». В нем говорилось:

«Во всей политической работе необходимо настойчиво подчеркивать, что сейчас нет другого народа, который имел бы такие великие заслуги перед человечеством, какие имеет советский народ…

Нужно вскрывать духовное обнищание людей буржуазного мира, их идейную опустошенность… Нужно показывать растление нравов в капиталистическом обществе, моральную деградацию людей буржуазного мира. Необходимо в то же время подчеркивать моральное превосходство и духовную красоту советского человека, работающего на пользу всего общества.

В основу работы по воспитанию советского патриотизма должно быть положено указание товарища Сталина, что даже „последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства“».

Симонову казалось, что в словах Сталина есть резон, что воспитание советского патриотизма полезно для страны. В реальности это служило усилению холодной войны и разжиганию враждебности к Западу.

Профессор Сергей Дмитриев в марте 1949 года описал в дневнике заседание ученого совета исторического факультета: обсуждали меры по очищению факультета от космополитов, говорили о троцкизме, о вражеской, подпольной работе группы историков…

Дмитриев изумленно спросил коллегу:

— Что лежит в основе всего этого дела?

— Война, — ответил тот. — Готовить нужно народ к новой войне. Она близится.

В 1948 году на посту первого секретаря Фрунзенского райкома Богуславского сменила Екатерина Алексеевна Фурцева. Она шесть лет проработала в райкоме. Научилась и привыкла командовать мужчинами. В то время партийный аппарат практически полностью состоял из мужчин. Нравы городского и районного начальства в Москве были далеки от либеральных.

Чтобы доказать свое право быть хозяином района, Екатерине Фурцевой пришлось усвоить многие привычки и манеры мужчин-руководителей. Она научилась не робеть в мужском коллективе, не смущалась шуточкам известного свойства, могла прилично выпить и при необходимости послать по матушке.

При этом она не забывала, что привлекательная женщина обладает и другими средствами воздействия на мужской коллектив. Фурцева была красивой и приветливой женщиной, держалась непринужденно, без начальственной позы, но по-хозяйски уверенно, вспоминал Дмитрий Квок, сотрудник Фрунзенского райкома. Ответственная, требовательная, собранная и работоспособная, Екатерина Алексеевна держала слово, выполняла обещанное.

Она, например, «требовала от институтов, расположенных в районе, выполнения социалистических обязательств к определенным датам: к 1 мая изобрести вакцину и полностью ликвидировать рак, к 7 ноября выпустить действенный препарат против туберкулеза. Изучаете детскую корь? Поработайте так, чтобы к следующему бюро райкома кори не было…»[1].

— Я должна первая рапортовать товарищу Сталину о наших победах, — повторяла секретарь райкома Фурцева.

В Москве ее ценили как мастерицу массовых мероприятий. Шла ли речь об очищении районного аппарата от выходцев из Северной столицы в разгар мрачного «ленинградского дела» или о пропагандистском обеспечении столь же позорного «дела врачей», Екатерина Алексеевна неизменно опережала коллег-секретарей.

Новый первый секретарь Фрунзенского райкома рассчитывала на продолжение карьеры и позаботилась о том, чтобы получить политическое образование. В том же 1948 году Фурцева заочно (без сдачи экзаменов) окончила Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Высшая партшкола создавалась для достигших немалых высот практических работников, не имеющих ни образования, ни времени, а чаще и желания его получить.

Первый секретарь райкома Фурцева получала две с половиной тысячи рублей, простые секретари — по две тысячи. В последние сталинские годы для высокопоставленных чиновников ввели доплату — так называемое денежное довольствие или, как тогда говорили, конверты. Это была, собственно, вторая зарплата. Эти деньги нигде не фиксировались, ни налоги, ни партийные взносы с них не платили. Сейчас бы их назвали «черным налом».

Заведующий отделом райкома получал тысячу четыреста рублей, заведующий особым сектором — тысячу двести,

инструктор и помощник первого секретаря — тысячу сто. Много это или мало? Средняя заплата рабочего или городского служащего составляла в то время примерно шестьсот с небольшим рублей.

Для сравнения — секретарю ЦК партии платили в месяц восемь тысяч рублей и еще двадцать тысяч составляло так называемое «денежное довольствие», то есть вторая зарплата в конверте. Тратить эти деньги было не на что. Все необходимое руководство получало через закрытые распределители.

Наличных было так много, что вожди решили демонстративно себя ограничить. В 1949 году приняли постановление политбюро:

«Согласно пожеланию членов и кандидатов Политбюро ЦК ВКП(б), изменить постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1947 года за № П61/10 и сократить размер денежного довольствия для членов и кандидатов Политбюро ЦК ВКП(б) с 25 000 до 20 000 рублей в месяц с первого июля 1949 г.».

Но и 20 тысяч были огромными деньгами. Толстые пакеты с купюрами высшие руководители держали в служебных сейфах или отдавали неработающим женам, которые регулярно совершали рейды по спецбазам и магазинам.

«Отправив руководящих мужей на работу, жены созванивались между собой и договаривались о поездке, — вспоминал сын генерала Николая Кузьмича Богданова, заместителя министра внутренних дел СССР. — Потом обращались к своим мужьям с просьбой прислать машину. Иногда каждая из высокопоставленных дам ехала на своей машине, порой объединялись вместе. На автомашинах ряда руководящих работников тогда имелись правительственные гудки, представлявшие собой две удлиненные хромированные дудки, устанавливавшиеся на переднем бампере перед радиатором. Они издавали низкий трубный звук. Едва завидев машину с гудками, инспектора милиции немедленно включали зеленый свет, а если был подан звуковой сигнал, то вообще сходили с ума, обеспечивая беспрепятственный проезд».

За большими начальниками тянулись чиновники пониже рангом.

Семнадцатого июня 1946 года Георгий Попов получил анонимное письмо от инструкторов горкома и обкома с жалобой на заместителей секретарей МК и МГК, которые плохо работают, зато славно устраивают свои делишки:

«Живут они все в хороших квартирах, им нет дела до ремонта общежитий, завоза и заготовки дров, ведь у большинства есть газ и безлимитное пользование электроэнергией. Их интересует

главным образом самоснабжение, автомашина и кремлевский телефон. Государственный бензин тратится на ежедневные разъезды их жен в магазины, на дачу, театры и другие места, в то время как инструктор не имеет права сам выехать на автомашине в район или на завод…

Заместители секретарей используют технических секретарей для посылок в сапожную мастерскую, театральную кассу, на склад, в аптеку, магазин и другие места. Спрашивается, почему у зам. секретарей такие барыни жены, что они на трамваях ездить не могут, а для этого требуется использовать технических секретарей… Поинтересуйтесь, сколько зам. секретарей сшили себе в 1945–1946 годах мужских и дамских пальто, ботинок, костюмов и так далее, и Вы увидите — они шьют не только своим семьям, но и братьям, сестрам, знакомым. А сколько вещей они получают со склада? А сколько звонков они делают на заводы, мастерские, ателье директорам с просьбами разными?..

Футбол они не пропускают, по три-четыре раза в неделю в театр ходят (проверьте, кто сколько билетов берет) и платно, и бесплатно, да часто днем в кино захаживают… А сколько гонору, зазнайства, ходят — земли под собой не чувствуют, не то что инструктору руку подать, так он не поздоровается и нос отвернет…»

Сейчас даже смешно читать, какими скромными привилегиями пользовались партийные работники в первые послевоенные годы. Но условия жизни обычных москвичей были совсем скудными. Магазины пустовали. Екатерина Алексеевна Фурцева, молодая и интересная женщина, хотела красиво одеваться, но не было возможности.

«Большинство партийных и советских работников носили кепки или фуражки, — вспоминал Георгий Попов. — И лишь те государственные деятели, которые были связаны с внешним миром, а также некоторые представители свободных профессий носили шляпы. К шляпам в широких массах было предубежденное отношение… В то время шляпы в магазине продавали по более дешевой цене, чем кепки, и все же покупалось, да и производилось шляп мало, и по качеству они были неважные…

Помню, как я находился на центральной трибуне мавзолея во время парада и демонстрации. Ко мне обратился Сталин и, указывая на одного товарища, стоявшего на левой трибуне, спросил:

— Что это у него на голове?

Я ответил, что это секретарь райкома партии, железнодорожник по профессии. Одет он в железнодорожную шинель черного цвета, а на голове у него кепка, видимо, не из

новых.

Сталин сказал, что надо носить или шляпу, „как Молотов“, или такую фуражку, — и снял со своей головы фуражку полувоенного образца. Этого указания оказалось достаточно для того, чтобы изменить отношение к шляпам. На другой день я передал товарищам по МК партии замечание И. В. Сталина о головных уборах для мужчин.

Председатель Моссовета Пронин пригласил в Моссовет представителей торговых организаций с образцами шляп. Актив обзавелся шляпами. Постепенно в эту моду стали втягиваться не только городские, но и районные работники… Советские женщины носили береты или что-то похожее на них. Однажды на параде Сталин сказал:

— Когда смотришь иностранные журналы, то женщины Запада кажутся высокими, а у нас они ниже, на голове носят какие-то блины. Нельзя ли для женщин придумать что-то более красивое?

Наша легкая промышленность развернула производство дамских шляп. Шляпы из года в год делались более замысловатыми и высокими…»

Тридцатого мая 1946 года Попов выступал на собрании текстильщиков Москвы и области:

— Вот у нас здесь, в Петровском пассаже, выставка товаров широкого потребления. Заходите в отдел текстиля, и что вы там видите? Видите хорошие ткани. Но что пишут все посетители? Ткани хорошие, но их не видно в магазинах… С другой стороны, эта выставка показывает, что у нас очень неблагополучно с одной половиной населения, потому что о женщинах еще забота есть, а о мужчинах просто забыли. Вот попробуйте найти материал для костюма. Подходящего не найдете. У нас почему-то в текстиле годами изготавливаются только два сорта материи, это «Метро» и «Ударник», и от этого ни на шаг. Я думаю, что надо дать какой-то другой сорт, что же все «Метро» да «Метро», давайте хотя бы «Газопровод». Был сорт «Люкс», но теперь его нет…

В рамках программы репараций державы-победительницы вывозили из оккупированной Германии целые заводы. Репарации имели большое значение для послевоенной экономики СССР и его союзников. Особенно интересовали победителей радиолокаторы, управляемые ракеты, самонаводящиеся торпеды, биологическое и химическое оружие… Интересовались экзотическими проектами, скажем, идеей временного ослепления войск врага с помощью ультрафиолетовых волн. В таких направлениях, как ракетостроение и подводные лодки, Германия была мировым лидером.

Первого июня 1946 года Попов отправил записку Берии:

«На предприятия Москвы завезено 45 336 единиц трофейного оборудования. Однако значительное количество его не используется. Так, например, на предприятия авиационной промышленности поступило 11 700 единиц различного оборудования, используется же только 8763, на предприятия автомобильной промышленности завезено 8574, используется 7081, на предприятия электропромышленности завезено 5637, используется только 1688. В ряде случаев вследствие небрежного хранения оборудование приходит в негодное состояние.

МК ВКП(б) вносит предложение:

Образовать правительственную комиссию для решения вопроса о рациональном использовании трофейного оборудования на предприятиях г. Москвы и Московской области…»

Вывезенное из Германии ценное оборудование плохо использовали. Иногда оно просто пропадало.

«Иностранцы, которые приезжали в Москву из Берлина на поезде, — вспоминал работавший в Советском Союзе американский дипломат, — рассказывали, что на всем пути станции забиты вывезенными из Германии станками, большая часть которых гибнет под снегом и дождем».

Между тем немецкий станочный парк дал возможность советской индустрии двинуться вперед. Георгий Попов созвал директоров предприятий Москвы и потребовал создать новейшую газовую аппаратуру:

— Товарищ Сталин дал специальное указание, чтобы газ создал бытовые условия для рабочих и служащих Москвы более благоприятные, а затем направить газ на вытеснение дров. Причем товарищ Сталин строго подчеркнул и сказал, что в этом главное в газификации Москвы… Для этого потребуется организовать производство топливной аппаратуры, не только аппаратуры для приготовления пищи, подогревания воды, счетчиков, а топливной аппаратуры, которую мы никогда не производили… Поэтому надо сейчас поработать, чтобы мы могли бы показать правительству, что вот, мол, московская промышленность, союзная, республиканская, местная промышленность могут делать вещи не хуже, чем в Германии, не хуже, чем в Америке, а отделка должна быть лучше…

Двадцатого января 1947 года Попов провел в горкоме совещание, посвященное строительству высотных домов в Москве:

— Ведь товарищ Сталин что сказал? …Ездят у нас в Америку, а потом приезжают и ахают — ах какие огромные дома! Пускай ездят в Москву, также видят, какие у нас дома, пусть ахают… Вот

приезжает в Москву человек, с вокзала он будет видеть большое здание, поднимется к Красным Воротам — он будет иметь прекрасный большой жилой дом. Возьмите площадь Восстания — одно из прекрасных мест, но оно еще не обустроено хорошими домами. Там будет большая площадь, рядом будет построен дом Министерства госбезопасности, там строит дом Главсевморпуть, МГБ. Все это получается целое, прекрасное — от улицы Маяковского до площади Восстания… У Устинского моста будет построен дом Министерства внутренних дел… Построим несколько административных зданий. Совет министров у нас здания не имеет. То, что он имеет, хватает только для кабинетов, а аппарат сидит чуть ли не в подвале или на чердаке…

Поручения вождя исполнялись немедленно, если Сталин давал их кому-то лично. Все остальные идеи и указания повисали в воздухе, самое невинное поручение пытались спихнуть на кого-то другого. Полное отсутствие инициативы и самостоятельности было возведено в принцип государственного управления: ничего не решать без товарища Сталина!

— Мы, секретари ЦК, — говорил на совещании партийных работников Алексей Александрович Кузнецов, переведенный в Москву из Ленинграда, — очень многих вопросов не решаем самостоятельно, в этих вопросах мы между собой советуемся и очень часто ставим выше, перед товарищем Сталиным, и по каждому вопросу получаем указания, а вы чересчур самостоятельно решаете.

Алексея Кузнецова эти слова не спасли. В 1949 году разразилось знаменитое «ленинградское дело». По этому делу арестовали, судили и расстреляли видных партийных работников, выходцев из Ленинграда. Это дело держалось в тайне. Родные и не подозревали, что их отцов и мужей уже расстреляли.

Все это были люди, замеченные Сталиным и назначенные им на высокие посты. Среди них секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов, член политбюро, председатель Госплана и заместитель главы правительства Николай Алексеевич Вознесенский, член оргбюро ЦК и председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов.

Ленинградцев обвинили в том, что они проводили вредительско-подрывную работу, противопоставляя ленинградскую партийную организацию Центральному комитету. Говорили, что они хотели создать компартию России, чтобы поднять значение РСФСР внутри Советского Союза, и перевести российское правительство из Москвы в Ленинград.

Председатель Совмина России Михаил Родионов в сентябре 1947 года обратился к Сталину с предложением рассмотреть

вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР:

«Создание Бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Советское Правительство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом Министров РСФСР».

Ничего нового глава российского правительства не предлагал. Летом 1936 года политбюро по инициативе Сталина уже создавало при ЦК Бюро по делам РСФСР «для предварительного рассмотрения хозяйственных и культурных вопросов, подлежащих обсуждению в Совнаркоме или в наркоматах РСФСР». Бюро возглавил член политбюро и секретарь ЦК Андрей Андреевич Андреев. Но структура оказалась мертворожденной. Ключевые вопросы все равно решались политбюро. Михаил Родионов всего лишь хотел реанимировать сталинскую же идею. Но выбрал неудачный момент…

После XX съезда начнут говорить, что Кузнецов, Вознесенский и другие стали жертвами Георгия Маленкова и Лаврентия Берии. Они разделались с молодыми и талантливыми соперниками: скомпрометировали ленинградцев в глазах Сталина, который хорошо к ним относился, продвигал. На июньском пленуме ЦК в 1957 году Хрущев говорил, обращаясь к Маленкову:

— Сталин был против ареста Вознесенского и Кузнецова, был против, а иезуитские звери, Берия и Маленков, внушили Сталину и подвели Вознесенского, Кузнецова и Попкова к аресту и казнили. Твои руки, Маленков, в крови, совесть твоя нечиста. Ты подлый человек!

Конечно, в Кремле многие друг другу гадили и при случае топили. Но «ленинградское дело» — это не самодеятельность Маленкова, Берии и министра госбезопасности Абакумова. «Ленинградское дело» было задумано самим Сталиным, как и все другие крупные дела. Без его ведома в Кремле и дворника не могли тронуть, не то что секретаря ЦК и члена политбюро.

В газетах о «ленинградском деле» не было ни слова. Но в огромном партийном аппарате знали, что фактически наказана целая партийная организация. Сняли с работы сотни партработников, выходцев из Ленинграда, которые к тому времени работали по всей стране. Двадцать три человека были приговорены к высшей мере наказания, восемьдесят пять получили различные сроки тюремного заключения, одного поместили в психиатрическую больницу для принудительного лечения и еще сто пять человек постановлениями особого совещания МГБ отправили в ссылку в отдаленные районы страны.

В то время и Фурцева участвовала в исполнении приказа — выявлять в своем районе и убирать отовсюду ленинградских выдвиженцев.

Партийный аппарат понял, что неприкасаемых в стране нет и не будет. Это был урок, показательная акция, чтобы все видели: даже целую ленинградскую партийную организацию не пожалели! Это впечатляло. Партработникам лишний раз давали понять, что они находятся под жестким контролем. Во всем аппарате закручивали гайки.

Почему выбрали Ленинград?

Ленинградцы с 1920-х годов воспринимались как оппозиция по отношению к Москве, и это пугало Сталина. Он не доверял ленинградцам. Массовые репрессии ленинградских партработников были сигналом всей стране: никакой самостоятельности! По каждому поводу просить разрешения у ЦК, а то будет как в Ленинграде.

А московский хозяин чем дальше, тем держался все более уверенно. Георгий Михайлович Попов считал, что ему остался всего один шаг до Олимпа — политбюро. И этот шаг скоро будет сделан. Он и так уже принадлежал к высшему руководству страны.

Девятнадцатого декабря 1947 года приняли постановление политбюро:

«Закрепить за членами политбюро и кандидатами в члены политбюро ЦК ВКП(б), секретарями ЦК ВКП(б) и членами их семей следующие автомашины Гаража особого назначения (ГОН) Главного Управления Охраны МГБ СССР».

В этом списке значился и Георгий Попов. За хозяином Москвы закрепили: «кадиллак», ЗИС-110 и «М-20 Победа». Первые две машины — для самого, а «Победа» — для семьи, не ходить же родным столичного руководителя пешком.

Георгий Попов, избалованный вниманием вождя, даже с высокопоставленными чиновниками разговаривал высокомерно. 29 июля 1946 года в МГК ВКП(б) заседала комиссия по проведению Дня танкиста в Москве. Первый секретарь внушал военным:

— Имейте в виду, что такое Москва. Это не Дом правительства, не корпус «А», не корпус «Б», это не здание Моссовета, не здание МК, не здание ЦК. Это пятьдесят тысяч хламья-домов. Каждый проход танков сопровождается разрушением домов. После каждого парада валятся дома. У «Форума» (кинотеатр. — *Л. М.*) в прошлом году стояли танки, дом развалился, людей куда-то девай. Я в Моссовете был, он трясется как осиновый лист, когда танки идут. Я говорил товарищам

Берии, Маленкову и Булганину, убедительно просил не показывать тяжелых танков в Москве. После парада Первого мая всю улицу Горького перерывали. У Моссовета мы только привели в порядок улицу, один танк развернулся, все вывернул. Я прошу показ танков отложить до введения резиновых гусениц…

Георгий Попов умело использовал юбилей столицы, чтобы укрепить свои позиции. 26 мая 1947 года он отправил Сталину записку:

«МК и МГК ВКП(б) просят ЦК ВКП(б):

1. Разрешить отметить 800-летие основания Москвы.

2. Установить день празднования 800-летия Москвы — воскресенье 7 сентября 1947 г.».

Тридцатого мая Сталин подписал постановление Совета министров СССР «О 800-летии Москвы». 13 августа вышло новое постановление — «О строительстве памятника основателю Москвы Юрию Долгорукому». 14 августа утвердили комитет по проведению празднования во главе с Поповым.

Двадцать третьего августа 1947 года под председательством второго секретаря обкома Бориса Черноусова заседала комиссия по культурно-массовым мероприятиям правительственного комитета по проведению празднования 800-летия Москвы:

— Вчера, — говорил Попов, — зашел такой разговор, что артисты требуют оплаты за выступления в юбилейные торжества. По-моему, спектакли — по заработной плате, а выступления на эстраде должны быть делом чести. По-моему, это даже неловко, надо, чтобы комитет как-то намекнул… Деньги мы, конечно, найдем, но не в этом дело. Дело в отношении наших советских работников искусства к 800-летию… Я имею в виду только 7 сентября. За концерт 6-го — платить, в Большом театре будут выступать — платить, а 7-го, когда отмечается 800-летие, выступления должны быть для народа, 8-го — платить и 9-го платить, а 7-го чтобы были патриотические выступления, иначе неудобно… Надо, чтобы на эстрадах у нас появились народные артисты, чтобы корифеи выступили. Пирогов пускай поет, Рейзен пускай не пожалеет своего голоса. Причем ведь это через микрофон, так что они свой голос потерять не могут, будут петь обычным голосом, а радио будет им помогать, будет усиливать. На площади соберется цвет всей нашей столицы, народа придет много, а того не услышат, того не увидят…

Седьмого сентября по указанию Георгия Попова московские театры работали бесплатно.

Праздник готовил весь московский аппарат, все районы. Для Фурцевой это была задача номер один. Екатерина Алексеевна знала, что в таком деле промаха не простят. Во Фрунзенском

районе в праздничный день открылись все кинотеатры, парки, Дома культуры, райком и райисполком организовали уличные концерты и народные гулянья. Торговали булочками, пирожными, пряниками, мороженым и конфетами.

От имени московской власти Георгий Попов устроил прием, там были и иностранные гости, поразившиеся роскошью (в скудное послевоенное время!) угощения. Меню сохранилось: икра зернистая, икра паюсная, расстегаи с рыбой, балык белорыбий, лососина малосоленая, раки в пиве, поросенок, галантин из пулярки, стерлядь волжская в шампанском, рябчики сибирские…

Когда Попову показали вырезки из иностранных газет, он был раздражен:

— Они что, голодают там? Только о еде и пишут. А о выставках, канале, метро, новых домах — почти ни слова. Это же главное у нас!

После юбилея столицы начался период особой близости Попова к вождю. Сталин верил, что молодой и напористый московский секретарь легко решит все проблемы, заниматься которыми вождю уже не хотелось. Авторитет Георгия Михайловича с каждым днем рос. Все это видели. Вокруг московского хозяина группировались московские прозаики и драматурги, готовые воспевать дела главы города. Стремительно делавший карьеру в писательском цехе Анатолий Владимирович Софронов написал по его заказу пьесу «Московский характер». Лучшие театры страны — МХАТ и Малый — вынуждены были ее поставить. На спектакль Попов уговорил прийти Сталина…

Отсвет растущего влияния Попова ложился и на его подчиненных. Городские партийные работники приобретали вес и силу. Возглавить район, стать одной из немногих женщин, вознесенных на высокий пост, было огромной удачей для Екатерины Алексеевны Фурцевой.

На собрании партийного актива Фрунзенского района 27 сентября 1949 года говорилось о том, как партийные организации района реагируют на критику Московского комитета партии.

— Как правильно отмечала в своем докладе товарищ Фурцева, — докладывал секретарь партбюро одного из заводов, — одним из недостатков работы партийной организации и других звеньев нашего завода была плохая проверка принятых в большинстве своем хороших решений. Прежде всего было проведено обсуждение результатов пленума МГК ВКП(б) во всех звеньях: на партийном комитете завода, на активе, на совещании инженерно-технических работников, на производственном совещании, а также на агитколлективах — с тем, чтобы все агитаторы нашего завода могли провести необходимые беседы с

коллективами цехов. В результате сейчас весь коллектив завода нацелен на то, чтобы в кратчайший срок снизить потери от брака, потери отходов и выпускать продукцию исключительно высококачественную и первого сорта.

Выступавшие обрушились на работу партийной организации Министерства местной промышленности РСФСР:

— В министерстве есть небольшая группа работников — сотрудники технического отдела, которые использовали свое служебное время для извлечения дополнительной зарплаты. В министерстве разрабатываются технические условия, потом эти технические условия печатаются, и эти товарищи получают авторские в то время, как эта работа должна выполняться за ту зарплату, которую работники отдела получают. Короче говоря, отдельные работники используют издательство в своих личных целях. Это объясняется тем, что партийное бюро не вскрыло вовремя этого безобразия. Больше того, нужно сказать, что бывший секретарь партбюро также приложил руки к деньгам, которые были получены за издание технических условий. Он сумел на протяжении первого полугодия получить девять с половиной тысяч рублей. Вполне понятно, что при таком состоянии, когда секретарь партбюро использовал это дело как кормушку, не могли быть вскрыты факты, которые имели место в министерстве…

В конце собрания Фурцева подвела итог:

— Товарищи, в президиум поступили две записки, на которые я хочу ответить. Первая — наказаны ли преступники, о которых я рассказывала в своем докладе, в Министерстве местной промышленности. И затем: какие приняты меры к бывшему секретарю партийной организации Министерства местной промышленности. Отвечаю по первому вопросу. На преступников, о которых я говорила, составлен материал и передан в следственные органы. Что касается бывшего секретаря, как большинству известно, он исключен из партии и снят с работы решением бюро райкома. Наше решение бюро горкома подтвердило…

Екатерина Фурцева требовала от коммунистов района изучать классиков марксизма-ленинизма и в первую очередь «Краткий курс истории ВКП(б)». Сурово распекала тех, кто отлынивал:

— Можно было бы назвать целый ряд парторганизаций, где значительная группа коммунистов не занимается. Недостаточно серьезно подходят к подбору и изучению пропагандистских кадров. Но здесь я хочу сказать, что наша районная партийная организация располагает огромным количеством интеллигенции,

опытными пропагандистскими кадрами. Но вместе с тем рад пропагандистов пришлось освободить, потому что они вели занятия на низком уровне, по своей политической подготовке не удовлетворяли тем требованиям, какие предъявляются к руководителям кружков, политшкол. Таково положение в парторганизации Министерства местной промышленности, завода № 300 и в целом раде других организаций…

Руководящий состав был избавлен от необходимости посещать политзанятия. Считалось, что начальники занимаются самостоятельно. В реальности мало кто относился к этому всерьез. Но Фурцева устроила проверку:

— Все знают, что значительная группа коммунистов нашей районной партийной организации занимается самостоятельно, но в связи с тем, что контроль со стороны парторганизации недостаточный, они не работают над собой систематически… Это партийный актив, это люди, которые имеют достаточный политический и общеобразовательный уровень подготовки, которые должны без всякого нажима со стороны парторганизации систематически работать над собой, но тем не менее эти коммунисты не занимаются под самыми различными предлогами, пользуясь прошлыми знаниями, стараются доказать парторганизации и партийному бюро, что они систематически занимаются, а между тем продолжают бездействовать и над собой не работают. Это даже наблюдается в руководящем составе. Там, где мы проверяли партийный актив, который над собой работает самостоятельно, то нами установлено, что большинство из них по существу ничего не делают. Здесь, конечно, наша вина, вина отдела пропаганды.

Пятого апреля 1949 года Фурцева проводила пленум райкома с повесткой «О состоянии проверки исполнения решений в первичных парторганизациях района»:

— Товарищи, вопрос, который обсуждается на настоящем пленуме, имеет огромное значение в жизни нашей районной партийной организации. Мы провели изучение и знакомство с состоянием контроля исполнения принятых решений более чем в тридцати партийных организациях. Надо сказать, что за последнее время, после того как московский городской комитет в октябре прошлого года обратил внимание на то, что состояние контроля исполнения находится в неудовлетворительном состоянии, мы для себя в райкоме партии и в первичных организациях сделали соответствующий вывод. На мой взгляд, серьезным недостатком в работе первичных партийных организаций является то, что мы не добились до сих пор серьезного и глубокого, вдумчивого обсуждения насущных

вопросов… На фабрике имени Молотова на партийных собраниях и на заседаниях партийного бюро много говорили о хозяйственной деятельности, но решения не носили конкретного, мобилизующего характера. До сих пор важнейшие хозяйственно-экономические вопросы не решены. Качество выпускаемой продукции очень низкое. Достаточно привести пример, что первого сорта по плану должны выпускать восемьдесят девять процентов, а фактически выпускается шестьдесят девять процентов.

Голос из зала поправил Фурцеву:

— Девяносто два процента!

— Девяносто два процента, — возразила Екатерина Алексеевна, — было только в последний месяц. А в январе, феврале, марте вы не давали продукции первого сорта!..

На новом посту Екатерине Алексеевне приходилось отвечать за все, что происходило на территории района. Неприятным сюрпризом для Фурцевой была антисоветская листовка, найденная на территории ее района. Министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов доложил Сталину:

«На улице Волхонка Фрунзенского района работниками милиции была обнаружена и изъята наклеенная на ворота дома № 9/13 написанная от руки антисоветская листовка. Такие же листовки обнаружены на дверях агитпункта 1-го избирательного участка Фрунзенского избирательного округа г. Москвы, на дверях сапожной мастерской строительства Дворца Советов и на заборе Музея изобразительных искусств. Листовка изъята, преступник разыскивается».

После войны Сталин быстро закрутил гайки. Он не допускал послаблений, напротив, то на одном, то на другом направлении требовал принятия крайних мер. Министр госбезопасности генерал-полковник Виктор Абакумов написал Сталину докладную записку, предлагая повторно водворить в лагеря тех несчастных, осужденных за «контрреволюцию», «шпионаж», «вредительство», которым после десятилетней отсидки удалось выжить. Сталин одобрил предложение. Директива МГБ и прокуратуры СССР обязывала органы госбезопасности вновь арестовывать отбывших наказание и освобожденных. Если следствие не могло найти в их действиях ничего антисоветского, «повторников» отправляли в ссылку.

Пленум Верховного суда СССР разрешил приговаривать к ссылке или высылке лиц, «признанных социально опасными, также и в том случае, когда они по обвинению в совершении определенного преступления будут судом оправданы». То есть Верховный суд разрешил считать виновными тех, кто заведомо

невиновен. В лагеря попали и повзрослевшие дети осужденных в 1937–1938 годах. Тогда они были слишком маленькими…

Семнадцатого июня 1949 года министр Абакумов отправил спецсообщение Сталину:

«Докладываю, что в Москве и районах Московской области в 1948 году и за 5 месяцев с. г. в результате проведенных агентурно-оперативных мероприятий выявлено и арестовано 387 троцкистов, 24 правых, 20 меньшевиков, 27 эсеров и 10 анархистов.

Значительная часть арестованных не только активно участвовала во вражеской деятельности правотроцкистского подполья, но и до последнего времени вела подрывную антисоветскую работу. Ряд арестованных преступников, проникнув в Москву и ее пригороды, проживая по временным пропискам или на нелегальном положении, пытались в антисоветских целях установить преступную связь с враждебным элементом.

При этом представляю докладную записку начальника 5 Управления МГБ СССР тов. Волкова и начальника Управления МГБ Московской области тов. Горгонова по указанному вопросу».

Пятое управление, которым с апреля 1948 года руководил Александр Петрович Волков, занималось борьбой с «антисоветскими элементами».

Волков и Горгонов сообщали:

«МГБ СССР и Управлением МГБ Московской области проведенными чекистскими мероприятиями в течение 1948 года и 5 месяцев 1949 года выявлено и арестовано 261 троцкистов, правых и других преступников, которые, в соответствии с постановлением Правительства от 21 февраля 1948 года, подлежат направлению в ссылку на поселение как освобожденные из тюрем и лагерей после окончания Великой Отечественной войны.

За то же время в результате агентурной разработки лиц по поднятым из архивов материалам на троцкистов и других преступников, необоснованно сданным в архив, главным образом в 1943–1944 гг., арестовано 375 троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров и анархистов, которые, скрыв свою преступную деятельность, не подвергались аресту либо отбыли наказание в лагерях и ссылке до Отечественной войны…

В процессе агентурной разработки и следствия установлено, что значительная часть арестованных троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров и анархистов принимала в прошлом активное участие во вражеской деятельности правотроцкистского подполья и до последнего времени вела подрывную

антисоветскую работу…

Ряд преступников указанных выше категорий, проникнув в Москву и ее пригороды, проживали без прописки на нелегальном положении.

Допросом арестованных выявлено, что часть из них до дня ареста продолжала вести вражескую работу, клеветала на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, распространяла различные измышления о советской действительности и пыталась установить преступные связи с враждебным элементом…»

Активность чекистов была предвестьем намечавшегося «московского дела», жертвой которого станут многие столичные руководители. Дело началось с одного письма Сталину, которое он получил, отдыхая на юге. Огромная страна впала в нищету, деревня голодала, а его теперь уже старческий ум замкнулся на заговорах и интригах.

Вождь постарел, устал и, очевидно, терял интерес к делам. Особенно ему не хотелось говорить о чем-то неприятном, вникать в проблемы. Все послевоенные годы для кремлевских обитателей прошли в бесконечных интригах, иногда со смертельным исходом. Члены высшего партийного руководства постоянно менялись местами — в зависимости от настроения Сталина, который раскладывал этот кадровый пасьянс.

Нуриддин Акрамович Мухитдинов (будущий коллега Фурцевой по секретариату ЦК КПСС), который в апреле 1951 года был утвержден председателем Совета министров Узбекистана, вспоминал, как после назначения он позвонил Сталину. Снял трубку аппарата междугородной правительственной связи, заказал Москву и соединился с Поскребышевым. Мухитдинов представился и сказал, что он приступил к исполнению обязанностей главы республиканского правительства.

Поскребышев сухо ответил:

— Знаем. Поздравляем.

— Хотел бы информировать об этом товарища Сталина.

— Доложу, — буркнул Поскребышев и повесил трубку. Через три дня в шесть вечера Мухитдинову позвонили по ВЧ. Сотрудники отдела правительственной связи Министерства госбезопасности поинтересовались, хорошо ли слышно, и предупредили — позвонят из Кремля. Ему позвонили еще не раз, проверяя, на месте ли Мухитдинов. Министр связи Узбекистана предупредил:

— Вам будет важный звонок. Прослежу лично.

Минут через десять — новый звонок. Поинтересовались, нет ли в кабинете посторонних, предупредили: при разговоре никто

не должен присутствовать. Мухитдинов вызвал помощника и велел ни одного человека к нему не пускать, дверь не открывать. Сам закрыл все окна и стал ждать.

Наконец раздался долгожданный звонок. Телефонист:

— Соединяю с товарищем Поскребышевым.

Тот вновь уточнил:

— Слышимость хорошая? Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

Мухитдинов встал. В трубке раздался тихий голос:

— Товарищ Мухитдинов?

— Да, здравствуйте, товарищ Сталин.

— Здравствуйте. Приступили к работе?

— Да.

— Как идут дела?

Мухитдинов стал быстро докладывать. Когда сделал паузу, Сталин сказал:

— Желаю успеха.

И повесил трубку.

«Разговор-то продолжался всего две-три минуты, — вспоминал Мухитдинов, — он произнес буквально четыре-пять слов, а я до сих пор не могу прийти в себя, я впервые в жизни разговаривал с самим Сталиным, слышал его голос, отвечал на вопросы. Он пожелал мне успеха!»

С другими республиканскими руководителями вождь вообще отказывался разговаривать. Возраст и состояние здоровья не позволяли Сталину полноценно работать. Но снимать и назначать он еще мог. Ни один самый близкий ему человек не мог быть уверен в его расположении. Не Берия лишил вождя ближайших сотрудников, а сам Сталин избавился от таких верных ему слуг, как генерал Власик, начальник его личной охраны, и Поскребышев, который был его помощником почти тридцать лет. Отстранил обоих, поскольку подозревал, что они делились информацией о жизни вождя с Берией. А Сталин этого не хотел. Утечка сведений о его личной жизни приводила Иосифа Виссарионовича в бешенство.

Внешних признаков недомогания у него не было, вспоминал Дмитрий Шепилов. Сталин по-прежнему полночи проводил за трапезой. Не ограничивая себя, ел жирные блюда. Пил одному ему ведомые смеси из разных сортов коньяка, вин и лимонада. Все считали, что он здоров. Но близкие к нему люди не могли не замечать нарастания у Сталина психопатологических явлений. В разгар веселого ужина вождь вдруг вставал и деловым шагом выходил из столовой в вестибюль. Оказавшись за порогом, он круто поворачивался и, стоя у прикрытой двери, напряженно и

долго вслушивался: о чем без него говорят. Уловка не имела успеха. Все знали, что Сталин стоит за дверью и подслушивает.

Сталин подозрительно всматривался во всякого, кто по каким-то причинам был задумчив и невесел. Почему он задумался? Что за этим кроется? Сталин требовал, чтобы все присутствующие были веселы, пели и даже танцевали, но только не задумывались. Положение было трудное, так как кроме Микояна никто из членов президиума танцевать не умел, но, желая потрафить хозяину, все пытались импровизировать.

«Я был свидетелем такого факта, — вспоминал Никита Сергеевич Хрущев. — Сталин пошел в туалет. А человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте. Сталин, выйдя из туалета, набросился при нас на этого человека и начал его распекать:

— Почему вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так и должны охранять, а вы тут сидите, развалившись.

Тот оправдывался:

— Товарищ Сталин, я же знаю, что там нет дверей. Вот тут есть дверь, так за нею как раз и стоит мой человек, который несет охрану.

Но Сталин ему грубо:

— Вы со мной должны ходить.

Но ведь невероятно, чтобы тот ходил за ним в туалет. Значит, Сталин даже в туалет уже боялся зайти без охраны…»

С годами подозрительность, маниакальные представления у Сталина развивались все больше. Терзаемый страхами, Сталин обычно ночь проводил за работой: просматривал бумаги, писал, читал. Перед тем как лечь спать, он подолгу стоял у окна: нет ли на земле человеческих следов, не подходил ли кто-то чужой к дому? В последнюю зиму даже запрещал сгребать снег — на снегу скорее разглядишь следы.

Одержимый страхом, иногда ложился спать не раздеваясь. И всякий раз в другой комнате: то в спальне, то в библиотеке, то в столовой. Задавать вопросы никто не решался, поэтому ему стелили сразу в нескольких комнатах. При выездах с дачи в Кремль и обратно Сталин сам назначал маршрут движения и постоянно менял его.

За пределами Кремля никто не знал о состоянии вождя. Георгий Михайлович Попов своими впечатлениями благоразумно не делился. Да он и не входил в самый узкий круг сталинских приближенных. И разгром московского руководства для него самого станет неприятным сюрпризом.

Глава четвертая
БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ В МОСКВЕ

Карьере Фурцевой помогли крупные перемены в московском руководстве, продиктованные сталинской подозрительностью. В октябре 1949 года на имя вождя в ЦК пришло письмо, под которым стояли придуманные подписи. В письме говорилось, что в Москве плетется заговор против Сталина, совсем как в Ленинграде. А по «ленинградскому делу» уже начались аресты…

Главной мишенью письма был руководитель Москвы Георгий Михайлович Попов. Сталин, похоже, заподозрил его в желании занять кресло первого человека в стране. Эта история раскручивалась несколько месяцев.

Пятого сентября 1949 года Сталин уехал на юг отдыхать. В том году ему исполнялось семьдесят лет, он хотел вернуться к юбилею полным сил. Все высшие чиновники ломали голову над тем, какой подарок преподнести вождю. Георгия Попова осенило. Сталин как-то выразил неудовольствие названиями новых улиц:

— Посмотрите — Строительных улиц целых пять, Электродные какие-то, Индустриальные, шесть улиц Энтузиастов. Нет фантазии, людей нет, одни электроды.

Двадцать седьмого октября Попов отправил в Сочи записку вождю:

«В соответствии с Вашим поручением представляю на Ваше рассмотрение и утверждение проект Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о переименовании главных улиц и площадей Москвы».

Театральный проезд, Охотный ряд, Манежную и Моховую улицу он предлагал превратить в проспект Сталина, а Манежную площадь сделать площадью Сталина…

Георгий Попов конечно же не мог знать, что одновременно вождю переправили на юг не слишком грамотный донос на хозяина Москвы:

«Большевики Московской организации вполголоса заговорили, пока в кулуарах, о том, не пришел ли момент своевременного вскрытия давно назреваемого гнойника в головке нашей организации. Речь идет о весьма подозрительной политике, проводимой секретарем МК ВКП(б) т. Поповым…

Попов самый молодой из секретарей ЦК. Будучи одержим титовской манией вождизма, его одолевает мысль в будущем стать лидером нашей партии и народа… На банкете по случаю 800-летия Москвы один из подхалимов поднял тост:

— За будущего вождя нашей партии Георгия Михайловича.

Присутствующий Попов пропустил мимо ушей и будто согласился с прогнозом. Тогда как нужно было одернуть дурака или после обсудить о его партийности…

Попов расставляет свои кадры везде, где может, с тем, чтобы в удобный момент взять баранку руля страны в свои руки. Таким образом, Попов соревновался с ленинградцами в расстановке „своих“ людей. Шла подготовка. к захвату лидерства. В Москве начали поговаривать, что Попову дорога расчищена на этом пути.

В кругах МК открыто говорят, что за плечами Попова тов. Сталин и что пост великого вождя перейдет Попову…»

Двадцать девятого октября Сталин отправил записку Маленкову:

«На днях получил письмо, подписанное инженерами коммунистами завода имени Сталина Марецким, Соколовой, Клименко о недостатках в работе секретаря МК тов. Попова.

Я не знаю подписавших это письмо товарищей. Возможно, что эти фамилии являются вымышленными (это нужно проверить). Но не в этом дело. Дело в том, что упомянутые в письме факты мне хорошо известны, о них я получал несколько писем от отдельных товарищей московской организации. Возможно, я виноват в том, что не обращал должного внимания на эти сигналы. Не обращал должного внимания, так как верил тов. Попову…

Мое предложение:

а) назначить комиссию политбюро для проверки деятельности т. Попова с точки зрения отмеченных в письме трех инженеров фактов;

б) установить, чтобы не только секретари райкомов по Московской (и Ленинградской) областной и городской организаций, но и предрайисполкомы утверждались ЦК ВКП(б);

в) письмо трех товарищей, а также настоящее мое письмо разослать членам политбюро и секретарям Цека».

Само «письмо троих», возможно, появилось именно потому, что вождь уже выражал недовольство Поповым. Был ли советский вождь способен на искренность?

— Все государства маскируются, — однажды сказал Сталин, выступая перед партийными пропагандистами, — с волками живешь, по-волчьи приходится выть.

В зале засмеялись.

— Глупо было бы все свое нутро выворачивать и на стол выложить, — продолжил Сталин. — Сказали бы, что дураки…

У Сталина не было вечных друзей. У него был только вечный интерес — сохранение полной и единоличной власти. А друзья и соратники менялись.

«Со Сталиным, когда он был в хорошем настроении, контакт был легким и непосредственным, — вспоминал один из руководителей Югославии. — Сталин был холоден и расчетлив. Однако у Сталина была страстная натура с множеством лиц, причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей».

Для формального разбирательства в деле первого секретаря Московского обкома и горкома нужен был повод, который и организовали с помощью письма. Машина закрутилась. 31 октября послание вождя разослали членам политбюро и секретарям ЦК.

Первого ноября сталинское распоряжение оформили постановлением политбюро:

«Поручить комиссии в составе тт. Маленкова, Берия, Кагановича и Суслова проверить деятельность т. Попова Г. М., исходя из указаний т. Сталина, изложенных в письме от 29 октября с. г.».

Позиция Сталина была ясна: снять Георгия Попова с должности, так что задача комиссии упростилась — обосновать уже принятое решение. Через полтора месяца обвинительное заключение по делу Попова было готово. 4 декабря 1949 года политбюро утвердило выводы и предложения, сделанные комиссией. Текст, подготовленный комиссией, продиктовали по ВЧ Сталину.

Седьмого декабря Сталин вернулся в Москву из отпуска. Он уже решил, кем заменит Попова. Вызвал с Украины Никиту Сергеевича Хрущева. Тот выступал на митинге во Львове. Прямо во время выступления первому секретарю ЦК компартии Украины передали записку: Сталин срочно просит перезвонить. Хрущев договорил, вернулся в квартиру, где остановился, и велел соединить с Москвой.

— Когда можете приехать? — спросил вождь, ничего не объясняя.

— Если нужно срочно, могу завтра, — ответил Никита Сергеевич.

Сталин повесил трубку. Разговор был настолько коротким, что опытный Хрущев встревожился: зачем вызывают, что его ждет в Москве? Он соединился с главным кадровиком Маленковым, который знал все, что происходит в аппарате. Тот успокоил Никиту Сергеевича:

— Тебя вызывают из хороших побуждений. Подробности узнаешь, когда приедешь.

Восьмого декабря Георгий Попов отправил Маленкову

письмо. Он напомнил о своем предложении переименовать улицы и площади Москвы — к юбилею Сталина и выдвинул новое: «Присвоить товарищу И. В. Сталину звание почетный гражданин города Москвы». Попов плохо понимал вождя, который не собирался получать из рук своего подчиненного ненужные ему звания.

Десятого декабря Сталин в первый раз после отпуска принимал подчиненных в своем кремлевском кабинете. В половине десятого вечера к нему пришли члены политбюро Берия, Каганович, Маленков и секретарь ЦК Суслов. Они привели с собой Георгия Михайловича Попова — для последнего разговора.

«Он протянул мне пачку моих бумаг, — вспоминал сам Попов. — На верхнем листе синим карандашом было размашисто написано: „Все это чепуха!“».

Зачем Сталин пожелал увидеть своего прежнего любимца? Снятие Попова провели бы и без него. Как выразился один из его подчиненных, Сталин на чувстве страха играл лучше, чем Паганини на скрипке. Ведь как он давал задания? Или сроки были нереальными, или приказ был отдан так, что как ни выполни, все равно будешь виноват.

Вождь считал себя хорошим психологом, очень доверял своим чувствам и эмоциям. Наверное, хотел окончательно решить для себя, что делать с Поповым: ограничиться лишением должности или окончательно его уничтожить.

Французский президент Шарль де Голль, познакомившийся со Сталиным во время войны, вспоминал: «Он был приучен жизнью, полной заговоров, скрывать подлинное выражение своего лица и свои душевные порывы, не поддаваться иллюзиям, жалости, искренности и видеть в каждом человеке препятствие или опасность…»

Еще одна характерная черта Сталина как прирожденного политика состояла в том, что он преспокойно расставался даже с недавними фаворитами. Через полтора часа Суслов увел уже низверженного с Олимпа Попова, а еще через пятнадцать минут, в четверть двенадцатого, в сталинский кабинет запустили Хрущева, в жизни которого начиналась новая глава.

Сталин сказал, что в Москве неблагополучно и Хрущеву пора вернуться в столицу:

— Довольно вам работать на Украине, а то вы совсем превратились там в украинского агронома.

Двенадцатого декабря политбюро утвердило решение «О недостатках в работе тов. Попова Г. М.». Для начала его обвинили в зажиме критики и самокритики:

«Тов. Попов усвоил бюрократическую, вредную практику, когда на собраниях актива, пленумах МК и МГК ВКП(б), партийных конференциях товарищей, выступающих с критическими замечаниями в отношении московских организаций, постоянно прерывает своими многочисленными, многословными и неправильными репликами, сбивает и высмеивает ораторов…»

Попову поставили в вину попытку выйти за пределы своей компетенции, командовать союзными ведомствами:

«Московский Комитет ВКП(б) прежде всего по вине т. Попова проводит неправильную линию в отношении союзных министерств и ведомств, пытаясь подмять министров и командовать министерствами, подменить министров, правительство и ЦК ВКП(б)… Министров, которые не согласны с такой подменой, тов. Попов „прорабатывает“ на собраниях партийного актива, на пленумах МК и МГК…

Возомнив, что ему все позволено, т. Попов требует от министров, чтобы они беспрекословно подчинялись указаниям Московского комитета…»

Первоначально предлагалось лишить Попова партийных кресел, но оставить председателем Моссовета, чтобы он «решительно изжил небольшевистские методы в своей работе». Но товарищи плохо поняли намерения вождя: он велел вообще убрать утратившего его доверие Попова из столицы. Получив прямое указание, вынесли окончательный приговор:

«Отметить, что т. Попову ЦК и лично т. Сталин не раз указывали на его недостатки, а он не исправил этих недостатков… Считать целесообразным:

а) освободить т. Попова от обязанностей секретаря МК и МГК ВКП(б), а также от обязанности секретаря ЦК ВКП(б) и направить на другую работу…

б) созвать пленум МК и МГК ВКП(б), на котором разъяснить ошибки и недостатки в руководстве как т. Попова, так и бюро Московского областного и бюро МГК ВКП(б)».

По иронии судьбы вместе с Поповым потерял работу будущий муж Екатерины Алексеевны Фурцевой — секретарь горкома партии Николай Павлович Фирюбин. В коллективном доносе о Фирюбине было сказано так: «…политически безграмотный человек, лизавший Попову пятки».

Николай Павлович Фирюбин стал секретарем Московского обкома до войны. Он родился в Симбирске, где с шестнадцати лет работал учеником каменщика, потом переехал в Узбекистан, где два года трудился шлифовальщиком на цементном заводе. В двадцать лет он поступил в Саратовский индустриальный

техникум. Поработал недолго на заводе комбайнов и поступил в Московский авиационный институт. Несколько лет трудился на авиационных заводах, стал главным технологом — пока его не избрали секретарем парткома, а через два года, в 1940-м, сделали первым секретарем Кунцевского горкома Московской области.

В тот предвоенный год в областях, где развивалась серьезная военная промышленность, вводились дополнительные должности секретарей по оборонным заводам, и Фирюбина сделали секретарем Московского обкома по авиационной промышленности. В разгар войны, в 1943 году, Фирюбина утвердили секретарем горкома. Он входил в военный совет гвардейских минометных частей (так назывались ракетные установки залпового огня — знаменитые «катюши»).

Николай Фирюбин пострадал из-за того, что претворял в жизнь одну из любимых идей Георгия Попова — создать самоходный комбайн с электроприводом[2]. Это было очередное экономическое «чудо» — Попов обещал с помощью электропахоты поднять отстающее сельское хозяйство. Для начала в Московской области, а если вождь поддержит, то и по всей стране.

Летом 1949 года конструкторы сельхозмашин пришли в отдел машиностроения Московского горкома с просьбой поддержать их идею создания первого в мире комбайна с электроприводом. «Я в это дело вцепился обеими руками, — рассказывал Фирюбин, — так как это было действительно очень большое и интересное дело».

Московский хозяин заставил Министерства сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения выделить деньги на разработку комбайна. Фирюбин напрямую давал указания предприятиям, а потом устроил показательные испытания комбайна в Горках Ленинских и заставил ТАСС дать официальное сообщение о том, что комбайн готов. Решили первый электрокомбайн преподнести Сталину в день его юбилея. «Правда» подготовила восторженную статью. Текст попросили завизировать Фирюбина. Он велел дописать, что комбайн построен «по инициативе городского комитета партии». Эти слова, да и вся статья вызвали раздражение в отделах ЦК партии и в профильных министерствах. С каких это пор горком раздает прямые заказы производственникам? Это было сочтено тяжким нарушением государственной дисциплины, поскольку для создания сельскохозяйственной техники требовалось решение союзного правительства.

Расследовать дело поручили министру государственного контроля Льву Захаровичу Мехлису, бывшему помощнику вождя. Мехлис признавал авторитет только одного человека — Сталина.

Мехлис, когда он отстаивал более жесткую позицию, позволял себе возражать и самому вождю, иногда публично, в присутствии многих людей. Вождь не обижался. До конца жизни Сталин сохранил привязанность к Льву Захаровичу как к человеку, который не только был бесконечно ему предан, но и во всем подражал вождю и действовал исключительно сталинскими методами.

Лев Мехлис очень жестко относился к кадрам, безжалостно и часто несправедливо снимал с должности — иногда за дело, иногда по чьим-то наветам. В первых числах октября 1949 года на заседании Совета министров СССР разбиралась история с самоуправством Московского горкома. Приняли постановление «О нарушении государственной дисциплины и шумихе в печати об испытаниях электрокомбайна».

Дело Попова, кстати говоря, стало последним для Мехлиса. В том же 1949 году Лев Захарович отметил шестидесятилетие, получил орден Ленина. А в декабре у него случился инсульт, затем инфаркт. Он почти не мог ходить, одна рука не действовала.

Вечером 4 октября Попов провел закрытое заседание бюро горкома и обкома. Думал, что сможет отделаться увольнением проштрафившихся помощников. Ему было приказано избавиться от всех, кто забыл, что такое партийная работа. Первыми лишились высоких постов Николай Фирюбин и сотрудники отдела машиностроения.

Николая Павловича сняли с должности, записав в решении:

«Бывший секретарь МГК ВКП(б) тов. Фирюбин нарушал государственную дисциплину, командовал предприятиями и учреждениями союзного подчинения в деле проектирования и изготовления электрокомбайна, проявлял местнические тенденции и организовал, в целях саморекламы, неправильные сообщения в печати об испытаниях электрокомбайна».

Вот после этой истории, когда выяснилось, что Георгий Михайлович Попов и его команда утратили статус неприкосновенных, и родился донос, который сломал блестящую карьеру хозяина Москвы. Заодно сменили руководителей столичных газет, в том числе и заместителя редактора «Вечерней Москвы» — брата Попова, который совсем не был похож на Георгия Михайловича.

Тринадцатого декабря 1949 года политбюро приняло решение избрать Хрущева секретарем ЦК. В тот же день провели объединенный пленум МК и МГК. Собрали руководителей города и области. Маленков зачитал постановление политбюро «О недостатках в работе Попова Г. М.». Московские чиновники, в том

числе Екатерина Алексеевна Фурцева, затаив дыхание, слушали, как сокрушают многолетнего хозяина столицы.

Слово предоставили самому Попову. Он каялся в своих грехах:

— Товарищи, Центральный комитет и товарищ Сталин подвергли суровой и справедливой критике меня как руководителя московской партийной организации за крупные недостатки и ошибки, допущенные мною в работе. Я признаю решение ЦК правильным, и не только правильным, а совершенно правильным; глубоко переживаю и сделаю для себя правильные большевистские выводы.

Вслед за ним выступали все другие руководители Москвы. Пленум продолжался три дня. Попов еще раз попросил слова:

— Я считаю, что критика, которая была здесь, на пленуме, совершенно правильная. Она показывает также и то, что я как бывший секретарь МК и МГК очень многих фактов не знал, что свидетельствует о том, что у меня была слабая связь с партийным активом и прежде всего с секретарями райкомов. Я в этом виноват перед Центральным комитетом и перед Московским комитетом…

Попов не выдержал и прошелся по одному из своих критиков — секретарю горкома партии Олимпиаде Васильевне Козловой:

— Товарищ Козлова — допустим, сегодня, 13-го числа, вышло решение, его зачитали — так она уже 13-го числа выступала и говорила о том, что боролась, что она ставила вопросы, а пять дней назад она сидела у меня в кабинете и пела мне дифирамбы. Это показывает, что человек по погоде строит свои взгляды. Разве так можно?

Георгий Максимилианович Маленков поучающе заметил из президиума:

— И пять дней тому назад не надо было допускать, чтобы вам пели дифирамбы.

— Правильно, товарищ Маленков, — поддакнул Попов.

Георгия Попова освободили от обязанностей первого секретаря и члена бюро МК и МГК. Николая Фирюбина вывели из бюро горкома «за нарушение трудовой дисциплины». 18 января 1950 года Попов лишился и должности председателя исполкома Моссовета, Фирюбина даже лишили мандата депутата Моссовета.

Никиту Сергеевича Хрущева избрали первым секретарем горкома и обкома. 29 декабря провели партийный актив столицы. Фурцева впервые слушала выступление нового руководителя города. Никита Сергеевич начал с шутки:

— Товарищи, мне, как молодому москвичу (смех, аплодисменты), выступать на активе, собранном по такому

важному вопросу, довольно сложно… У меня сложилось такое мнение, что товарищ Попов не понял своих ошибок. Мне удалось поговорить с товарищем Поповым на объединенном пленуме МК и МГК ВКП(б), и вот сегодня я слышал его выступление. У меня сложилось твердое мнение, что он не понял своих ошибок.

Зал откликнулся возгласами «Правильно!» и зааплодировал. Это были те же люди, которые еще недавно встречали аплодисментами любое слово Попова. Хрущев считал Попова неумным человеком и грубым администратором:

— Товарищ Попов пошел по линии зазнайства. Большое доверие вскружило голову человеку… Я прямо скажу, я всегда с завистью смотрю на годы, когда мне пришлось работать в Москве. Почему? Потому что, работая в Москве, работник получает такое преимущество, как ни в какой иной организации: он может видеть и чувствовать близость Центрального комитета партии… Здесь имеется возможность слышать чаще товарища Сталина и руководствоваться непосредственно его указаниями… Могут мне сказать, что ты, товарищ Хрущев, новый человек, так почему не лягнуть старого с тем, чтобы приукрасить свое будущее в области строительства. (Смех.) Нет, товарищи. Знаете, если неправильно лягнешь уходящего, то это лягание обернется против того, кто лягает. (Смех.) Это неизбежно. Я не это преследую…

Никита Сергеевич обещал московским партийным кадрам полную поддержку и расположил к себе москвичей, в том числе секретаря райкома Фурцеву:

— На пленуме Московского комитета партии выступали секретари и говорили, что по три года добиваются приема у товарища Попова, чтобы встретиться и поговорить. Товарищи, это же немыслимое дело. Чтобы руководить такой большой партийной организацией, надо же знать кадры… Надо же знать имя, отчество, фамилию каждого из них, надо знать способности, понимание дела надо оценить… Товарищ Попов не принимает секретарей райкомов. А ведь секретарь райкома — это центральная фигура… Вчера мы спросили товарища Попова, будет ли он выступать. Товарищ Парфенов спрашивал, будет ли выступать товарищ Попов. Сказал, что будет. Вызываем товарища Попова, а его нет. Это говорит о чем? Партия наказала заслуженно, приди, раскрой себя и сделай все, чтобы не повторились ошибки…

Постановление политбюро от 24 февраля 1950 года было посвящено кадровым вопросам — решалась судьба московского партийного начальства. Выдвиженцев Попова, вторых секретарей горкома и обкома партии, убрали «за беспринципную позицию, зажим критики и самокритики, серьезные ошибки в работе с

кадрами». Кампания осуждения бывшего хозяина прошла по всей Москве. В январе 1950 года на активе Фрунзенского района Фурцева разоблачала ошибки своего недавнего руководителя Попова.

Хрущев возглавил Московский обком, а первым секретарем столичного горкома сделал Ивана Ивановича Румянцева, который большую часть трудовой жизни провел на заводе № 24 имени М. В. Фрунзе: начал учеником фабрично-заводского училища, поработал токарем и слесарем, пошел по комсомольской линии и стал заместителем секретаря парткома. Одновременно Иван Иванович окончил авиационный техникум и три курса Московского авиационного института. В 1941 году завод эвакуировали в Куйбышев, а в ноябре сорок третьего Румянцева отозвали в Москву и утвердили инструктором отдела авиационной промышленности горкома партии. Из аппарата вскоре перевели парторгом на авиационный завод № 30.

В мае 1946 года Румянцева сделали первым секретарем Ленинградского райкома. Он вместе с Фурцевой учился на заочном отделении Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), а в 1949 году экстерном закончил еще и Московский учительский институт. Назначение Ивана Румянцева первым секретарем горкома было неожиданным для Москвы. Надо полагать, сыграло роль его производственное прошлое. Хрущев предпочитал не профессиональных партийных работников, а людей с производства. Мог директора совхоза сразу назначить министром сельского хозяйства.

Вторым секретарем горкома при Попове был Иван Андреевич Парфенов. По профессии инженер-электрик, он руководил Сталинградской электростанцией. Перед войной его взяли в Наркомат путей сообщения начальником отдела паровозного управления. В апреле 1942 года утвердили секретарем Московского горкома по транспорту, потом два года он работал в исполкоме Моссовета, а в ноябре 1946 года его перевели на должность второго секретаря горкома. Иван Парфенов считался работником с перспективой. Его не только сделали союзным депутатом, но и председателем Совета Союза Верховного Совета, то есть он формально руководил одной из палат парламента. Должность эта исполнялась без отрыва от основной работы, в качестве общественного поручения. Но это означало, что Парфенова прочили на более высокие посты. Однако его карьера рухнула вместе с карьерой Попова.

В письме, которое Сталин использовал как повод для смещения Попова, презрительно говорилось: «Недоросль и делец

Парфенов, работая в наркомате путей сообщения, через комиссионные магазины добывал деньги спекуляцией».

Ивана Парфенова сделали первым заместителем начальника Московского метрополитена. Его место в секретариате МГК заняла Екатерина Алексеевна Фурцева. Она была обязана внезапным повышением Хрущеву. Одним из секретарей горкома была женщина: Олимпиада Козлова, хотя она в последний момент и пыталась дистанцироваться от Попова, лишилась должности вместе со всей его командой. Хрущев мог бы поискать женщину-секретаря где-то на стороне. Но он хотел показать, что будет работать с московскими кадрами. И главное — сразу обратил внимание на энергичную и деловую Фурцеву.

Знатоки аппаратной жизни говорили, что второй по степени значения человек после первого секретаря — это вовсе не второй секретарь, а заведующий финансово-хозяйственным отделом. За ним — заведующий общим отделом, заворг. И только после них идут второй и третий секретари. Казалось бы, второй секретарь Фурцева сидит рядом с первым — Румянцевым, пользуется почти теми же благами, ан нет. Дистанция между ними огромная. Первый секретарь был полным хозяином. Жизнь города развивалась в соответствии с его интересами и целями. Если первый играл на музыкальном инструменте, именно этот инструмент становился главным, а художественная самодеятельность — приоритетом культурно-массовой работы. Если играл в волейбол, весь актив следовал его примеру, и все предприятия формировали волейбольные команды.

Первый секретарь — наместник высшей власти. Он зависел только от вождя. Территориальный сектор орготдела ЦК конечно же представлял определенную опасность: если на первого секретаря приходили анонимки, если город отставал по показателям, если случались чрезвычайные происшествия. Орготдел составлял тревожную записку, которая начинала двигаться по длинной иерархической лестнице. Любой из ее читателей мог сказать «чепуха», а мог отправить дальше — в зависимости от ситуации.

Сложность положения Фурцевой состояла в том, что Румянцев был номинальным начальником, а Хрущев реальным. Он был политиком жестким и требовательным. Но своих работников в обиду не давал.

Четырнадцатого декабря 1950 года Никита Сергеевич выступал на московском активе, распекал чиновника, ответственного за поставку овощей в город:

— Вы критиковали сейчас двух секретарей райкомов. Вы не думайте, что я хочу их защищать. Они сами сильны и сами могут

защититься, если в этом будет нужда… Но товарищ Федоров, дорогой мой, когда мы летом собирались в МК и рассматривали вопрос о ходе заготовок овощей, я спросил, а где начальник, который занимается обеспечением Москвы. Мне ответили — я точно не помню, вы можете поправить — или в Кисловодске купается в кислых водах, или же в Сочи распаривается под южными лучами нашего замечательного кавказского солнышка. Тут надо возить огурцы, овощи, надо давать другие продукты, а начальник, который отвечает за это дело, большевик, видите ли, изволил уехать и там прохлаждается… Вы говорите, капусту завезли. Дорогой товарищ Федоров, если мы вас посадим — утром капуста, днем капуста, вечером капуста, сегодня капуста, завтра капуста, послезавтра капуста. Что вы скажете нам? Люди хотят получать овощи в ассортименте… У нас имеется пятьдесят тысяч тонн двух- и трехлетней капусты. Меня очень убеждали в том, что эта капуста отличного качества. (В зале смех.) Я товарищам советовал, которые меня в этом убеждали, давайте мы вас посадим на эту капустку. Как она может быть отличного качества, когда она годами киснет! Эта капуста может быть уже черной, заплесневелой, и потом она просто-напросто прокисла. И вместо того, чтобы освежить от нее емкости, этого не делается потому, что по статистике у них не будет значиться столько-то тысяч тонн заготовленной капусты. Но от такой капусты блохи дохнут!

Хрущев негодовал по поводу непорядков в городской торговле:

— Все остродефицитные товары (меховые шубы, хорошая обувь и шелковые ткани) в основном попадают к людям, которые работают в магазинах и близко находятся с заведующими секциями и складами, или же в руки перекупщиков, которые систематически ежедневно посещают магазин… Ремонт обуви, одежды, чистка должны быть организованы. Ведь почистить костюм, пятна снять — это надо иметь знакомства. Без знакомства вам не почистят…

Никита Сергеевич процитировал полученное им письмо: «Никак не назовешь московскую торговлю культурной. Не купишь ничего без очереди, даже папиросы или спички, везде очереди или к продавцу или в кассу. В Центральном универмаге очереди бесконечные, давка, духота. Чтобы купить что-либо, надо несколько часов в этой костоломке попариться, да еще и не купишь, чего хочется. Так я не смог купить сыну костюм приличный. Не нашел жене резиновых бот и шелка подходящего на платье и себе костюм».

Хрущев требовал от секретарей горкома и райкомов

контролировать ателье и мастерские, столовые и кафе, и прежде всего магазины:

— Возьмите дамские головные уборы. Мне дважды их приносили в МК, выставку делали. Красивые шляпы, но сколько их делают? Что же, за хорошей шляпой женщина пошла и стала навеки калекой, она не пробьется через очередь. Нам нужно много миллионов хороших шляп, потому что всех московских женщин нужно обеспечить и приехавших в командировку в Москву мужчин, чтобы они сделали достойный подарок от хорошего мужа своей жене…

И все-таки в Москве жизнь была много лучше, чем в других городах. Будущий крупный партийный работник Наиль Бариевич Биккенин, который приехал учиться в столицу, вспоминал: «После военных лет и трудной провинциальной послевоенной жизни Москва предстала перед нами, студентами из разных концов страны, как сказочный город, который многие из нас видели впервые. Впечатлял столичный быт: метро с его ослепительной чистотой, такая же и в дождь, и в снег улица Горького, „Елисеевский“ и другие центральные магазины, в которых было все, кроме киви… Обед в студенческой столовой обходился в несколько рублей, общежитие и транспорт были фактически бесплатными. Музеи, кино, театры — общедоступны (разумеется, если удавалось достать билеты). В общем и жить, и учиться было можно».

Строили тогда в столице кустарными методами — только из кирпича, господствовал ручной труд. Строительством занимались отдельные министерства, это распыляло ресурсы. Хрущев добился централизации строительного дела в Москве. Объединив строительные организации, проектные институты и заводы строительных материалов, он создал Главмосстрой, Главное архитектурно-планировочное управление и Управление капитального строительства. Все они стали подчиняться Мосгорисполкому.

В городе катастрофически не хватало детских садов и яслей, больниц и поликлиник. За пару лет Хрущев удвоил объем строительства. Активный и живой человек, Никита Сергеевич поддерживал инженеров и строителей, предлагавших новые методы и новые материалы. 21 октября 1952 года Хрущев выступал на активе сотрудников Архитектурно-планировочного управления. Обсуждали, что и как строить в Москве. Многое было в новинку.

— Правильно ли, что мы вводим мусоропроводы в жилье, или неправильно? — рассуждал с трибуны Хрущев. — Казалось бы, удобство хорошее. Но в эти мусоропроводы будут и мусор валить,

и остатки кухонные, каким зловонием несет из этой трубы, и загрязняем лестничную клетку и всю секцию. Это неизбежно. Надо подумать с точки зрения санитарных условий, может быть, есть другое решение по этому вопросу. Может быть, какие-то сосуды раздавать по квартирам, как-то организовать это дело и утилизовать эти ценные отбросы и создать лучшие санитарные условия…

«В лице Хрущева московский актив получил надежную защиту, — вспоминал Николай Григорьевич Егорычев, тогда еще начинающий партийный работник. — Хрущев был талантливый руководитель».

Никита Сергеевич сам много работал и от других требовал полной отдачи. Фурцева, как и другие сотрудники горкома, не покидала своего кабинета, пока Хрущев на месте. А он уезжал домой под утро. У секретарей горкома были комнаты отдыха с диваном, если уж совсем было невмоготу, могли прилечь. Однажды кто-то из работников не выдержал и позвонил в приемную Хрущева:

— Ну что, дед уже уехал?

— А что?

— Так мы можем по домам разъезжаться?

— Можете, — последовал ответ.

Это был сам Хрущев. На следующий день он собрал аппарат и велел по ночам не сидеть:

— Если кто-то понадобится, оставлю! Остальные пусть спят по ночам. Сонные люди не должны руководить городом.

Для Екатерины Алексеевны это было важно. Женщине труднее выглядеть свежей после бессонной ночи.

Власть Никиты Сергеевича была куда больше власти любого другого первого секретаря обкома. Он сам входил в состав высшего партийного руководства, обедал у Сталина на даче, и сотрудники аппарата ЦК по собственной инициативе не могли предъявить ему никаких претензий. Впрочем, личный контроль вождя был не менее пристальным.

Через пять лет после смерти Сталина Хрущев пустился в воспоминания:

— Когда я приехал с Украины и стал секретарем МК, я пообедал, а потом сел и поехал в Луховицы — это сто двадцать километров в сторону от Москвы. А мне звонят и спрашивают, куда я уехал. Сталин приглашал вас на обед и спрашивал, где вы. Так ведь я же секретарь Московского комитета, если я не будут ездить, то что же я буду стоить? Мне говорят — этого делать нельзя. Вот и получилось — я поехал и должен давать объяснения, почему поехал. Нельзя было этого делать…

Тем не менее второй секретарь столичного горкома — видная должность. Екатерина Алексеевна Фурцева это сразу ощутила. Особенно когда женщин на высоких постах было совсем немного. В основном они занимали должности второго-третьего ряда. При Сталине в политбюро не состояло ни одной женщины. Только в конце 1920-х годов в оргбюро ЦК ненадолго ввели Александру Васильевну Артюхину, которая с 1924 года заведовала в ЦК отделом работниц и крестьянок. Потом отдел упразднили, и больше в руководящие органы партии женщин не включали.

Вождь считал, что с руководящей работой в состоянии справляться только крепкие мужчины. Назначив Николая Константиновича Байбакова наркомом нефтяной промышленности, Сталин задал ему вопрос:

— Вот вы такой молодой нарком. Скажите, какими свойствами должен обладать советский нарком?

Байбаков стал перечислять. Вождь остановил его:

— Советскому наркому нужны прежде всего бычьи нервы плюс оптимизм.

Бычьих нервов Екатерине Алексеевне Фурцевой явно недоставало. Она была слишком эмоциональным человеком.

Политбюро часто собиралось в неформальной обстановке на сталинской даче. Нравы были грубые, в выражениях не стеснялись. Словом, присутствие женщины в такой компании показалось бы странным. В своих воспоминаниях один из руководителей Югославии Милован Джилас не без брезгливости написал, как на сталинской даче они с Молотовым одновременно прошли в уборную. И уже на ходу Вячеслав Михайлович стал расстегивать брюки, комментируя свои действия:

— Это мы называем разгрузкой перед нагрузкой!

Милован Джилас был родом из деревни, партизанил, но такая простота нравов его сильно смутила. Тяжелые застолья заканчивались чем-то непотребным. Перепившиеся члены политбюро швыряли спелые помидоры в потолок и хохотали как сумасшедшие. Первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, любимец Сталина, рассказывал, как побывал на даче у вождя:

— Я отошел что-то положить в тарелку, вернулся и чувствую, что сел в нечто мягкое и скользкое. Обомлел, не шевелюсь. Все уже курят на террасе, а я остался за столом один.

Его позвал Сталин. Пономаренко робко объяснил:

— Я во что-то сел.

Сталин взял его за локоть и поднял. Позвал Берию:

— Лаврентий, иди сюда. Когда ты кончишь свои дурацкие шутки? Зачем подложил Пономаренко торт?

Судя по тому, что Сталин продолжал приглашать Берию к себе на дачу, эти шутки вождя развлекали…

Ни о чем связанном с жизнью вождя Хрущев со своими помощниками не делился. Второй секретарь столичного горкома Фурцева и не подозревала, каковы реалии быта и нравов кремлевского двора. Екатерина Алексеевна наслаждалась жизнью.

«В 1950 году, летом, я была в Сочи, в санатории ЦК, — вспоминала Нами Микоян, дочь крупного партийного работника. — В то лето там была Екатерина Фурцева, секретарь горкома партии. Мы много плавали, Фурцева не вылезала из воды, играла в волейбол, причем прекрасно. Она была молода, стройна, энергична, очень привлекательна светлой русской красотой. Она была одарена даром человеческого общения и обаяния. Это было врожденное, а не благоприобретенное качество…»

Хрущев как-то жаловался на свою сложную жизнь — приходится работать и в отпуске. Увидев в зале председателя ВЦСПС Виктора Васильевича Гришина, балагурил:

— Тут вот присутствует товарищ Гришин. Мы аккуратно платим членские взносы, но защиты от него очень мало. (Аплодисменты.) Идет почта, и сидишь на берегу моря и слушаешь ВЧ, ты в море прыгнул, а тебя просят к телефону. Я не жалуюсь, раз попал в такое положение, надо нести крест в интересах нашей партии и народа…

В отличие от Хрущева, Фурцева в отпуске отдыхала и занималась спортом. На здоровье Екатерина Алексеевна не жаловалась. Но как партийному работнику высокого ранга ей было позволено пользоваться медицинскими учреждениями Лечебно-санитарного управления Кремля. Ей вручили номерную медицинскую карточку с фотографией и за подписью начальника Лечсанупра. В карточке указывались имя, фамилия, место работы, и должность, дата рождения и время вступления в партию, а также номер истории болезни. Отдельная страничка — для членов семьи с указанием степени родства, возраста и номера истории болезни.

На карточке значились правила пользования поликлиникой для начальства:

«Медкарточка действительна только для лиц, в ней перечисленных, и передаваться другим не может. Передача медкарточки лицам, не вписанным в карточку, влечет за собой лишение права пользования медпомощью в Лечсанупре Кремля. При перемене места работы медкарточка должна быть немедленно перерегистрирована в Лечсанупре Кремля в бюро учета тел. К 4-16-74 (ул. Коминтерна, 6)… Несообщение о

перемене места работы в 3-дневный срок влечет за собой снятие с медобслуживания».

Иван Иванович Румянцев недолго продержался в кресле первого секретаря Московского горкома. Его карьеру — редкий случай — сломала не политика, не интриги, а дамская история. Кто-то стал свидетелем интимной встречи первого секретаря МГК с женщиной (не женой!), хотя он надеялся остаться неузнанным — поднял воротник пальто, поглубже надвинул шляпу…

Вольности партийным чиновникам — раз уж они становились известны — не позволялись. Вся эта история обсуждалась на пленуме горкома, в сентябре 1952 года Румянцева с треском сняли и, понизив на много ступенек, отправили заместителем директора авиационного завода № 43. Через два года повысили — перевели директором авиационного завода № 124. Недавний хозяин города командовал небольшим в этой мощной отрасли заводом. И только в 1963 году ему доверили более серьезное предприятие — «Знамя Революции», он стал Героем Социалистического Труда.

Многолетний министр авиационной промышленности Петр Васильевич Дементьев, пишет его биограф, ценил директора Румянцева, а особенно его связи. «После смерти вождя старые знакомства в партийных и советских органах столицы у Ивана Ивановича оказались очень кстати. Ему гораздо проще было решить многие вопросы, связанные со строительством жилья и всего остального. Очень часто и министр прибегал к помощи Румянцева в щекотливых ситуациях…»[3]

Вместо Румянцева партийным руководителем города в 1952 году утвердили Ивана Васильевича Капитонова. Строитель по профессии, он в 1930-е годы работал на Украине, а за год до войны стал в Москве начальником планово-производственного отдела Краснопресненского трамвайного хозяйства. В 1941 году Капитонова сделали секретарем партбюро, оттуда перевели в райком, и он начал взбираться по аппаратной лестнице. У него была репутация надежного служаки, аппаратчика до мозга костей, который не подведет: звезд с неба, может быть, и не хватает, зато и ошибки не совершит. В те годы эти качества ценились.

Когда назначили Капитонова, в партийном аппарате говорили, что эту должность должна занять Фурцева. Иван Васильевич был моложе Фурцевой на пять лет, практически одновременно с ней начал партийную карьеру в Москве — в 1943 году Капитонова избрали секретарем Краснопресненского райкома. Но он быстрее Фурцевой поднимался по должностной

лестнице. Не потому, что считался более сильным работником. Женщин продвигали со скрипом.

В июле 1952 года Хрущев доложил Сталину:

«После Вашей критики и замечаний о том, что в Московской партийной организации имеют место факты, когда на партийную работу и другие важные участки пробирались люди, не внушающие политического доверия, мы собрали секретарей райкомов гор. Москвы, рассказали им о фактах неправильного подбора кадров и притупления большевистской бдительности в некоторых партийных организациях столицы и дали им политическую оценку».

Речь шла о новой кампании поиска старых врагов — мнимых троцкистов и других оппозиционеров. Люди, которые давным-давно отошли от политической жизни, вновь арестовывались органами госбезопасности. Критике подверглись секретари Щербаковского и Краснопресненского райкомов, которые «проморгали» оппозиционеров на своей территории.

Хрущев обещал вождю навести порядок в городе:

«В ближайшее время на бюро заслушаем отчет Щербаковского райкома партии о партийной работе и практике подбора и воспитании кадров. Предварительно мы проведем глубокую проверку. Это тем более необходимо, что первым секретарем Щербаковского райкома около года работал Жиленков, который во время войны вместе с Власовым изменил Родине».

Упомянутый Хрущевым Георгий Николаевич Жиленков начинал в Воронеже на машиностроительном заводе, из слесарей стал секретарем райкома комсомола. В 1930 году он переехал в Москву и поступил в индустриально-технический техникум, закончив, стал директором фабрично-заводского училища, секретарем парткома завода «Калибр». В январе 1940 года Жиленкова утвердили вторым секретарем Ростокинского райкома. Ростокинский район — на северо-востоке столицы — вошел в состав Москвы в 1935 году. 31 декабря 1940 года Жиленкова утвердили первым секретарем райкома. После начала войны он ушел на фронт. Ему присвоили звание бригадного комиссара и утвердили членом военного совета 32-й армии. Первые секретари столичных райкомов котировались высоко. Секретаря Днепропетровского обкома Леонида Ильича Брежнева тоже произвели в бригадные комиссары, но должность дали поскромнее.

В октябре 1941 года 32-я армия попала в окружение под Вязьмой. Георгий Жиленков оказался в плену вместе с офицерами штаба. Он, вероятно, самый высокопоставленный политработник, пожелавший служить немцам. У Власова Жиленков занимался

знакомым делом — возглавлял главное управление пропаганды. Даже среди власовцев, где собрались не ахти какие моралисты, Жиленкова считали абсолютно беспринципным человеком. Казнили его после войны вместе с Власовым. Имя Жиленкова в московском партийном аппарате вспоминали как символ самого отвратительного предательства.

«Большинство секретарей райкомов, — оправдывался Хрущев, — это молодые работники. Понятно, что они сами не принимали и не могли принимать участия в борьбе с троцкистами, правыми и другими враждебными группировками. Некоторые из этих товарищей формально подходят к изучению истории партии, ошибочно думая, что борьба с врагами отошла в область истории… Многие партийные работники изучают кадры по анкетным данным… Вместо глубокого изучения политических и деловых качеств зачастую ограничиваются справками, полученными от МГБ. Достаточно получить справку о том, что на того или иного работника нет компрометирующих данных, райком партии считает такого человека непогрешимым».

В середине 1952 года вторым секретарем Московского обкома стал Виктор Васильевич Гришин. В этот момент Гришин сдавал выпускные экзамены в Высшей партийной школе. Защитить дипломную работу он не успел и диплома о высшем образовании не получил.

Хрущев сказал Гришину, что в городе берет на себя строительство, а в области — сельское хозяйство:

— А вам все остальное.

Иначе говоря, Хрущев поручил Гришину всю организационно-партийную работу. Тем же самым Фурцева занималась в горкоме.

В обкоме было всего три секретаря. Секретарем МК по пропаганде Никита Сергеевич еще в декабре 1950 года сделал Елену Ивановну Третьякову. Таким образом, в руководство и обкома, и горкома Хрущев ввел по одной женщине. С Еленой Третьяковой в 1954 году Никита Сергеевич расстался, а Фурцеву двинул дальше…

Осенью 1952 года Екатерину Алексеевну Фурцеву избрали делегатом XIX съезда партии, последнего при жизни Сталина. Для нее этот съезд стал втройне важным. Она впервые выступала на съезде, была избрана в состав партийного ареопага и увидела, что происходит за кулисами большой политики.

В нарушение устава съезд не собирали много лет, предыдущий состоялся в марте 1939 года. Открылся XIX съезд 5 октября 1952 года, в воскресенье в семь часов вечера. Вступительную речь произнес Вячеслав Михайлович Молотов,

которого не слишком осведомленное население страны по-прежнему считало вторым человеком после Сталина. Молотов и предположить не мог, какой неприятный сюрприз ожидает его после съезда.

Молотов попросил почтить память умерших товарищей, в том числе недавнего начальника Екатерины Алексеевны Фурцевой — Щербакова, «который особенно известен партии как выдающийся руководитель Московской партийной организации».

Вячеслав Михайлович напомнил о враждебном капиталистическом окружении, о том, что империалистический лагерь готовит новую мировую войну, но успокоил делегатов: «Наша партия пришла к XIX съезду могучей и сплоченной, как никогда». И закончил словами:

— Да живет и здравствует многие годы наш родной, великий Сталин!

Здравицами вождю заканчивались все выступления на съезде, делегаты автоматически вставали и аплодировали.

Сталин был уже слаб и отказался делать основной доклад. Отчет прочитал Георгий Максимилианович Маленков. Он был одновременно и секретарем ЦК, и заместителем председателя Совета министров, в аппарате воспринимался как заместитель Сталина. Он подчеркнул возрастающую роль государства:

— Мы оказались бы безоружными перед лицом врагов и перед опасностью разгрома, если бы не укрепляли наше государство, нашу армию, наши карательные и разведывательные органы.

Маленков говорил не только о фантастических успехах родной страны, но и о бедственном положении Запада, об обнищании американских трудящихся, о падении покупательной способности доллара, о росте дороговизны и снижении заработной платы.

Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства доложил заместитель главы правительства и председатель Госплана Максим Захарович Сабуров. Намеченные изменения в уставе партии изложил Никита Сергеевич Хрущев. Изменили название. Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) решили впредь именовать Коммунистической партией Советского Союза. Договорились созывать съезды раз в четыре года, пленумы ЦК — раз в полгода, а от Всесоюзных партийных конференций отказаться. Политбюро преобразовали в президиум, а оргбюро ЦК вообще перестало существовать: для ведения текущей работы достаточно и секретариата ЦК.

Все выступления были на редкость серыми и скучными, ни одного живого слова. Сидя в зале, Фурцева внимательно следила,

кто и за кем выступает (это свидетельствовало о положении в иерархии власти), кого критикуют и кого хвалят. Первым в прениях получил слово второй после Хрущева человек в московском партийном аппарате — Виктор Васильевич Гришин. Он рассказал о подборе и расстановке кадров в столице и области:

— В настоящее время семьдесят процентов секретарей горкомов и райкомов партии имеют высшее, а остальные среднее образование… С каждым годом растет число членов и кандидатов партии, изучающих «Краткий курс истории ВКП(б)» и другие произведения классиков марксизма-ленинизма, философию и политическую экономию.

Растущий партийный идеолог Михаил Андреевич Суслов порадовался успехам народного образования в Советском Союзе и информировал делегатов о глубоком кризисе за океаном, где трудящихся держат в «темноте и невежестве»:

— В Соединенных Штатах Америки насчитывается свыше десяти миллионов неграмотных; около одной трети детей школьного возраста не учится. Что касается среднего и в особенности высшего образования, то оно является монополией правящих классов и недоступно детям трудящихся.

Екатерине Алексеевне Фурцевой тоже предоставили слово — это была большая честь. Право выйти на съездовскую трибуну получило небольшое число первых секретарей ЦК национальных республик и крупных областей. И только от Москвы выступали вторые секретари: обкома — Гришин и горкома — Фурцева.

На утреннем заседании 10 октября Фурцева говорила после генерального секретаря ЦК французской компартии Мориса Тореза. Сообщила, что за годы после предыдущего съезда московская городская партийная организация увеличилась вдвое и составила 475 тысяч членов партии. Причем треть работает в различных министерствах и ведомствах, поэтому парторганизации обязаны «вести настойчивую борьбу с нарушениями государственной и трудовой дисциплины, с проявлениями бюрократизма и волокиты».

Фурцева покритиковала Министерство нефтяной промышленности за страсть к ненужной переписке. Но особенно от нее досталось одному из заместителей министра речного флота.

— 31 мая сего года в Министерство речного флота, — рассказывала Екатерина Алексеевна, — поступило письмо заместителя председателя Госснаба СССР с просьбой о продвижении важного груза. 5 июня ответ на это письмо был подготовлен главным управлением и передан на подпись

заместителю министра речного флота товарищу Вахтурову. У него этот документ пролежал шесть дней и вернулся с надписью: «Освежите». Письмо «освежили» (веселое оживление в зале), поставили новых четыре визы и направили опять товарищу Вахтурову. У товарища Вахтурова письмо вновь пролежало восемь дней и вернулось в главк на этот раз с припиской: «Написано слабо» (смех). Ответ «усилили», поставили пять новых виз, но через пять дней письмо опять вернулось, на этот раз без всяких резолюций, просто перечеркнутое. Наконец, 30 июня на вновь составленном ответе появилась еще одна резолюция товарища Вахтурова: «Заместителю начальника главка т. Соловьеву. Мною сообщено о принятых мерах в Госснаб по телефону и письмо посылать не будем». Таким образом, понадобилось тридцать дней бесплодной переписки, в то время как вопрос можно было решить в течение нескольких минут…

Этот эпизод из речи Фурцевой запомнился. Зал охотно смеялся.

Досталось от второго секретаря МГК Комитету по делам искусств при Совете министров СССР «за слабое руководство московскими театрами»:

— Невнимательное отношение к Московскому Художественному театру со стороны комитета привело к тому, что этот замечательный коллектив оказался в долгу перед советским зрителем. За последние два года из намеченных к постановке новых пьес театр поставил только три. Коллектив театра долгое время работал над постановкой неполноценных в идейно-художественном отношении пьес «Потерянный дом» Михалкова, «Кандидат партии» Крона и некоторыми другими. Затратив таким образом время и средства, театр не выпустил за последние два года ни одного нового спектакля на советскую тему. Если бы Комитет по делам искусств занимался этим ведущим театром страны, он мог бы не допустить подобного положения.

Завершая свою речь, Фурцева обещала:

— Московская городская партийная организация и впредь будет верной и надежной опорой ленинско-сталинского Центрального комитета и приложит все силы к тому, чтобы выполнить исторические решения XIX съезда. Да здравствует гениальный вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа, родной и любимый товарищ Сталин!

Сталин все-таки выступил — в последний день съезда, на вечернем заседании 14 октября, уже после выборов нового состава ЦК и Центральной ревизионной комиссии. Вождь поблагодарил братские партии за поддержку и обещал, в свою

очередь, помогать им в дальнейшей «борьбе за освобождение». После съезда в Георгиевском зале Кремля был устроен прием. Иностранных гостей приветствовал маршал Ворошилов. Он провозглашал все тосты. Сталин пребывал в прекрасном расположении духа.

На съезде Фурцеву избрали кандидатом в члены ЦК КПСС, это был переход в высшую лигу. 16 октября провели традиционный после съезда первый пленум нового состава ЦК, на котором предстояло избрать руководящие органы — президиум и секретариат. Екатерина Алексеевна присутствовала на этом знаменитом пленуме ЦК, на котором Сталин в пух и прах разносил своих ближайших соратников.

Стенограмма пленума, к сожалению, не велась. О том, что в тот день происходило в Свердловском зале Кремля, известно лишь по рассказам участников пленума. В деталях они расходятся, но главное излагают одинаково.

Перед началом пленума члены высшего руководства собирались в комнате президиума рядом со Свердловским залом. Обыкновенно Сталин, приходил за десять-пятнадцать минут до начала и предупреждал своих соратников о намерении кого-то снять или назначить. На сей раз Сталин пришел к самому открытию, зашел в комнату президиума и, не присаживаясь, сказал:

— Пойдемте на пленум.

Все, что происходило потом, стало сюрпризом даже для его близких соратников.

Начало пленума не предвещало никаких неожиданностей. Фурцева, как и другие новички, следила за тем, как в президиуме рассаживались члены политбюро старого созыва. Екатерина Алексеевна и другие новенькие члены ЦК встали и зааплодировали. Сталин махнул рукой и буркнул:

— Здесь этого никогда не делайте.

На пленумы ЦК обычные ритуалы не распространялись, о чем новички не подозревали. Маленков сразу же предоставил слово вождю. Сталин в сером френче из тонкого коверкота по обыкновению прохаживался вдоль стола президиума и говорил:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. Спрашивают, для чего мы значительно расширили состав Центрального комитета? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки передадим эстафету нашего великого дела. Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели.

Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля. Вот почему мы расширили состав ЦК… Спрашивают, почему видных партийных и государственных деятелей мы освободили от важных постов министров? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Что касается самых видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета министров. Так что я не знаю, сколько у меня теперь заместителей…

Его слова звучали откровенной издевкой над старой гвардией. Но это было лишь вступлением. Вождь неожиданно обрушился на своих ближайших соратников Молотова и Микояна. У сидевших в зале был шок, хотя Вячеслав Михайлович и Анастас Иванович должны были ожидать чего-то подобного:

— Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших рядах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Зал замер. Такого никто не ожидал. Фурцева и не предполагала, что вождь так относится к людям, чьи портреты десятилетиями носили на Красной площади. На пленуме ЦК Сталин предъявил своим соратникам обвинения, тянувшие на высшую меру политического наказания.

— Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаясь, не колеблясь, он отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь «под шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. На каком основании? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Это первая политическая ошибка товарища Молотова. А чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта автономия. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских

притязаний на наш Советский Крым. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член политбюро. И мы категорически отклоним его надуманные предложения. «Ощущение было такое, будто на сердце мне положили кусок льда, — рассказывал находившийся тогда в Свердловском зале Кремля Дмитрий Шепилов. — Молотов сидел неподвижно за столом президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мял мякиш хлеба».

— Товарищ Молотов, — говорил Сталин, — так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится достоянием товарища Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена политбюро недопустимо.

Писатель Константин Симонов, присутствовавший на пленуме — его избрали кандидатом в члены ЦК, как и Фурцеву, вспоминал: «Сталин бил по представлению о том, что Молотов самый твердый, самый несгибаемый последователь Сталина. Бил предательски и целенаправленно, бил, вышибая из строя своих возможных преемников… Он не желал, чтобы Молотов после него, случись что-то с ним, остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность».

— Теперь о товарище Микояне, — Сталин обрушился на другого своего верного соратника. — Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами землю навечно. И они должны отдавать положенный долг государству, поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна…

Пока Сталин произносил этот монолог, в зале стояла мертвая тишина. Ничего подобного давно не звучало в Кремле — со времен предвоенных массовых репрессий. Вождь выступал почти полтора часа, а весь пленум продолжался два часа с небольшим. Когда вождь закончил речь, Микоян поспешно спустился к трибуне и стал оправдываться, ссылаясь на экономические расчеты. Сталин оборвал его и, погрозив пальцем, произнес:

— Видите, сам путается и нас хочет запутать в этом ясном, принципиальном вопросе.

Анастас Иванович побормотал:

— Товарищи, признаю, что и у меня были ошибки, но не преднамеренные…

Сталин махнул рукой, и зал послушно отреагировал:

— Хватит заниматься самооправданием! Знаем вас, товарищ Микоян! Не пытайтесь ввести ЦК в заблуждение!

Ошеломленный Микоян замолчал и покинул трибуну. Молотов тоже признавал свои ошибки, оправдывался, говорил, что он был и остается верным учеником товарища Сталина. Тот резко оборвал Молотова:

— Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Иначе говоря, вождь не захотел выслушивать оправдания. Это был плохой признак. Иногда раскаяние спасало от кары. Сталин часто устраивал такие провокации и внимательно смотрел, как реагирует обвиняемый. Он считал, что если человек в чем-то виноват, то обязательно себя выдаст. Главное — застать его врасплох…

Но тут стало ясно, что вождь миловать не намерен. Разделавшись с Молотовым и Микояном, Сталин сказал, что нужно решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Он достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

— В президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей…

Он огласил длинный список. В него вошли все члены политбюро старого созыва, кроме уже больного Андрея Андреевича Андреева, бывшего председателя Комитета партийного контроля. Сталин пояснил:

— Относительно уважаемого Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится!

Вождь включил в президиум ЦК ряд новых и сравнительно молодых партработников. Сталин хотел к ним присмотреться. Он собирал новичков, беседовал подолгу, объяснял, как должен работать секретарь ЦК, что должен делать член президиума. Вождь готовился ими заменить старое руководство…

Потом Сталин неожиданно для присутствующих предложил избрать бюро президиума ЦК (этот орган раньше не существовал и уставом партии не был предусмотрен) — по аналогии с уже существовавшим бюро президиума Совета министров. В бюро вождь включил, помимо себя, своих заместителей в правительстве — Берию, Булганина, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Сабурова и секретаря ЦК Хрущева.

Молотова в бюро президиума ЦК Сталин не включил. Как, впрочем, и Микояна. Что касается Ворошилова, то маршал,

видимо, оказался в бюро президиума случайно. Список Сталин составил сам, ни с кем не советуясь. Похоже, его рука по привычке вывела знакомую фамилию некогда очень близкого ему человека. После пленума, увидев Ворошилова в списке членов бюро, Сталин изумленно спросил:

— Как так получилось? Как это пролез Ворошилов в состав бюро президиума?

Хрущев вспоминал, что присутствовавшие переглянулись и кто-то робко заметил:

— Он не мог пролезть, вы же его сами назвали, когда выступали, и он был выбран в состав бюро.

— Не понимаю, как это получилось, — недовольно повторил Сталин.

Когда приступили к выборам секретариата ЦК, Сталин опять зачитал фамилии секретарей. Но себя не назвал. Тогда сидевший в президиуме Маленков протянул руку в направлении трибуны, где стоял Сталин. Из зала раздался хор голосов, так как жест был всем понятен:

— Товарища Сталина!

Он негромко произнес:

— Не надо Сталина, я уже стар. Надо на отдых.

А из зала все неслось:

— Товарища Сталина!

Все встали и зааплодировали. Сталин махнул рукой, призывая успокоиться, и сказал:

— Нет, меня освободите от обязанностей и генерального секретаря ЦК, и председателя Совета министров.

Все изумленно замолчали.

Маленков поспешно спустился к трибуне и сказал:

— Товарищи, мы должны все единогласно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь генеральным секретарем.

Опять начались овация и крики:

— Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!

Сталин прошел к трибуне:

— На пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей генерального секретаря и председателя Совета министров. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого!

Маршал Тимошенко встал:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем. Другого решения быть не может.

Зал, стоя, аплодировал. Сталин долго стоял и смотрел в зал,

потом махнул рукой, словно в досаде:

— Ну ладно, пусть будет и Сталин.

От должности генерального секретаря формально отказались. Сталина избрали «простым» секретарем ЦК КПСС. Для Фурцевой это был первый пленум ЦК, на котором она присутствовала. Впечатления были яркими, многое запомнилось навсегда.

Некоторые истории, казавшиеся случайными, на самом деле очень влияют на нашу жизнь. Таким важным эпизодом стала встреча Екатерины Алексеевны Фурцевой с Цзян Цин, женой главы народного Китая Мао Цзэдуна. Цзян Цин — четвертая и последняя жена Мао — стала самой могущественной женщиной в мире. Она не пожелала жить в тени великого человека и состариться в неизвестности.

Доктор исторических наук Анастасия Ивановна Картунова работала младшим референтом в секторе стран Дальнего Востока отдела внешней политики ЦК партии. Ей, знавшей китайский язык, поручили заниматься женой Мао, которая несколько раз приезжала в Москву.

«Выглядела она всегда элегантно, — рассказывала Анастасия Картунова, — благодаря изящной фигуре, умению носить одежду (она одинаково привлекательно выглядела как в брючной паре, так и в платье, которое надевала только в жаркие дни да во время приема гостей и выездов) и отработанной манере поведения. У нее были живые черные глаза миндалевидной формы, правильные черты лица со слегка выдающимися вперед зубами. Гладко зачесанные назад блестящие черные волосы с тугим узлом сзади. Тонкие кисти рук. При хорошем расположении духа она заразительно, весело смеялась… Она как-то точно „угадывала“, с кем и как следует себя вести. Думаю, помогала ей и школа шанхайской киноактрисы в прошлом…

Она была человеком резко меняющегося настроения. Однажды я приехала в больницу на Грановского, где Цзян Цин занимала отсек на втором этаже. В вестибюле я увидела Машеньку, закройщицу из пошивочного бюро на Кутузовском проспекте, всю зареванную. Она сказала:

— Да как же тут не заплачешь! Я ей всю ночь готовила платья к примерке, а она не хочет их примерять!

Не знаю, что было причиной дурного расположения духа Цзян Цин…

Цзян Цин всегда жаловалась на бессонницу. Говорила, что это результат переутомления в яньаньский период их жизни, неустройства быта, верховых длительных переходов в горной местности… Снотворные средства, по ее словам, не действовали.

Отдыхая в Крыму, она попросила, чтобы в спальне на ночь ей оставляли коньяк, поскольку рюмка коньяку перед сном порой помогала ей уснуть…»

В 1953 году жена Мао Цзэдуна изъявила желание посетить универмаг.

«И вот мы в ГУМе, — вспоминала Картунова. — Со второго этажа на первый вытянулась длинная очередь. Цзян Цин спросила меня, что это. Я попросила офицера охраны узнать, за чем очередь. Когда он вернулся и рассказал, я повернулась к Цзян Цин: „Товарищ Цзян Цин, это шерстяные кофты вашей страны пользуются таким большим успехом у наших покупателей“. Цзян Цин была явно шокирована…

Вернувшись в особняк, Цзян Цин в сердцах сказала:

— Это советский народ, который совершил Октябрьскую революцию и открыл новую эпоху в истории человечества, это советский народ, который неисчислимыми жертвами спас народы мира от фашистских варваров, — этот народ стоит в огромной очереди за нашими китайскими паршивыми кофтами! Да мы все, страны народной демократии, должны отрывать от себя последнее, чтобы советские люди ни в чем не нуждались…

Я доложила заведующему сектором Илье Сергеевичу Щербакову. Он направился к заведующему отделом. Возвратившись, сказал:

— Садитесь и изложите этот эпизод в письменном виде. Будем докладывать.

Помнится, дня два эта бумага читалась, правилась, вычитывалась по буквам, прежде чем пошла „на самый верх“…

Состоялось специальное решение о том, что поздравить Цзян Цин с годовщиной провозглашения КНР поедут Екатерина Фурцева (в то время секретарь МГК КПСС) и Людмила Дубровина (в то время заместитель министра народного образования РСФСР) … Я купила в художественном салоне картину „Весна в Подмосковье“…

Сижу в машине напротив здания МГК КПСС в ожидании Екатерины Алексеевны Фурцевой. А ее все нет. Опаздывать нельзя. Поднимаюсь в ее приемную, прошу секретаря напомнить Екатерине Алексеевне, что ее ждут. Секретарь мнется, не решаясь войти в кабинет, и предлагает мне войти. Открываю дверь и вижу: Фурцева, стоя, что-то выговаривает весьма резко присутствующим на совещании. Увидев меня, дала знак, — мол, одну минуту. И ее заключительная фраза:

— Приеду через два часа. Чтобы бумага лежала здесь!

И ударила ладонью по столу.

Мужчины встали и быстро вышли.

Уставшая Фурцева поправила прическу, и мы спустились вниз. У своей машины стояла Дубровина. Мы все втроем сели в машину Фурцевой по ее приглашению и двинулись в путь. Где-то минут через десять Екатерина Алексеевна, вдруг спохватившись, спросила:

— А с чем мы едем, что дарить будем жене Мао Цзэдуна?

Я ответила.

— Что же вы мне раньше не сказали? Я бы в московских подвалах такую картину подобрала…

Цзян Цин встретила нас в черном, облегающем фигуру платье с изящным украшением, как всегда, тщательно причесана, в черных замшевых туфлях на среднем каблуке. Вся отдохнувшая и сияющая. Полный контраст с нашими женщинами — общественными и государственными деятельницами — Фурцевой и Дубровиной, усталыми, не имевшими даже времени подготовиться к визиту».

Честолюбивая молодая актриса из Шанхая, Цзян Цин верила, что нет искусства, которым бы она не могла овладеть, науки, которой бы она не сумела познать, царства, которого бы она не завоевала. Она была осколком феодальной эпохи, когда правители женились на красивых и талантливых женщинах. Цзян Цин была темпераментной и весьма самостоятельной женщиной с сильным характером и богатым прошлым.

«Несмотря на свой возраст, — писала встречавшаяся с ней американская журналистка Роксана Уитке, — она обладала особой привлекательностью, особым очарованием. Это можно было бы назвать сексуальностью, проистекавшей из ее огромной власти».

Встреча с Цзян Цин не прошла даром для Екатерины Алексеевны. Она увидела, как выглядит, одевается и ведет себя жена крупного политического лидера, к тому же бывшая актриса. Ведь в те времена в Москву приезжало очень мало иностранцев, причем в основном мужчины. Фурцева умела учиться.

Женщина, с которой она познакомилась, Цзян Цин, была непомерно тщеславна и амбициозна. В последние годы жизни своего мужа она выдвинулась на первые роли в компартии Китая. Но вскоре после смерти Мао Цзэдуна ее лишили всех должностей и арестовали. На суде в 1977 году Цзян Цин приговорили к смертной казни с отсрочкой приведения приговора в исполнение на год. Позже смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Цзян Цин покончила жизнь самоубийством.

Как странно! Многие уверены в том, что Екатерина Алексеевна Фурцева тоже ушла из жизни по собственной воле. Но мы еще вернемся к этому…

В последний раз Сталин побывал в Кремле 17 февраля 1953 года, когда принимал индийского посла. 27 февраля он в последний раз покинул дачу — в Большом театре посмотрел «Лебединое озеро».

Последние недели он практически не работал. Хрущев рассказывал, как они с Берией проходили мимо двери столовой сталинской дачи, и Лаврентий Павлович показал на стол, заваленный горою нераспечатанных красных пакетов. Это были документы, которые продолжали поступать Сталину. Видно было, что к ним никто не притрагивался.

— Вот тут, наверное, и твои лежат, — сказал Берия.

После смерти Сталина Хрущев поинтересовался, как поступали с бумагами, ежедневно присылаемыми вождю. Начальник охраны ответил:

— У нас был специальный человек, который вскрывал их, а потом мы отсылали содержимое обратно тем, кто присылал.

О том, что Сталин потерял интерес к происходящему и практически перестал работать, знали в Москве всего несколько человек. Остальные были уверены, что все идет по-прежнему. 20 февраля 1953 года Екатерина Алексеевна Фурцева провела в горкоме совещание, обсуждалась подготовка Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

— По нашим сведениям, — говорила Фурцева, — выставка отстает очень серьезно в оформлении многих павильонов. Московский городской комитет заинтересован в том, чтобы все эти работы были проведены своевременно. Московская партийная организация отвечает за это большое мероприятие… Пусть товарищи расскажут, какие претензии и по времени, и по качеству к работникам, которые ведут работы на выставке. Кто желает выступить?..

Руководители выставки собирались жаловаться на то, что им не дают все, что нужно. Но выяснилась иная картина. Разбирательство Екатерина Алексеевна вела в присущем ей напористом стиле.

— Сколько людей должно работать по плану?

— 940 человек, из них 420 оформителей-художников.

— Сколько работает? — спросила Фурцева.

— 700 человек, художников 312.

— Почему люди не полностью работают?

— Целиком мы их занять не можем.

— То есть людям делать нечего? — уточнила Фурцева. — Мы пригласили вас в горком. Вы сказали, что сами хотели обратиться, готовились к совещанию… Так вы объясните, что вот по такому-то павильону могли по плану работать восемьдесят

человек, а работают сорок, потому что материалов нет. А фантазировать они не могут. Вот вы так и скажите…

— Нет материала, нет фотоматериалов, — жаловались Фурцевой. — Фото нас держит. Художник не может делать монтаж без фото. Текст нас держит.

Екатерина Алексеевна была недовольна столичным павильоном:

— Мы посмотрели, в московском павильоне представлены два варианта эскизов. Я не хочу осуждать, но вы представили, на первый взгляд, неудачные эскизные предложения. Даже никакой тематической идеи не заложено. Колхозница собирает помидоры с корзиной в руках. Разве это показательно для Московской области? Такой важнейший идеологический участок мы так вести не можем. Художники нуждаются в большой помощи, чтобы правильно, идейно, тематически показать и отразить в оформлении то, что мы желаем. К тому же художники слишком много берут на себя, не хотят предварительно дать для просмотра эскизы для утверждения, и это, видимо, серьезно мешает…

Выслушав всех желающих, Фурцева суровым тоном подвела итоги:

— Будем принимать решение бюро горкома. Должны будем дать соответствующую оценку руководителям творческих и партийных организаций. По их вине создалась такая обстановка и отставание в работе. Неужели Москва не имеет творческих кадров, которые могли бы справиться с работой на выставке? Мы считаем, что руководители не сумели использовать эти кадры. Не случайно там работали всего два-три партийных работника. Никаких переносов срока открытия сельскохозяйственной выставки не будет. Московский горком повинен в том, что в такой довольно трудной обстановке мы поздно собрались. Но вы не подумайте, что теперь ничего нельзя сделать. Время еще есть. Вношу такое предложение: провести партийные собрания в ближайшие пять дней во всех творческих организациях. Общее собрание нужно провести в Московском товариществе художников. Расставить в каждом павильоне коммунистов, пусть они будут парторгами. Нужно организовать группу из десяти-пятнадцати пропагандистов, чтобы они постоянно проводили беседы с товарищами.

Фурцева понимала, что ее ждет, если выставка не будет открыта в срок. Решение подписано Сталиным.

— Нужно, чтобы творческие работники ушли сегодня с совещания, осознав свою огромную ответственность, — заключила она, — дело это огромной государственной важности. Даже невозможно себе представить, что мы не справились с

выполнением правительственного задания…

Но глава советского правительства уже никого не мог ни наказать, ни поощрить. На ближней даче вождя заканчивалась затянувшаяся драма.

Вечером 28 февраля Сталин пригласил к себе обычную компанию — Маленкова, Хрущева, Берию и Булганина. Вместе поужинали. Сталин находился в прекрасном расположении духа, выпил больше обычного. Гости разъехались после пяти утра. Веселая вечеринка оказалась последней в его жизни.

Сталин всегда вставал очень поздно. Но на следующий день, 1 марта, Сталин вообще не вышел из комнаты. Охранники долго не решались его побеспокоить. Только в одиннадцать часов вечера один из них с почтой в руках все-таки вошел в комнату Сталина и увидел вождя лежащим на полу. Он был без сознания и только хрипел.

Видимо, после отъезда членов президиума Сталин удалился в библиотеку. Здесь у него произошло кровоизлияние в мозг. Сталин потерял сознание и упал на пол у дивана. Так он и лежал несколько часов без медицинской помощи. Из-за его собственных маниакальных страхов охрана и прислуга не смели войти к нему в комнату и не решались по собственной инициативе вызвать врачей.

Охранники, следуя служебной инструкции, позвонили своему начальнику министру госбезопасности Семену Денисовичу Игнатьеву. Тот испугался и велел охранникам позвонить Берии или Маленкову.

Дозвонились до Маленкова. Георгий Максимилианович был как бы старшим среди членов президиума ЦК. В два часа ночи он приехал на дачу, вместе с Берией. Один не решился. Охранники доложили, что нашли Сталина на полу, подняли его и положили на диван. Теперь он вроде как спит. Маленков с Берией даже не вошли в его комнату: вдруг Сталин проснется и увидит, что они застали его в таком положении. Они уехали. Мысль о том, что его разбил удар, не пришла им в голову.

Утром сотрудники охраны доложили, что товарищ Сталин так и не пришел в себя. Тогда приехали уже втроем — Маленков, Берия и Хрущев. Но только вечером 2 марта у постели Сталина появились врачи. Все это были новые люди, потому что лечившие Сталина доктора уже почти все были арестованы по печально знаменитому «делу врачей». Медики ехали к вождю с дрожью в коленках — тоже не были уверены, что благополучно вернутся домой. Первый подошедший к Сталину доктор боялся взять его за руку, чтобы измерить пульс. Приехал министр госбезопасности Игнатьев и не решался войти в дом уже умирающего Сталина.

Вождь был без сознания, а они все еще трепетали перед ним. Сталин убил себя сам. Он создал вокруг себя такую атмосферу страха, что его собственные помощники и охранники не решились помочь ему в смертный час. Все члены президиума ЦК боялись Сталина. И понятно почему.

Хрущев вспоминал, как во время одного из последних приездов на дачу Сталина он присел за стол с краю. Его закрывала кипа бумаг, и вождь не видел его глаза. Он сказал Хрущеву:

— Ты что прячешься? Я пока тебя не собираюсь арестовывать. Подвинь бумаги и сядь ближе…

Маленков, уже будучи на пенсии, рассказывал сыну Андрею о последних днях Сталина:

«Я, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Каганович прибыли на ближнюю дачу Сталина. Он был парализован, не говорил, мог двигать только кистью одной руки. Слабые зовущие движения кисти руки. К Сталину подходит Молотов. Сталин делает знак — „отойди“. Подходит Берия. Опять знак — „отойди“. Подходит Микоян — „отойди“. Потом подхожу я. Сталин удерживает мою руку, не отпуская. Через несколько минут он умирает, не сказав ни слова, только беззвучно шевеля губами…»

В реальности было иначе.

У Сталина случился инсульт. Он потерял речь. Правая половина тела была парализована. Несколько раз он открывал глаза, все бросались к нему, но неизвестно, узнавал ли он кого-то. Берия пытливо и въедливо допрашивал дежуривших у постели профессоров о течении болезни и лихорадочно ждал, когда же наступит желанная развязка. Но вместе с тем Берию не покидала тревога: кто знает, не выкарабкается ли Сталин из кризиса, не преодолеет ли болезнь?

Утром 4 марта под влиянием экстренных лечебных мер в ходе болезни Сталина как будто наступил просвет. Он стал ровнее дышать, даже приоткрыл один глаз, и присутствовавшим показалось, что во взоре его мелькнули признаки сознания. Больше того, им почудилось, будто Сталин хитровато подмигнул полуоткрывшимся глазом: ничего, мол, выберемся!

Лаврентий Павлович как раз находился у постели. Увидев эти признаки возвращения сознания, он в страхе опустился на колени. Однако признаки сознания вернулись к Сталину лишь на несколько мгновений, и Берия мог больше не тревожиться.

К счастью для его соратников, Сталин так и не выздоровел.

«Отец умирал страшно и трудно, — писала Светлана. — Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек

просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она задушила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось — очевидно, в последнюю уже минуту он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью…

И тут, — это было непонятно и страшно, и я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился… В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Маленков, Молотов, Берия и Хрущев поделили власть, когда Сталин еще был жив и врачи даже сообщали о некотором улучшении его состояния. Но они поняли, что если Иосиф Виссарионович и оклемается, то руководить страной уже не сможет.

Пятого марта 1953 года в восемь вечера в Свердловском зале открылось совместное заседание членов ЦК, Совета министров и президиума Верховного Совета. Присутствовала и Фурцева. Собрались задолго до назначенного часа. Никто ни с кем не разговаривал. Появились члены избранного Сталиным бюро президиума ЦК, с ними были Молотов и Микоян. Самые трудные времена для них миновали.

Это подметил наблюдательный Константин Симонов: «У меня было ощущение, что старые члены политбюро вышли с каким-то затаенным, не выраженным внешне, но чувствовавшимся в них ощущением облегчения… Было такое ощущение, что вот там, в президиуме, люди освободились от чего-то давившего на них, связывавшего их. Они были какие-то распеленатые, что ли…»

Заседание длилось ровно сорок минут. Фурцева и остальные собравшиеся в зале с волнением вслушивались в слова людей, которые взяли на себя всю власть в стране.

Открыл его секретарь ЦК и МК партии Никита Сергеевич Хрущев. Прежде всего дал слово министру здравоохранения Андрею Федоровичу Третьякову (он был назначен министром в январе 1953 года с поста директора Центрального института курортологии). Тот рассказал о безнадежном состоянии вождя.

Хрущев сообщил:

— Члены бюро президиума ЦК поочередно находятся у постели товарища Сталина. Сейчас дежурит товарищ Булганин, поэтому он не присутствует на заседании.

Никита Сергеевич предоставил слово Маленкову. Георгий Максимилианович объяснил, что товарищ Сталин продолжает

бороться со смертью, но состояние его настолько тяжелое, что, если даже он победит подступившую смерть, очень долго еще не сможет работать:

— Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве.

После этой преамбулы на трибуну вышел Берия и объявил, что в создавшейся обстановке необходимо назначить главу правительства:

— Мы уверены — вы разделите наше мнение, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура на пост председателя Совета министров, кандидатура товарища Маленкова.

В зале с готовностью закричали:

— Правильно! Утвердить!

Маленков опять вышел на трибуну и предложил утвердить первыми заместителями главы правительства Берию, Молотова, Булганина и Кагановича. Количество членов президиума ЦК сократили вдвое. Затем были поделены все остальные должности.

Сталин умер через час с небольшим после того, как дележ руководящих кресел закончился. На похоронах Сталина выделялась делегация Лубянки — члены коллегии МГБ и партийного комитета с венком «И. В. Сталину от сотрудников государственной безопасности страны». Высшим чиновникам, вспоминает ветеран госбезопасности Виктор Алидин, выдали именные пропуска для прохода на Красную площадь «на похороны Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС, генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина».

Впереди процессии шел первый заместитель министра внутренних дел СССР Иван Александрович Серов, за ним генералы, которые на красных подушечках несли награды Сталина, затем ехала машина с орудийным лафетом, на котором стоял гроб, закрытый сверху стеклянным колпаком. На гранитной лицевой панели, изготовленной на Долгопрудненском камнеобрабатывающем заводе для мавзолея, уже были слова «Ленин — Сталин».

У Екатерины Алексеевны Фурцевой было в те дни много хлопот, связанных с организацией траурных мероприятий. Но главная проблема состояла в том, чтобы понять новую структуру власти. Никита Хрущев был освобожден от обязанностей первого секретаря Московского комитета, чтобы он «сосредоточился на работе в Центральном комитете КПСС». Фурцева должна была прежде всего понять, кто теперь хозяин в стране и городе, на кого

надо ориентироваться.

Глава пятая
СЕКРЕТАРЬ ЦК

Хрущев в мемуарах мало пишет о Фурцевой. Наверное, потому что с годами в ней разочаровался. Но поначалу он очень симпатизировал молодой женщине — секретарю горкома. В отличие от Сталина, Никита Сергеевич охотно продвигал женщин. На его любимой Украине секретарем республиканского ЦК стала Ольга Ильинична Иващенко. Обычно женщины-секретари занимались культурой и образованием. Иващенко же курировала отдел оборонной промышленности ЦК компартии Украины. Она, кстати, сохранила уважение к Никите Сергеевичу до конца, осенью 1964 года, когда снимали Хрущева, не переметнулась на сторону его противников.

В отношении Хрущева к Фурцевой не было ничего личного, что бы тогда ни говорили. Постель редко играла решающую роль в карьерном росте женщины, возможно потому, что в партийный аппарат, словно нарочно, отбирали дам не слишком привлекательных. Екатерина Алексеевна, конечно, была приятным исключением. Но в отличие от Леонида Ильича Брежнева Хрущев хранил верность жене и с особами прекрасного пола устанавливал исключительно деловые отношения. Кстати, снисхождения никому не делал и с женщин спрашивал как с мужчин.

Через год с небольшим после смерти Сталина, 26 мая 1954 года, Екатерина Фурцева была утверждена первым секретарем городского комитета партии. Ни одна женщина до нее не возглавляла столь крупную партийную организацию. К тому же Московский горком вывели из подчинения областному комитету, так что Екатерина Алексеевна стала полноправной хозяйкой огромного города.

А ее предшественник Иван Васильевич Капитонов перебрался в обком партии, располагавшийся по соседству. Это было понижение, потому что без столицы Московский обком потерял свое значение. Хрущеву инертный Капитонов не глянулся, а энергичную Фурцеву, ее работу, характер — оценил. Если она обещала что-то сделать, то можно было не сомневаться: доложит об исполнении поручения точно в срок.

В обкоме, кстати, Иван Капитонов не задержался — не сработался с председателем облисполкома Николаем Федоровичем Игнатовым, тоже выходцем из московской

городской партийной организации (после войны он был первым секретарем Бауманского райкома). Они жаловались друг на друга и требовали снять оппонента с должности. Разбирались в конфликте секретари ЦК. И установили, что между руководителями области «сложились нездоровые, непартийные отношения». На пленум Московского областного комитета приехали секретари ЦК Аверкий Аристов и Алексей Кириченко.

— У нас сложилось мнение, что они оба ведут себя неправильно, беспринципно, — сказал Аристов. — Можно ли оставлять таких руководителей на постах первого секретаря и председателя облисполкома? Президиум ЦК пришел к выводу, что нельзя!

Руководителей области развели. Ивана Капитонова отправили первым секретарем в Ивановский обком, Николая Игнатова — в Орловский. При Брежневе Капитонова вернут в Москву секретарем ЦК по кадрам.

Екатерина Фурцева стала хозяйкой Москвы в послесталинские времена, когда жизнь в городе еще была очень тяжелой. На пленуме ЦК, в своем кругу, она припомнила, как Маленков еще при жизни Сталина, в докладе на XIX съезде партии в октябре 1952 года, заявил, что зерновая проблема решена полностью и бесповоротно.

— Эти слова вызвали огромную волну протеста в первую очередь даже среди руководящих кадров, — говорила Фурцева. — Возьмите Москву, которая всегда находилась в более благоприятных условиях по сравнению с другими городами страны. Даже в Москве до последнего времени хлеб продавали в одни руки не более килограмма. В Москве, которая, как я сказала, находится в особых условиях, хлеб продавали с примесью около сорока процентов картофеля и прочего. Это же факты. Здесь товарищи присутствуют, присутствует и товарищ Косыгин, который занимался этим. Они подтвердят.

В зале раздались голоса:

— Правильно!

«И вместе с тем это было время больших надежд, быстрых демократических преобразований, подъема всего народного хозяйства страны, — вспоминал Николай Григорьевич Егорычев, который в том же 1954 году стал секретарем Бауманского райкома партии. — И люди партийного аппарата, в том числе и те, с которыми я работал, не только желали этих перемен, но и самоотверженно трудились ради этого».

Раз в неделю собиралось бюро городского комитета. Председательствовала Фурцева. Она могла отсутствовать только в случае крайней необходимости. Бюро рассматривало отчеты

районных комитетов и отделов городского комитета. Выносило решение и по персональным делам коммунистов, совершивших проступки, их представляла партийная комиссия. Бюро утверждало кандидатуры чиновников номенклатуры городского уровня. Утверждало представление на почетные звания — артистам, художникам, учителям…

Горком проводил городские активы и совещания. При зале заседаний в МГК за сценой была комната президиума. Там перед началом пленумов и больших совещаний, а также во время перерывов собирались секретари и члены бюро, пили чай с бутербродами.

Фурцева должна была руководить заседаниями секретариата горкома, который также собирался раз в неделю и рассматривал все текущие дела. Между секретарями горкома было распределение обязанностей. Но руководители любого отдела могли в случае необходимости обратиться непосредственно к Екатерине Алексеевне. А отделов было немало: организационный, пропаганды и агитации, промышленно-транспортный, административных и торгово-финансовых органов, строительства и городского хозяйства, отдел науки, школы и вузов. А также особый сектор, в состав которого входили шифровальщики, финансово-хозяйственный сектор, партийная комиссия (она занималась наказанием провинившихся), управление делами, лекторская группа. Существовал и немалый технический аппарат — канцелярия, где работали технические секретари, статистики, учетчики, делопроизводители, экспедиторы, архивариусы, ротаторщицы (ксероксы еще не изобрели), стенографистки, машинистки, бухгалтеры, счетоводы-кассиры и курьеры…

Двадцать седьмого ноября 1954 года Фурцева выступала на пленуме горкома. В стране начались большие перемены, и она говорила об улучшении работы партийного и государственного аппарата, о сокращении бюрократии.

— На четырнадцати предприятиях, — рассказывала Фурцева, — намечены к сокращению тысяча шестьсот человек. Хотела бы продолжить такие примеры, но, к сожалению, их не так много. Многие предприятия и парторганизации по существу еще не приступили к работе. А ведь сейчас во всех министерствах союзного и республиканского значения идет сокращение центрального аппарата и упрощение его — в соответствии с решением ЦК партии и Совета министров от 14 октября. Но наблюдаются такие недопустимые случаи, когда сокращается аппарат, но люди переводятся в другие учреждения, хотя в решении правительства записано, чтобы обязательно переводить на производство…

Екатерина Алексеевна в духе нового времени благодарила товарищей за критику:

— Считаем совершенно правильными выступления товарищей Воинова, секретаря Советского райкома партии, Никифорова, секретаря Дзержинского райкома, Медведева, секретаря парткома Министерства химической промышленности, которые справедливо критиковали бюро горкома партии и аппарат горкома, что сами мы не подаем пример, как нужно перестраивать работу. Мы сделаем все выводы из того, что здесь было высказано.

Досталось от Екатерины Фурцевой исполкому Моссовета:

— 14 октября было принято решение Центрального комитета и Совета министров о сокращении и упрощении штатов. Прошло больше месяца, почти все министерства внесли свои предложения в правительство. Однако Моссовет благодаря своей неповоротливости ничего не сделал. Тут вина и горкома партии… Много ненужных методов в руководстве, излишних инстанций, загроможденности в структуре, излишество в штатах…

Проект постановления пленума МГК готовила комиссия под председательством Дмитрия Алексеевича Поликарпова, который в 1954 году стал секретарем горкома. Поликарпов много лет занимался в партаппарате идеологическими делами. Он еще до войны стал работать в Управлении пропаганды и агитации ЦК, в войну возглавлял Радиокомитет, был переведен в Союз писателей — надзирать за инженерами человеческих душ. В 1946 году он впал в немилость. Поликарпова отправили учиться — он получил одновременно дипломы Московского областного педагогического института и Высшей партийной школы (учился заочно и одновременно с Фурцевой). Дмитрий Алексеевич поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК, защитил диссертацию, стал кандидатом исторических наук и работал в областном пединституте. Опала закончилась, и его перевели в горком.

Поликарпов зачитал предложения:

— Бюро МГК усилить живую связь работников горкома с первичными партийными организациями, дифференцированно подходить к руководству ими, учитывать особенности их работы. Обязать бюро МГК, райкомы партии и партийные организации обеспечить дальнейший подъем партийно-политической и воспитательной работы среди советских служащих, вести политическую работу в тесной связи с задачами партии за совершенствование аппарата, воспитывать работников государственного аппарата в духе высокой ответственности за порученное им дело. Отделу пропаганды и агитации разработать

тематику лекций и бесед о задачах государственного аппарата в решении поставленных партией задач и ленинских принципах работы государственного аппарата.

Возражений не было. Проект решения был принят.

Вскоре Дмитрия Поликарпова вернут в ЦК и для министра культуры Фурцевой, и всего министерства он станет вышестоящей инстанцией. Без его согласия и подписи Екатерина Алексеевна сделать ничего не сможет…

Первый секретарь МГК КПСС Фурцева должна была регулярно ездить по районам, посещать крупные партийные организации. От нее всегда ждали хоть короткого, но выступления. Речи первому секретарю готовил кто-то из помощников, привлекая отраслевой отдел аппарата горкома. Иногда обращались к профессиональным журналистам, чтобы придать подходящую литературную форму. Многие москвичи рвались к первому секретарю на прием, потому что только хозяйка города могла дать квартиру, помочь с ремонтом.

«Особенно острой была проблема жилья, — вспоминал Николай Егорычев. — Перед войной население Москвы выросло почти в два раза. После войны рост населения продолжался, но новое жилье почти не строилось, а построенные до войны бараки и общежития ветшали.

У нас в Бауманском районе бараки были расположены вдоль Яузы и каждую весну подтоплялись. Помню, как-то по заявлению я посетил одну семью. Одиннадцать человек ютились на семи квадратных метрах. В другом случае уже немолодой москвич, участник войны, жил в глубокой бывшей угольной яме без света и воздуха, куда попасть можно было через люк по стремянке».

Шестого мая 1955 года Фурцева провела пленум горкома с повесткой дня: «О ходе жилищного и культурно-бытового строительства и задачах Московской городской партийной организации по досрочному выполнению плана 1955 года».

Председательствовал на пленуме Иван Тихонович Марченко, который при Фурцевой стал вторым секретарем МГК. Инженер-путеец, он в послевоенные годы руководил московским отделением Западной железной дороги, потом три года был первым секретарем Советского райкома. Когда Екатерина Алексеевна уйдет из Московского горкома, Марченко отправят первым секретарем в Томск.

— Товарищи, — говорил Иван Марченко, — на пленуме присутствует 132 человека из 162 членов Московского городского комитета партии, кандидатов в члены и членов ревизионной комиссии. Есть предложение начать работу пленума. Какие будут замечания? Нет… О регламенте. Есть предложение для

докладчика предоставить час пятнадцать минут, для выступающих в прениях по десять минут. Через каждые два часа работы пленума делать перерыв на двадцать минут. Нет необходимости голосовать? Слово предоставляется секретарю городского комитета партии товарищу Фурцевой.

Екатерина Алексеевна произнесла длинный доклад о положении в строительной отрасли столицы:

— Создана мощная строительная организация — Главмосстрой. Пущены крупнейшие заводы по производству сборных железобетонных конструкций, керамических изделий. Сооружается шестнадцать новых заводов железобетонных изделий и другие предприятия строительной индустрии, шире внедряются индустриальные методы работы… Многие конструкции зданий выполняются из сборных деталей. Применяются сборные санитарно-технические панели, блоки для вентиляции и мусоропровода, сухие методы отделки. Массовое распространение получает облицовка фасадов керамическими плитками. Все это позволило довести степень сборности строительства, например по Главмосстрою, до пятидесяти пяти процентов и значительно снизить трудоемкость работ…

Хозяйка Москвы объяснила, какая задача стоит перед собравшимися:

— Московские строители приняли обязательства выполнить годовой план досрочно к 20 декабря… Но ряд организаций не выполнил государственного плана за первый квартал и за апрель месяц. План не выполнили организации министерств — обороны, заготовок, высшего образования… По-прежнему большое отставание в строительстве школ, больниц, кинотеатров…

В чем причины отставания?

— Это объясняется прежде всего слабым контролем со стороны исполкома Московского совета за строительством этих объектов. Не вызывает никакого сомнения, что план жилищного и культурного строительства в Москве совершенно реален. Созданы все условия для его выполнения. Успех зависит главным образом от руководства строительным делом, от умения партийных, профсоюзных и комсомольских организаций мобилизовать коллективы строителей. Партийные организации должны взять этот важный участок работы под неослабный контроль…

Еще 23 июня 1953 года, едва возглавив всю партийную работу в стране, Никита Хрущев предложил членам президиума ЦК кадровое новшество: помимо давно существовавшей номенклатуры создать еще и учетно-контрольную номенклатуру. Включенные в ее состав начальники не подлежали обязательному утверждению вышестоящим партийным органом. Кандидатуру

только согласовывали с соответствующим отделом. Это давало больше полномочий министерствам и ведомствам, но контроль горкома все равно сохранялся. Иначе говоря, Фурцева могла сама подбирать себе кадры. Но если кто-то из работников, говоря бюрократическим языком того времени, входил в учетно-контрольную номенклатуру, это означало, что уже после его назначения горком отправлял в отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР справку-объективку.

Секретарем горкома был Василий Ильич Прохоров, выпускник Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, по образованию инженер-механик. Он десять лет проработал в основном в автомобильной промышленности — пока в 1944 году его не взяли в Таганский райком партии заместителем заведующего отделом кадров. Он быстро вырос на партийной работе и вслед за Фурцевой стал секретарем столичного горкома. В 1955 году Василия Прохорова перевели в ВЦСПС, где он проработает тридцать лет…

Двадцать девятого мая 1956 года Фурцева провела пленум горкома. Рассматривался один вопрос «О состоянии и мерах улучшения культурно-бытового обслуживания трудящихся Москвы». Она рассказала, что в городе будет построено двести школ, новые больницы и кинотеатры, магазин «Детский мир», гостиница «Украина», окружная шоссейная дорога. Из Ставрополья проведут газопровод, который решит проблемы Москвы с топливом:

— Но мы не можем мириться с тем, что в новых жилых домах устанавливаются газовые колонки, которые были сконструированы двадцать лет тому назад. В ванной, для того чтобы открыть газовый кран, надо крутить несколько кранов и соблюдать большую осторожность, чтобы не обожгло пламенем.

Фурцева предъявила претензии исполкому Моссовета за неспособность на современном уровне организовать уборку улиц города:

— Ввели механизацию, увеличилось количество уборочных машин, но продолжает работать все то же количество дворников. Почему? В 1940 году в Москве было двадцать пять тысяч дворников. Сейчас их число даже увеличилось. На уборку города и оплату дворников мы тратим половину квартирной платы. Разве это допустимо, товарищи? Вы смотрите, замечательная машина погружает снег в автомашины, но выброска снега на набережные из машины производится вручную. Эта работа не механизирована. Дворники, в основном женщины, сидят в кузове на снегу, едут, чтобы его сбросить. Снегоуборочная машина не может подойти к тротуару, вокруг машины крутятся до десяти

дворников. Это новый подход к руководству городским хозяйством?

Первого секретаря горкома раздражала отсталость городского транспорта:

— Мы до сих пор туши мяса возим навалом на грузовых машинах, нередко не накрытых брезентом, везем в таком виде через весь город. Что, невозможно создать специализированные машины для перевозки? Привыкли. Это быстро, удобно, навалом положил, потом стащил, и дальше машина пошла… Вот выпускаем мы новую машину «москвич». Двадцать тысяч машин должен дать малолитражный завод, и ничего на 1956 год Москве не запланировано. Значит, из Москвы все уйдет. Записавшиеся в очереди увозят машины, а у нас будут ходить потрепанные «победы», которые давно нужно было из города убрать…

Потом Фурцева перешла к теме торговли. Она честно сказала, что руководителей города пустые полки мало волнуют, потому что сами они в магазины не ходят:

— Запасных частей нет для телевизоров, пылесосов, холодильников. Многие из присутствующих в президиуме впервые это слышат. Вся беда в том, что мы сами не ходим, не покупаем эти вещи, за нас ходят и покупают и за многих присутствующих в зале покупают. Поэтому мы слишком поздно об этом узнаем, а нас вспоминают покупатели нехорошими словами. При таком огромном количестве телевизоров, а их в Москве шестьсот тысяч, у нас имеются две точки, две мастерских по ремонту телевизоров…

Но в аптеках города ситуация похуже:

— Возмутительные факты — ваты нет! В феврале и марте в аптеках не было льда. Больницы и поликлиники обращались в аптеки, гипса не было. Справедливо люди возмущаются: горчичников нет! Минеральной воды в аптеке не видно. Почему? И я скажу сидящим здесь секретарям райкомов и председателям райисполкомов — вы проезжаете мимо этих учреждений на машинах, поэтому не знаете положения…

О грязи на улицах Екатерина Алексеевна говорила с гневом и возмущением:

— У нас есть решения о создании детских площадок, а во дворах лужи, гнилая вода, и ребятишки вокруг этих луж ходят. И работники райкомов партии и райисполкомов сами не вмешиваются в это дело, не бывают на местах, не видят и мер не принимают… Нельзя же так по-хамски относиться к москвичам… Мы должны обратить внимание на мелочи, которым мы раньше не уделяли внимания, а из мелочей складываются большие дела…

Председательствовал на пленуме Борис Андрианович Борисов. Фурцева забрала из Госплана инженера-путейца Бориса Борисова, поставила заведовать отделом машиностроения, потом сделала секретарем горкома.

— Мы уже условились, — напомнил участникам пленума Борисов, — что после выступления товарища Фурцевой прения будут прекращены. Нет никого, настаивающего на продолжении прений? Нет.

Желающих продолжать этот разговор не нашлось.

Когда Екатерина Алексеевна покинет горком, уйдет и Борис Андрианович Борисов: сначала станет заместителем министра внешней торговли СССР, потом на много лет — председателем президиума Торгово-промышленной палаты.

Первого августа 1956 года Фурцева выступала на собрании актива московской городской организации КПСС с повесткой «О задачах парторганизаций по повышению культуры производства на предприятиях промышленности и транспорта города Москвы».

Жизнь изменилась, железный занавес, отделивший нашу страну от остального мира, начал приоткрываться, и привычное предстало в ином свете.

— До сих пор иностранные делегации мы можем пускать максимум на три десятка заводов и фабрик, а у нас их тысячи, — откровенно говорила Фурцева. — Есть заводы, где один цех хороший, а два плохих. Если мы можем пустить в литейный цех на автомобильном заводе, то в другой цех пустить делегацию не можем. На другом заводе можем пустить в цех, но не можем в бытовку. На третьем заводе — можем пустить и показать цеха, бытовки, но не можем показать столовую, которой подчас вообще нет. Три десятка из тысячи заводов мы можем показать иностранным делегациям, которые прибывают в нашу страну. Разве это не показатель отсталой производственной культуры наших заводских фабрик?

Екатерина Алексеевна привела понятный всем москвичам пример, вернувшись к теме газовых колонок в жилых домах:

— Товарищ Борисов, секретарь Москворецкого райкома партии, сказал, что у нас в Москве единственный завод «Газоаппарат», который выпускает газовые плиты и другую газовую аппаратуру. Это действительно так, но какие газовые плиты у нас выпускают? Один представитель иностранной делегации — англичанин, который ходил по нашим новостройкам, сказал, что они в Англии не купили бы такую газовую плиту. Но наши строители нашлись и сказали: «Мы бесплатно ставим». В зале засмеялись.

— Короче говоря, хочешь не хочешь, квартиру получил, плита

уже стоит и надо ее эксплуатировать. В Англии строят дома, предоставляют квартиры, но там люди сами покупают плиты и всю газовую аппаратуру, поэтому люди имеют возможность выбирать по своим деньгам и решать, что покупать, а что не покупать. У нас такое положение: газовую плиту сконструировали двадцать лет назад. Как запустили, так и ничего не хотят больше делать. Мы сегодня были на стройках на Юго-Западе. Видели этот газовый счетчик-бандуру, который ставят на кухне. Сама кухня — пять-шесть, самое большое восемь квадратных метров, и висит этот шкаф, да еще металлической проволокой прикручен, чтобы не сорвался. Сколько металла туда вогнали! А ведь мы идем в правительство за каждой тысячей тонн металла, которого не хватает. Страна переживает такой период, когда приходится сокращать некоторые производства из-за недостатка металла…

Руководители огромного города занимались проблемами, к которым в других странах власть не имела никакого отношения.

— Относительно спецодежды, — отвечала Фурцева на вопросы. — Мы можем эти проблемы решить очень быстро, если только серьезно взяться за дело. Здесь была критика относительно качества, что очень садится материал. Здесь присутствуют почти все руководители наших текстильных предприятий, и они должны сделать очень серьезные выводы. Речь идет не только о спецовке, но и качестве продукции других тканей, — о платьях, кофточках…

Ни Екатерина Алексеевна, ни другие руководители страны по-настоящему не задавались вопросом, почему они не в состоянии наладить самое элементарное — выпуск рабочей одежды. Реальный ответ требовал смены самой системы… Поэтому на вопрос: что делать? — ответ звучал всегда один и тот же:

— Происходит это потому, что парторганизации, я имею в виду горком партии, его отделы, бюро, горкома партии, секретари горкома, по-настоящему этими вопросами не занимались. Это должен актив совершенно четко, с полной исчерпывающей ясностью отметить. Если бы райкомы партии по-настоящему занялись вопросами повышения культуры производства, дело обстояло иначе…

«Екатерина Алексеевна Фурцева, — считал Николай Егорычев, который вскоре сам станет хозяином города, — оставила о себе самую добрую память в Москве тем, что много сделала для развития города, занимая пост первого секретаря МГК КПСС. Была она женщина обаятельная, умная, образованная, хороший организатор, прекрасный оратор, человек с твердым характером и очень справедливая.

На ее женские плечи легла основная тяжесть работы по созданию в Москве базы строительства и стройиндустрии, и она блестяще справилась с этой задачей. Фурцева никогда не давала в обиду московские кадры, хотя сама могла критиковать довольно сурово. Мы чувствовали себя при ней как за каменной стеной».

Фурцева сыграла большую роль в строительстве Центрального стадиона в Лужниках. На этом месте стояла Воронья слободка — в котловане были склады, мастерские, свалки. Вид с Ленинских гор вызывал отвращение… Министр промышленности строительных материалов Павел Александрович Юдин признался:

— Я не был бы министром, если бы не поддержал руководителя коммунистов Москвы, и не был бы мужчиной, если бы подвел такую очаровательную женщину.

И стадион в Лужниках построили очень быстро.

«Заняв „мужской“ (по характеру работы) пост, женщины, как правило, под него подстраиваются, стремятся даже внешне походить на мужчин, — рассказывал бывший подчиненный Екатерины Алексеевны Дмитрий Квок, — задымят сигаретой, повелевающе повысят голос, а то и матерком пустят, не побрезгуют. Мол, и мы не лыком шиты. Ничего похожего не водилось за Фурцевой.

Всегда элегантная, модно одетая, в меру пользующаяся косметикой, она оставалась очень женственной. Мне казалось, что этим она хотела подчеркнуть: „Среди всех вас, мужчин, я одна женщина. Извольте считаться с этим!“ И, как правило, попадала в цель. Редко кто мог отказать ей в какой-либо просьбе».

Пятнадцатого ноября 1957 года Фурцева проводила пленум горкома. Обсуждался вопрос «О состоянии жилищного и культурно-бытового строительства в Москве». ЦК партии и правительство приняли постановление с вдохновляющим названием «О ликвидации жилищной нужды», где ставилась задача в течение десяти-двенадцати лет ликвидировать недостаток в жилье. В Москве приступили к застройке свободных территорий — Юго-Запад, Черемушки, Измайлово.

Один из выступающих заговорил о том, что предстоит строить восемнадцать-двадцать миллионов квадратных метров в год. Фурцева его остановила:

— Я не понимаю, какими цифрами вы фигурируете: двадцать миллионов. Никогда эта цифра не называлась. Никогда в правительстве эти цифры не обговаривались. Зачем это, к чему? Зачем отвлекаете внимание пленума? Это вопрос будущего… И будем ли мы двадцать миллионов строить? Речь сейчас о застройке на ближайшие годы. Одиннадцать миллионов не

построили, а до одиннадцати миллионов еще нужно построить восемь…

Екатерина Алексеевна выступала в конце заседания. Она рассказала о том, что жилищное строительство сдерживается нехваткой денег, которые, в частности, ушли на увеличение пенсий:

— Я могу не для распространения, а для сведения актива сообщить, что намечалось выплатить пенсий для народа тринадцать миллиардов рублей, а фактически получился двадцать один миллиард. Просчеты составили около восьми миллиардов рублей. Сумма это довольно значительная. Центральный комитет принимает очень большие меры для того, чтобы найти возможности увеличить выплаты пособий малосемейным, потому что у нас пока еще эти пособия очень низкие…

Темпы жилищного строительства в Москве быстро росли, о чем Фурцева говорила с гордостью:

— Я могу вам сказать, что всех, и наших друзей, и врагов, всех, кто приезжает в Москву, поражают такие темпы строительства, буквально ошеломляют цифры по строительству. Вся, например, Швеция и другие страны строят меньше, чем только в одном городе Москве.

Недовольство вызывали высокая стоимость квадратного метра жилищного строительства и плохая планировка.

— Вы знаете, что на Минском шоссе стоит замечательный, красивый дом, — говорила Фурцева. — А посмотрите, какая в нем планировка квартир. Отвратительная. И с правой, и с левой стороны комнаты темные, нескладно расположены коридоры и кухни… Возьмите дома на Юго-Западе. Там есть такие секции, где коридор имеет ширину девяносто сантиметров, а длина коридора метр десять сантиметров. Чтобы втащить в такую квартиру музыкальный инструмент — пианино или еще хуже рояль, — то нужно откручивать ножки или втаскивать через окно. Все мучаются от такой планировки…

Москвичей тревожили низкие потолки в новостройках.

— Возьмите малометражную квартиру на Юго-Западе. Никто не заметит, что высота потолков два метра семьдесят сантиметров. Мы сами распустили по Москве совершенно ненужные разговоры о том, что для квартир с уменьшенной высотой потолков потребуется особая мебель — пониже. Даже было открыто специальное отделение по продаже мебели для квартир с пониженной высотой. А вот москвичи переехали в эти квартиры, и никто не замечает, что там пониженная высота. Никому это в голову не приходит. Все очень довольны, что

предоставлены для каждой семьи отдельные квартиры, и присылают благодарности в ЦК партии. Значит, сейчас идет речь о том, чтобы строить малометражные квартиры с хорошей планировкой, с пониженной на тридцать сантиметров высотой между этажами. Это даст возможность хорошо расселить, создать хорошие условия для москвичей…

И сэкономить! На пленуме Фурцева много говорила об экономии, о необходимости сокращать затраты. Досталось от нее Владимиру Федоровичу Промыслову, который в исполкоме Моссовета отвечал за жилищное и гражданское строительство:

— Товарищ Промыслов выступил хорошо, но, к сожалению, его выступление было критическое, но не самокритичное. А ведь, товарищ Промыслов, и от вас зависит очень многое, и вы повинны, что такая высокая стоимость строительства.

Высшее образование (диплом Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева) Промыслов получил в сорок восемь лет, будучи начальником Главного управления по жилищному и гражданскому строительству Мосгорисполкома. Промыслов начинал помощником у Георгия Михайловича Попова, возглавлял строительные управления в различных министерствах. В 1954 году его сделали секретарем горкома. Но на этом высоком посту он пробыл недолго. Через год Фурцева вернула его на строительную работу. В 1963 году Василий Федорович Промыслов станет председателем исполкома Моссовета, и Фурцева будет сильно от него зависеть, как, впрочем, и другие союзные министры.

Виктор Иванович Туровцев, секретарь одного из московских райкомов в ту пору (а потом и секретарь горкома), вспоминал: «Хрущев нам, москвичам, не давал покоя. Он почти каждый месяц приезжал в Моссовет, где устраивалась специальная выставка проектов застройки новых кварталов города, новых серий жилых домов, оборудования для коммунальных служб и тому подобное. Осматривая экспозицию, он направо и налево раздавал замечания, беспрекословные советы и поучения».

Двадцать восьмого сентября 1961 года Хрущев выступал по вопросам строительства:

— Взять метрополитен, арбатский радиус — он был построен к Киевскому вокзалу. И вот однажды мы едем, и Сталин говорит: почему мы едем по мосту через Москву-реку? Я ему ответил: да уже сколько лет так ездим. «Нет, построить под землей надо». И бросили большие силы и построили под землей второй туннель. Это было уже после войны, когда люди задыхались от недостатка жилья и страдали от голода, в это время бросили миллиард рублей и построили, а старый туннель четыре года бездействовал.

Я сказал Фурцевой: подумайте, надо использовать его, и мы пустили линию на Фили через этот мост. Вот вам красота…

Эта ветка метрополитена — станции «Арбатская», «Смоленская» и «Киевская» — воспринималась как дублер, она строилась с конца 1940-х в полном секрете. О ней стало известно в апреле 1953 года, когда эти станции пустили в ход, включив в состав Арбатско-Покровской линии. А три станции Старо-Арбатской линии законсервировали, они вновь вошли в строй в 1958 году — уже в составе Филевской линии.

Московский партийный аппарат старался выйти из зоны критики, чтобы избежать начальственного недовольства. Екатерина Алексеевна следила за тем, чтобы ни одна газета не позволяла себе подвергать сомнению достижения столицы.

Двадцать третьего марта 1955 года первый секретарь МГК Фурцева пожаловалась в ЦК КПСС:

«17 марта 1955 года в „Литературной газете“ была опубликована статья кинорежиссера Михаила Ромма „Кино и зритель“, в которой автор в недопустимой для советской прессы сенсационной форме описывает состояние кинофикации гор. Москвы. Статья содержит ряд серьезных ошибок, извращающих истинное положение дела с показом кинокартин в Москве…

М. Ромм договорился до того, что в Москве должно быть (по его расчетам) на 1000 жителей — 80 кинотеатральных мест, а в настоящее время имеется только 6 мест… М. Ромм полностью игнорирует широкую сеть клубов (открытых и закрытых), в которых систематически демонстрируются кинокартины, не учитывает наличие в Москве 229 тысяч телевизоров, что значительно увеличивает возможности показа новых кинокартин населению Москвы… Недопустимо крикливый тон статьи, „яркие“, „броские“ подзаголовки, бьющие на эффект, целиком заимствованы из арсенала средств буржуазной печати…»

Записка Фурцевой поступила в отдел науки и культуры ЦК, который принял меры. 19 марта 1955 года на Старой площади подготовили решение:

«Статья сверстана и снабжена крикливыми подзаголовками с явным расчетом на сенсацию. Главным же пороком статьи является то, что в погоне за сенсацией в ней грубо искажены и подтасованы фактические данные о количестве киноустановок в Москве… Полагали бы целесообразным указать редактору газеты т. Рюрикову на грубую ошибку, допущенную газетой…»

Литературовед Борис Сергеевич Рюриков сам еще недавно работал в ЦК, заведовал сектором искусства в отделе пропаганды и агитации. Его освободили от работы «за покровительство антипатриотической группе театральных критиков». Но

наступали новые времена, и в том же 1955 году, когда по настоянию Фурцевой ему «указали» на ошибку в статье, Рюрикова вернули в аппарат. Причем с повышением — сделали заместителем заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

Как первому секретарю Екатерине Алексеевне Фурцевой платили пять тысяч рублей в месяц. Другие секретари горкома получали на тысячу меньше. Ей выделили домик в дачном поселке Управления делами МК и МГК партии Ильичево неподалеку от Ильинского.

«У руководителей Москвы был свой дачный поселок, — вспоминал Виктор Туровцев. — Были деревянные дачи на две семьи, но основная масса — кирпичные дачи на две, а то и на три семьи. Только у первых лиц были отдельные дачи. Казенная мебель, элементарные занавески, недорогие коврики… Был магазин, в котором можно было купить продукты, фрукты, овощи. В столовой можно было заказать еду с доставкой на дачу. Была баня, куда в один выходной ходили мужчины, а в другой — женщины. На территории находился кинозал, где по субботам и воскресеньям демонстрировались новые фильмы.

Два бильярдных стола пользовались большим вниманием отдыхающих. Проигравший должен был проползать под бильярдным столом. Это Екатерина Алексеевна установила такой порядок. Она сама великолепно играла в бильярд, при этом всегда выигрывала…»

В дачный поселок Московского комитета наведывался Никита Сергеевич. Приплывал на лодке. Его окружали секретари обкома и горкома, приходили с семьями. Вместе гуляли. Ни Екатерина Алексеевна, ни кто-то другой из руководителей горкома не упускали случая пообщаться с Хрущевым.

Давали о себе знать традиции. Считалось, что культура — женское дело. Вот и Фурцеву, отрывая от городских дел, привлекали к решению таких вопросов. В апреле 1955 года президиум ЦК образовал комиссию в составе Молотова, Фурцевой, секретаря ЦК Поспелова и министра культуры Михайлова для «изучения вопроса и выработки предложений» о состоянии театров и концертных залов. Комиссия работала год, пока не представила свои соображения в секретариат ЦК. Другая комиссия, в которую включили и Фурцеву, готовила предложения по пенсионному обеспечению артистов.

Мужчины охотно работали с Фурцевой.

«Стройная, с копной светло-русых волос, с голубыми глазами, с хорошо очерченными припухлыми губами, она была женственная и притягивала к себе» — такой ее запомнил

комсомольский и партийный работник Николай Месяцев.

— Мы прежде всего видели в ней женщину, — вспоминал Валерий Иннокентьевич Харазов, в ту пору секретарь Сталинского райкома партии Москвы, — аккуратную, следящую за собой, изумительно одетую. Екатерина Алексеевна производила на нас сильное впечатление, мы ею восхищались.

Валерий Харазов рассказал мне забавную историю, связанную с Фурцевой. Сталинский район столицы (потом он был переименован в Первомайский) был чисто промышленным. Ни одного творческого коллектива. Поэтому руководители района обрадовались, когда на площади Журавлева нашли сценическую площадку для Театра имени Моссовета, которым руководил народный артист СССР Юрий Александрович Завадский.

Завадский дисциплинированно являлся на все заседания, на которые его приглашал райком, открывал большой блокнот, доставал карандаши и, пока произносились речи, рисовал декорации и костюмы для будущего спектакля. Все было прекрасно, пока секретарь партбюро театра не пришел в райком партии с тревожной информацией:

— Наш главный режиссер увлекся молодой актрисой. Он занят только ею. Мы были на юге. Завадский — у ее ног. Он говорит только с ней и только о ней. Это создает ненормальную обстановку в театре. В коллективе идут нехорошие разговоры. Райком партии обязан принять меры.

Первым секретарем райкома был Александр Григорьевич Яковлев, который прежде руководил райисполкомом, хозяйственник по натуре. Вторым секретарем работал Владимир Иванович Устинов, который впоследствии получит неожиданное назначение — его сделают начальником Девятого управления (охрана руководителей партии и государства) КГБ, а потом первым секретарем Московского горкома партии. Третьим секретарем — Валерий Харазов, который и рассказал эту историю.

Первый секретарь предложил, как положено, пригласить народного артиста Завадского и побеседовать с ним. Юрий Александрович пришел, достал свой блокнот, карандаши и, пока секретарь партбюро говорил о сложной обстановке в театре, молча рисовал.

Первый секретарь не выдержал и спросил Завадского:

— Ну, а ваше-то мнение каково?

Тот, продолжая рисовать, ответил:

— Я не отрицаю того, что рассказал секретарь партийной организации. Я увлекающийся человек. Но должен вам сказать, что творческий человек и должен быть эмоциональным. Он может

увлекаться, без этого не будет хорошего настроения, вдохновения, полноценной творческой отдачи. Поэтому для меня это естественное дело.

Главный режиссер высказался откровенно и ушел, оставив секретарей райкома в полнейшем недоумении: а что теперь делать? Будь Завадский директором завода, его бы обсудили в коллективе и объявили бы ему взыскание. Но невозможно же так поступить с выдающимся деятелем отечественного театрального искусства.

— Я сейчас Фурцевой позвоню, — решил первый секретарь райкома.

Она была на месте и сняла трубку. Первый секретарь, воодушевленный правильно проведенной беседой, бодро доложил Екатерине Алексеевне:

— Главный режиссер Театра имени Моссовета ведет себя неправильно, в коллективе идут нехорошие разговоры, раздор. Допускать этого нельзя. Поэтому вынуждены были вызвать товарища Завадского и поговорить с ним по-партийному.

Тут он замолк и стал слушать Фурцеву. Настроение у него изменилось на глазах. Дослушав, Яковлев повесил трубку и мрачно посмотрел на товарищей.

— Что Екатерина Алексеевна сказала? — поинтересовались Устинов и Харазов.

— Она сказала, — грустно повторил первый секретарь, — что вы, дорогие товарищи, плохо знаете обстановку в творческих коллективах. Поэтому лучшее, что вы можете сделать, это не влезать в их сложные взаимоотношения. Оставьте их в покое.

Первый секретарь райкома совсем расстроился и поник.

— Вот так, — с улыбкой заключил Валерий Харазов, — мы провели воспитательную работу с Юрием Завадским. Мне был урок на всю жизнь. Но я хочу обратить ваше внимание на реакцию Фурцевой. Она еще не была министром культуры, она руководила горкомом партии. Но ее позиция — не мешать людям искусства, не портить им жизнь, а заботиться о них…

Екатерина Алексеевна довольно быстро поняла, как сложно иметь дело с творческими людьми. Она конечно же еще не подозревала, что очень скоро сфера культуры станет ее жизнью.

Пятнадцатого июля 1953 года Фурцева еще в роли второго секретаря провела заседание бюро МГК, на котором отчитывалась партийная организация секции московских драматургов Союза советских писателей.

Руководители Москвы констатировали:

«Партийная организация секции московских драматургов (секретарь тов. Суров) за отчетный период добилась некоторого

улучшения в своей работе… Но партийное бюро еще мало уделяет внимания делу воспитания драматургов в духе коммунистической идейности, не сумело привлечь к политической учебе всех членов секции, слабо осуществляет контроль за работой сети политического просвещения, руководителей семинаров и кружков…

Некоторые члены московской секции драматургов, не занимаясь систематически повышением своего идейно-теоретического уровня, оказываются неподготовленными к тому, чтобы глубоко и всесторонне изучать советскую жизнь, правдиво и убедительно изображать ее в своих произведениях…»

Горком рекомендовал партбюро добиться полного вовлечения коммунистов и беспартийных драматургов в работу семинаров и кружков, проводить для них лекции по истории и теории коммунистической партии. Краснопресненскому райкому было предложено «проявлять постоянную заботу об идейно-политическом воспитании писателей»…

Ирония состояла в том, что секретарем партбюро секции, которого напутствовала Фурцева, являлся широко известный некогда Анатолий Алексеевич Суров, надежда отечественной драматургии. Его пьесу «Зеленая улица» показали на лучшей сцене страны — Московского Художественного театра. Премьера прошла 28 декабря 1949 года. Пьесу, получившую Сталинскую премию второй степени, ставили многие театры.

Анатолия Сурова поддерживал Георгий Михайлович Попов, когда был хозяином Москвы. Критиков, считавших, что «Зеленая улица» — невероятно слабое творение, чуть со свету не сжили. И после ухода Попова у Сурова в горкоме оставалось немало друзей. Они приходили на премьеры, поддерживали автора.

«Меня поразило, — вспоминал хорошо его знавший писатель Александр Борщаговский, — как держался Суров, сколько значительности было в его неторопливых движениях, в избыточной серьезности, как будто люди сошлись ради самого Сурова, приподнятые над мелочами жизни знакомством с ним. А он тяготился собственной значимостью…»

Минута славы поповского любимца оказалась недолгой. Выяснилось, что Анатолий Суров писать не умеет. Все пьесы сочиняли за него оказавшиеся в бедственном положении драматурги и критики! Все! Сам Суров писал только заявления и просьбы. За скандальный плагиат — невиданное дело — его лишили права на авторство.

«Суров пил, — рассказывал Борщаговский. — Грузнея, тяжелея походкой и норовом, и прежде не мягким, он терял друзей, обзаводясь собутыльниками, прислужниками при крутом

хозяине, при уверенном, напористом, с нетерпеливой хрипотцой мужике».

В подпитии Суров подрался с Михаилом Семеновичем Бубенновым, автором столь же бесталанной, но поднятой на щит партийной критикой книги «Белая береза». Суров издевался над товарищем по писательскому цеху: стыдно жить с одного романа. Бубеннов напомнил Сурову, что пьесы за него пишут другие… В пылу драки Суров воткнул Бубеннову вилку в филейную часть. Михаил Бубеннов, стоя у открытого окна, отчаянно звал на помощь.

Репутация обоих была известна. Писатель Хаджи Мурат Мугуев говорил:

— Этому охотнорядцу, черносотенцу Бубеннову для организации еврейских погромов не хватает только хоругвей… Чтобы спасти его от скандала, его вовремя услали на целинные земли…

Скандал с дракой двух писателей замяли. А в марте 1954 года Анатолий Суров, совершенно пьяный, устроил на свою беду новый скандал — в день выборов. Он пришел на избирательный участок, бросил бюллетень для голосования на пол и долго топтал его ногами.

Такого в советские времена на избирательных участках себе никто не позволял. Сурова исключили из Союза писателей и из партии. Потом тихо простили — вернули писательскую книжечку и партийный билет…

На последнем сталинском съезде ВКП(б) переименовали в КПСС, начался обмен документов. 15 апреля 1954 года замечательный поэт Александр Трифонович Твардовский отправил письмо Хрущеву:

«Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я вынужден обратиться к Вам по личному вопросу, который возник сейчас передо мной и, как выяснилось, не может быть решен в иной, чем Центральный Комитет, инстанции.

Возник он в связи с уточнением моих биографических данных при обмене партдокумента в Краснопресненском районном комитете КПСС. Дело в том, что в графе моей учетной карточки „социальное положение родителей“ обозначено, что родители мои были кулаками…

Правда, в 1931 году моя семья, которую я покинул в 1928 году, была административно выслана за невыполнение „твердого задания“, о чем я подробно и без утайки рассказал на открытом собрании парторганизации Союза писателей при моем вступлении в партию в 1938 году. Но семью свою кулацкой и себя

сыном кулака я никогда не считал и не считаю, потому что основным признаком кулацкого двора, как известно, является применение наемного труда, а в хозяйстве моего отца, крестьянина-кузнеца, наемный труд не применялся…

В 1931 г., живя в Смоленске и узнав о постигшей мою семью участи, я сделал все, что было в мои силах: добился приема у тогдашнего секретаря Смоленского обкома партии И. П. Румянцева… Он мне сказал (я очень хорошо помню эти слова), что в жизни бывают такие моменты, когда нужно выбирать „между папой и мамой, с одной стороны, и революцией — с другой“, что „лес рубят — щепки летят“ и т. п.

Я убедился в полной невозможности что-либо тут поправить и стал относиться к этому как к непоправимому несчастью моей жизни… И всю мою юность мне было привычно, хоть и горько, носить на себе печать этого несчастья, считаться „сыном кулака“…

В многочисленных изданиях моих книг, в учебниках и хрестоматиях Советской литературы, в биографических справках — всюду указывается, что писатель Твардовский А. Т. — сын крестьянина-кузнеца, то есть выходец из трудовой семьи…

Таким образом, получается, что у меня как бы две биографии: одна — в книжках — для народа, для читателей, другая в учетной карточке… Полагая, что такая двойственность не годится в отношении члена партии, я счел своим долгом написать об этом в районный комитет и просить его изменить обозначенное „родители кулаки“ в соответствующей графе моей учетной карточки. Секретарь Краснопресненского РК КПСС сообщил мне, что этот вопрос может быть решен лишь Центральным Комитетом КПСС…»

Александр Трифонович был не только знаменитым и любимым всей страной поэтом и главным редактором самого заметного литературно-художественного журнала «Новый мир», но и членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, то есть входил в высшие органы партии. Но перед системой и он был бессилен.

Хрущев принял Твардовского, но не обнадежил:

— Изменить не трудно, но подумайте, стоит ли это делать.

Письмо Твардовского передали новому первому секретарю Московского горкома. Разбираться предстояло Екатерине Фурцевой.

Сталин умер годом раньше, и атмосфера в стране быстро менялась. Но ни идеологические догмы, ни исторические определения пересмотру еще не подлежали. Миф о кулаках возник, когда для ускоренной индустриализации понадобились

ценности. Но в городе взять было практически нечего, поэтому ограбили деревню. Главным ликвидным средством было зерно. Его надо было сконцентрировать в руках государства, а поскольку добровольно крестьяне зерно не отдавали, то власти прибегли к помощи продотрядов и раскулачиванию. Раскулачивание, говоря современным языком, — своеобразная процедура ускоренного банкротства. Зерно начали отбирать у тех, у кого оно было, то есть у справных хозяев.

Репрессии обрушивались на середняка с такой же легкостью, как и на богатого крестьянина. Их назвали кулаками и, по существу, объявили вне закона. Но этого оказалось недостаточно: партийная пропаганда превратила кулаков в прирожденных убийц и негодяев. Кулаков и их семьи приказано было высылать в отдаленные северные районы, а имущество конфисковывать. Имущество ограбленных кулаков уходило в доход государства, но часть распределяли среди односельчан: люди охотно брали то, что отняли у их соседей. Вот так было фактически уничтожено сельское хозяйство страны.

Эта картина запечатлена в поэме Александра Твардовского «Страна Муравия», принесшей ему общесоюзную славу:

Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.

А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки, —
Милицейские ребята
Выводили под руки.

Эти две строфы из первого издания поэмы выбросила цензура…

Шестого мая Фурцева приняла Твардовского в горкоме, объяснила:

— Что писать в графе о социальном происхождении, этого никто, кроме вас, изменить не может. Но если измените — первичная организация вправе потребовать от вас объяснений, почему, что, как. Оставьте, как было. Или докажите документально, что произошла ошибка. Поезжайте в Смоленск. Я могу позвонить в обком, чтобы помогли, расследовали без паники.

После разговора с Фурцевой Александр Трифонович приуныл, а на следующий день все же решил съездить на

выходной в Смоленск — вдруг найдутся какие-то документы. Замечательный писатель Валентин Владимирович Овечкин, автор «Районных буден», опубликованных «Новым миром», предложил свою помощь.

Тем временем по Москве пошли неприятные для Александра Твардовского разговоры о том, что он «отказался взять партийный билет нового образца, пока не исполнят его требование изменить социальное происхождение».

«Что касается моего „дела“, — писал он Овечкину, — то скажу тебе одно: только развернувшаяся работа над загробным Теркиным удерживала меня от почти что отчаяния. Друзья некоторые выжидательно примолкли, недруги возликовали уже было. Я рад бесконечно, что есть у меня друзья, которым не приходится сожалеть о дружбе со мной, и есть люди, в которых хочется верить и которых надо любить».

Обращаться надо было к первому секретарю Смоленского обкома Павлу Ивановичу Доронину. Павел Доронин был сначала в Курске, а затем в Смоленске диктатором областного масштаба. После очередного тяжелого разговора с ним пытался покончить с собой Валентин Овечкин. Видя, что власть творит с деревней, он выступил на областной партконференции. Чиновники там на него так обрушились, что Овечкин от полного отчаяния выстрелил себе в голову из охотничьего ружья. Валентин Владимирович чудом выжил и вынужден был переехать в Ташкент, где прожил остаток жизни.

Но Павел Доронин, который чуть со свету не сжил прекрасного писателя, полностью отдавал себе отчет в происходящем в деревне. Через несколько лет Доронин на пленуме ЦК вспоминал, как они с Ворошиловым осенью 1954 года ездили по области. Вернувшись в Москву, потрясенный увиденным Климент Ефремович сказал, что в Смоленской области хоть Карла Маркса посади, и он ничего не сделает, колхозы там доведены до ручки…

— Вы совершенно правильно говорили, — напомнил ему Доронин, — что такое положение могло случиться только потому, что члены политбюро и Сталин не представляли и не знали, как живет народ. Говорили ведь так, Климент Ефремович?

— Говорил, — подтвердил Ворошилов.

— Вы говорили, — напоминал ему Доронин, — что «только наша оторванность от парторганизаций, наша оторванность от жизни народа могла привести к такому положению, как у вас на Смоленщине». И это действительно так. Положение в сельском хозяйстве на Смоленщине было страшное. Я могу, товарищи, пленуму назвать такие цифры: за 1951–1953 годы из области

ушло сто тысяч колхозников. Причем как уходили? Сегодня в колхозе пять бригад, завтра четыре. Ночью бригада секретно собиралась и уезжала, заколотив все дома…

Почему же Доронин молчал, почему не бил тревогу?

— Достаточно было хотя бы маленький намек сделать, что у тебя плохо с хлебом или с другими делами, — ответил первый секретарь Смоленского обкома, — как через три минуты тебя вызывают и начинают говорить: что это у вас там за настроение? Что это за мысли вы вынашиваете? Приходишь в ЦК, входишь к секретарю Центрального Комитета партии в кабинет и не знаешь, выйдешь ты из него или нет. Такая обстановка не способствует откровенному разговору. Вы тогда, товарищ Ворошилов, говорили: «Что вы молчите?» А я вам сказал: «Климент Ефремович! Вот если бы я к вам приехал и рассказал все, что вы сейчас видели своими глазами, вы бы мне сколько уклонов приклеили?»

Но так свободно Доронин позволит себе говорить только через три года. А когда к нему обратился Твардовский, то Павел Иванович действовал крайне осторожно. Он хотел бы помочь знатному земляку, но не решился брать на себя ответственность и подписать бумагу, что не был отец Твардовского кулаком.

Девятого июня 1954 года первый секретарь Смоленского обкома Доронин отправил результаты проверки первому секретарю Московского горкома Фурцевой под грифом «секретно»:

«Кроме отца и матери в семье Твардовского было семеро детей. В четырнадцатилетнем возрасте т. Твардовский А. Т. ушел от отца в г. Смоленск и устроился на работу в типографии сначала учеником, а затем рабочим. С тех пор в семью отца он не возвращался…

Ввиду недостатка рабочих рук во время уборки урожая Твардовский Т. Г. нанимал иногда одного-двух сезонных рабочих… Постоянной наемной рабочей силы в хозяйстве не было… Судя по материалам проверки, хозяйство Твардовского Т. Г. было не кулацким, а крепким середняцким хозяйством, удовлетворявшим личные потребности семьи».

Фактически это был оправдательный документ. Но Доронин подтвердил, что Твардовский-старший нанимал рабочих. А это и был главный формальный признак кулака.

Второго августа Александр Трифонович позвонил Фурцевой.

— Да, мы получили материал, но нужно поговорить, — ответила Екатерина Алексеевна. — А я должна посоветоваться. Позвоните через денек?

Но застать на месте первого секретаря Московского горкома

оказалось непростым делом. Фурцева не знала, как быть.

Это вообще был исключительно сложный для Твардовского момент. Его критиковали за яркие, но пугавшие чиновников публикации в «Новом мире», который он редактировал, и за поэму «Теркин на том свете» — работу над ней он как раз заканчивал. Авторы «Нового мира», опережая время, жаждали обновления и избавления от идеологических сталинских оков. Заместитель заведующего отделом науки и культуры ЦК КПСС Павел Андреевич Тарасов грозно предупредил Твардовского:

— Редколлегия «Нового мира» будет вызвана к товарищу Поспелову.

Петр Поспелов был секретарем ЦК КПСС по идеологическим делам.

— Мы очень рады, — бодро ответил Твардовский, — там мы постараемся доказать нашу правоту.

— Сомневаюсь, — скептически заметил Тарасов. Опытный чиновник оказался прав.

Седьмого июля сатирическую поэму «Теркин на том свете» жестко раскритиковали на секретариате ЦК партии, назвав ее «идейно порочной и политически вредной».

На секретариате ЦК выступил Хрущев:

— Не может быть двух мнений — обсуждаемые статьи «Нового мира» и поэма Твардовского «Теркин на том свете» заслуживают осуждения… Товарищ Твардовский человек политически незрелый… Как он мог это написать? Зачем он загубил хорошего солдата, послал Теркина на тот свет? Твардовский человек малопартийный! Возможно, на него подействовало членство в ревизионной комиссии ЦК? Возможно, он думает, что раз он член ревкомиссии ЦК, то сможет повлиять и на ЦК? ЦК никому своих прав не уступит… Не стоит списывать Твардовского со счетов литературы. Надо повозиться с ним, но не уговаривать… Разгромного решения ЦК по журналу принимать не следует. Надо спокойнее пройти мимо этого случая. Мы настолько сильны, что никакие мертвые Теркины не потрясут устоев государства…

Твардовского на секретариате не было. Ему пересказали слова первого секретаря. В прежние времена такой приговор мог стать смертельным. Но Хрущев питал личную симпатию к Александру Трифоновичу и придерживался принципа: критиковать, но не уничтожать, поэтому особо тяжких последствий критика на секретариате для поэта не имела.

Семнадцатого июля Твардовский обратился к Хрущеву:

«Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Очень прошу Вас принять меня по вопросам, связанным с

обсуждением работы журнала „Новый мир“ и моей неопубликованной поэмы. Не откажите мне хотя бы в самой короткой беседе, поскольку речь идет не только о моей личной литературной судьбе, но и общих принципиальных делах советской литературы».

Двадцать девятого июля Хрущев нашел время и принял Твардовского. Разговаривал с ним вполне доброжелательно. Но пост главного редактора Александр Трифонович потерял. Возможно, это определило и исход партийного дела. Помогать опальному писателю в горкоме не собирались.

Восемнадцатого августа МГК переслал материалы проверки в Краснопресненский райком с указанием принять решение самостоятельно. Это означало — ничего не менять. 10 сентября заседало бюро Краснопресненского райкома партии. Пригласили, как отмечено в протоколе, и трижды лауреата Сталинской премии писателя Твардовского. Членам бюро доложили дело:

«По имеющимся в РК КПСС сведениям, отец тов. Твардовского — Твардовский Трифон Гордеевич в конце 1900-х годов купил двенадцать гектаров земли у помещика Нахимова, имел кузницу. Во время уборки урожая он нанимал одного-двух сезонных рабочих, кроме того, крестьяне отрабатывали в хозяйстве Твардовского за произведенные им кузнечные работы».

Бюро решило:

«Учитывая, что отец тов. Твардовского А. Т. использовал в своем хозяйстве наемную рабочую силу, имел кузницу, в 1929–1930 гг. хозяйство было раскулачено и отец высылался за Урал, тов. Твардовскому Александру Трифоновичу, члену КПСС с 1940 года, партбилет № 3457679, в просьбе об изменении записи в учетной карточке о социальном происхождении родителей после 1917 года отказать».

Первый поэт России — а именно так называли его восхищенные читатели — мог только развести руками. Мертвая буква инструкции была сильнее. Нарушать инструкцию ни Хрущев, ни Фурцева не решились.

Семнадцатого ноября райком переправил в особый сектор МГК КПСС решение бюро и вернул документы — обращение самого Твардовского и письмо секретаря Смоленского обкома.

На следующий день Фурцева подписала записку в ЦК:

«Московский городской комитет КПСС посылает решение бюро Краснопресненского РК КПСС по заявлению члена КПСС, члена Центральной ревизионной комиссии т. Твардовского А. Т. об изменении записи в учетной карточке о социальном положении родителей т. Твардовского А.Т. после 1917 года.

МГК КПСС считает, что вопрос решен правильно».

Хрущеву содержание записки Фурцевой доложили.

«Я не редактор, — записал Твардовский в дневнике. — Правда, машина „по инерции“ еще приходила, возила меня по городу и на дачу, но в середине сентября я от этого отказался. Машина подходит к тем же воротам, но уже не за мной… Так и во внешне-бытовой жизни наступила другая полоса. Подводя грустные итоги, можно отметить, что я понес поражение „по всем трем“ линиям: журнал, поэма, личное дело в райкоме…» Председатель Союза писателей Белоруссии поэт Петрусь Бровка, дважды лауреат Сталинской премии, как опытный человек дал Твардовскому ценный совет:

— Выступи на съезде. Признай ошибки.

— Какие же ошибки?

— Ну, какие там есть.

— Какие же?

— Да все равно какие. Признай.

В роли руководителя Москвы Екатерина Алексеевна Фурцева сразу оказалась в трудном положении. Кто в стране хозяин?

После смерти Сталина возникло ощущение политического вакуума. Правило коллективное руководство, и партийная пропаганда не знала, кого выделять. Страна впервые осталась без вождя. Фамилии основных политических руководителей почти не упоминались. О том, что они делали, не сообщалось. В газетах мелькало только имя министра иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова, который в одиночку посещал дипломатические приемы, получал письма от зарубежных политических деятелей и дипломатов и на них отвечал. И еще новый председатель президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов исправно награждал передовиков.

Партийные секретари не знали, на кого ссылаться, кому докладывать, и чувствовали себя неуверенно. Слишком сложный пасьянс в Кремле пугал их и раздражал: они хотели определенности. Секретариат ЦК избрали всего из пяти человек, причем пятого — Семена Денисовича Игнатьева, недавнего министра государственной безопасности, почти сразу с позором вывели. Возглавлял партийную работу Хрущев, но первым секретарем он станет только в сентябре 1953 года.

В этой ситуации Фурцева приняла верное решение — она ориентировалась только на Хрущева, хотя все исходили из того, что первая роль в стране и партии принадлежит Георгию Максимилиановичу Маленкову. При жизни вождя он фактически оказался правой рукой Сталина. Без Георгия Максимилиановича

не решалось ни одно дело — ни в ЦК, ни в правительстве. Он пропускал через себя все бумаги, поэтому от него зависели и партийный аппарат, и все министры. В 1952 году на XIX съезде Маленков делал основной доклад, это заставляло смотреть на него как на законного наследника Сталина. Хотя в отличие от других руководителей страны Маленков не работал ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности, не возглавлял ни министерства, ни партийного комитета.

«Маленков был молчалив и без нужды не высказывался, — вспоминал Микоян. — Когда Сталин что-то говорил, он — единственный — немедленно доставал из кармана френча записную книжку и быстро-быстро записывал „указания товарища Сталина“. Мне лично такое подхалимство претило. Сидя за ужином, записывать — было слишком уж нарочито».

Георгий Маленков очень молодым начал работать в партийном аппарате, пришелся Сталину по душе и в 1934 году занял пост заведующего отделом руководящих партийных кадров ЦК. Ему было тогда всего тридцать с небольшим. Чистку и перестановку партийных секретарей Сталин осуществлял руками своего молодого подручного, который получил право прямого доступа к вождю.

Маленков, по словам Дмитрия Шепилова (он сам много лет работал в ЦК), «был идеальным и талантливым исполнителем чужой воли, и в исполнительской роли проявлял блестящие организаторские способности, поразительную работоспособность и рвение. Когда он получал какое-либо указание от Сталина, то ломал любые барьеры, мог идти на любые жертвы и затраты, чтобы выполнить это задание молниеносно, безукоризненно и доложить об этом Сталину. Поэтому в аппарате ЦК шутили, что Маленков всегда требует, чтобы всякое поручение Сталина было выполнено вчера».

Перед войной Маленков возглавил управление кадров ЦК, состоявшее из сорока пяти отделов, то есть держал в руках весь партийный аппарат. Коллеги снисходительно называли его «телефонщиком».

«Он всегда сидел на телефоне: где что узнать, пробить, это он умел, — вспоминал Хрущев. — По организационно-административным делам, кадры перераспределить — это Маленков. Передать указания на места, договориться по всем вопросам. Очень активный, живой, обходительный. Но он никогда не руководил ни одной парторганизацией».

Его жизненный путь со временем повторит Константин Устинович Черненко, еще один прирожденный аппаратчик, который тоже станет во главе страны. Всю свою фантастическую

карьеру Маленков сделал, не выходя из кабинета партийной канцелярии. Но он был умнее и образованнее Константина Устиновича. Сын Маленкова пишет, что Георгий Максимилианович происходил из дворянской семьи, его дед был полковником, брат деда — контр-адмиралом. В советские времена все это тщательно скрывалось. У Георгия Маленкова были двое братьев и сестра, но они умерли очень рано. Он остался один. Окончил гимназию с золотой медалью.

Но Маленков не был маньяком власти, который думает о ней каждую минуту своей жизни. В отличие от настоящих властолюбцев находил время для семейной жизни. Он любил читать детям вслух. По субботам и воскресеньям на даче смотрели фильмы — после войны в основном трофейные. Маленков любил физику и оборудовал на даче настоящий физический кабинет для детей с микроскопом, телескопом, электромоторами, магнитами. Детей учил музыке и французскому языку. И учение не прошло зря. Андрей Маленков стал профессором-биофизиком, Георгий Маленков-младший защитил диссертацию по физической химии. Воля Маленкова работала в Строгановском художественном училище, преподавала композицию.

— К моим братьям и ко мне родители были предельно внимательны, — вспоминала дочь Маленкова. — Отец с мамой внушали нам отвращение ко лжи и всякому лицемерию, к тому, что сейчас называется «элитарный снобизм». Учили судить о людях по их личным достоинствам, невзирая на общественное положение или национальность. При этом не читалось никаких нотаций: мимолетными репликами и личным примером нас подводили к осознанию наших ошибок. О религии упоминаний не было, но — бесспорно — все это укладывалось в евангельские заповеди…

Поведение самого Маленкова едва ли соответствовало евангельским заповедям. Свою дочь Волю Георгий Максимилианович выдал замуж за Владимира Михайловича Шамберга, сына старого товарища и сослуживца, которого в годы войны сделал заведующим оргинструкторским отделом ЦК. Когда начались гонения на евреев, Маленков позаботился о том, чтобы брак дочери с молодым Шамбергом был расторгнут. Это произошло в один день: зятю сказали, что он должен уйти, начальник охраны Маленкова отвез его в суд, тут же оформил развод, забрал паспорт и выдал новый — без следов регистрации брака с дочкой Маленкова. Любовь и дружба ничто, когда речь идет о карьере и о расположении вождя…

При Сталине Маленков был фигурой номер два, после смерти

вождя по логике вещей становился номером первым. Маленков мог выбрать себе любой пост. Предпочел стать главой правительства, потому что в последние годы Сталин сосредоточил власть в аппарате Совета министров. Кроме того, вспомнили, что по традиции на заседании политбюро в ленинские времена председательствовал глава правительства.

Иосиф Виссарионович, правда, сохранял за собой и пост секретаря ЦК, а Маленков 14 марта на пленуме от него отказался, «имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС».

В мире его и восприняли как нового хозяина Советской России. Поздней весной 1953 года в Соединенных Штатах, Англии и Канаде одновременно вышла книга американского журналиста Мартина Эбона «Маленков: наследник Сталина». В этой книге содержалось множество ошибок. Автор почему-то считал, что Маленков был дважды женат. Первой женой Георгия Максимилиановича он считал некую «Елену Рубцову, секретаршу из Министерства иностранных дел», на которой Маленков будто бы женился в 1939 году. Второй — столь же мифическую «бывшую актрису и певицу Елену Хрущеву, ставшую ректором Московского университета».

Эти ошибки естественны, ведь в те годы вообще никакой информации получить было нельзя. Но любопытны впечатления иностранных дипломатов, побывавших в Советской России и наблюдавших Маленкова на трибуне или на дипломатических переговорах и приемах. Обращали внимание на его одутловатое, неподвижное лицо, лишенное эмоций, на его вялое рукопожатие, на то, что он всегда ходил в придуманной Сталиным униформе и не носил наград, хотя орденами его вождь не обидел.

Бежавший на Запад бывший чехословацкий дипломат с откровенной неприязнью утверждал, что Маленков «напоминает евнуха из турецкого гарема». Другие дипломаты наперебой уверяли, что у него жестокие глаза. Один из них с мрачным юмором заметил:

— Если бы в пыточной камере мне пришлось выбирать себе палача, меньше всего мне хотелось бы попасть в руки Маленкова.

Американский журналист прозорливо отметил, что Маленкову недостает обаяния, юмора, сталинского умения играть на человеческих чувствах и слабостях. Американец обратил внимание на то, что сталинский наследник отнюдь не наделен сталинской властью и властолюбием. Он не спешит избавиться от старых кадров, не выдвигает на важнейшие должности своих людей и вынужден делить власть с опасным Берией.

Милован Джилас писал о Маленкове: «Он казался замкнутым,

внимательным человеком без ярко выраженного характера. Под слоями и буграми жира как будто двигался еще один человек, живой и находчивый, с умными и внимательными черными глазами».

Поначалу о Маленкове ходили очень доброжелательные слухи. Говорили, что когда он пришел на какое-то заседание и его встретили обычными аплодисментами, он сказал:

— Здесь не Большой театр, а я не Козловский.

Но ему не хватило воли, силы, хитрости, чтобы удержать власть. Георгий Максимилианович, судя по отзывам коллег, был лишь отличным исполнителем, не более того. По словам Шепилова, «Маленков был лишен всяких диктаторских черт, и у меня сложилось впечатление, что он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив и испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей. И он притулялся: к Сталину, к Ежову, к Берии, затем к Хрущеву».

Воли и характера в избытке было у его жены, Валерии Алексеевны Голубцовой. Они познакомились в 1920 году. Валерия Алексеевна работала библиотекарем в агитпоезде и училась на курсах, организованных политуправлением Туркестанского фронта. Формально они не регистрировали свой брак, и Валерия Алексеевна оставила девичью фамилию. Эта встреча оказалась для Маленкова редкостной удачей. Жена стала для него другом и опорой. В годы войны Голубцову назначили ректором Московского энергетического института, и она руководила им железной рукой. Наделенная сильной волей, Валерия Алексеевна всю жизнь толкала вперед вялого и инертного Георгия Максимилиановича. Впрочем, жена, конечно, многим может поделиться с мужем, но не характером.

Берия и Маленков считали, что правительство важнее ЦК. Так было при Ленине и в последние годы при Сталине. Ключевые вопросы решал президиум Совета министров. Тем более что, за исключением Хрущева, секретари ЦК были неавторитетными аппаратчиками, которые не могли и не смели спорить с Берией или Маленковым.

В Москву приехал глава партии и правительства Венгрии Матьяш Ракоши, который вежливо опросил у советских товарищей:

— Я прошу дать совет, какие вопросы следует решать в Совете министров, а какие в ЦК?

Тогда Берия пренебрежительно сказал:

— Что ЦК? Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой…

Восьмого мая 1953 года «Правда» поместила передовую

статью «Совершенствовать работу государственного аппарата», где говорилось: «Партийные комитеты подменяют и обезличивают советские органы, работают за них… Берут на себя несвойственные им административно-распорядительные функции…» Передовую заметили все.

Ослабевший партийный аппарат Маленков опрометчиво оставил Хрущеву, забыв, как за тридцать лет до этого подобную ошибку совершили ленинские соратники. Они тоже не понимали, каким мощным инструментом станет партийный аппарат в руках умелого секретаря ЦК. Они обманулись насчет Сталина, а Маленков недооценил Хрущева, вокруг которого группировались влиятельные партийные секретари, среди них Екатерина Алексеевна Фурцева.

Новое советское руководство в отличие от Сталина ни с кем воевать не собиралось и попыталось что-то изменить как внутри страны, так и во внешней политике. Маленков и Берия явно хотели облегчить бремя крестьянина, децентрализовать управление экономикой, проводить более либеральную политику. Они повысили закупочные цены на продукты сельского хозяйства, сделали упор на производство товаров широкого потребления, за что потом Маленкова — когда дойдет до него очередь — будут жестоко критиковать. 1 апреля 1953 года в газетах был опубликован длинный — на целую полосу — список товаров, на которые были снижены цены.

Через две недели после смерти Сталина, 16 марта 1953 года, новый глава правительства Георгий Маленков призвал Запад к переговорам: «В настоящее время нет таких запутанных или нерешенных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами на базе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, включая Соединенные Штаты Америки».

Маленков пошел еще дальше. Через год, 12 марта 1954 года, выступая с традиционной речью накануне выборов в Верховный Совет, он сказал, что новая мировая война «при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации». То есть отказался от прежних представлений советского руководства о неизбежности войны и о том, что она поможет уничтожению мирового империализма. Слова Маленкова были робким сигналом западным странам: мы хотим договариваться. Но Запад не верил в искренность Москвы.

Зато слова Маленкова стали желанным поводом для Хрущева избавиться от соперника. Никита Сергеевич оказался талантливым политиком. Живой и энергичный, он легко обошел своих неповоротливых соратников. Прежде всего он избавился от

Лаврентия Павловича Берии, которого смертельно боялся. Уничтожение Берии поставило крест на карьере Маленкова. В одиночку он не мог выстоять против Никиты Хрущева, хотя пытался во всем подражать Сталину.

В марте 1953 года Хрущев был избран простым секретарем ЦК — одним из четырех. После мастерски проведенного им ареста Берии он захотел повышения. Через два месяца, во время сентябрьского пленума, в перерыве в комнате отдыха, где собирались члены президиума, Маленков вдруг сказал:

— Я предлагаю избрать на этом пленуме Хрущева первым секретарем ЦК.

Лазарь Моисеевич Каганович вспоминал, что был сильно удивлен. Обычно такие серьезные вопросы заранее обговаривались. Потом он спросил у Маленкова, почему тот никому ничего не сказал. Маленков объяснил, что перед самым пленумом к нему подошел Булганин и предложил избрать Хрущева:

— Иначе я сам внесу это предложение.

И точно — Булганин первым поддержал Маленкова:

— Давайте решать!

Возразить никто не посмел. Маленков проявил инициативу, потому что видел настроения партийных секретарей. Скажем, власть в столице принадлежала Фурцевой, а она однозначно входила в команду Хрущева.

Дочь Никиты Сергеевича Рада Аджубей рассказывала, что она хорошо помнит тот сентябрьский день, когда состоялся пленум ЦК. Вечером она вместе с отцом возвращалась из города на дачу. Рада Никитична спросила отца прямо в машине:

— Кого выбрали?

Он сказал:

— Меня.

Рада очень удивилась и спросила:

— Тебе не страшно?

— Нет, — просто ответил Никита Сергеевич.

Уже через полтора года Хрущев настолько окреп, что атаковал самого Маленкова и обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики. Маленкову пришлось опровергать самого себя. При первом удобном случае он заявил, что нападение на Советский Союз закончится тем, что «агрессор будет подавлен тем же оружием и что подобная авантюра неизбежно приведет к развалу капиталистической общественной системы». Но это его уже не спасло.

Восьмого мая 1954 года Хрущев выступал перед ленинградскими партийными работниками:

— Вчера показали мне ваш стадион. Стадион замечательный. На этом стадионе висит огромный портрет товарища Маленкова, портретов других же членов президиума ЦК нет. Что такое культ личности? Это возвеличение одного человека, которому приписывают все существующие и несуществующие заслуги. Зачем нам нужно создавать какого-то «бога»? Ведь у нас все государственные вопросы решаются коллегиально. Все члены президиума ЦК в равной степени несут ответственность перед партией и страной. Если вы хотите выделить товарища Маленкова, то это неправильно, потому что и другие члены президиума также являются достойными руководителями нашего государства, как и товарищ Маленков…

В Москве Екатерина Фурцева следила за тем, чтобы по количеству портретов Маленков не опережал Хрущева.

Никита Сергеевич впервые участвовал во встрече в верхах в июле 1954 года в Женеве. Советскую делегацию должен был возглавить председатель Совета министров Маленков. Хрущева это не устраивало: «Маленков оказался человеком совершенно безынициативным и в этом смысле даже опасным, он слабоволен и слишком поддается чужому влиянию. Не только нажиму, а просто влиянию других…»

— У нас могут сложиться довольно тяжелые условия, — внушал Никита Сергеевич Молотову. — Маленков возглавит нашу делегацию, а для всех очевидно, что Маленков не способен по-настоящему противостоять противнику при встрече. У него характер, сглаживающий острые углы. Он улыбающийся человек, не способный парировать удары, тем более не способный предпринять наступление при обсуждении вопросов. А без этого нельзя. Защищаться — значит вдохновлять противника. Необходимо нападать.

На пленуме ЦК в январе 1955 года после первого вопроса «Об увеличении производства продуктов животноводства» Хрущев произнес большую речь против Маленкова и предложил освободить его от обязанностей главы правительства. Хрущев назвал слова Маленкова о гибели цивилизации в случае мировой войны «теоретически неправильными, ошибочными и политически вредными». Это заявление, утверждал Хрущев, «способно породить у народов чувство безнадежности их усилий сорвать планы агрессоров».

Хрущев ловко использовал Молотова для нанесения удара по Маленкову. Вячеслав Михайлович не упустил случая сказать, что Маленков и теоретически неграмотен, и хозяйственник никчемный. А уж что касается внешней политики, тут Молотов вообще был беспощаден:

— Не о «гибели мировой цивилизации» и не о «гибели человеческого рода» должен говорить коммунист, а том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для уничтожения буржуазии… Разве можем мы настраивать так народы, что в случае войны все должны погибнуть? Тогда зачем же нам строить социализм, зачем беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами… Видите, к каким нелепостям, к каким вредным вещам приводят те или иные ошибки в политических вопросах.

Политическая карьера Георгия Максимилиановича Маленкова завершилась.

«Как в полчаса увял этот человек, — записал свои впечатления от пленума Александр Твардовский, — исчезла вся значительность, был просто толстый человек на трибуне под устремленными на него указательными пальцами протянутых рук президиума, запинающийся, повторяющийся, „темнящий“, растерянный, чуть ли не жалкий. Странно, что у него не хватило ума в свое время отойти в сторонку чуть-чуть, быть вторым, неужели так хотелось быть первым?.. Жалка и безнадежна его дальнейшая судьба. Это-то он понимал».

Пленум ЦК 31 января 1955 года постановил:

«ЦК КПСС считает, что тов. Маленков Г. М. не обеспечивает надлежащего выполнения обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов, тов. Маленков плохо организует работу Совета Министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям Совета Министров. При рассмотрении многих острых вопросов тов. Маленков проявляет нерешительность… Между тем т. Маленков неправильно понял свои функции и явно претендовал не только на руководство деятельностью Правительства, но и на руководство Президиумом ЦК».

Георгия Маленкова убрали с поста главы правительства, перевели в заместители, дали еще пост министра электростанций и, главное, оставили членом президиума ЦК. Его падение доставило удовольствие партийному аппарату: при Маленкове правительство чувствовало себя слишком уверенно и не так заискивало перед ЦК.

«Когда Маленкова сняли с поста председателя Совмина, это означало, что власть снова полностью перешла к ЦК КПСС, а вернее — к ее верхушке, — писал бывший член политбюро Александр Николаевич Яковлев. — Побаловались немножко в „ленинские принципы управления“, и хватит. Смещение

Маленкова прошло безболезненно. Мало кто сожалел. В аппарате ЦК приветствовали эту меру на том основании, что правительственные чиновники слишком задрали нос и хотели отобрать власть у цековских чиновников».

Проиграли те, кто необдуманно поставили на Маленкова, и выиграли те, кто, как Фурцева, хранили верность Никите Сергеевичу. В основном это были московские и киевские партийные секретари, верившие в счастливую звезду Хрущева. Сидя в зале, Екатерина Алексеевна с удовольствием наблюдала за тем, как крепнут позиции Никиты Сергеевича.

Восемнадцатого февраля 1955 года Никита Сергеевич держал речь на пленуме ЦК компартии Украины. Почти всю речь посвятил развенчанию Маленкова:

— Товарищ Маленков, видимо, упоенный положением председателя Совета министров, думал, что теперь он может все сделать. Он произнес необдуманную речь, в которой заявил, что в два-три года мы добьемся изобилия продовольствия и предметов потребления. Но он не подумал, откуда же это изобилие берется. В каком состоянии находится сельское хозяйство? Как выполнить это обещание?.. Чтобы создать видимость, что слова об изобилии начинают выполняться, стали вытаскивать из сундука золото, золото потекло за границу!

Хрущев вспомнил беседу с Екатериной Фурцевой:

— А как реагируют простые люди на такие речи? Мне товарищ Фурцева рассказывала. Приехала к ней родственница из деревни. Она спрашивает ее: как дела у вас в деревне? «Ничего, — отвечает, — теперь стало веселее. Товарищ Маленков хорошо выступил и пообещал нам, что скоро будет изобилие всех жизненных благ»… Эта крестьянка говорит: у нас Маленкова называют Георгием Победоносцем. Ну, для крестьянки, может быть, он победоносец, но мы-то знаем, какой он победоносец. Это несчастье, а не победоносец…

Никита Хрущев спешил убрать с политической арены и других руководителей страны, которые ему мешали, и ценил тех, кто, как Фурцева, решительно и во всем его поддерживали. Он, в свою очередь, выдвигал Екатерину Алексеевну.

Служебную удачу дополнило найденное, наконец, личное счастье. Когда Екатерина Алексеевна работала в московском партийном аппарате, она влюбилась в коллегу-секретаря — Николая Павловича Фирюбина. Он был всего на два года ее старше. Его считали капризным и избалованным женским вниманием.

Фирюбин был с треском снят с должности вместе с Георгием

Поповым. В 1949 году его отправили на курсы переподготовки руководящих партийных и советских работников при Высшей партийной школе. Через два года выпускнику курсов подобрали невысокую должность — начальника технического управления исполкома Моссовета. Летом 1951 года повысили — сделали заместителем председателя Моссовета. Одному из недавних руководителей города не очень приятно было подчиняться тем, кто еще недавно просиживал в его приемной, ожидая, пока их вызовут…

Николай Павлович прошел жестокую школу в сталинские времена. Иногда под настроение рассказывал эпизоды из жизни партийных работников. Однажды, когда Фирюбин был секретарем МГК, он пришел утром на работу и увидел на столе пепельницу из кабинета Сталина. У него в глазах потемнело.

Фирюбин помнил анекдот, который любил рассказывать член политбюро Андрей Жданов: «Сталин жалуется: пропала трубка. Говорит: „Я бы много дал, чтобы ее найти“. Берия уже через три дня нашел десять воров, и каждый из них признался, что именно он украл трубку. А еще через день Сталин нашел свою трубку, которая просто завалилась за диван в его комнате». Жданов, рассказывая анекдот, весело смеялся…

Фирюбину было не до смеха: что про него подумают, когда узнают, что он прихватил из кабинета вождя пепельницу? Он позвонил помощнику вождя Александру Николаевичу Поскребышеву, покаялся.

— Нехорошо, — осудил его сталинский помощник. — Вы так весь кабинет растащите. Пришлите обратно фельдъегерем.

Опытный Поскребышев поинтересовался, кто накануне сидел рядом с Фирюбиным. Николай Павлович вспомнил:

— Паршин и Ванников.

Петр Иванович Паршин был наркомом машиностроения и приборостроения, а Борис Львович Ванников, начальник Первого главного управления, занимался созданием ядерного оружия. Поскребышев предположил, что это дело рук Ванникова. Фирюбина предупредили, чтобы на совещаниях не садился с Борисом Львовичем. Тот любил такие шутки. Возможно, научился у Сталина.

До войны Ванников был наркомом вооружений. Летом 1941 года его посадили. А когда началась война, так понадобился, что освободили. Его привели к Сталину прямо из тюрьмы. На предложение вернуться в Наркомат Ванников неуверенно ответил:

— А будут ли со мной товарищи работать? Ведь я в тюрьме сидел.

Сталин махнул рукой:

— Пустое. Я тоже сидел в тюрьме…

Роман Фурцевой и Фирюбина был предметом пересудов в Москве. В те времена разводы не поощрялись. Женщина должна была исполнять одну роль — самоотверженной жены и матери. Любовница — понятие отрицательное.

В Советском государстве все женские проблемы решены. «Где, в какой еще стране существует забота о женщинах-матерях? — писали тогда газеты. — Где еще женщины пользуются такими правами? Нет в мире такой другой страны». И поэтесса Екатерина Шевелева 8 марта опубликовала в «Известиях» лирическое стихотворение о счастливой женской судьбе:

Заговорили о труде и о растущем изобилье,
О Сталине в наш женский день мы горячо заговорили.

Николай Павлович Фирюбин не спешил рвать с прежней жизнью, уходить из семьи. Екатерина Алексеевна переживала, хотя больше всего старалась не показать своей слабости. Светлана Фурцева говорила о матери: «Мама всегда выглядела чуточку недоступной для мужчин — она находилась выше их обычного представления о женщине-жене… Но не думаю, что ее не интересовало женское счастье…»

Когда брак стал возможным, Екатерина Алексеевна была счастлива, хотя в доме ее сообщение о том, что она выходит замуж за Николая Фирюбина, встретили, мягко говоря, без восторга. Теща и падчерица его сразу невзлюбили.

«Бабушке он не нравился, — рассказывала журналистам Светлана Фурцева. — Фирюбин, еще будучи секретарем горкома, до нас тоже жил на даче в Ильичеве, и о его семье ходили разные слухи… Словом, бабушке пришлось ломать что-то внутри себя, принимая Фирюбина в дом».

Конечно же это была ревность. Ни Матрена Николаевна, ни Светлана ни с кем не желали делить Екатерину Алексеевну.

«Мы все, — записала в дневнике Светлана Фурцева, — ревнуем маму — бабушка и я к Николаю Павловичу, он к нам, и все вместе — к работе».

Едва Екатерина Алексеевна и Николай Павлович стали жить вместе, как в их счастье вмешалась большая политика.

В первых числах мая 1953 года вновь назначенный министром иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов попросил направить в распоряжение МИДа трех работников аппарата ЦК. Так стал дипломатом будущий председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Точно так же в Министерстве

иностранных дел заинтересовались Николаем Павловичем Фирюбиным.

Георгий Попов вспоминал, как ему на квартиру позвонил Молотов и поинтересовался мнением о Фирюбине. Попов всячески расхваливал своего бывшего подчиненного. Первый год Николай Павлович осваивал новую стезю и набирался дипломатического опыта в роли советника посольства в Чехословакии.

Начинающих дипломатов учили основному правилу: не высовывайся! Главное для дипломата исполнительность и никакой инициативы. Предупреждали: о работе ни с кем не говорить, ни с родными, ни с друзьями. Однажды одному из коллег Фирюбина попала в руки бумага, полученная дипломатической почтой из Праги: «Из дневника посла СССР в Чехословакии. Запись беседы со шведским послом». Вся запись состояла буквально из одной строчки: «Сегодня во время прогулки на улице я встретил шведского посла. Мы поздоровались и разошлись». Молодой дипломат удивленно спросил старшего коллегу:

— А зачем он это сообщает?

— На всякий случай.

— А зачем гриф «секретно»?

— Так положено. Бумажке грош цена, а если ее ветром на улицу выдует, лучше сам за ней бросайся — посадят.

Дипломаты жаловались:

— Совсем не было ощущения, что мы участвуем в важном государственном деле. Напротив, мы занимались какими-то мелкими делами. Вопрос о выплате крестьянину компенсации за то, что на маневрах советский танк своротил ему забор, решался подписью председателя Совета министров СССР.

Положение Фирюбина изменилось, когда в январе 1954 года его сделали послом. В других восточноевропейских странах послами тоже стали партийные работники. Андропов — в Венгрии. В Румынию поехал послом Алексей Алексеевич Епишев, бывший секретарь ЦК компартии Украины и заместитель министра госбезопасности по кадрам. В Польшу — бывший начальник Фирюбина Георгий Михайлович Попов.

Самодур Попов, отправившись за границу, не изменился. Он вел себя в Польше как комиссар среди анархистов, по каждому поводу отчитывал главу партии и правительства Болеслава Берута — даже за то, что польские крестьяне не так пашут и не так сеют. В конце концов посол сказал Беруту, что не взял бы его к себе даже секретарем райкома. Возмущенный Берут не выдержал и, позвонив Хрущеву, заявил, что если он не способен быть даже секретарем райкома, то в таком случае должен поставить вопрос о своем освобождении. Хрущев поспешил успокоить Берута, которым в Москве очень дорожили. Попова за глупость наказали: отозвали из Варшавы, долго перебрасывали с должности на должность и наконец пристроили директором завода авиационных приборов во Владимир.

А вот Николай Фирюбин преуспел на дипломатическом поприще. Для полноценной жизни ему не хватало рядом жены. В принципе, посла всегда сопровождает жена. Она, помимо всего прочего, играет важную роль в работе посольства, нужна послу для организации приемов, для налаживания отношений с дипломатами других стран.

Но Екатерина Алексеевна не захотела пожертвовать карьерой, отказаться от своей роли хозяйки Москвы и удовлетвориться ролью жены. Она не поехала с мужем в Прагу. Учитывая особую ситуацию, в ЦК разрешили послу жить одному, что не дозволялось другим дипломатам.

Для брака длительная разлука не была благом. Фурцева переживала, не хотела отпускать надолго молодого мужа. Но и отказываться от посольского назначения было нельзя. Это же была реабилитация, знак того, что старое забыто. Конечно, Николай Павлович предпочел бы видеть жену рядом. Но быть женатым на самой Фурцевой — это тоже льстило его самолюбию. Екатерину Алексеевну точно можно было назвать первой дамой

страны, поскольку жены руководителей государства оставались в тени.

При этом в отношениях с женой он держался уверенно или, как говорят люди знающие, самоуверенно. Это была характерная для властных и высоко себя ценящих мужчин борьба за право быть хозяином в семье, они неизменно говорят:

— Я не люблю, когда на меня давят.

Комплексы и сомнения в себе самой не покидали ее даже в самые счастливые периоды жизни. Когда ей казалось, что муж ее обижает, половина ее существа вспыхивала от гнева, а вторая половина говорила себе: «Может быть, я слишком чувствительна. Может быть, я его чем-то обидела. Может быть, я напрасно пытаюсь все контролировать?»

И она отвечала:

— Прекрасно. Это ты будешь решать, когда нам увидеться вновь.

Когда она слишком подробно рассказывала о своих делах, он обижался: значит, она мало о нем думает, ее мысли заняты исключительно работой. Она замолкала. Столкнувшись с мужниным недовольством, она всякий раз сдавалась и говорила себе, что он прекрасный человек, но просто нуждается в поддержке с ее стороны.

У него были свои представления об отношениях в семье. Он привык, что жена ему угождает. Не стеснялся ее критиковать. Она очень ценила его и хотела сохранить хорошие отношения. Ей казалось, что сделать его счастливым — это и есть ее цель. Когда она протестовала, он становился суров, и она чувствовала себя несчастной. Словом, она ему подчинялась, чтобы избегать конфликтов, и иногда делала то, чего делать не хотела. Свет был не мил, когда муж на нее дулся. Ее страх был похож на страх маленького ребенка. Возможно, это есть порождение детской боязни строгих родителей: «Я сделала то, что маме не понравится. Я огорчила мамочку. Мамочка меня разлюбит».

Разумеется, Фирюбина часто вызывали в Москву, но разлука есть разлука. Плюс состоял в том, что Прага была европейской столицей, и благодаря Николаю Павловичу Фурцева стала современно одеваться. Уже в 1950-е годы Екатерина Алексеевна выглядела много лучше московских дам. Конечно, в роли секретаря городского комитета партии не могла позволить себе экстравагантных и вызывающих нарядов, хотя завидная фигура как минимум позволяла ей не отставать от моды.

Новый брак матери пошел на пользу и Светлане Фурцевой. Ей было двенадцать лет, когда Николай Павлович пригласил ее в Прагу на зимние каникулы, чтобы она посмотрела мир.

Послу Фирюбину досталась не самая простая страна. После освобождения Чехословакии от немецких войск в Прагу — в отличие от других восточноевропейских стран — вернулись прежние лидеры: президент Эдуард Бенеш и министр иностранных дел Ян Масарик. Первое время Бенеш и Масарик умудрялись ладить и с западными державами, и с Советским Союзом. Сформировали коалиционное правительство, которое возглавил коммунист Клемент Готвальд. Казалось, и в советской зоне влияния может существовать многопартийная демократия.

— Социалистические мероприятия, — говорил президент Бенеш, — следует осуществлять мирным путем без диктатуры пролетариата, без применения определенных теорий марксизма-ленинизма. Я думаю, что в развитии человечества мы достигли уже такого периода, когда это стало возможным.

Но когда разгорелась холодная война и Сталин окончательно порвал с Западом, ему не нужны были ни Бенеш, ни Масарик. В 1948 году коммунисты вывели своих сторонников на улицы, устроили забастовку по всей стране и начали вооружать отряды рабочей милиции. Клемент Готвальд требовал сформировать чисто коммунистическое правительство. Эдуард Бенеш никогда не отличался большим политическим мужеством. К тому же он был тяжело болен. 25 февраля президент сдался и поручил Готвальду самому сформировать кабинет. Вся власть в стране перешла к коммунистам. 7 июня Бенеш ушел в отставку, повторяя в своем кругу, что Сталин его «хладнокровно обманывал». Через три месяца он скончался.

Десятого марта 1948 года министра иностранных дел Яна Масарика, сына основателя республики, нашли мертвым под окнами его служебной квартиры. Эта смерть откликнулась громким эхом по всему миру. Русофил Масарик-младший всей душой стремился к тесному сотрудничеству с Москвой. Но он мешал чехословацким коммунистам. Внезапная смерть министра решила проблему.

Официальная версия — самоубийство, душевный разлад и неспособность справиться со своими проблемами. В самой Чехословакии никто не сомневался: министра выбросили из окна — его убили сотрудники советской госбезопасности, которые вели себя в Праге по-хозяйски. Но нет доказательств того, что он был убит. Скорее всего, он выбросился из окна от отчаяния. Масарик-старший, президент Томаш Масарик, в 1918 году создал независимую Чехословакию. Его сын, министр Ян Масарик, три десятилетия спустя не смог сохранить независимость родины.

Сталин не позволил Чехословакии участвовать в «плане Маршалла», разработанной американцами программе подъема

европейской экономики. Экономическая ситуация в Чехословакии была трудной. Помощь Москвы в силу собственных экономических проблем Советского Союза была весьма ограниченной. Прага получала в десять раз меньше, чем просила.

В протоколе заседания политбюро № 66 от 1948 года записали:

«1. Отклонить просьбу Чехословацкого правительства о предоставлении им золотого займа в сумме 200 млн долларов, реализуемого в течение трех лет.

2. Ввиду тяжелого положения чехословацкого народного хозяйства немедля предоставить Чехословакии заем в сумме 25 млн долларов сроком на десять лет из расчета 2,5 процента годовых».

После смерти создателя советской Чехословакии Клемента Готвальда руководителем компартии надолго стал Антонин Новотный, член партии с момента ее основания в 1921 году. В сентябре 1958 года он назначил себя еще и президентом республики. При немцах Новотный четыре года провел в Маутхаузене. Этот трагический опыт не сделал его мудрее и терпимее. Во время позорных процессов в Чехословакии в 1950-х годах судили и расстреляли многих его товарищей, руководителей партии и страны. А Новотный вместе с женой за бесценок скупали вещи, оставшиеся после расстрелянных чекистами соратников.

Когда Фирюбин приехал в Прагу, страна медленно приходила в себя после тяжелых сталинских лет. Николаю Павловичу было поручено наладить и укрепить дружеские связи, демонстрируя и доказывая равноправность отношений между двумя странами.

Работа в государствах, которые после войны вошли в орбиту советского влияния, стала для Москвы наиважнейшей. Еще при Сталине приняли решение прекратить разведывательную деятельность в странах народной демократии. Зарубежный аппарат внешней разведки в Чехословакии получил команду отказаться от сотрудничества с «негласными помощниками». Послу поручили довести до сведения руководителей страны, что советская разведка в их государстве больше не работает: «Такое решение принято, исходя из единства политических целей и задач, а также взаимного доверия между СССР и странами народной демократии».

Советникам при органах государственной безопасности разрешалось давать «практические советы только в устной форме». Запрещалось вмешиваться в решение кадровых вопросов, допрашивать арестованных и участвовать в оперативной разработке высших руководителей страны. Вербовать агентуру

запрещалось. То есть нельзя было оформлять отношения, брать подписку о готовности сотрудничать, заводить дело и присваивать псевдоним. Но в этом и не было нужды. Чешские и словацкие чиновники охотно шли на контакт с советскими представителями, были с ними необыкновенно откровенны и рассказывали все, что знали. Добрые отношения с влиятельными советскими чиновниками были залогом успешной карьеры.

Фирюбин старался вести дела по-новому. Но начатые при Сталине интриги давали о себе знать. Еще в 1954 году продолжалась история с Густавом Гусаком, которого после ввода советских войск в Чехословакию для подавления Пражской весны сделают хозяином страны, а тогда просто гнобили.

Густав Гусак активно участвовал в подготовке словацкого национального восстания в августе 1944 года. После войны предложил присоединить Словакию к Советскому Союзу, но Прага его не поддержала. Более того, Гусака зачислили в «буржуазные словацкие националисты». Им заинтересовались советники из Министерства госбезопасности СССР. Разумеется, сыграли свою роль и внутренние склоки и противоречия в руководстве республики. Гусак своими манерами и образованностью отличался от малограмотных аппаратчиков. Они презрительно именовали его «барином». Советские чекисты представили фальсифицированные материалы, из которых следовало, что Гусак готовил покушение на вождя коммунистов Клемента Готвальда. По спискам, составленным с помощью советских чекистов, в Словакии арестовали несколько десятков человек, в том числе Гусака. В апреле 1954 года он был приговорен к пожизненному заключению на процессе по делу «словацких буржуазных националистов». Пересмотр кампании репрессий в Чехословакии начался значительно позже, чем в Советском Союзе. Только в мае 1960 года Гусака амнистировали и освободили.

Из Чехословакии Николая Фирюбина в сентябре 1955 года перевели послом в Белград. Екатерина Алексеевна переживала — разлука продолжалась. Для Фирюбина новое назначение было свидетельством признания его успешной работы. В силу особо сложных отношений с югославским лидером Иосипом Броз Тито это был крайне важный пост.

Сталин поссорился с руководителем социалистической Югославии. Тито не только проявил своеволие, но и не изъявил желания каяться и просить прощения. Тито храбро сражался во время Второй мировой и стал хозяином Югославии по праву победителя. Он был единственным коммунистическим руководителем в Восточной Европе, который получил власть не

из рук Сталина.

Все остальные прекрасно понимали, кому они обязаны своим положением.

— Народная демократия, — говорил в 1949 году польский президент Болеслав Берут, — не результат вооруженного восстания. Она не родилась как власть Советов в октябре семнадцатого в России, а является плодом победы Советского Союза над немецким фашизмом.

Первоначально Сталин поддержал партизанское движение во главе с Иосипом Броз Тито, хотя к югославскому вождю относился е некоторым внутренним сомнением. Это подметил Милован Джилас: «В отношениях между Сталиным и Тито было что-то особое, недосказанное — как будто между ними существовали какие-то взаимные обиды, но ни один, ни другой по каким-то своим причинам их не высказывал».

В отличие от лидеров других европейских социалистических государств Тито взял власть без помощи Красной армии. И это создавало ему особое положение. На территории Югославии не было советских войск и советских наместников. Тито — опять же в отличие от других социалистических вождей — не эмигрировал, не искал спасения в Советском Союзе, не жил в Москве под контролем НКВД, рабски подчиняясь советским чиновникам и вздрагивая при каждом звонке в дверь; он храбро сражался вместе со своими партизанами против немцев, поэтому он и не боялся Сталина. В то время как другие восточноевропейские страны спрашивали разрешения по каждому мелкому вопросу у Москвы или у московского наместника, Тито сам руководил страной.

Уверенный в себе Тито, щеголявший в военном мундире, бросил Сталину вызов.

— Советская система, — говорил Эдвард Кардель, второй человек в компартии Югославии, — не исходит из основного социалистического принципа освобождения труда, раскрепощения творческой энергии и воли человека. Наоборот, в Советском Союзе каждого человека и каждый рабочий коллектив превращают в слепых исполнителей. Эта система, как и любая монополистическая система, вызывает застой и загнивание. Такая ситуация требует системы власти, которая зиждется на деспотизме, недоверии и страхе.

Осенью 1947 года в Москве проявилось недовольство самостоятельностью югославского руководства. Сталин должен был либо заставить югославов подчиниться, либо объявить их врагами. Первое оказалось ему не под силу. Повода для столкновения долго искать не пришлось. Сталин желал объединения Югославии и Албании, но возмутился, когда Тито

начал действовать, не спросясь у Москвы.

А тут еще советский посол в Белграде доложил, что югославские власти отказываются представлять сведения о своей экономике. Министр иностранных дел Молотов 18 марта 1948 года отправил телеграмму Тито, назвав действия югославского руководства «актом недоверия к советским работникам в Югославии и проявлением недружелюбия в отношении СССР». Сталин отозвал из страны гражданских специалистов и военных советников. Тито все обвинения отверг как надуманные.

Сталин и Молотов подписали письмо югославскому руководству, где сформулировали полный комплекс обвинений: ревизия марксизма, оппортунизм и антисоветизм. Отказ югославов знакомить советских представителей с самой секретной информацией рассматривался как «недостойная политика шельмования советских военных специалистов». Югославов обвиняли в том, что они исповедуют «оппортунистическую бухаринскую теорию мирного врастания капитализма в социализм».

Одновременно Сталин потребовал от всех компартий осудить поведение югославов, что и было сделано. Это привело к полному разрыву отношений между двумя странами. Причем сторонники тесных отношений с Советским Союзом были жестоко наказаны в Югославии. Борьба с югославским ревизионизмом была использована Сталиным для установления еще более жесткого контроля над социалистическими странами, где прошла волна чисток и судебных процессов над мнимыми союзниками Югославии.

Тито пользовался особым авторитетом, поэтому расправа над ним должна была стать показательной, послужить уроком для менее влиятельных фигур. В Советском Союзе его именовали не иначе как «кровавая собака Тито». Конфликт Сталина с Тито был нацелен на то, чтобы либо подчинить себе маршала, либо установить в Белграде менее самостоятельное правительство. Но у Сталина ничего не получилось. Более того, Советский Союз утратил свое влияние на стратегически важных Балканах. Это был большой просчет.

После смерти Сталина стало ясно, что надо как-то восстанавливать отношения. 31 июля 1953 года советский посол вручил Иосипу Броз Тито верительные грамоты. Хрущев решил помириться с Югославией. Но ему пришлось преодолевать сопротивление товарищей по президиуму ЦК. Молотов все равно считал Тито врагом.

В июле 1953 года на пленуме ЦК Молотов говорил:

— Поскольку нам не удалось решить определенную задачу

лобовым ударом, то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Североатлантическим агрессивным блоком, — послы, официальные телеграммы, деловые встречи.

После смерти Сталина Вячеслав Михайлович вновь стал министром иностранных дел и первым заместителем главы правительства. Надеялся на большее. Подчеркивал, что в партийном руководстве он единственный, кто работал с Лениным. Но на первые роли его не пускали. После смерти Сталина Молотов изменился. Исчез страх, и он немного расслабился, старался вести себя мягче, любезнее. Очень обижался на упреки в сухости и педантизме:

— Это только некоторые представляют меня в виде робота, лишенного человеческих качеств.

Иногда Вячеслав Михайлович даже начинал острить, но видно было, что он это делает, скорее, по служебной необходимости, чем по велению души.

Его помощник Олег Трояновский вспоминал:

— Через месяц после смерти Сталина он меня вызвал и предложил стать его помощником. Сказал, что нам нужно выправлять положение в международных делах. Я увидел, что он переменился. Он с иностранцами иначе стал разговаривать, более свободно. И даже анекдоты рассказывал. Но я бы не решился их повторить.

Молотов Хрущева не устраивал по другой причине: «Молотов чересчур угловат. Он противоположность Маленкову. Порой нужно проявить и понимание, и даже необходимую тактическую гибкость. Он на это не способен. Он резок до крайности. Когда он возражает, то даже лицо искажается. Его участие в делегации не располагало к поиску согласия… Не следовало давать повод думать, что мы стоим на старых позициях сталинских времен. А олицетворением такой политики был сам Молотов».

Никите Сергеевичу хотелось показать, что он способен заниматься внешней политикой без подсказок, самостоятельно. Но для этого следовало избавиться от Молотова, который никого не подпускал к внешней политике и спорил даже с первым секретарем ЦК КПСС, чего не позволял себе ни один министр иностранных дел.

В 1954 году члены президиума вместе отдыхали в Крыму. Каганович спросил Хрущева, как ему работается. Хрущев откровенно ответил:

— Неплохо, но вот Молотов меня не признает, поэтому у меня с ним напряженные отношения.

Молотов становился обузой для Хрущева. Пожалуй, в одном случае Вячеслав Михайлович был прав. Когда в 1954 году Хрущев передал Крым Украине и у себя в кабинете подписывал соответствующее решение, Молотов в ужасе прошептал стоявшему рядом главному редактору. «Правды» Дмитрию Шепилову:

— Что же он делает?!

Одиннадцатого августа 1955 года Хрущев выступал на партийном собрании авиастроительного завода № 23 и обрушился на Молотова:

— Работу мы ведем хорошо. И, к сожалению, эта работа была проведена в борьбе против ошибок товарища Молотова. Это факт. Я ему говорю: что с тобой случилось? По вопросам целины он тоже был против… Это человек, который порвал связь с жизнью. Я прямо бросил: Ленин дворянин по сословию, но ездил к крестьянам, он ходил к рабочим, он выступал, он принимал ходоков. Я Молотову сказал: когда ты. видел живого крестьянина?

Зал взорвался аплодисментами.

— Теперь товарищ Молотов увидел, что не туда пошел, — продолжал Хрущев, — и хорошо, когда его коллективно поправили. Поправили, всыпали, грубо говоря, и сразу прояснилось.

В зале засмеялись.

Молотов по-прежнему считал Иосипа Броз Тито и его людей «предателями, антимарксистами, перерожденцами, скатившимися в лагерь социал-демократии». Молотов называл Югославию фашистским государством и требовал не посылать туда делегацию, хотя в свое время преспокойно ездил именно в фашистское государство.

В мае 1955 года Хрущев все-таки поехал в Белград. Без министра иностранных дел. Его сопровождал главный редактор «Правды» Дмитрий Трофимович Шепилов, который вскоре сменит Молотова в МИДе. В Белграде договорились о полной нормализации межгосударственных отношений и о «достижении взаимопонимания по партийной линии». Послом в Белград отправили Николая Фирюбина — к неудовольствию Фурцевой.

Об итогах переговоров докладывалось на июльском пленуме ЦК 1955 года. Хрущев натравил товарищей по президиуму на Молотова — и они его дружно прорабатывали. Общими усилиями они подорвали авторитет Молотова и его надежды претендовать на первую роль в партии.

В постановлении пленума записали:

«Пленум ЦК осуждает политически неправильную позицию т. Молотова по югославскому вопросу как не соответствующую

интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающую принципам ленинской политики.

Позиция т. Молотова вела к закреплению ненормальных отношений с Югославией и дальнейшему отталкиванию Югославии в империалистический лагерь. Несмотря на то, что Президиум ЦК в течение длительного времени терпеливо разъяснял т. Молотову ошибочность его позиции по югославскому вопросу, т. Молотов упорно продолжал отстаивать эту позицию.

Пленум ЦК считает политически ошибочным выступление на Пленуме ЦК т. Молотова, который продолжает отстаивать свою неправильную линию по югославскому вопросу, считая, что с Югославией надо нормализовать отношения только по государственной линии как с буржуазным государством…»

В следующем году, накануне приезда в Москву югославского лидера, 25 мая 1956 года на президиуме ЦК разгорелся спор о Тито. Хрущев обрушился на министра:

— Молотов остался на старых позициях. То, что предлагает Молотов, неправильно. Нас огорчает, что за время после пленума Молотов не изменился.

Двадцать восьмого мая собрались опять, чтобы проработать министра иностранных дел. Фурцева поддержала Хрущева:

— Для пользы дела товарища Молотова надо заменить прямо сейчас.

Первого июня Молотов был освобожден от должности министра, потому что невозможно было представить, как он станет пожимать руки руководителям югославской делегации. Екатерина Алексеевна предложила заменить его на посту министра иностранных дел Сусловым — возможно, не без тайного желания больше не видеть Михаила Андреевича в соседнем кабинете на Старой площади.

Хрущев выбрал Дмитрия Трофимовича Шепилова.

Впрочем, дружбы с Югославией все равно не получилось. На рабочем завтраке в Кремле 5 июня Булганин провозгласил тост в честь Тито:

— За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища! После переговоров с югославской делегацией в местные партийные органы разослали информационную записку, в которой говорилось: «ЦК КПСС считает, что данная т. Булганиным в его речи на завтраке в Москве 5 июня с. г. характеристика т. Тито как ленинца является преждевременной».

Помощь Югославии понадобилась во время венгерского кризиса, когда венгры под руководством премьер-министра Имре Надя попытались реформировать социалистическую систему и вышли из-под советского контроля. И тогда же важнейшей

оказалась роль советского посла в Белграде Фирюбина.

Екатерина Алексеевна Фурцева участвовала во всех заседаниях президиума ЦК, где решалась судьба Венгрии. С особым волнением она читала телеграммы мужа из Белграда.

Фурцева придерживалась жесткой позиции. На заседании 26 октября заметила:

— Товарищ Микоян, видимо, ошибается в Наде.

Вместе с секретарями ЦК Шепиловым и Поспеловым ей поручили всю пропагандистскую сторону этой операции. Она готовила все необходимые документы, оправдывавшие применение силы в Венгрии. 30 октября она предложила принять общее заявление о происшедшем. Разделить проблему на две. Одно — как все объяснить внутри страны, для чего созвать пленум ЦК. Другое — пересмотреть отношения со странами народной демократии, как тогда говорили, встретиться со всеми их лидерами.

Тридцать первого октября Фурцева сформулировала свою позицию:

— Терпимость мы уже проявили. Что делать дальше? Действовать так, чтобы победа была на нашей стороне.

После долгих колебаний президиум ЦК КПСС решил применить силу. 1 ноября 1956 года на венгерскую территорию вступили части Советской армии. 3 ноября — для маскировки — в здании парламента начались переговоры. Советскую делегацию возглавлял первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии Михаил Сергеевич Малинин, венгерскую — заместитель председателя Совета министров Ференц Эрдеи. В состав венгерской делегации входило все военное руководство — министр обороны генерал Пал Малетер, начальник Генштаба генерал Иштван Ковач, начальник оперативного управления полковник Миклош Сюч.

Вечером советский посол Юрий Андропов предупредил, что переговоры будут долгими, и предложил продолжить их в советском военном городке возле Будапешта. Венгры, ничего не подозревая, поехали. Но вести переговоры с венгерскими военными никто не собирался. Там прилетевший в Венгрию председатель КГБ Иван Александрович Серов приказал их арестовать.

Обезглавив венгерскую армию, на следующее утро, 4 ноября, начали операцию «Вихрь» — советские войска приступили к захвату Будапешта. В начале шестого утра премьер-министр Имре Надь сделал последнее заявление по радио:

— Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное

демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту.

Четвертого ноября 1956 года посол в Югославии Николай Фирюбин отправил шифротелеграмму в Москву:

«Строго секретно.

Снятие копий воспрещается.

Вне очереди. Особая

Кардель сообщил, что в ночь на 4 ноября они связались с Надь Имре, как это было договорено с товарищем Хрущевым. Надь Имре, Санто Золтан и еще 11 венгерских коммунистов находятся в югославском посольстве в Будапеште…

Кардель по поручению Тито просил запросить совета КПСС и Советского правительства. Продолжать ли дальнейшие переговоры с Надь Имре. Тито, по словам Карделя, просил также Советское правительство принять меры к защите югославского посольства от возможных нападений на него…»

Глава правительства Имре Надь, оставшиеся верными ему министры и члены их семей, всего 43 человека, 4 ноября нашли убежище в югославском посольстве в Будапеште. Еще трое спрятались на квартире югославского военного атташе. Этому предшествовала поездка Хрущева и Маленкова в Югославию. Они попросили Иосипа Броз Тито воздействовать на Имре Надя — чтобы он добровольно ушел в отставку. Поэтому 3 ноября югославский посол Далибор Солдатич, получив инструкции от своего правительства, предложил Надю укрыться у него в посольстве.

Телеграмма Фирюбина поступила в Москву в половине пятого вечера, через два часа ее расшифровали и отпечатали. В тот же день, 4 ноября, послание Фирюбина обсуждалось на заседании президиума ЦК, в котором участвовала и Фурцева.

Имре Надь обвинил Советский Союз в неприкрытой агрессии. Теперь уже в Москве хотели извлечь его из югославского посольства, чтобы судить. 5 ноября советский танк обстрелял здание югославского посольства в Будапеште, погиб советник Милованов.

Седьмого ноября в Москве министр иностранных дел Шепилов принял югославского посла Велько Мичуновича и сделал ему представление:

— Советская общественность возмущена тем, что обанкротившиеся перерожденцы и пособники контрреволюции, типа Надя и компании, укрылись после своего поражения в югославском посольстве.

Иосип Броз Тито заботился о репутации своего государства и не мог позволить себе просто выставить Надя из посольства.

Предложение вывезти венгров в Югославию Москва с негодованием отвергла — это означало бы сохранение кабинета Надя в изгнании. В такой ситуации Революционное рабоче-крестьянское правительство Яноша Кадара в мире и вовсе не захотели бы признавать.

Внутри страны позиции Кадара были слабыми. Ни он сам, ни его правительство не пользовались популярностью. Рабочие советы требовали вернуть Надя. Договорились о том, что членам правительства Надя, желающим остаться в Венгрии, разрешат беспрепятственно вернуться домой, остальные могут покинуть страну. Янош Кадар дал им гарантии неприкосновенности и обещал, что не станет их привлекать к ответственности. Бывший министр культуры Дьердь Лукач и еще несколько человек, поверив обещаниям, вышли из югославского посольства; их сразу задержали и отправили в советскую военную комендатуру.

Не зная об этом, Имре Надь и другие вечером 22 ноября тоже согласились покинуть югославское посольство. В автобус к ним подсел советский офицер, будто бы для того, чтобы развезти всех по домам. Причем в автобусе находились два югославских дипломата. Но автобус остановили возле здания советской комендатуры, где советский офицер заставил югославских дипломатов выйти. После этого автобус окружили советские бронетранспортеры. На следующий день Надя и его группу под конвоем отправили в Румынию. Первоначально их разместили в отдельных коттеджах на курорте в Сагове, других членов группы в правительственном доме отдыха. Они находились под надзором румынских сотрудников госбезопасности. Румыны с удовольствием держали Надя под стражей, потому что у них были проблемы с собственными венграми в Трансильвании. Там начались волнения в знак солидарности с событиями в Венгрии.

В конце марта 1957 года положение Надя и остальных венгерских политиков изменилось. Они были взяты под арест и переведены в одну из бухарестских тюрем. 17 апреля их вернули в Венгрию. Янош Кадар не сдержал своего слова. Первоначально он говорил лишь о политической ответственности Надя, потом пошла речь о суде.

Хрущев не желал смерти Надя. Он учитывал позицию Югославии. На заседании президиума ЦК 5 февраля 1958 года заметил: «Проявить твердость и великодушие». Но Янош Кадар хотел избавиться от Надя. Если бывший глава правительства останется жив и когда-нибудь выйдет на свободу, в каком положении окажется Кадар? Суд несколько раз откладывался по просьбе Москвы и был устроен в момент нового обострения отношений с Югославией. 15 июня 1958 года на закрытом

процессе Имре Надь, его министр обороны Пал Малетер, известный публицист Миклош Гимеш были приговорены к смертной казни. На следующий день приговор привели в исполнение.

К тому времени Николай Фирюбин уже вернулся в Москву… Венгерские события серьезно напугали советское руководство. Они в определенном смысле погасили волну либерализации, которая пошла после XX съезда..

XX съезд партии оказался историческим, сыграл особую роль в жизни нашей страны. Для Екатерины Алексеевны Фурцевой съезд оказался вдвойне важным — она была вознесена на вершину политической власти.

Никита Хрущев серьезно относился к подбору членов нового ЦК. Он сам контролировал процесс выдвижения делегатов на съезд. Позаботился о том, что в состав партийного руководства вошли секретари, которых он считал своими союзниками. Среди самых доверенных была Екатерина Алексеевна.

Тринадцатого февраля 1956 года на заседании президиума ЦК обсуждались организационные вопросы грядущего XX съезда. Молотов предложил, чтобы состав секретариата съезда огласила Фурцева. Это было не более чем ритуалом, но означало, что саму Екатерину Алексеевну ждет повышение. Хрущев решил поломать сталинскую практику и ввести женщину в высшее руководство страны.

На съезде Фурцева отчитывалась за работу московской городской партийной организации. Порадовала делегатов сообщением о том что «промышленность Москвы, досрочно выполняя задания государственных планов, выпустила за годы пятой пятилетки продукции сверх плана более чем на восемнадцать миллиардов рублей».

— Нам следует настойчиво учиться у Центрального комитета принципиальности, оперативности и четкости в решении самых сложных вопросов государственной и партийной жизни, — говорила Фурцева с трибуны съезда. — Во многих учреждениях Москвы перестройка работы в соответствии с требованиями Центрального комитета по существу еще не завершена. Сокращение аппарата, излишней переписки, числа совещаний и заседаний имеет огромное значение, но это только начало дела. Главное состоит в том, чтобы повысить организаторскую роль аппарата, ответственность каждого работника за порученное дело.

Двадцать четвертого февраля на заседании XX съезда Михаил Андреевич Суслов внес предложение изменить количественный

состав Центрального комитета и Центральной ревизионной комиссии, «чтобы увеличить представительство союзных республик, а также целого ряда новых областей, созданных у нас в Российской Федерации в последнее время». Суслов же и зачитал список кандидатур — 122 будущих члена ЦК и 63 будущих члена ЦРК.

— Вот список названных товарищей, — взял слово Хрущев. — Будут ли отводы?

— Нет! — закричал зал и зааплодировал.

— Отводов никто никому не дает, — сказал Хрущев. — Будут ли дополнительно названы кандидатуры для голосования?

— Нет!

В половине десятого вечера началось тайное голосование. Счетная комиссия отметила, что из 1341 бюллетеня только в одиннадцати кого-то вычеркнули. По одному голосу «против» получили Хрущев, секретарь ЦК Аверкий Борисович Аристов, Фурцева, первый секретарь Челябинского обкома Николай Васильевич Лаптев, маршалы Иван Степанович Конев и Родион Яковлевич Малиновский. Министр обороны Жуков получил два голоса «против», а Маленков — три.

На первом, организационном, пленуме Центрального комитета после XX съезда партии, 27 февраля 1956 года, Хрущев вознес Фурцеву на олимп — сделал ее секретарем ЦК и включил в состав кандидатов в члены президиума. При этом еще почти два года, до 25 декабря 1957 года, она оставалась секретарем столичного горкома партии.

Появление женщины в составе высшего руководства страны было событием. Но избрание Екатерины Алексеевны понравилось отнюдь не всем. Через три месяца в аппарате ЦК составили перечень «наиболее существенных вопросов», которые задавались на партийных собраниях в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высшей партийной школы и Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В длинном перечне оказался только один вопрос, касавшийся действующего руководителя партии. Речь шла о Фурцевой:

«Много говорят о выдвижении женщин. А на деле это еще мало делается. Что у нас нет, что ли, в партии, в народе женщин, кроме т. Фурцевой, чтобы, положим, выдвигать тов. Фурцеву, еще мало известную в партии, сразу на два таких огромных поста как первый секретарь Московского горкома и секретарь ЦК? Не достаточно ли и одного? Не поискать ли и других, женщин у нас в партии очень много. Не дурно бы обсудить этот вопрос в ЦК, по крайней мере, это мнение довести до сведения ЦК».

Из редакции «Правды» на Старую площадь переслали сводку

поступивших в газету читательских писем. Среди неодобрительных откликов опять-таки фигурировала одна только Фурцева:

«Народ в нашей „самой демократической стране“ получает мизерную зарплату, на которую нельзя прожить с семьей. Почему Фурцева получает 13 тысяч в месяц, а человек, работающий и несущий ответственность за вверенное ему учреждение, 880–700 рублей, а несчастная уборщица 260 рублей?»

Такое же письмо относительно зарплаты высших руководителей переслали в ЦК из редакции центрального партийного журнала «Коммунист»:

«Ленин говорил, что любой руководитель должен получать не больше высококвалифицированного рабочего. Летом я был в Прибалтике на курорте, там была секретарь Московского комитета КПСС Фурцева, и ей задали вопрос, сколько ты получаешь? И она заявила: 25 тысяч рублей. Для чего ей это, когда у нее все бесплатно — и дача, и машина, и т. д.».

Все это были слухи. Никому Фурцева не называла размер своей зарплаты, и цифры реального оклада секретарей ЦК были иными. Но характерны сами разговоры. Людей раздражали привилегии правящей элиты, но свое недовольство выражали в адрес единственной женщины. Это было отражением свойственного эпохе мужского шовинизма: казалось, что вот она точно не достойна все это иметь…

Двадцать пятого февраля 1956 года, в последний день, когда XX съезд фактически закончил работу и уже был избран новый состав ЦК, на закрытом заседании Хрущев произнес свою знаменитую речь о сталинских преступлениях.

Хрущев вышел на трибуну с докладом, который дорабатывал до последней минуты. Сохранилась правка, сделанная Сусловым. Во время выступления Никита Сергеевич отвлекался от написанного текста, импровизировал. Его речь не стенографировалась. Поэтому после съезда еще неделю шла работа над уже произнесенным докладом, он приглаживался, причесывался, «обогащался» цитатами из Маркса и Ленина.

Почему секретный доклад был прочитан после формального завершения работы съезда? Считалось, что Хрущев решился выступить только в последний момент, никого не поставив в известность. Это не так. Доклад долго готовился, обсуждался на президиуме ЦК. Ворошилов удрученно заметил, что после такого доклада никого из них не выберут в ЦК, делегаты проголосуют против. Поэтому о сталинских репрессиях и рассказали уже после выборов руководящих органов партии.

Первоначальный проект доклада представили секретари ЦК

Петр Поспелов и Аверкий Аристов. В этом сравнительно коротком тексте уже содержался весь перечень сталинских преступлений, от которых мороз шел по коже.

Помимо очевидного желания Хрущева сбросить груз прошлого и освободить невинных людей, его речь играла и сугубо прагматическую роль — подрывала позиции Маленкова, Молотова, Кагановича, чьи подписи на расстрельных документах сохранились.

Первые шаги в преодолении сталинского наследства сделал, как ни странно, Лаврентий Павлович Берия. Заняв пост министра внутренних дел, он принялся прекращать заведомо фальсифицированные дела и освобождать арестованных. В его аппарате подготовили объемистый документ в несколько десятков страниц. В нем цитировались показания следователей МГБ о том, как они сажали невиновных и получали нужные показания, воспроизводились резолюции Сталина, который требовал нещадно бить арестованных. С этим документом знакомили только членов ЦК, которых приглашали на Старую площадь. Прочитанное производило впечатление разорвавшейся бомбы.

Берия подготовил амнистию 1953 года, которая воспринимается исключительно негативно. В действительности она открыла дорогу на свободу людям, сидевшим за преступления, за которые позже уже не сажали. Берия написал в президиум ЦК, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях сидят два с половиной миллиона человек. Большое число заключенных не представляют серьезной опасности для общества: это женщины, подростки, престарелые и больные люди. Такое количество заключенных объяснялось жестокостью советской юстиции. В предвоенные времена стали сажать за самовольный уход с работы, за должностные и хозяйственные преступления, мелкую спекуляцию, кражи.

В результате на свободу вышли 1 миллион 200 тысяч заключенных и были прекращены следственные дела на 400 тысяч человек. Амнистию в тот момент называли ворошиловской, потому что под указом стояла подпись председателя президиума Верховного Совета Климента Ефремовича Ворошилова…

Другое дело, что Берия вовсе не преследовал цель восстановить справедливость. Разница между Хрущевым и Берией состоит в том, что Никита Сергеевич действительно хотел сделать жизнь людей лучше. Единоличная власть была для него инструментом для достижения этой цели. И он выпустил людей из лагерей не ради славы, а потому что считал, что их посадили незаконно.

Когда Берия стал осуждать репрессии, он тем самым снимал с себя ответственность и намерен был призвать к ответственности других. Это больше всего напугало партийный аппарат. Пересматривались только те дела последнего времени, к которым Берия не имел отношения. О других несправедливо арестованных, о тех, кого посадил он сам, Лаврентий Павлович не вспоминал. Им руководило не желание выпустить невинных, а стремление переложить вину за репрессии на своих соперников и конкурентов и конечно же снискать в стране лавры освободителя.

Смело можно утверждать, что реформы Лаврентия Павловича были бы недолговечными. Когда бы он решил, что крепко держит в руках власть, страна бы вновь вернулась к ГУЛАГу и репрессиям, то есть к сталинскому режиму.

Берия хранил у себя досье на всех руководящих работников. Эти документы после его ареста Иван Серов, человек Хрущева, перенес в ЦК, чтобы никто из чекистов в них не заглянул. Никита Сергеевич пишет, что он эти досье не читал. Вероятно. Но их читал Серов. После чего члены президиума ЦК договорились все уничтожить. Это было одиннадцать больших бумажных мешков.

Что в них было? Можно только предполагать.

После поездок членов политбюро по стране в госбезопасность поступали доносы. Они были оформлены в виде рапортов о ходе поездок, но содержали такие детали, которые легко могли стать поводом для освобождения кое-кого из них от работы. Партийные руководители тоже люди: вдали от дома и бдительного ока коллег они, расслабившись, что-то себе позволяли, а сотрудники охраны заботливо все фиксировали и сообщали начальству на Лубянку. Этим занималась большая команда.

Необходимость перемен и расчета со сталинским прошлым понимали и другие члены партийного руководства, только они медлили, трусили, боялись. Георгий Маленков, новый глава советского правительства, уже в апреле 1953 года предложил собрать пленум ЦК, чтобы осудить культ личности Сталина.

Сохранился проект его выступления:

«Товарищи! По поручению президиума ЦК КПСС считаю необходимым остановиться на одном важном принципиальном вопросе, имеющем большое значение для дела дальнейшего укрепления и сплочения руководства нашей партии и советского государства. Я имею в виду вопрос о неверном, немарксистском понимании роли личности в истории, которое, надо прямо сказать, получило весьма широкое распространение у нас, и в результате которого проводится вредная пропаганда культа личности. Нечего доказывать, что такой культ не имеет ничего общего с марксизмом и сам по себе является не чем иным, как

эсеровщиной.

Сила нашей партии и залог правильного руководства, важнейшее условие дальнейшего движения вперед, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашего государства состоит в коллективности и монолитности руководства… Руководствуясь этими принципиальными соображениями, президиум ЦК КПСС выносит на рассмотрение пленума ЦК КПСС следующий проект решения:

„Центральный комитет КПСС считает, что в нашей печатной и устной пропаганде имеют место ненормальности, выражающиеся в том, что наши пропагандисты сбиваются на немарксистское понимание роли личности в истории, на пропаганду культа личности.

В связи с этим Центральный комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими, по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии пропаганды культа личности и умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства партии и правительства“».

Пленум не собрался. Маленков не решился первым назвать имя Сталина. Но разговор о наследстве вождя становился неизбежным.

В 1954 году Хрущев делился с товарищами по партии:

— В последние годы товарищ Сталин страдал тяжелым заболеванием — гипертонией. Повышенное давление вызывает у людей сильную раздражительность, мнительность… Болезнь и годы не могли не сказаться на его способностях. В последние годы и ум у него уже стал не тот: как ленинградское солнце — блеснет, а потом опять в тумане. Это зависело от состояния его здоровья. Он иногда впадал в крайности: мог и похвалить, мог и арестовать человека.

Пятого ноября 1955 года на президиуме ЦК зашла речь о том, как отмечать день рождения Сталина, и вспыхнул спор. Руководство страны разделилось на две группы. Одна считала, что настало время рассказать правду о преступлениях. Другая всячески этому противилась.

После ареста Берии освобождение заключенных продолжалось. Это было неизбежным, считает профессор Владимир Наумов, который многие годы работал в комиссии, занимавшейся реабилитацией невинно осужденных. И не только по соображениям гуманности и справедливости:

— В начале 1950-х годов советское общество находилось накануне социального взрыва. Терпение миллионов людей было

на пределе. Смерть обожествляемого вождя ослабила страх перед государством и породила надежды на улучшение жизни. Волнения в лагерях начались еще при жизни Сталина. В марте 1946 года вспыхнули бунты заключенных на Колыме, в Коми и Казахстане. А с марта 1953-го их число резко увеличилось. Восстания подавлялись с применением тяжелой военной техники, танков, артиллерии. Заключенных было так много, что если бы они поднялись, то смели бы охрану лагеря и устроили бог знает что. А рядом с лагерями жили вчерашние зэки, недавно освобожденные, — либо им не разрешили вернуться домой, либо они встретили женщину, женились. Возникала критическая масса, опасная для власти. Фактически все крупные индустриальные города были окружены лагерями заключенных и бывшими заключенными, без которых промышленность не могла обойтись.

— Вы не переоцениваете сейчас такую перспективу? — спросил я профессора Наумова. — Десятки лет держали страну в стальном корсете, и вдруг вы говорите, что они все могли восстать…

— Можно держать страну в страхе десять лет, двадцать, но не всегда. Сталин воспринимался как высшее существо, которое все предвидит, все знает. А когда на этом месте оказались другие лица, магия верховной власти развеялась. На новых руководителей смотрели без пиетета и думали: «Ха, так и я смогу». Исчез страх, сковывавший страну.

Бериевская амнистия была попыткой разрядить обстановку, снять напряжение. Освободили шантрапу, мелких уголовников, которые не знали, куда им деться, поэтому и прокатилась по стране волна грабежей и краж. А те, кто давно ждал свободы, остались в заключении, поэтому и начались восстания, в которых участвовали бывшие военнопленные, то есть люди, умеющие держать в руках оружие. Когда они увидели, что их обошли, это еще больше прибавило желания освободиться любой ценой…

Накануне открытия XX съезда, 13 февраля 1956 года, на пленуме ЦК еще старого созыва, когда обсуждался регламент съезда, Хрущев сообщил:

— Есть еще один вопрос, о котором нужно сказать. Президиум Центрального комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина считает необходимым поставить на закрытом заседании съезда, когда гостей никого не будет, доклад о культе личности. Почему, товарищи, мы решили поставить этот вопрос? Сейчас все видят, чувствуют и понимают, что мы не так ставим вопрос о культе личности, как он ставился в свое время, и мы хотим получить объяснение, чем это вызвано. Нужно, чтобы

делегаты съезда все-таки больше узнали, чем сейчас сообщает печать. Иначе делегаты съезда будут чувствовать себя не совсем хозяевами в партии.

Так что секретный доклад вовсе не был спонтанным.

Пятого марта президиум ЦК принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н. С. „О культе личности и его последствиях“»:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом Хрущева Н. С. „О культе личности и его последствиях“ на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом „Не для печати“, сняв с брошюры гриф „Строго секретно“».

Рекомендации относительно того, как теперь быть со Сталиным, партийный аппарат выработать не успел. Для большинства высших чиновников речь Хрущева оказалась неожиданной. 28 марта 1956 года «Правда» поместила передовую статью под названием «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?». Впервые в открытой печати критиковался Сталин. И только 2 июля 1956 года в газетах появилось постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий».

Когда Хрущев готовился к XX съезду, ему на стол безостановочно клали документы о сталинских репрессиях. Там значились имена людей, сохранявших высокие посты. Никита Сергеевич как политик делал циничный выбор: тех, кто еще был нужен, оставлял, с остальными расставался. Эта двойственность сказывалась во всем. Люди, которых следовало посадить на скамью подсудимых, остались на руководящих постах. Могли они искренне бороться за преодоление преступного прошлого?

«Большой ошибкой Хрущева, — считал Николай Егорычев, — было то, что после прихода к руководству партией и страной он сохранил старые сталинские кадры, не заменил их сразу же более молодыми работниками, свободными от груза сталинщины, воспринимавшими мир по-новому».

Первого марта 1956 года Екатерина Алексеевна Фурцева впервые присутствовала на заседании президиума ЦК. Обсуждался вопрос о ликвидации союзных министерств и ведомств. Хрущев передавал полномочия на места и настаивал на том, чтобы освободившихся специалистов тоже отправляли из Москвы туда, где они больше нужны. Дал указание Фурцевой, чтобы она проследила: покидающие столицу должны сдать

квартиры, чтобы не было соблазна вскоре вернуться в Москву…

Одно из первых поручений новому секретарю ЦК Фурцевой — разобраться в истории с самоубийством знаменитого писателя Александра Александровича Фадеева.

Фадеев всегда плохо спал, пригоршнями глотал снотворное, вставал поздно и с трудом. В ту ночь никак не мог уснуть, утром отказался от завтрака, сказал: пусть его позовут к обеду, а покуда он будет дремать. Наступило время обеда. Маленький сын Миша пошел звать отца и скатился вниз с ужасным криком:

— Папа застрелился!

Выстрела никто не слышал.

Это произошло 13 мая 1956 года.

Жена Фадеева — известная актриса МХАТа Ангелина Осиповна Степанова — находилась на гастролях в Югославии. На дачу в Переделкино примчались поэты Алексей Александрович Сурков и Евгений Аронович Долматовский.

«Фадеев, — вспоминал Долматовский, — лежал на широкой кровати, откинув руку, из которой только что — так казалось — выпал наган, вороненый и старый, наверное, сохранившийся от Гражданской войны. Белизна обнаженных плеч, бледность лица и седина — все как бы превращалось в мрамор».

Александр Фадеев был не только известнейшим писателем, — но и крупной политической фигурой. Разбираться в обстоятельствах его смерти прибыли начальник следственного управления КГБ генерал Михаил Петрович Маляров, его заместитель полковник Козырев и начальник первого отдела Четвертого управления КГБ Филипп Денисович Бобков, который всю жизнь занимался слежкой за интеллигенцией и со временем стал генералом армии и первым заместителем председателя Комитета госбезопасности.

Бобков заметил, что одежда Фадеева аккуратно разложена на стуле. По всему было видно, что он заранее все обдумал и приготовился к смерти. Фадеев оставил письмо. Его держали в тайне тридцать лет. Теперь оно рассекречено. Александр Александрович, подводя нерадостные итоги, горько жаловался на власть, искалечившую его жизнь. Он возмущался не только сталинскими временами, но и тем, что делалось уже при Хрущеве:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено.

Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли

благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув сорока-пятидесяти лет. Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых „высоких“ трибун — таких, как Московская конференция или XX партийный съезд, раздался новый лозунг: „Ату ее!“

Тот путь, которым собираются „исправить“ положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же „дубинки“.

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это — „партийностью“. И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность — при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных…

Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения, даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды. Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять».

Самоубийство недавнего руководителя Союза писателей, широко известного в стране и за рубежом, было неприятнейшей новостью для членов президиума ЦК, а его письмо признали возмутительным. Меньше всего Хрущеву и Фурцевой хотелось признавать самоубийство Фадеева актом протеста против политики партии в области литературы и искусства. Выстрел в себя мог быть только актом слабости больного, спившегося человека. Следствие должно было подтвердить эту версию.

Четырнадцатого мая 1956 года на заседании президиума ЦК Хрущев сурово осудил поступок Фадеева, «недостойный коммуниста», и распорядился:

— Пусть врачи напишут, сколько он лечился от алкоголя. Вообще все надо сказать и опубликовать.

Отредактировать некролог он поручил Суслову и Шепилову.

Пятнадцатого мая Александр Трифонович Твардовский записал в дневнике: «Смерть Фадеева. Узнал вчера утром. Самое страшное, что она не удивила. Это было очень похоже. Сегодня газеты хамски уточняют причины самоубийства».

В день смерти Фадеева Алексей Сурков и Евгений Долматовский из Переделкина поехали в Москву, в Союз писателей, чтобы написать некролог для завтрашних газет. Сурков в то время был фактическим руководителем Союза писателей, проводить в последний путь Фадеева входило в его обязанности.

«Всю дорогу, — вспоминал Долматовский, — мы с Алексеем Александровичем подбирали самые глубинные душевные мысли для последнего слова. Но, приехав на улицу Воровского, узнали, что опоздали. Некролог — жесткий и краткий — кем-то уже был написан и передан в печать…»

Текст, короткий и злой, составили в ЦК.

Хрущев и Фурцева настолько разозлились на ушедшего из жизни Фадеева, что о его алкоголизме открыто написали в официальном некрологе — это было невиданным позором.

В некрологе, опубликованном «Правдой», говорилось:

«В последние годы А. А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности. Принимаемые в течение нескольких лет различные врачебные меры не дали положительных результатов. В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством».

Люди читали и не верили своим глазам. Кандидату в члены ЦК не полагалось быть самоубийцей и алкоголиком. О том, что Фадеев пьет, писательская Москва знала. Но некролог произвел странное впечатление. Привычка не верить официальным версиям возобладала. Называли другие возможные причины самоубийства — потеря должности, опала, равнодушие со стороны начальства. Кроме того, врачи, чтобы заставить его не пить, говорили, что его печень в ужасном состоянии. Кстати, вскрытие это не подтвердило. Но Фадеев со слов врачей мог считать, что жить ему осталось недолго. Кроме того, после XX съезда из мест не столь отдаленных стали возвращаться писатели,

которые публично говорили, что это Фадеев их посадил, и называли его негодяем. Разве мог он все это выдержать?

Два человека определили жизнь Фадеева. Как и в жизни Екатерины Фурцевой, огромную роль сыграла его мать, Антонина Владимировна Кунц, обрусевшая немка. Она походила на Матрену Николаевну Фурцеву — властная женщина с суровым характером, которая воспитала его в революционном духе. Вторым человеком, на которого Фадеев равнялся, которому подражал, с которого брал пример, был Сталин. В отличие от Фурцевой, Александр Фадеев вождя хорошо знал. Сталин в определенном смысле отвечал ему взаимностью, даже по-своему любил Александра Александровича и многое ему прощал.

Вдова Фадеева, актриса МХАТа Ангелина Степанова, рассказывала, как Сталин позвонил Фадееву, который недели две отсутствовал на работе.

— Где вы пропадали, товарищ Фадеев?

— Был в запое, — честно ответил Фадеев.

— А сколько у вас длится такой запой?

— Дней десять-двенадцать, товарищ Сталин.

— А не можете ли вы, как коммунист, проводить это мероприятие дня в три-четыре? — поинтересовался вождь.

Это, конечно, байка, но какие-то особые отношения между ними существовали. Вождь подарил Александру Александровичу должность генерального секретаря, сделал его «писательским Сталиным». Фадееву сходило с рук то, что другим стоило бы жизни. Дарованное Сталиным положение сделало Фадеева одним из самых заметных людей в стране. Он был окружен почетом, ему разрешалось ездить за границу.

Но за все следовало платить, и Фадеев подписывал бумаги, которые обрекали на смерть подведомственных ему писателей. Иногда проявлял инициативу и сам натравливал ЦК и госбезопасность на писателей, которых уничтожали.

Сталин учил своего любимца:

— Имейте в виду, Фадеев, люди обкатываются, как камешки морской водой. Но вы не умеете обкатывать людей — вот ваша беда. Политик не имеет права быть чересчур впечатлительным. Мало ли какие бывают у людей острые углы, жизнь их обтачивает в интересах общего дела…

Александр Александрович старался. Писатели старшего поколения навсегда запомнили тот день, когда Фадеев на пленуме правления Союза советских писателей со свойственным ему пылом произносил обличительный доклад о «космополитах».

Твардовский подметил в его ораторской манере «натужный пафос и напряженную рыдательную задушевность»… В разгар его

выступления в дубовом зале Центрального дома литераторов погас свет. Внесли свечи, и Фадеев продолжил свою мрачную речь при свечах. Люди, которых он называл врагами советской литературы, были ему хорошо известны. Еще недавно он их поддерживал как талантливых искусствоведов и знатоков театра. С некоторыми дружил. И теперь он всех предал. Такова была цена, которую он платил за свое высокое кресло.

Говорят, впоследствии Фадеев каялся, что принял участие в этом позорном деле. Выпив, он говорил, что его вызвали в ЦК и заставили произнести этот доклад:

— Что я мог ответить Иосифу Виссарионовичу? Что я мог? Но он не только исполнял указания сверху, но и проявлял инициативу. Выполняя свой партийный долг, изничтожал то, что считал политически вредным, хотя при этом прекрасно понимал, кто талантлив, а кто бездарен. И бдительно выискивал повсюду идеологическую крамолу.

Это были особые времена. Необходимость и готовность совершать паскудные поступки калечили и приличных людей. Наблюдательный Корней Чуковский обратил внимание на то, что даже обычные человеческие эмоции и то стали опасны. Люди старались не реагировать, не показывать своего отношения! Вместо лиц — маски.

Писавший детские стихи Корней Чуковский и представить себе не мог, в каком мире существовал Фадеев. Пристрастие к алкоголю Александр Александрович объяснял так:

— Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно и нужно выпить, спросите об этом летчиков-испытателей.

Фадеев достиг таких высот, где страшно было находиться.

Смерть Сталина стала для него тяжелым ударом. Во всяком случае, при Сталине он был нужен власти, после смерти вождя новые руководители пожелали увидеть во главе писательской организации кого-то другого. Фадеев олицетворял ушедшую эпоху, он сам был Сталиным в Союзе писателей. Он был просто влюблен в Сталина, восхищался им. Возможно, в определенном смысле вождь заменил ему отца, о котором Фадеев никогда не вспоминал, обиженный его уходом из семьи. Он так и не понял, как к нему относился Сталин. Тот выделял литературного начальника, благоволил к нему, но подлинное отношение вождя так и осталось для Фадеева загадкой.

Фадеев рассказывал Долматовскому:

— Я как-то в присутствии «самого» расчихался ужасно. Сталин даже всерьез спросил: не надо ли врача?

Однажды писательского генсека вызвали «наверх», когда он мыл голову.

«Седина Фадеева, — писал Долматовский, — имела одну особенность — она быстро приобретала неровный желтый оттенок. Почему-то Фадеев очень стеснялся этого. Борьба с желтизной его седины велась при помощи обыкновенной хозяйственной синьки».

Он не успел домыть голову и предстал перед Сталиным с волосами синего цвета. Вождь ничего не сказал, но все время посматривал на Фадеева с ухмылкой. Хрущева поражало то, что Фадеев приходил пьяный на заседания Комитета по сталинским премиям. Сталин говорил членам политбюро:

— Еле держится на ногах, совершенно пьян. Но все это сходило Фадееву с рук.

Если бы он продолжал упорно трудиться над словом, он явно стал бы хорошим прозаиком. Но Александр Александрович выбрал себе другую жизнь: вместо ежедневной работы за письменным столом — заседания, совещания, руководящая деятельность в Союзе писателей. Сыграли свою роль его бурный политический темперамент, окружение, да и исторические обстоятельства…

Он пытался попасть на прием к секретарю ЦК Хрущеву и председателю Совета министров Маленкову. Его не принимали. Прежде такое было невозможно. Перед Фадеевым раскрывались двери любых кабинетов. Он переживал, нервничал, злился.

Фадеев предложил освободить ведущих писателей от всех должностей, чтобы они могли писать. Но писательские генералы прекрасно понимали, что только должности в Союзе писателей, в журналах и издательствах дают им положение и материальные блага. Издавали не по таланту, а по положению. В первую очередь выходили книги тех авторов, кто был при должности. И чем выше должность — тем больше книг, переизданий, сборников и собраний сочинений. Поездки за границу, возможность пользоваться кремлевской медициной и получать кремлевские пайки тоже были привилегией писательского начальства. Поэтому никто не желал расставаться с креслом. А вот самого Фадеева решили убрать, чтобы занять его место.

Руководители Союза писателей Алексей Сурков, Константин Симонов и Николай Тихонов 29 мая 1953 года отправили Хрущеву послание, в котором резко возражали против фадеевских идей, его «неверной панической оценки состояния литературы и неполадок в руководстве ею»:

«А. А. Фадеев фактически отошел от повседневного руководства Союзом писателей, что создавало ненормальную обстановку… Мы считаем, что в интересах самого А. А. Фадеева и для того, чтобы наконец наладилась нормальная работа Союза

писателей, следует удовлетворить желание тов. Фадеева — работать только над своим романом и освободить его от обязанностей генерального секретаря Союза писателей».

Фадеев не ожидал этого от товарищей-писателей. Он хотел, чтобы ему продлили отпуск, оставили при должности, но не заставляли приходить на работу. Но товарищи быстро уловили, что после смерти Сталина отношение к Фадееву изменилось, и спешили, устранив его, поделить власть. Фадеев продолжал отправлять Хрущеву и другим руководителям партии и правительства обширные записки со своими предложениями о реорганизации системы управления литературой и искусством. По инерции его записки докладывались Никите Сергеевичу, но вызывали, скорее, неудовольствие и раздражение.

В 1955 году должность генерального секретаря в Союзе писателей ликвидировали (поскольку в партии отменили пост генсека). Фадеев перестал был писательским министром. На XX съезде партии Шолохов, давно ожидавший этого момента, свел счеты с Александром Александровичем:

— Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших творческих лет его жизни, а в результате мы не имеем ни генсека, ни писателя. Некогда ему было заниматься такими «пустяками», как писание книг… Если к таким литературным руководителям, как Фадеев или Сурков, никто из их товарищей по профессии за решением творческих вопросов не ходил, не ходит и ходить не собирается, то, спрашивается, зачем же нам такие руководители нужны?

Твардовский записал в дневнике 7 июля 1955 года: «Фадеев то и дело задремывает на заседании. В машине — „А вот на XX съезде нас с тобой уже не изберут, и будет нам полегче (пить?)“. Это он в первый раз так о себе, о такой возможности».

На XX съезде партии Фадеева избрали уже не членом ЦК, а всего лишь кандидатом.

Корней Чуковский писал: «Он был не создан для неудачничества, он так привык к роли вождя, решителя писательских судеб — что положение отставного литературного маршала для него было лютым мучением».

Но ведь после смерти Сталина в опале оказался не только Фадеев, но и, скажем, Константин Симонов, который был его заместителем в Союзе писателей и главным редактором «Литературной газеты». Но Симонов пережил потерю должности, опалу, стал много писать, обрел новую славу, не менее громкую.

А Фадеев ничего не написал и застрелился. Спился? Говорят, что алкоголизм — самый медленный путь самоубийства. Фадеев вспоминал, что впервые приложился к самогону, когда был в партизанском отряде на Дальнем Востоке. Не хотел отставать от взрослых и крепких мужиков.

Засесть за новую работу Фадеев не мог и не хотел. Строил планы. Но ничего так и не сделал. Отвык от писательского труда. И не мог себя пересилить. Он больше никому не был нужен. Сознавая это, Фадеев впал в депрессию. С годами он стал искать спасения от всех проблем в водке и в общении с женщинами. В последнее время — только в водке.

У Фадеева было гипнотическое обаяние. В него влюблялось большое количество женщин, что не удивительно — красивый, высокий, статный мужчина с седой головой. Его первой женой была писательница Валерия Герасимова. Они прожили семь лет, но, что называется, не сошлись характерами. В браке с актрисой МХАТа Ангелиной Степановой ему не хватало душевной теплоты. Мешал ее слишком сильный характер.

Весной 1942 года у него начался роман с поэтессой Маргаритой Алигер. Оба чувствовали себя одинокими и сошлись. Роман этот был скоротечным. Алигер родила от Фадеева дочь — Марию. Совсем молодой Мария покончила с собой.

Валерия Герасимова справедливо писала, что внешние обстоятельства не должны были привести его к самоубийству. Несмотря на опалу, у него оставались «литературная известность, дача, квартира, жена, любовница, охота, рыбалка…».

К роковому выстрелу привели другие причины.

Фадеев был человеком одиноким, закрытым для других. В последние месяцы перед смертью он не пил. У него развилась тяжелая депрессия. Первые проявления душевной болезни обнаружились у него довольно рано. Ему и тридцати не было, когда у него случилась, как он сам выразился, «неврастения в очень острой форме». В1945 году Фадеев уже подумывал о самоубийстве. Зашли к нему в комнату, а он пишет прощальную записку, и на столе лежит наган.

Самоубийство его дочери, похоже, лишь подтверждает генетический характер фадеевского недуга. Он был душевно больным человеком, нуждался в психиатрическом лечении. Но медицина того времени не могла оказать ему такой помощи. Лекарства, способные влиять на биохимические процессы в головном мозге, уже появились на Западе, но еще не дошли даже до лечебно-санитарного управления Кремля. В момент острой депрессии Фадеев лег на диван, обложился подушками и выстрелил прямо в сердце из револьвера системы «наган»…

Оглядываясь назад, можно сказать, что было что-то символическое: первое поручение Фурцевой — разобраться с самоубийством Фадеева. Может быть, она впервые столкнулась с этой ситуацией: волевой, твердый по характеру человек с большим политическим опытом не в силах справиться с навалившимися на него проблемами и решает уйти из жизни. Через пять лет Екатерина Алексеевна сама окажется в такой ситуации.

Корней Чуковский записал в дневнике: «13 мая. Воскресенье. Застрелился Фадеев. Мне очень жаль милого А. А. — в нем — под всеми наслоениями чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие. Он — по существу добрый, человечный, любящий литературу „до слез умиления“, должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путем — и пытался совместить человечность с гепеушничеством. Отсюда зигзаги его поведения, отсюда его замученная совесть в последние годы… Он совестливый, талантливый, чуткий — барахтался в жидкой зловонной грязи, заливая свою совесть вином».

Генетическая предрасположенность к той или иной болезни вовсе не означает ее неизбежности. В иных исторических обстоятельствах Фадеев мог бы прожить долгую и счастливую жизнь. Но все, чему он служил, оказалось фальшью. Когда Фадеев застрелился, Юрий Либединский с горечью заметил:

— Бедный Саша! Он всю жизнь простоял на часах, а выяснилось, что стоял на часах перед сортиром.

Тринадцатого апреля 1956 года Фурцеву включили в комиссию президиума ЦК, которая должна была разобраться в истории позорных политических процессов и установить, виновны ли на самом деле маршал Михаил Николаевич Тухачевский, глава правительства Алексей Иванович Рыков, «любимец партии» Николай Иванович Бухарин.

Все эти месяцы через Фурцеву потоком шли документы о фальсифицированных процессах, пытках заключенных, несправедливых приговорах. Началась реабилитация невинно осужденных — причем не только отдельных людей, но и целых народов.

Девятнадцатого апреля обсуждали вопрос о крупных недостатках в работе Министерства внутренних дел. За три месяца до этого хорошо известный Хрущеву заведующий отделом

строительства ЦК партии (то есть не чекист) Николай Павлович Дудоров был назначен министром. На президиуме Фурцева предложила ликвидировать Бутырскую тюрьму. Это не сделано и по сей день… Фурцевой, Дудорову и Серову поручили «рассмотреть вопрос о паспортном режиме в Москве».

Десталинизация страны, даже самая робкая, рождала множество вопросов.

Посольство КНР в Москве обратилось в Министерство иностранных дел с просьбой разъяснить принятый в СССР порядок вывешивания портретов «вождей международного рабочего движения и руководителей КПСС и Советского правительства». Китайцев интересовало, какие портреты понесут по Красной площади демонстранты 1 мая.

Министр иностранных дел Молотов 2 апреля 1956 года переадресовал вопрос товарищам по президиуму ЦК. 13 апреля на президиуме решали, чьи портреты нести на первомайской демонстрации. 18 апреля информировали братские государства, что демонстранты понесут портреты Маркса, Ленина, членов президиума ЦК КПСС, а также руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

На вопрос, который не задавался впрямую, но подразумевался, ответили так: «Участникам демонстраций предоставлена возможность нести портреты Сталина и других деятелей по своему усмотрению». Местным парторганизациям поручили решать самим. В Москве — Фурцевой.

Отменялись многие сталинские постановления. Но что делать со Сталиным — не знали. Шел бесконечный спор: с одной стороны, он совершил тяжкие преступления, с другой — под его руководством строили социализм, одержали победу в войне… Назвать покойного вождя преступником язык не поворачивался. Как быть членам президиума ЦК, которые десятилетиями работали с ним рука об руку? Они тоже в таком случае должны нести ответственность за массовые убийства.

«Бурное время наступило в МГУ и в ряде других вузов после XX съезда, — вспоминал Наиль Биккенин. — Острота обсуждения вопросов, поднятых на съезде, в университете не спадала года два. В актовом зале на двухтысячных собраниях выступали Е. Фурцева, Д. Шепилов, А. Микоян.

Дмитрий Трофимович Шепилов был самым ярким оратором из всех, кого я слышал в те годы в актовом зале. Это была живая речь живого человека. Интеллектом, образованностью, культурой мышления Шепилов выделялся из своего окружения, что его и погубило. Он не нес невнятицу, не бубнил по бумажке текст, а действительно выступал перед аудиторией, аудиторией чуткой,

требовательной и трудной для любого оратора…»

После XX съезда в феврале 1956 года Дмитрий Шепилов выступал на партийном собрании Академии общественных наук. Он беспощадно критиковал Сталина. Но собранию не понравилось, что Дмитрий Трофимович обошел вопрос об ответственности других членов партийного руководства, сохранивших свои посты. Об этом откровенно заявили преподаватели академии. Особенно резко выступал будущий академик Бонифатий Михайлович Кедров, сын расстрелянного Сталиным активного участника Октябрьской революции. Кедров требовал привлечь к ответственности соратников Сталина, которые вместе с ним погубили столько невинных людей. Зал очень живо реагировал на эти выступления. Шепилову с трудом удалось погасить бушевавшие в академии страсти.

В другой аудитории возник вопрос о личной ответственности председателя КГБ Ивана Серова, бывшего заместителя Берии, за то, что творили органы госбезопасности. Академик Борис Евсеевич Черток вспоминает, как в закрытом НИИ-88, где создавались ракеты, состоялся партийно-хозяйственный актив. Доклад по поручению ЦК делал генерал Серов. Его выступление — о сталинских преступлениях — подействовало на аудиторию угнетающе. Когда он закончил, в зале раздался срывающийся женский голос:

— Иван Александрович! Объясните, вы-то где были? Вы кем были, что делали? Наверное, громче всех кричали: «Слава Сталину!» Какое право вы имеете говорить о злодействе Берии, если были его заместителем?

Это говорила пожилая работница листоштамповочного цеха. Серов долго молчал. Потом встал и сказал:

— Я во многом виноват. Но виноваты и все, все здесь сидящие. Вы разве не славили Сталина на всех своих собраниях? А сколько раз каждый из вас вставал и до устали аплодировал, когда упоминали имя Сталина на ваших конференциях и собраниях? Всем нам трудно, не будем предъявлять счета друг другу.

Фурцевой открылась страшная практика работы чекистов при Сталине. Формировалась бригада, которая выполняла свою часть работы. На это время они получали всё — материальные блага, звания, должности, ордена, почет, славу, право общения с вождем. Ценные вещи, конфискованные у арестованных, передавались в спецмагазины, где продавались сотрудникам Наркомата внутренних дел. Когда они свою задачу выполняли, команду уничтожали. Наступала очередь следующей бригады, ей доставались все блага.

Разбирая документы, которые приносили из архива, разговаривая с бывшими чекистами, которых приводили в ЦК, Фурцева видела, что где-то в этой страшной империи встречались иногда приличные люди — следователь, который не бил, вахтер в тюрьме, который не был злыднем от природы, надзиратель в лагере, который не лютовал. Встреча с ними была счастьем. В основном же хозяева Лубянки делились на две категории. Очевидные фанатики беззаветно верили Сталину, расстреливали его именем и умирали с его именем на устах. А карьеристы легко приспосабливались к любому повороту партийной линии: кого надо, того и расстреливали. Со временем первых почти не осталось.

Екатерина Алексеевна должна была найти ответ на вопрос: как оценивать этих людей? Считать всех хозяев Лубянки суперзлодеями? Исчадиями ада, опутавшими своими сетями всю страну? Заманчиво возложить вину на какого-нибудь одного человека, сказать с облегчением: «Все дело в нем!»

В какой-то степени могущественный министр или генерал был всего лишь одним из винтиков этой гигантской системы, которая существовала как бы сама по себе. Но он же и подкручивал, налаживал и заводил весь этот механизм, который мог работать только потому, что многие тысячи кадровых сотрудников госбезопасности и еще большее число добровольных помощников сознательно выбрали себе эту службу и гордились ею.

Они превратили страну в полицейское государство, на огромное число людей завели досье, и все структуры общества были пронизаны сотрудниками госбезопасности. Они развратили людей, добились того, что приличные, казалось бы, граждане, спасаясь от страха, или за деньги, квартиру, поездки за границу, а то и просто в надежде на благосклонность начальства доносили на родных, соседей и сослуживцев.

Страх перед арестом выявил все дурное, что есть в человеке. Стало казаться, что удельный вес негодяев выше обычного. Устоять было трудно потому, что перед человеком разверзлась пропасть. Страх и недоверие сделались в советском обществе главными движущими силами. Результатом явился паралич всякой инициативы и нежелание брать на себя ответственность.

Немалому числу людей служба в ГУЛАГе и на Лубянке не просто предоставляла средства к существованию, но и создавала привилегированный образ жизни. В системе НКВД служило около миллиона человек, вместе с семьями это несколько миллионов, для них в существовании ГУЛАГа не было ничего ужасного. А если еще учесть партийный и государственный аппарат и их

семьи? Что же удивляться, если в обществе существуют прямо противоположные точки зрения на сталинские репрессии, ГУЛАГ и органы госбезопасности?

Критика Сталина была настолько осторожной, что многими в стране не воспринималась. Мало в чем осведомленные люди просто не верили в то, что им говорили. Смущала и сама атмосфера. Текст хрущевского доклада читали на закрытых собраниях. Публичные обсуждения запрещались, словно речь шла о чем-то сомнительном. Из всех обкомов в ЦК шли докладные записки о ходе обсуждения секретного доклада. Отдел партийных органов ЦК знакомил с ними руководителей партии. Фурцева внимательно читала записки и расписывалась на каждой.

Поляризация мнений была очевидна. Партийные чиновники повторяли формулы из хрущевского доклада. А публика буквально бушевала и требовала ответов на множество вопросов: говорите всю правду! Недовольство неполной критикой сталинизма выражали даже некоторые сотрудники КГБ на партийных собраниях в своих коллективах.

Академик Анна Михайловна Панкратова, член ЦК партии и главный редактор журнала «Вопросы истории», выступавшая с лекциями в Ленинграде, добросовестно записала и передала на Старую площадь все вопросы, которые ей задавали. Ленинградские историки, в частности, недоумевали: «Почему некоторые руководящие партийные работники проявляют такое пренебрежительное отношение к ценностям исторической науки? Так, секретарь ЦК и МГК тов. Фурцева в своем докладе об итогах XX съезда назвала в качестве примера никчемной работы тему „Крестно-купольные храмы XVI века“. Но это драгоценные памятники русского зодчества, их изучение составляет важную задачу русской и мировой науки. Как можно высмеивать такую тему?»

Прежде ученые не позволяли себе сомневаться в мудрости членов президиума ЦК…

В марте 1956 года в Грузии — в Тбилиси, Гори, Сухуми и Батуми — прошли массовые выступления по случаю годовщины смерти Сталина. В основном это была грузинская молодежь, которая не соглашалась с критикой великого соотечественника… Было решено силой подавить возмущение. Военные разогнали манифестации. Погибло двадцать человек. КГБ задержал почти 400 человек.

Кому-то рассказ о сталинских преступлениях казался настолько неправдоподобным, что люди, воспитанные советской пропагандой, просто не хотели ничего слышать. Виктор Федорович Стукалин был в 1956 году первым секретарем

Бауманского райкома комсомола столицы. По поручению горкома он собрал районный актив. Стали знакомить комсомольцев с докладом Хрущева о культе личности. Письмо ЦК читал второй секретарь райкома Юрий Александрович Бочаров.

«Буквально с первых же слов в зале начался ропот, — вспоминал Виктор Стукалин. — Некоторые комсомольцы выкрикивали:

— Прекратите заниматься клеветой на Сталина! Мы воспитаны партией, и для нас Сталин — это не просто руководитель. Мы знаем его заслуги перед страной и не хотим, чтобы вы порочили великого человека.

Закончилось тем, что решили прекратить чтение… Мы объявили собрание актива закрытым и поднялись к первому секретарю райкома партии Надежде Николаевне Андреевой. Я подробно проинформировал ее о случившемся. Она тут же позвонила в МГК партии Екатерине Алексеевне Фурцевой и все рассказала. Видимо, не только в нашей комсомольской организации была такая реакция. Это привело к тому, что бюро МГК приняло решение не читать это письмо на больших активах молодежи…»

Пятого апреля 1956 года президиум постановил провести очередной пленум ЦК 4 июня с повесткой «Решения XX съезда партии и задачи улучшения идеологической работы». Имелось в виду продолжение кампании десталинизации. Основной доклад поручили секретарю ЦК Дмитрию Трофимовичу Шепилову. Он вскоре представил проект выступления. Вслед за ним должны были предоставить слово министру обороны Георгию Константиновичу Жукову. Сохранился текст его непроизнесенного доклада «Состояние и задачи военно-идеологической работы», очень жесткий по отношению к Сталину и сталинским преступлениям.

Но из-за сессии Верховного Совета СССР и совещания руководителей социалистических стран пленум перенесли на 7 июня. Секретариат ЦК уже составил список приглашенных. Но 1 июня пленум перенесли уже на осень. 31 августа — новая отсрочка — до декабря 1956 года. Теперь уже основным докладчиком утвердили самого Хрущева. Однако пленум по идеологическим вопросам так и не собрали.

Секретный доклад на XX съезде породил такую бурю эмоций в стране и мире, что в Москве испугались продолжения разговора. Началась кампания по «ликвидации ущерба», нанесенного разоблачением сталинских преступлений.

Смысл хрущевского доклада сводился к тому, что вся вина за преступления ложится на Сталина и нескольких его подручных —

Берию и Абакумова. А члены политбюро ни о чем не подозревали. Главное было не допустить и мысли о том, что массовые репрессии стали порождением сталинской системы. Ведь в таком случае следовало бы ставить вопрос о демонтаже всей системы. Поэтому в Москве так не понравились слова лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти о том, что сталинизм — не опухоль, случайно возникшая на здоровом теле, а признак процесса, который привел к вырождению отдельных частей социалистического организма: «Ошибки Сталина вне всякого сомнения были связаны с чрезмерным увеличением роли чиновничьего аппарата в политической и экономической жизни Советского Союза, возможно, прежде всего в самой партии».

Партийный аппарат сопротивлялся дальнейшим антисталинским акциям, потому что у многих партийных секретарей руки были в крови. Западногерманский министр иностранных дел Генрих фон Брентано едко замечал: «Тот факт, что господин Хрущев на последнем партийном съезде осудил мертвого Сталина, многие сочли признаком изменения идеологии… А что, собственно, случилось? Люди, которые в течение десятилетий были ближайшими сотрудниками и сообщниками некоего господина Сталина, теперь, проявляя прямо-таки отвратительную лживость и лицемерие, отмежевываются от того, что они делали при нем и вместе с ним».

Отдел партийных органов ЦК прислал Фурцевой итоговую справку «о работе партийных организаций по разъяснению материалов XX съезда КПСС». Составители справки били тревогу по поводу «непартийных и демагогических выступлений отдельных коммунистов, которым руководящие работники не дают политической оценки и должного отпора». Имелись в виду просто резкие оценки Сталина и системы. Особенно пугали откровенные и искренние выступления работников академических институтов и творческой интеллигенции.

«Дело дошло до того, что в городе Новосибирске, — возмущались руководители отдела ЦК, — в районе авиационного завода враждебными элементами были вывешены антисоветские листовки. Однако секретарь обкома КПСС т. Дерюгин не придал этому политического значения и даже не сообщил в ЦК КПСС, а местные органы государственной безопасности вот уже две недели не могут разоблачить этих врагов».

Только через три года после XX съезда, 21 октября 1959 года, потребовали изъять из книжных магазинов «Краткий курс истории ВКП(б)» — учебник, представлявший собой самую масштабную фальсификацию советской истории.

Почему крупные чиновники не желали отречься от Сталина и

после его смерти? А что же им было делать — признать на старости лет, что они трепетали перед преступником и презренным негодяем, погубившим столько людей и едва не погубившим страну? Признать, что маршалами и министрами их сделал негодяй? Это значило бы перечеркнуть собственную жизнь… А вот если Сталин великий, то и они великие.

Однажды в небольшой компании, где присутствовал член президиума ЦК Анастас Иванович Микоян, речь зашла о том, почему так медленно реабилитировали жертв сталинских репрессий. Вдруг Микоян поднялся с места так стремительно, что все обомлели.

— Почему мы, — сказал Анастас Иванович, — устраивали видимость судебного разбирательства… вместо того чтобы реабилитировать всех сразу? Потому, что остерегались, как бы наш народ окончательно не уверился в том, что мы — негодяи. — Микоян чуть помедлил и заключил: — Негодяи! То есть те, кем и были мы на самом деле!

Шестого августа 1956 года Хрущев выступал на общем партийном собрании аппарата ЦК КПСС. Он, как это часто делал, начал с шутки:

— Я не собирался выступать на сегодняшнем собрании. Но ко мне подошел секретарь нашей партийной организации товарищ Лукьянов и спросил: выступлю я или нет. Я ответил ему, что выступать не собирался. Тогда он сказал: хорошо бы вам выступить.

Товарищи по партии шутку оценили и засмеялись. Хрущев говорил о позитивном влиянии XX съезда, но заметил:

— Конечно, так, как был поставлен на съезде вопрос о культе личности, резко, но справедливо, вызвал много кривотолков. Врагам удалось получить текст доклада о культе личности и потом основательно его извратить…

Никита Сергеевич посочувствовал работникам идеологического фронта, которым пришлось развернуться на сто восемьдесят градусов и критиковать то, что они столько лет восхваляли:

— Очень многие товарищи — бедняги (пусть они на меня за это не обижаются), работающие на различных участках идеологического фронта, да почти все товарищи, против «ошибок» которых теперь борются, да и те, которые борются с этими ошибками, сами в той или иной мере замазаны в этом деле.

В зале засмеялись.

Антисталинизм Хрущева не был последовательным. Когда предложили переименовать Сталинские премии, Никита

Сергеевич возразил:

— А зачем? Да если бы я имел Сталинскую премию, то с гордостью носил это звание.

Хрущев так и не смог разобраться в своих отношениях со Сталиным. 6 ноября 1957 года он выступал на сессии Верховного Совета, посвященной 40-летию Октябрьской революции:

— Критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального комитета был Сталин. Как преданный марксист-ленинист и стойкий революционер, Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное.

Эти трудные споры не окончились и по сей день. Сам Никита Сергеевич стал, как говорят моряки, отрабатывать назад. На встрече нового, 1957 года в Георгиевском зале Кремля Хрущев неожиданно провозгласил тост в честь покойного вождя.

Александр Твардовский записал в дневнике: «Нечего удивляться той мере мирового разочарования в идеологии и практике социализма и коммунизма, какая сейчас так глубока, если представить себе на минуту повод и причины этого разочарования. Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчетами в практической, хозяйственной жизни, хроническими недостатками предметов первой необходимости — пищи, одежды, жилья, огрублением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства… И даже когда ему самому, этому строю, пришлось перед всем миром — сочувствующим и злорадствующим — признаться в том, что не все уже так хорошо, назвав все это „культом личности“, то, во-первых, он хотел это представить как некий досадный эпизод на фоне общего и „крутого подъема“, а, во-вторых, это признание и „меры“ были того же, что при культе, порядка…»

Комитету государственной безопасности было приказано выявлять и арестовывать «клеветников» и «ревизионистов». Арестовали несколько сотен человек. В декабре 1956 года все партийные организации получили письмо ЦК «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов». Это был серьезный шаг

назад от решений XX съезда.

Признаки вольнодумства в Советском Союзе усилили антихрущевские настроения в руководстве страны. Критика Хрущевым Сталина, считали его противники, разрушительна для социализма, и эту критику надо остановить. В 1957 году в Москве разгорелась борьба за власть между Никитой Сергеевичем и его молодыми сторонниками, с одной стороны, и старой гвардией — с другой.

Помимо политических разногласий было и много личного. Никита Сергеевич не упускал случая выставить соратников в глупом свете. Разделавшись с Маленковым и Молотовым, он старался подорвать позиции главы правительства Николая Александровича Булганина, к которому он относился без уважения. Никита Сергеевич уже сообразил, что ему нужны не соратники, а подчиненные.

Из всех сталинских соратников Булганин, пожалуй, запомнился меньше других, хотя этот благообразный господин с бородкой был в какой-то момент самым близким к вождю человеком, несколько лет возглавлял вооруженные силы страны, а при Хрущеве — правительство, принимал иностранных гостей и ездил по миру.

В 1931 году Булганина назначили председателем исполкома Моссовета. Хозяином Москвы Сталин сделал Кагановича, но Лазарь Моисеевич занимал слишком много постов, чтобы вникать в московские дела. Городское хозяйство он перепоручил Хрущеву и Булганину. Они жили в одном доме, даже на одной лестничной площадке, дружили семьями. Сталин всегда приглашал их вместе, с легкой иронией именовал «отцами города».

От других членов политбюро Булганин отличался жизнелюбием. Его пристрастие к женскому полу было широко известно.

«Помню, — рассказывал Хрущев, — был у нас с ним один очень неприятный разговор в Крыму. Ряд товарищей говорили мне:

— Товарищ Хрущев, скажите Николаю Александровичу, пусть он квартиры артисткам не раздает, а тем более на новоселье к ним не ездит. Разговоров много нехороших по этому поводу идет!

Такой разговор был у нас с Булганиным на берегу Черного моря. Состоялось довольно бурное объяснение и по этому вопросу».

Сталин такими мелочами не интересовался и замечаний Булганину относительно его романов не делал. В годы войны он еще больше расположился к Булганину. В ноябре 1944 года он сделал Николая Александровича заместителем наркома обороны,

членом Государственного Комитета Обороны, а в феврале 1945-го еще и членом Ставки Верховного главнокомандования. После войны Сталин назначил Булганина своим первым заместителем в военном ведомстве, еще через год сделал министром вооруженных сил. В апреле 1950 года Сталин утвердил Николая Александровича своим первым замом в правительстве. Булганину же доверялось в отсутствие вождя председательствовать на заседаниях бюро и президиума Совета министров СССР.

Хрущев сам провел Булганина в главы правительства после Маленкова. Но тут же принялся подрывать его авторитет. Вскоре после назначения Булганина члены президиума осматривали выставку продукции легкой промышленности. Булганин что-то сказал об искусственном шелке, и Хрущев публично набросился на Булганина:

— Вот видите — председатель Совета министров, а ничего не понимает в хозяйстве, болтает чушь.

Соратники Никиты Сергеевича ничего не забывали и ждали повода сквитаться. Если бы у Хрущева не нашлись такие верные соратники, как Екатерина Алексеевна Фурцева, он бы легко мог потерять свою должность.

Глава шестая
НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

Никита Сергеевич не зря считал Фурцеву своим человеком и продвигал. Екатерина Алексеевна пришла на помощь Хрущеву, когда летом 1957 года «старая гвардия» — Молотов, Маленков, Каганович и Булганин — решила свергнуть Никиту Сергеевича.

Шестого апреля 1957 года Хрущеву дали вторую звезду Героя Социалистического Труда за «выдающиеся заслуги в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель». Вопрос о награждении обсуждался на заседании президиума. Маленков и Каганович не решились проголосовать против. Маленков даже позвонил Хрущеву и сказал:

— Вот, Никита, сейчас поеду домой и от чистого сердца, со всей душой трахну за тебя бокал коньяку.

Только Молотов, который был против награждения, откровенно высказал свое мнение. Хрущев такие обиды не забывал. В мае на встрече с московскими писателями Никита Сергеевич впервые публично неодобрительно отозвался о Молотове:

— Некоторые из вас, здесь присутствующих, говорят о каких-то расхождениях и разногласиях между нами, членами президиума. Я должен здесь прямо и открыто сказать, что все мы, члены президиума, товарищи Анастас, Лазарь, Вячеслав, Маленков, Суслов и другие, едины в проведении ленинской линии партии. Да, у нас в президиуме, в процессе работы бывают споры, чаще всего споры происходят с Молотовым. Молотов иногда выражает несогласие по тому или другому вопросу, это естественно, но это не означает, что у нас нет единства в президиуме.

Слова Хрущева разнеслись по всей Москве.

Молотов возражал против децентрализации управления промышленностью, затеянной Хрущевым. Написал записку, которую разослал членам президиума ЦК. 27 марта 1957 года ее обсуждали. Фурцева первой полностью поддержала Хрущева и атаковала Вячеслава Михайловича — зачем вносит раскол:

— Расстраивает сама форма — обращение в президиум. По содержанию — ничего предметного. Каждый раз какое-то особое мнение товарища Молотова. Тяжелый осадок остается. Печально — он делает это, чтобы след в истории оставить.

Вслед за Фурцевой столь же критически стали высказываться и другие члены президиума ЦК, хотя идея совнархозов нравилась

не всем.

Идея Хрущева состояла в том, чтобы коренным образом изменить систему управления экономикой, вместо министерств ввести систему региональных совнархозов.

Третьего апреля 1957 года Фурцева выступала на пленуме Московского горкома:

— Горком привлек к выработке конкретных предложений по структуре руководства московской промышленностью большую группу работников. Всего в подготовке предложений участвовало 265 человек, в том числе министры, заместители министров, руководители крупнейших предприятий, работники райкомов партии. В течение месяца эти товарищи с очень большой ответственностью и с большим желанием принимали участие в выработке этих предложений. Много было споров, много было предложений, и, наконец, пришли к тем, которые розданы членам горкома. Эти предложения являются основой для обсуждения. Мы готовы принять все разумные замечания и предложения, чтобы еще раз продумать, перепроверить и учесть все хорошее.

Всех интересовало перераспределение полномочий. Фурцева предложила оставить исполкому Моссовета управление местной промышленностью, промышленную кооперацию, хлебопечение и швейную промышленность. Все это работало только на москвичей. Возник спор о мебельной промышленности. Моссовет хотел ее оставить себе, полагая, что московские мебельные фабрики должны удовлетворять потребности москвичей.

— По конституции, — объясняла Фурцева, — Московский совет является высшим местным органом советской власти. Следовательно, все организации, в том числе и Московский совет народного хозяйства должны быть ему подчинены. Поэтому Моссовет будет иметь возможность заслушивать на сессиях, на заседаниях исполкома доклады и сообщения о работе промышленности. Но следует учесть, что у Моссовета такое большое собственное хозяйство, что вряд ли ему удастся по-настоящему глубоко заниматься этими вопросами. Поэтому практически ими будут заниматься непосредственно партийные органы.

Уже тогда возник вопрос — не объединить ли Москву и Московскую область в один экономический район?

— Если объединить город и область, — говорила Фурцева, — то мы можем очень осложнить управление промышленностью. Насколько мне известно, и товарищи из областных организаций не ставят этот вопрос. Время покажет.

Возникла тревога: не приведет ли роспуск министерств, отказ от централизованного управления к местничеству?

— В Москве, — обещала Фурцева, — мы общими усилиями постараемся преодолеть местнические тенденции. Это надо будет сделать в самом зародыше, чтобы в корне вырвать вредные тенденции. Если будете чувствовать проявления местничества, отказ от поставок, то немедленно реагируйте… Я думаю, товарищи, что выражу ваше искреннее мнение, если скажу, что московская городская партийная организация, как во многих других больших делах, так и в перестройке руководства промышленностью и строительством будет в передовых рядах. Я уверена, что трудящиеся Москвы с честью выполнят задачи, поставленные нашим Центральным комитетом коммунистической партии!

Все дружно зааплодировали. Секретари Московского горкома были на стороне Никиты Сергеевича.

Хрущев и сам не заметил, как в высшем партийном органе собралась критическая масса обиженных на него людей — Маленков и Молотов, которых он лишил должностей, Каганович и Ворошилов, которых он ругал при всяком удобном случае… Ничего у них общего не было кроме главной цели — убрать Хрущева. Через год они объединились против Хрущева, как в 1953-м против Берии.

Все они сильно себя переоценивали и не замечали, как быстро окреп Никита Сергеевич, как стремительно он осваивался в роли руководителя страны. Они полагали, что им легко удастся скинуть Хрущева. Себя Молотов видел на его месте, Булганина намечали председателем КГБ, Маленкова и Кагановича — руководителями правительства.

Первые заместители главы правительства Вячеслав Михайлович Молотов и Лазарь Моисеевич Каганович, заместитель председателя правительства Георгий Максимилианович Маленков считали, что Хрущев забрал себе слишком много власти, не считается с товарищами по президиуму ЦК, подавляет инициативу и самостоятельность. После XX съезда, успешного для Хрущева, считал Каганович, остатки былой скромности у первого секретаря напрочь исчезли — как говорится, «шапка на ем встала торчком». Он стал все сам решать. Выступает без предварительного обсуждения в президиуме ЦК. Резко обрывает остальных. Поэтому его надо освободить от должности первого секретаря. Да и вообще пост первого секретаря не нужен, партийное руководство должно быть коллективным.

Ворошилову пересказали, как Хрущев за глаза о нем отзывался, и Клименту Ефремовичу стало не по себе. Он

жаловался секретарю ЦК Шепилову:

— Дмитрий Трофимович, голубчик, ну что же у нас происходит? Как дальше жить? Как дальше работать? Он всех оскорбляет, всех унижает, ни с кем не считается. Все один, сам решает!

Шепилов резонно заметил:

— Климент Ефремович, почему вы мне это говорите? Вы же старейший член партии. Вы член президиума ЦК. Почему вы мне-то говорите?

— Вы у нас главный идеолог.

— Ну, какой я главный идеолог. Главный идеолог у нас Хрущев. Вы напрасно мне это говорите. Ставьте вопрос. У меня есть свое мнение.

Восемнадцатого июня 1957 года Маленков и другие недовольные устроили в неурочный день заседание президиума ЦК. Хрущеву предъявили все эти претензии. Хрущев предложил всему составу президиума отправиться в Ленинград на празднование 250-летия города. Первым возразил маршал Ворошилов:

— Почему все должны ехать? Что, у членов президиума нет других дел?

Каганович его поддержал, сказал, что у него много дел по уборке урожая:

— Мы глубоко уважаем Ленинград, но ленинградцы не обидятся, если туда поедут несколько членов президиума, не все.

Никита Сергеевич в привычной для него напористой манере обрушился на товарищей. Микоян пытался его успокоить. Но тут члены президиума, обычно покорно выслушивавшие речи первого секретаря, сказали, что так работать нельзя — давайте обсуждать поведение Хрущева, а председательствует пусть Булганин. Вот тут Никита Сергеевич осознал, что против него затеян заговор.

Слово взял Маленков:

— Вы знаете, товарищи, что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева первым секретарем. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой, он зазнался. Отношение к членам президиума стало нетерпимым, особенно после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат партийным, командует непосредственно через голову Совета министров. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК.

Маленкова поддержал Каганович:

— Хрущев систематически занимался дискредитацией

президиума ЦК, критиковал членов президиума за нашей спиной. Его действия вредят единству, во имя которого президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева.

Поднаторевший в борьбе с партийными уклонами Каганович напомнил, что Хрущев когда-то допустил ошибку и поддержал троцкистов. Незадолго до этого, на одном из заседаний президиума ЦК Хрущев сказал:

— Надо еще разобраться с делами Зиновьева, Каменева и других.

Никита Сергеевич уже понимал, что все эти дела фальсифицированы. Но его товарищи ничего не хотели пересматривать. Каганович бросил реплику:

— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Хрущев разозлился:

— Что ты все намекаешь, мне это надоело!

— Тогда на президиуме я не стал раскрывать этот намек, — напомнил этот эпизод Каганович, — а сейчас я его раскрою. Хрущев был в 1923–1924 годах троцкистом. В 1925 году он пересмотрел свои взгляды и покаялся в своем грехе.

Обвинение в троцкизме было крайне опасным, и потом Хрущев попросит Микояна прийти ему на помощь. Анастас Иванович объяснит членам ЦК:

— В 1923 году Троцкий выдвинул лозунг внутрипартийной демократии и обратился с ним к молодежи. Он собрал много голосов студенческой молодежи, и была опасность, что он может взять в свои руки руководство партией. Во время этой дискуссии на одном из первых собраний Хрущев выступал в пользу этой позиции Троцкого, но затем, раскусив, в чем дело, в той же организации активно выступал против Троцкого. Не надо забывать, что Троцкий был тогда членом политбюро, ратовал за внутрипартийную демократию. Надо знать психологию того времени и подходить к фактам исторически…

Невозможно не заметить, что всякий раз, когда Хрущев, подчиняясь человеческим чувствам, выступал за демократию в партии или в защиту невинно расстрелянных, он оказывался либо троцкистом, либо ревизионистом…

Молотов тоже с удовольствием сквитался с Хрущевым:

— Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в президиуме в целом.

Молотов говорил, что напрасно ему приписывают, будто он против освоения целины. Это неверно. Он возражал против чрезмерного ее увеличения, предлагал двигаться постепенно,

чтобы освоить новые земли хорошо и получить высокие урожаи. И напрасно его обвиняют, будто он против политики мира. Его выступления против Югославии относились не к вопросам внешней политики, а к антисоветским выступлениям югославов, за которые их нужно критиковать…

Молотова и Маленкова поддержали Ворошилов, потом Булганин и еще два первых заместителя главы правительства — Михаил Георгиевич Первухин и Максим Захарович Сабуров.

Ворошилов, которым Хрущев помыкал, внес предложение:

— И я пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей первого секретаря. Работать с ним, товарищи, стало невмоготу. Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать.

Хрущев с Маленковым двумя годами ранее поступил сравнительно мягко — с поста председателя Совета министров снял, но сделал министром электростанций. Так и Хрущева предполагалось не на пенсию отправить, а назначить министром сельского хозяйства: пусть еще поработает, но на более скромной должности.

Расклад был не в пользу Хрущева. Семью голосами против четырех президиум проголосовал за освобождение его с поста первого секретаря. Но произошло нечто неожиданное: Никита Сергеевич нарушил партийную дисциплину и не подчинился решению высшего партийного органа. Он точно угадал, что члены ЦК — первые секретари обкомов — поддержат его в борьбе против старой гвардии и простят первому секретарю такое нарушение дисциплины.

Екатерина Алексеевна Фурцева первой твердо заняла сторону Хрущева. Едва зазвучала критика в адрес Никиты Сергеевича, Фурцева и Брежнев бросились собирать союзников и единомышленников. Они оба были кандидатами в члены президиума. Высказываться имели право, а голосовать нет.

Потом Леонид Ильич Брежнев рассказывал:

— 18 июня товарищ Фурцева, я и заведующие отделами рассматривали проект приветственного письма Ленинграду по случаю 250-летия. Мы знали, что товарищ Хрущев будет принимать венгерских журналистов. Но вдруг нам сказали, что журналистов примет весь президиум ЦК в зале заседаний. Мы тоже приехали. Чувство какого-то волнения уже было. Что же этому предшествовало? Товарищ Фурцева нам рассказала, что накануне Каганович после приема в посольстве обогнал машину, в которой ехали она, Шепилов и Первухин. Гудком остановил их машину, на ходу выскочил и за рукав вытащил Шепилова, забрал к себе в машину, и они куда-то уехали. Товарищ Фурцева

спрашивала у Шепилова, в чем дело. Он уклонился от честного ответа. На самом же деле он поехал к товарищу Кагановичу на совет. Это было накануне намеченного ими заседания президиума ЦК. Перед тем как принимать журналистов, мы собрались в маленькой комнате.

Вот здесь Анастас Иванович Микоян прошептал Фурцевой на ухо:

— Они, прикрываясь вопросом о поездке в Ленинград, хотят что-то другое. Они, видимо, сговорились и поэтому требуют немедленно провести президиум.

Когда началось заседание президиума ЦК, Леонид Ильич сел с краю, рядом с Фурцевой. Он был растерян. Спросил Екатерину Алексеевну:

— Что делать?

— Надо звать Жукова, — сказала Фурцева, — он на стороне Хрущева.

Леонид Ильич выскочил из зала заседаний и пошел искать свободный кабинет, чтобы из него позвонить.

— Булганин, — рассказывал Брежнев, — зная, что будет заседание по этому делу, зная, что товарищ Жуков является твердым, волевым, принципиальным и честным человеком, за несколько часов до этого отпустил его на учение, так что он не участвовал в этом заседании.

Министр обороны находился в Солнечногорске. Секретарь ЦК Аверкий Борисович Аристов заболел и сидел дома. Фурцева предложила и его привезти на заседание, хотя он не был членом президиума и не имел права решающего голоса. Брежнев связался по телефону с Аристовым, пересказал ему слова Микояна, попросил от имени Фурцевой и от собственного приехать:

— Так как нас мало. Они выбрали удобный момент…

Стратегически важным был звонок председателю КГБ Ивану Александровичу Серову, верному хрущевцу. Брежнев предупредил его, что заседание президиума направлено против Никиты Сергеевича.

— Приехал товарищ Жуков, — вспоминал Брежнев. — Рассказал мне, что его утром вызывал к себе Маленков и вел с ним заискивающий и сомнительный разговор о том, что ему пора стать членом президиума ЦК, но что надо поговорить о руководстве партии… Я товарищу Жукову сказал, что это Маленков вас прощупывал — на чьей стороне вы можете быть…

Прощупывал маршала не только Маленков. Жуков и Каганович жили на даче рядом. Похлопав Жукова по плечу, Лазарь Моисеевич произнес:

— Ну товарищ Жуков, вам пора быть членом президиума. Вы

созрели…

Когда Брежнев вернулся в зал заседаний президиума, его подозрительно спросили:

— Куда это вы мотались? Брежнев огрызнулся:

— У меня желудок расстроился, в уборной сидел.

Фурцевой он дал знать, что мобилизовал всех, кого мог.

Когда маршал Жуков, вернувшись с учений, прибыл на заседание президиума, он увидел такую картину: на председательском месте сидит глава правительства Николай Александрович Булганин, а присутствующие разносят Хрущева в пух и прах. Маленков в нервном состоянии даже стукнул кулаком по столу.

Жуков потом иронически вспоминал:

— Я сидел рядом с Маленковым, и у меня графин подпрыгнул на столе.

В этой критической ситуации Брежнев запаниковал и не знал, что делать. Фурцева же сохранила спокойствие. Она сразу поняла, как надо действовать. Она говорила, Брежнев исполнял. Заседание президиума удалось перенести на следующий день. Фурцева твердо сказала, что она должна уйти, поскольку ей предстоит открывать торжественное заседание, посвященное юбилею председателя исполкома Коминтерна Георгия Димитрова. Ее слова подействовали. «Мятежникам» не позволили сразу же снять Хрущева.

Впрочем, выступивший против Хрущева кандидат в члены президиума и секретарь ЦК Дмитрий Трофимович Шепилов рассказывал, что прежде Фурцева сама часто заходила к нему и жаловалась на хрущевский стиль руководства, на то, что Никита Сергеевич все решает сам и всеми командует.

— Что у нас делается, все разваливается, все гибнет! — сокрушалась она.

Когда Екатерина Алексеевна заходила в шепиловский кабинет, шептала:

— Давайте отойдем! Нас подслушивают, накройте чем-нибудь телефон.

Шепилов — один из самых интересных политиков советского времени. У него была яркая, хотя и очень недолгая карьера. Повернись судьба иначе — и не Леонид Ильич Брежнев, а Дмитрий Трофимович Шепилов вполне мог стать главой партии и государства. Между Брежневым и Шепиловым было немало общего. Почти ровесники. И Брежнев, и Шепилов вернулись с войны в генеральских погонах, что выгодно отличало их от просидевших всю войну в тылу других руководителей страны.

Молодые и крепкие, Брежнев и Шепилов были чуть ли не единственными прилично выглядевшими партийными руководителями. Они сильно выделялись среди пузатых, низкорослых, каких-то физически ущербных членов политбюро. И Брежневу, и Шепилову приятная внешность помогла в карьере. Сталину — особенно в старости — нравились красивые, статные, молодые генералы. Сталин, а затем Никита Хрущев продвигали и приближали Брежнева и Шепилова.

В 1957 году Брежнев и Шепилов были уже секретарями ЦК и кандидатами в члены президиума ЦК. Еще одна ступенька, еще один шаг — и они уже небожители. Оба были не сухарями, не аскетами, а жизнелюбами, пользовались успехом у женщин. На этом сходство между ними заканчивается и пути их расходятся.

Брежнев, любитель домино и застолий с обильной выпивкой, свой в компании коллег-партсекретарей. Профессор Шепилов, экономист по профессии, прекрасно разбирался в музыке, театре, литературе. При любом удобном случае Дмитрий Трофимович все бросал и бежал в Большой театр на премьеру. Бывший глава Союза композиторов Тихон Николаевич Хренников, который дружил с Шепиловым, вспоминал о его высокой музыкальной культуре, о том, что он ценил и уважал людей искусства и сам прекрасно пел. Дмитрий Трофимович мог пропеть десяток опер и помнил около сотни романсов, с удовольствием пел их до конца жизни.

Шепилов был и одаренным оратором — тоже большая редкость для советских лидеров послереволюционного периода. Зато Брежнев оказался умелым политиком. В решающую минуту в борьбе за власть он безошибочно встал на сторону победителя. А Шепилов поступил так, как считал справедливым и честным. Остался, в сущности, наивным человеком, хотя уже не раз был бит жизнью.

«Высокий, красивый мужчина с гордой посадкой головы, вполне убежденный в своем обаянии, — таким его запомнил драматург Леонид Зорин. — Барственная пластика, уверенный взгляд и вся повадка гедониста и женолюба. Среди своих дубовых коллег Шепилов выделялся породистостью и производил впечатление… Думаю, он по-мужски импонировал старым вождям своею статью, к тому же нужен был человек, так сказать, с внешностью и манерами».

Обаятельный, красивый и надежный Дмитрий Шепилов располагал к себе с первого взгляда и явно произвел впечатление на Фурцеву. Он так разительно отличался от прочей руководящей публики, что женский взгляд неизменно останавливался на его высокой и представительной фигуре. В конце сентября 1954 года

они оба полетели вместе с Хрущевым в Китай.

Представительную советскую делегацию восхитили пышные празднества по случаю пятилетия Китайской Народной Республики на площади Тяньаньмэнь. Хрущев поучал хозяйку Москвы:

— Вот, Екатерина Алексеевна, учитесь у китайцев, как нужно оформлять и проводить демонстрации. У нас все это официально и сухо проводится. А тут тебе и пение, и танцы, и физкультурные упражнения.

Вернувшись в Москву, Фурцева постаралась учесть пожелания первого секретаря ЦК КПСС. Празднование майских и октябрьских годовщин на Красной площади приобрело более театральный характер.

Во время длительной поездки по Китаю Шепилов и Фурцева много общались, вечерами вместе гуляли, словом, получали удовольствие от общения. Ни Дмитрий Трофимович, ни Екатерина Алексеевна не были еще посвящены в тайны советско-китайских отношений. Перед отъездом председатель КГБ Иван Серов представил Хрущеву справку, составленную по материалам старшего советника комитета в Пекине. С октября 1949-го по 1954 год руководители Народного Китая уничтожили семьсот десять тысяч человек, арестовали за «контрреволюционную деятельность» два миллиона…

За советские промышленные поставки Китай расплачивался продовольствием, которого не хватало стране. В инструкции Министерству внешней торговли КНР летом 1954 года говорилось: «Ради экспорта следует сократить внутренний рынок таких продуктов, как мясо. Другие продукты, такие как фрукты и чай, следует экспортировать в как можно большем количестве и потреблять на внутреннем рынке только в том случае, если что-нибудь остается…»

Глава правительства КНР Чжоу Эньлай, обещая друзьям увеличить поставки продовольствия, сказал:

— Если наш народ и голодает, то не в городах, а в сельской местности.

За этим стояло: никто не узнает о голоде. Да и крестьян не жалко. Крестьянам запрещалось уезжать из деревни, перебираться в город и менять профессию. Вот почему китайцы так боялись ссылки в деревню в наказание за проступки: это не только голод и тяжелый труд, это обрекало всю семью, и главное детей, на такую же безрадостную жизнь.

До приезда советской делегации Мао Цзэдун убрал руководителя Маньчжурии Гао Гана, потому что он был слишком откровенен с советскими товарищами, а Мао не хотел, чтобы

русские знали, как делаются дела в высшем руководстве страны. Гао Ган пытался покончить с собой. Первая попытка не удалась, его заставили каяться за «вредительский акт против партии» и посадили под домашний арест. Он собрал снотворное и все-таки принял смертельную дозу.

Сложные переговоры велись о судьбе Монголии, которую китайские руководители не признавали как самостоятельное государство, считали, что эта территория — часть Китая.

Личный переводчик Мао вспоминал, как во время концерта оказался рядом с Булганиным. Выступали монгольские артисты. Булганин, обращаясь к переводчику, пробормотал, что, мол, когда летел в самолете над Монголией, то увидел, там — сплошная пустыня, ничего там нет, экономику монголам развивать очень трудно и лучше уж возвратить их Китаю.

Хрущев спросил Булганина — о чем ты? Булганин повторил свои слова. Никита Сергеевич недовольно заметил, что этого говорить не нужно. Теперь уже второй человек в КНР Лю Шаоци заинтересовался разговором и в свою очередь спросил переводчика:

— О чем это они?

Переводчик пересказал слова Булганина. Лю Шаоци доложил об этих словах Мао Цзэдуну. Во время переговоров Мао заметил Хрущеву:

— Слышал, что вы хотите вернуть Монголию Китаю. Мы это приветствуем. Просим вас поговорить об этом с монгольскими товарищами.

Хрущев немедленно ответил:

— Нет, не было ничего такого. Мы это с Монголией не обсуждали.

Повернувшись, он с гневом сказал Булганину:

— Все из-за того, что ты много болтаешь!

После совместной поездки в Китай Екатерина Алексеевна Фурцева искала общества Шепилова, частенько забегала к нему поговорить по душам. Тем более что последние месяцы Дмитрий Трофимович тоже занимался в ЦК идеологическими делами, так что находились и формальные поводы для бесед. Неизвестно, как бы развивались их отношения. Но вмешалась политика, разделившая их.

Накануне последнего, решающего заседания президиума ЦК бледная, возбужденная Фурцева сказала Шепилову:

— Я пришла вас предупредить, что, если будет обсуждаться этот вопрос и вы позволите себе повторить то, о чем мы с вами говорили, мы вас сотрем в пыль.

— Кто это «мы»? — поинтересовался Шепилов.

— Я секретарь Московского комитета партии. МГК мне подчиняется, мы вас сотрем.

— Товарищ Фурцева, вы что говорите? — изумился Шепилов. — Вы же сами ко мне приходили и жаловались на положение дел.

— Я к вам не приходила!

На заседании президиума Шепилов, тем не менее, пересказал свои беседы с Фурцевой. Он всего лишь хотел показать, что даже руководители партии боятся говорить откровенно и шепчутся по углам, где их не могут слышать.

— Вот какое складывается дикое положение, — сказал Шепилов, — два секретаря ЦК, Фурцева и я, никогда ни в каких оппозициях не были, ничего провокационного не делали, и мы не можем друг с другом поговорить!

Екатерина Алексеевна не ожидала, что ее слова, произнесенные в тиши кабинета один на один, станут достоянием гласности. Рассказ Шепилова ставил ее в неудобное положение. Выходит, в лицо она говорит Хрущеву одно, а за глаза — другое.

На пленуме ЦК Фурцева гневно выговаривала Шепилову:

— Это провокация! Зачем же применять нечестные методы, передавать разговоры, которые были один на один? Чтобы столкнуть членов президиума друг с другом.

Шепилов обратился к ней:

— А вы скажите пленуму, разве я говорил что-нибудь недостойное о ком-то из членов президиума?

Члены ЦК забеспокоились:

— Почему мы должны популяризировать его? Незачем повторять то, что он говорил!

Фурцева гордо заявила:

— Это желание пленума, и я рассказывать не буду. Шепилов понимающе улыбнулся. Хрущев взорвался:

— Вы смотрите, все время сидит, улыбается. Секретарь ЦК Аверкий Аристов говорил на пленуме:

— Я крикнул Шепилову на заседании президиума: «Сплетник!» Но этого мало. Сейчас можно прибавить. Политическая проститутка! (Аплодисменты.) Грязный человек! Видели бы вы, с каким цинизмом говорил этот человек на президиуме… Как он клеветал — без меры, без совести — на товарища Фурцеву и товарища Хрущева! Вычитывал все это из записной книжечки, где у него было записано, кто, когда и что говорил ему о товарище Хрущеве, о Ворошилове, что говорила товарищ Фурцева…

Первый секретарь Ленинградского обкома Фрол Романович Козлов подхватил:

— Шепилов играл пакостную роль… Провокационно вел себя в отношении товарища Фурцевой, облил грязью товарища Фурцеву, противно было слушать… Разорви, Шепилов, к черту эту книжечку, брось ее, это не только для члена ЦК, а для честного человека позор…

Когда-то Шепилов понравился Хрущеву: умница, работяга, образованный человек и не интриган. Такие люди Хрущеву и были нужны. Он собирал свою команду и искал талантливых людей. Он привлек Шепилова к подготовке своих выступлений. 17 апреля 1954 года Никита Сергеевич пышно отметил свое шестидесятилетие. Через несколько дней встретил Шепилова, спросил:

— Вы были у меня на именинах?

— Нет, не был.

— Почему?

— А меня никто не приглашал.

— Ну, это значит, мои хлопцы маху дали.

Шепилов оставался хрущевским человеком, но он искренне высказал то, в чем был убежден. Считал, что надо сохранить идею XX съезда — ни один из партийных руководителей не должен возвышаться над другими. Он был против начинающегося культа Хрущева. Между ними началось охлаждение. Тем более что Шепилов, явно не понимая, как быстро меняется характер Никиты Сергеевича, продолжал спорить с Хрущевым. Испортились и личные отношения. Хрущев не пригласил Шепилова на свадьбу сына, хотя позвал остальных партийных руководителей высшего ранга.

Ворошилов встретил Дмитрия Трофимовича, спросил:

— Идешь на свадьбу?

Тот ответил:

— Нет, меня не позвали.

— Да? — Ворошилов как бы обрадовался и гордо добавил: — А я иду.

Товарищи по партийному аппарату просто не понимали Шепилова. Он проводил в ЦК совещание по вопросам литературы и начал так:

— Я буду выступать не как секретарь ЦК и не как кандидат в члены президиума, а как рядовой читатель.

Сотрудники аппарата переглянулись: как это понимать? Мы же руководители, а не читатели… Дмитрий Трофимович ценил таланты, либерально относился к людям искусства, разговаривал с ними не командным, а нормальным языком. Он не сомневался в том, что партия имеет право работать с интеллигенцией, но не должна никого давить:

— Даже при наличии в творчестве отдельных композиторов действительно серьезных недостатков нет необходимости причислять их к представителям антинародного направления… Пусть товарищи спорят, пусть экспериментируют…

Один из идеологических функционеров доносил: «Шепилов отражал обывательские настроения небольшой части интеллигенции — писателей и художников, которые в своих произведениях высказывали недовольство руководством партии… Отсюда началось его грехопадение. Шепилов заигрывал с творческой интеллигенцией. Если внимательно прочитать его выступления на съезде композиторов и художников, то очень бледно показана руководящая роль партии в искусстве».

Дмитрий Степанович Полянский, будущий член политбюро, раздраженно говорил:

— Это интеллигенток такого либерального толка, барин, карьерист, он нам разлагает идеологический фронт, засоряет кадры, запутывает дело, двурушничает.

Голос из зала:

— Пижончик.

Полянский подхватил:

— Да, это правильно. Он себя ведет как пижончик и стиляга. Он на каждое заседание приходит в новом, сильно наглаженном костюме. А я так думаю, что кому-кому, а Шепилову на этот пленум можно прийти и в старом, даже мятом костюме.

Молотов и другие были для Никиты Сергеевича просто политическими соперниками. Выступление Шепилова он воспринял как личную обиду. Он считал, что, посмев его критиковать, Шепилов ответил ему черной неблагодарностью.

Тихон Хренников рассказывал мне: — Дмитрий Трофимович потом говорил, что в общем-то он не собирался выступать против Хрущева так резко. Но, видимо, наболело. Он уважал Хрущева. Вместе с тем считал возможным и необходимым покритиковать товарища по партии. Но он не думал, что так получится.

Интеллигенция была огорчена его уходом. Писатель Илья Эренбург заметил с сожалением, что «он уже начинал кое-что понимать». Например, Шепилов разрешил создать Союз кинематографистов. Киношные люди очень этого хотели: у всех — писателей, композиторов, архитекторов — есть свой творческий союз, а им не давали. Шепилов разрешил это сделать в 1957 году.

Опалу он перенес более чем достойно.

Через несколько лет Фурцева вновь оказалась рядом с Шепиловым, которого Хрущев выгнал не только из партийного аппарата, но и из Москвы. Назначили Дмитрия Трофимовича в

августе 1958 года заместителем директора Института экономики Академии наук Казахстана, а хотели поставить директором совхоза… Дмитрий Трофимович с трудом в сентябре 1960 года вернулся в столицу. Ему позволили работать ученым археографом в Главном архивном управлении при Совете министров СССР, но исключили из партии и даже вывели из состава Академии наук СССР (он был избран членом-корреспондентом по отделению экономики).

При всех его горестях утешением было то, что друзья остались друзьями. Среди музыкантов он пользовался непререкаемым авторитетом и после потери высокой должности. Однажды глава Союза композиторов Тихон Николаевич Хренников прислал ему билет на премьеру в Большой театр. Рядом как назло усадили министра культуры. Екатерина Алексеевна возмутилась:

— Кто посмел продать билет Шепилову? Да еще на место рядом со мной?!

Ключевую роль в спасении Хрущева в те дни сыграли председатель КГБ Иван Серов и министр обороны Георгий Жуков. Жуков самолетами военно-транспортной авиации со всей страны доставлял в Москву членов ЦК, а Серов их правильно ориентировал. Члены ЦК собрались в Свердловском зале, заявили, что они поддерживают первого секретаря и пришли требовать от членов президиума отчета: что происходит?

Каганович заявил, что это настоящий фракционный акт, ловкий, но троцкистский.

Максим Сабуров возмутился:

— Я вас, товарищ Хрущев, считал честнейшим человеком. Теперь вижу, что я ошибался, — вы бесчестный человек, позволивший себе по-фракционному, за спиной президиума ЦК организовать собрание в Свердловском зале.

Президиум ЦК увидел, что партийный аппарат вышел из подчинения. Молотову и Маленкову пришлось согласиться на проведение пленума, на котором люди Хрущева составляли очевидное большинство. Остальные, увидев, чья берет, тотчас присоединились к победителю. Роли переменились: Молотов и другие оказались заговорщиками.

Хрущев ловко выделил из семи членов президиума, выступивших против первого секретаря, троих — Молотова, Маленкова и Кагановича — и представил их антипартийной группой. Остальным дал возможность признать свои ошибки и отойти в сторону. Ворошилова и Булганина Хрущев вообще помиловал. От Булганина он, правда, потом все равно избавился, а Ворошилову позволил некоторое время оставаться на

декоративном посту председателя президиума Верховного Совета СССР.

Антипартийной в советской истории становилась та группа, которая терпела поражение во внутрипартийной борьбе. Победил Хрущев, поэтому его противники оказались антипартийной группой. Через семь лет, в 1964-м, Хрущев потерпел поражение, и люди, которые говорили о нем почти то же самое, что Маленков и другие, оказались победителями и взяли власть…

На июньском пленуме Хрущев сделал реверанс в сторону партийных секретарей, обещая им большую власть и большие полномочия:

— Когда пришла группа товарищей — членов ЦК и попросила принять их, некоторые члены президиума заявили: «Что за обстановка в партии, кто создал такую обстановку? Так нас могут и танками окружить». В ответ на это я сказал, что надо принять членов ЦК. Молотов громко заявил, что мы не будем принимать. Тогда мной было сказано следующее: «Товарищи, мы члены президиума ЦК, мы слуги пленума, а пленум хозяин».

Зал зааплодировал. Хрущев завоевал аудиторию.

Пленум ЦК превратился в суд над антипартийной группой Молотова, Маленкова и Кагановича. Молотова на первое место поставил сам Хрущев — он считал Вячеслава Михайловича идейным вождем этой группы. Молотов и на пленуме, видя перед собой враждебный зал, не потерял присутствия духа и продолжал сопротивляться:

— Хрущев походя говорит о членах президиума ЦК: этот выживший из ума старик, этот бездельник, тот карьерист. Не может один член президиума распоряжаться нами, как пешками.

Молотов как недавний министр иностранных дел особенно возмущался, что, когда Хрущев с Булганиным были в Финляндии и их позвали в сауну, Никита Сергеевич принял приглашение:

— Булганин отказался и правильно поступил, а Хрущев в три часа ночи отправился к президенту Финляндии в баню и был там до шести часов утра. А я считаю, что надо вести себя более достойно.

Хрущев с удовольствием объяснил залу эту банную историю:

— Булганин, Маленков и другие товарищи говорят, что они любят париться в бане. Я, как вы знаете, юность провел в степях, на юге, там бань нет. Я в бани никогда не хожу, за исключением, Родион Яковлевич (он обратился к сидевшему в зале маршалу Малиновскому. — *Л. М.*), со времен войны, когда мы с вами на Дону были и парились. Приехали мы в Финляндию. Там все хвастаются банями. Президент Финляндии Кекконен говорит: когда я стал президентом, новую баню построил. Булганин не

пошел, а я, хотя и не привык к бане, все-таки решил пойти — считал бестактным отказаться. Что делают в бане? Парятся. Мы тоже парились, шутили, смеялись. Должен сказать, что Кекконен — это один из самых близких к Советскому Союзу людей в Финляндии. И этим надо дорожить. Вы представляете себе: президент приглашает гостей в баню, а гости плюют и уходят. Это же обижает, оскорбляет их. Тут Хрущев повернулся к Молотову:

— Да как же тебе не стыдно? Ты вот ни с кем не пойдешь. Если бы тебе дать волю, ты довел бы страну до ручки, со всеми рассорился, довел бы до конфликта. Посмотри на свою телеграмму из Сан-Франциско, что ты в ней писал? Ты писал, что война может вот-вот начаться.

Молотов стоял на своем:

— Я не согласен. Можно было бы достойнее вести себя в Финляндии.

Тут уж не выдержал генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко:

— А вы считали достойным ехать к Гитлеру?

Молотову на пленуме припомнили всё. И что Сталин называл его «медным лбом», и что он участвовал в уничтожении людей. Члены ЦК сладострастно поносили своих недавних вождей, перед которыми десятилетиями ходили на полусогнутых. Большинство предъявляло Молотову ритуальные обвинения в антипартийной деятельности, но иногда, как в случае с прокурором Руденко, прорывались и искренние нотки.

Маршал Жуков, пожалуй, впервые рассказал о том, как Сталин, и Молотов утверждали расстрельные списки. Например, 12 ноября 1938 года — в один день — санкционировали расстрел 3167 человек.

— Мы верили этим людям, — говорил Жуков, — носили их портреты, а с их рук капает кровь… Они, засучив рукава, с топором в руках рубили головы… Как скот, по списку гнали на бойню: быков столько-то, коров столько-то, овец столько-то… Если бы только народ знал правду, то встречал бы их не аплодисментами, а камнями.

На Молотова эти страшные слова не произвели должного впечатления. Он ни на минуту не потерял хладнокровия и ни в чем не признавал себя виновным.

Маршал Жуков не отступал:

— Скажи, почему все обвинения делались только на основе личных признаний тех, кто арестовывался? А эти признания добывались в результате истязаний. На каком основании было принято решение о том, чтобы арестованных бить и вымогать у них показания? Кто подписал этот документ о допросах и

избиениях?

Молотов отвечал совершенно спокойно:

— Применять физические меры — было общее решение политбюро. Все подписывали.

Георгий Маленков и другие говорили, что это делалось по указанию Сталина. Из зала им кричали:

— Напрасно сваливаете на покойника! Хрущев напомнил Маленкову:

— Ты после Сталина был второе лицо, и на тебя ложится главная ответственность.

Жуков выступал несколько раз. У него в руках были документы:

— Я хочу дать справку. В плену было 126 тысяч наших офицеров. Они вернулись из плена. И Молотов по представлению Булганина вопреки существующему закону лишил этих офицеров воинских званий и послал их в административном порядке в концентрационные лагеря на шесть лет. Вот у меня этот документ, подписанный Молотовым 22 октября 1945 года.

Это было секретное постановление Совнаркома «О лишении офицерских званий лиц, служивших в немецкой армии, специальных немецких формированиях „власовцев“ и полицейских». Оно было принято на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 18 августа 1945 года «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста». Офицеров лишали званий и передавали НКВД, который выселял их в районы Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД, Печорского угольного бассейна и в верховья Камы на шесть лет.

Нужные документы нашел в архиве заведующий общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин. Его Сталин взял к себе помощником после того, как убрал Поскребышева. Малин — чуть ли не единственный, кто сохранился из личного сталинского аппарата.

Малин тоже попросил слова:

— Позвольте мне дать справку. Это трагедия целого поколения людей, и за нее нужно иметь мужество отвечать. В архивах ЦК среди расстрельных списков есть и такой, на котором рукой Молотова написано: «Бить и бить».

Зал кричал:

— Позор!

И даже новый министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, выдвиженец и любимец Вячеслава Михайловича, обязанный ему своей фантастической карьерой, сказал, что

картина выступающего Молотова — это жалкое зрелище, что Молотов хотел вылить грязь на голову Хрущеву, а сам вывозился в этой грязи с ног до головы…

Черту под обсуждением поведения Молотова подвел предшественник Фурцевой на посту первого секретаря Московского горкома Иван Васильевич Капитонов:

— Если бы Молотов изредка бывал на наших предприятиях, в колхозах, совхозах, то он бы убедился в своей неправоте. Поэтому я считаю, товарищи, что Молотов не может оставаться в президиуме ЦК, в членах ЦК и в рядах нашей партии.

Зал аплодировал и кричал:

— Правильно!

Молотов, Маленков, Булганин, Каганович думали, что партия автоматически примет их точку зрения, и ошиблись. И ведь, казалось бы, разумные вещи говорили они в 1957 году: что формируется культ личности Хрущева, что нужны демократия и коллегиальность в партии, что лозунг «Догнать и перегнать Америку по мясу и молоку» просто глупый… Но никто не стал их слушать, как они прежде не слушали других, пытавшихся критиковать партийный аппарат и вождей.

Первые секретари обкомов не хотели никакого либерализма, но еще больше они боялись возвращения к сталинским временам, когда никто не был гарантирован от ареста. Молотов и другие в их глазах олицетворяли именно такую жизнь. Поэтому июньский пленум поддержал Хрущева. Никита Сергеевич тоже не у всех вызывал симпатии, но он открывал молодому поколению дорогу наверх, освобождая кабинеты от прежних хозяев.

Все противники Хрущева были выброшены из политики. Маленкова отправили директором гидроэлектростанции в Усть-Каменогорск на Алтае, Кагановича — управляющим трестом «Союзасбест» в город Асбест Свердловской области. Они находились под наблюдением местных органов КГБ. Молотова вывели из состава ЦК, 29 июля 1957 года освободили от должности министра государственного контроля, 3 августа утвердили послом в Монголии.

Хрущев превратил своих противников в «антипартийную группу» и изгнал их из президиума ЦК. Освободившиеся места заняли те, кто поддержал Никиту Сергеевича. 29 июня 1957 года он сделал Екатерину Алексеевну Фурцеву полноправным членом президиума ЦК. Это было громкое назначение. В следующий раз женщина войдет в состав политбюро уже при Горбачеве.

В качестве подарка Хрущев вернул Екатерине Алексеевне мужа — Николай Фирюбин покинул Белград. В том 1957 году Фирюбина хотели даже вернуть на партийную работу, о чем он

мечтал много лет, а тут представился удобный повод.

После смерти Сталина 19 марта 1953 года в аппарате ЦК образовали отдел по связям с иностранными компартиями. Сотрудники отдела следили за деятельностью иностранных компартий, принимали иностранные делегации, приезжавшие в Советский Союз, помогали политэмигрантам, которых в нашей стране еще было немало. С марта 1955 года отделом руководил кремлевский долгожитель, выпускник Института красной профессуры и бывший работник Коминтерна Борис Николаевич Пономарев. При Хрущеве он стал академиком. Борис Николаевич поставил рекорд — заведовал отделом больше тридцати лет, пока Горбачев не отправил его на пенсию.

В начале 1957 года отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями решили разделить, чтобы одно подразделение занималось капиталистическими и развивающимися странами, другое — социалистическими. 21 февраля вопрос обсуждался на заседании президиума ЦК. Постановили создать международный отдел ЦК, во главе которого оставили Бориса Пономарева, и образовать отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В газетах его полное название никогда не упоминалось, писали коротко и внушительно — Отдел ЦК.

Задачи нового отдела сформулировали так: поддержание тесных контактов с братскими партиями, изучение экономических и социально-политических процессов в соцстранах, разработка планов всестороннего сотрудничества, контроль за всеми советскими ведомствами и организациями «в их сношениях со странами народной демократии» и наблюдение за политической работой с приезжающими в Советский Союз гражданами этих стран.

Кандидатуру руководителя нового отдела подбирал Шепилов. 21 февраля на заседании президиума ЦК Дмитрий Трофимович предложил Фирюбина. Шепилов еще недавно был министром иностранных дел и знал Николая Павловича. К тому же он весьма симпатизировал Екатерине Алексеевне, еще не предполагая, что всего через несколько месяцев разойдутся их жизненные пути.

Шепилов не сомневался, что его кандидатура пройдет. На смену Фирюбину в Министерстве иностранных дел уже готовили другого партийного работника — Евгения Ивановича Громова, который был секретарем райкома, потом заведовал отделом в столичном горкоме. В 1948 году его взяли в аппарат ЦК, после смерти Сталина он руководил отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. Евгений Громов и должен был стать следующим послом в Югославии.

Но Хрущев выбор Шепилова не одобрил и возвращать Николая Фирюбина на партийную работу не пожелал. Все-таки не мог забыть, как снимал Фирюбина вместе с остальной поповской командой. Да и не хотел, наверное, чтобы в аппарате ЦК работали и муж, и жена… Секретариату ЦК поручили подобрать другую кандидатуру. Искали опять же среди дипломатов, имеющих опыт партийной работы. Выбор оказался неширок. Через неделю, 26 февраля, министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко рекомендовал на этот пост посла в Венгрии Юрия Владимировича Андропова. Возражений не последовало.

Фирюбина тоже вернули в Москву, в октябре 1957 года назначили заместителем министра иностранных дел. Более высокой должности он уже не занял. Но по крайней мере теперь ничто не мешало Николаю Павловичу и Екатерине Алексеевне жить вместе. У Фирюбина тоже была дочь от первого брака, Фурцева очень хорошо к ней относилась. Супружеский союз казался крепким и удачным.

На XX съезде Николая Павловича Фирюбина избрали кандидатом в члены ЦК КПСС. Так что они с Фурцевой были единственной супружеской парой, которая посещала пленумы Центрального комитета. Конечно, Фирюбину не очень нравилось, что жена занимает более высокое положение. Для советской семьи, прямо скажем, это было нетипично. Правда, заместители министра иностранных дел находились на особом положении, их постоянно вызывали на президиум ЦК, Никита Хрущев и другие руководители партии (которые редко бывали за границей и не знали иностранных языков) относились к ним уважительно, так что их нельзя было равнять с обычными заместителями министров.

А Фурцева по-прежнему оставалась хозяйкой Москвы, продолжала сидеть в двух креслах. Никита Сергеевич не хотел ставить во главе столицы другого человека, а Екатерине Алексеевне он доверял. 2 июля 1957 года Хрущев пришел к ней в гости — выступал на активе столичной партийной организации, рассказывал об итогах пленума, покончившего с антипартийной оппозицией:

— Видимо, товарищ Фурцева рассказала вам в своем докладе, а если нет, то еще к этим вопросам, видимо, будем возвращаться… Они решили убрать сперва меня… Для чего? Для того, чтобы пробраться в ЦК к архивам, уничтожить следы своих преступлений и повернуть по другому направлению политику партии. А что это значит — по другому направлению? Это не только Хрущева надо убрать, это, конечно, полетели бы Микоян, Фурцева и другие:..

Хрущев еще не остыл после схватки, пылал гневом, говорил, сбиваясь с одной темы на другую, хвалил и разносил в одной фразе:

— Шепилов действительно дерьмом оказался. Я только могу сказать, что я тут виноват, что он дерьмом был и им остался… Я вам скажу, тут роль Булганина, моего друга, а мы с ним действительно двадцать семь лет проработали, его роль гнуснейшая… Но я со своей стороны и все другие члены президиума все сделаем для того, чтобы товарищ Булганин окреп и избавился от своего недуга и работал в коллективе. (Бурные аплодисменты.)

Никита Сергеевич хотел, чтобы московский актив поскорее получил правильную информацию о том, что произошло:

— Желательно, завтра, товарищ Фурцева правильно говорит, как можно в большем числе организаций провести собрания, потому что, когда коммунисты заводские узнают от нас, а не через газеты, у них будет гордость, что они коммунисты, что к ним пришли, посоветовались, им доложили… Дело наше верное, товарищи, верное, мы стоим на верном пути. Те, которые хотели вернуть нас, мы им шею свернули и уверенно будем идти по пути, указанному решениями XX съезда партии, к построению коммунистического общества.

В ту пору Екатерина Алексеевна была надежным и верным помощником Хрущева. Через несколько месяцев, в октябре 1957 года, Фурцева вновь безоговорочно поддержала Никиту Сергеевича. На сей раз речь шла о судьбе министра обороны маршала Жукова.

Твердый голос Жукова и мощь стоявшей за ним армии были лучшей поддержкой Хрущеву. Расправившись с антипартийной группой, Никита Сергеевич сразу же сделал Георгия Константиновича, как и Фурцеву, членом президиума ЦК. Но Жуков одновременно и пугал Хрущева.

Жуков поддержал Хрущева, но на заседании президиума ЦК предложил: не следует ли обдумать вопрос о том, чтобы, может быть, вместо первого секретаря иметь секретаря ЦК по общим вопросам? Жуков даже написал записку на эту тему и отдал ее Булганину.

Шепилов предупреждающе сказал Жукову:

— Георгий Константинович, имей в виду: следующим будешь ты!

И как в воду смотрел. На Жукова стали собирать материалы, и через четыре месяца маршал был отправлен в отставку.

«В июне нас выгнали, — вспоминал Шепилов, — а в октябре

— его».

Устранив основных политических соперников, Хрущев опасался теперь одного лишь Георгия Константиновича. Думал: а ну как маршал с его жестким характером и всенародной славой в какой-то момент захочет сам возглавить партию и государство? Хрущев предпочел нанести удар первым.

А были основания подозревать маршала в бонапартизме?

Любопытно, что 30 июля 1957 года поэт Давид Самойлов записал в дневнике: «Последние события выдвинули на первый план фигуру Жукова. Он решил дело. В нем растет будущий диктатор России».

Хрущева раздражали какие-то демарши и заявления Жукова, вспоминал зять Никиты Сергеевича главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей. Говорили о самовластии Жукова. О том, что он, посмотрев готовый к показу фильм о Параде Победы, приказал переснять эпизод своего выезда на белом коне из Спасской башни Кремля. Сильный человек со склонностью к гипертрофированному самомнению, полагал Аджубей, беспокоил руководство ЦК.

Хрущев конечно же рассматривал Жукова как вероятного политического соперника. Жесткий характер маршала, его самоуверенность пугали Никиту Сергеевича. Но неверно представлять себе происшедшее личным столкновением Хрущева и Жукова.

Министр обороны имел собственные представления о том, как нужно строить современную армию. Неграмотные в военном деле партийные руководители ему мешали. Партийные секретари удивлялись Жукову. Они ему говорили: неужели ты не понимаешь, что армия — это инструмент партии и важнее всего удержать власть? А Жуков считал, что задача армии защищать государство от внешнего врага.

Георгий Константинович возражал против отвлечения армии от своего непосредственного дела. Летом Брежнев попросил вооруженные силы выделить для работы в народном хозяйстве семьдесят пять тысяч автомашин, сто пятьдесят тысяч шоферов и триста тысяч солдат. Жуков решительно ответил, что у него нет ни машин, ни свободных солдат, и попросил президиум ЦК «отклонить предложение тов. Брежнева». Партийные секретари привыкли использовать бесплатную и бессловесную рабочую силу для уборки урожая. Министр обороны своим отказом (ни один другой министр, кроме Жукова, не позволял себе такого!) ставил их в трудное положение.

В марте 1956 года на совещании командного состава вооруженных сил обсуждался вопрос о воинской дисциплине в

войсках. А 12 мая 1956 года Жуков подписал приказ № 0090 «О состоянии воинской дисциплины в Советской Армии и Военно-Морском Флоте и мерах по ее укреплению».

Приказ отразил бедственное положение в войсках:

«В армии так же, как и на флоте, совершается большое количество преступлений и чрезвычайных происшествий, из которых наиболее серьезную опасность представляют: случаи неповиновения командирам и особенно недопустимые в армии проявления оскорблений своих начальников; бесчинства военнослужащих по отношению к местному населению, дезертирство и самовольные отлучки военнослужащих, аварии и катастрофы автотранспорта, самолетов и кораблей. Широкие размеры в армии и на флоте получило пьянство среди военнослужащих, в том числе среди офицеров…»

Маршал Жуков считал, что основная причина бедственного положения в том, что подрывается авторитет командира-единоначальника: «Среди некоторой части офицеров и особенно офицеров-политработников имеют место неправильные настроения по вопросу о роли командира-единоначальника и даже выступления с критикой служебной деятельности командиров на партийных и комсомольских собраниях, на партийных конференциях. Такие выступления ведут к подрыву авторитета командиров-единоначальников, к снижению их требовательности к подчиненным, а следовательно к ослаблению воинской дисциплины».

Жуков подверг критике Главное политическое управление и политорганы на местах. Он потребовал запретить ужины и вечера с выпивками, прекратить продажу спиртных напитков в столовых, буфетах, в Домах офицеров и на территории военных городков. Но главное другое: «Всякие попытки критики служебной деятельности и подрыва авторитета командира-единоначальника решительно и немедленно пресекать».

Нельзя не отметить и другой важный аспект. Жуков напугал членов ЦК на пленуме, когда заговорил о массовых репрессиях и о том, что в них виновны все лидеры партии. Жуков прямо сказал, что все члены высшего партийного руководства виновны в убийстве невинных людей. Каганович возразил Жукову: это политическое дело. Раз политическое, значит, они неподсудны. Жуков резко ответил: нет, это уголовное преступление!

Из его слов следовало, что члены партийного руководства могут быть привлечены не только к политической, но и к уголовной ответственности. Эту угрозу они запомнили. Маршал Жуков и не понял, что противопоставил себя всему партийному аппарату.

После июня 1957-го Никита Сергеевич подчеркнуто демонстрирует свою дружбу с прославленным маршалом, никуда его от себя не отпускает, даже отдыхают они вместе. Жукову в голову не приходит, что против него организован настоящий заговор, что он и пяти месяцев не просидит на своем месте.

Хрущев уже на пенсии вспоминал: «Члены президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда».

Четвертого октября 1957 года министр обороны Жуков вылетел в Севастополь, а оттуда на крейсере «Куйбышев» в сопровождении эсминцев «Блестящий» и «Бывалый» отправился с официальным визитом в Югославию и Албанию.

А Хрущев оказался в Киевском военном округе на учениях, которые проводил главнокомандующий сухопутными войсками Малиновский. Никита Сергеевич разговаривал с генералами, прощупывал настроения в войсках. Потом Хрущев на пленуме скажет:

— Вы думаете, я там охотился на оленей? У меня там была политическая охота на крупную дичь…

Хрущев обвинит Жукова в лицемерии и вероломстве, хотя все было наоборот. Пока министр обороны находился за границей, Никита Сергеевич провел большую подготовительную работу. Маршал, уезжая, думал, что он в Москве друга оставил. А Хрущев за его спиной беседовал с командующими округами, объяснял им ситуацию. Хрущев мастерски провел в военных округах кампанию критики министра обороны и получил поддержку генералитета.

Семнадцатого октября 1957 года на президиум ЦК пригласили заместителей министра обороны маршалов Родиона Яковлевича Малиновского и Ивана Степановича Конева, а также начальника Главного политического управления генерал-полковника Алексея Сергеевича Желтова. Начальник ГлавПУРа пожаловался на то, что политработа в армии по вине министра обороны принижена:

— Товарищ Жуков говорил, что политработникам рыжие бороды привесить и кинжалы дать, они всех бы командиров перерезали. Мне, начальнику ПУРа, не позволено выезжать в войска без разрешения. Министр товарищ Жуков неприязненно

относится ко мне. Из-за чего? Из-за того, что я будто был против назначения его министром и возражаю против его возвеличивания…

У начальника Главного политуправления генерал-полковника Желтова отношения с Жуковым сразу не сложились. Жуков собирался расстаться с Желтовым, так что тот сражался за свое место. Начальник ГлавуПУРа старался не ходить к министру на доклады, посылал заместителя. Зато постоянно жаловался на Жукова в ЦК: маршал недооценивает значение политорганов, слишком амбициозен, не сделал для себя выводов из прошлого.

Маршалы Малиновский и Конев вяло возражали: они не согласны с такой оценкой состояния политработы в армии. На них, а главным образом на Жукова, навалились все члены президиума ЦК.

— Товарищ Желтов ничего обидного для руководства Министерства обороны не сказал, — заметила Фурцева. — Меня поэтому поразили замечания товарищей Малиновского и Конева. Давайте объективно разбираться. Надо поднять состояние политработы и партийной работы в армии.

Пока Жуков находится за границей, президиум ЦК принимает постановление «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте», подготовленный комиссией, в состав которой входила и Фурцева. По всей стране проходят партийные собрания, где резко критикуется министр обороны. Жуков об этом не подозревает, хотя ему доложили, что связь с Москвой внезапно прервалась. Опытный человек, мог бы сообразить, что это означает…

Вместе с министром обороны в Югославию отправили специального корреспондента газеты «Красная звезда». Первые два его репортажа газета опубликовала. А потом помещала только короткие сообщения ТАСС. Жукова сопровождал заместитель начальника ГлавПУРа генерал-полковник Федор Степченко. Он не понимал, почему орган Министерства обороны не освещает визит Жукова, запрашивал Москву. Главный редактор «Красной звезды» Николай Иванович Макеев, получивший соответствующие указания, вяло оправдывался:

— В газете не хватает места. Вот спутник запустили… Рассказы о том, что начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал Сергей Матвеевич Штеменко обо всем сообщил министру по своим каналам, за что и пострадал, — это миф. Когда Жуков вернулся в Москву, он не знал, что его ждет. А Штеменко уже был лишен возможности о чем-либо доложить министру.

В первый раз Сергея Штеменко наказали после ареста Берии

— сняли с должности и понизили в воинском звании на две ступени с генерала армии до генерал-лейтенанта. Булганин обвинил его в том, что Штеменко через Берию передавал Сталину «разные сплетни на некоторых руководящих военных лиц»…

Жуков еще был за границей, кампания против него только начиналась, а Штеменко 17 октября опять сняли с должности начальника Главного разведывательного управления. В аэропорту в Москве Жукова встречали его первый заместитель маршал Иван Конев и родные. Дочери написали Жукову записку о том, что по всей стране идут партийные собрания и его осуждают. Конев сказал Георгию Константиновичу:

— Вас просили сразу ехать на заседание президиума в Кремль, вас ждут.

Но жена и дочери уговорили Жукова заехать домой, попить чаю. Конев вынужден был согласиться. Родные успели что-то рассказать маршалу.

— Я, конечно, виноват, — каялся впоследствии маршал Конев, — был его первым замом и не поставил в известность о грядущем заговоре. Но что я мог поделать? Обстоятельства сложились так, что ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево — кругом красные флажки: выполняй решения, партийная дисциплина, партийный долг. А вот теперь казню себя.

Деятельность министра обороны Жукова обсуждали на заседании президиума ЦК 26 октября 1957 года. В Кремле на него сразу обрушился поток обвинений. Жуков пытался опровергать обвинения, называл их дикими. Говорил: мне надо посмотреть документы, чтобы вам ответить. Маршалу объяснили, что в Министерство обороны его больше не пустят…

На заседании высказалась и Фурцева:

— Мы все ждали выступления товарища Жукова. Но меня его выступление крайне разочаровало. Отовсюду поступают сигналы о неблагополучии.

На заседании президиума ЦК маршала освободили от должности министра обороны, чтобы лишить его возможности контригры; Охранник, ждавший Жукова в кремлевской раздевалке вместе с другими «прикрепленными», вспоминал через много лет:

— Наконец появился Георгий Константинович. Таким я его никогда не видел — ни в годы войны, ни после. На лице сине-красные пятна, оно словно окаменело. Но держался прямо, с достоинством. Прибыли домой, на улицу Грановского. После томительной паузы: «Сегодня вечером по радио, в 19 часов, объявят о моем освобождении с поста министра обороны». Не знаю, как он, но я почувствовал себя раздавленным. Позвонил

своему руководству: «Какие будут указания?» Мне ответили: «Дежурьте, как прежде!»

На следующий день, 27 октября, газеты сообщили, что новым министром обороны назначен маршал Малиновский. Собрали пленум ЦК, посвященный партийно-политической работе в армии. В реальности это был пленум, посвященный бичеванию Жукова. На него навалилась уже вся партийная верхушка. Георгия Константиновича буквально топтали ногами. Жуков даже не понял, что он противопоставил себя всей партийной власти. Уж очень он был уверен в себе. А они давно сговорились убрать его с политической арены. Жуков проявил благодушие, которое не должен был проявлять. Он недоуменно говорил:

— Три недели назад, когда я уезжал, вы все со мной так душевно прощались, а теперь… Что же произошло за три недели?

Его обвиняли в том, что он пытается вывести армию из-под контроля ЦК, сократил политорганы и запретил Главному политическому управлению сообщать в ЦК о ситуации в армии и даже не разрешал командующим округами встречать партийно-правительственные делегации. Говорили, что Жуков все решал сам, возвеличивал свой культ, проводил собственную политику, был груб и жесток. Особенно прицепились к созданию разведшколы без ведома ЦК.

Насколько реальны эти обвинения?

Когда шло сокращение армии, Жуков старался сохранить побольше строевых командиров, увольняя тыловиков и политработников. В реформируемой армии нелюбовь к прохлаждающимся политработникам была очевидной. Строевые офицеры целый день в поле на учениях, а политработники в клубе газеты читают, к лекции готовятся… Жуков считал их просто бездельниками.

На пленуме ЦК Суслов цитировал слова Жукова:

— Политработники привыкли за сорок лет болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты… Им, политработникам, только наклеить рыжие бороды и дать кинжалы — они перерезали бы командиров.

Это отношение к политработникам сыграло свою роль при обсуждении на пленуме вопроса о Жукове. Ведь в зале сидели такие же политработники, только в штатском.

Екатерина Фурцева выступала на втором заседании пленума — вечером 28 октября. Говорила она эмоционально и жестко. Обвинила министра обороны в создании своего культа, в том, что он «противопоставил армию Центральному комитету», противопоставил командиров политработникам, принижал роль партийных органов, отдавал указания главному политическому

управлению армии и флота.

— Товарищи! — говорила Фурцева. — Это же функции ЦК. Никакому ведомству, никакому министру не позволено делать такие вещи… Это не политическая незрелость, как некоторые товарищи говорят… Это не случайные ошибки, а это целая система ошибок… Это антипартийная линия. И это должен товарищ Жуков признать, хотя это и больно, и тяжело…

Хрущев одобрительно бросил из президиума:

— Правильно!

Екатерина Алексеевна объяснила участникам пленума, что Жуков предпринимал целенаправленные шаги против партийного руководства, вот почему обсуждению действий бывшего министра обороны «придается столь большое политическое значение».

— Я думаю, — подвел итог Хрущев, — что надо принять решительные меры в отношении товарища Жукова. Мы должны принять такое решение, которое было бы предупреждением для каждого, кто захочет свое «я», какое бы громкое оно ни было, поставить над партией. Любого, кто не считается с интересами нашей партии, партия не пощадит, невзирая на заслуги… Это должно быть законом жизни партии.

На пленуме Георгия Константиновича вывели из президиума ЦК и из состава Центрального комитета. Это происходило уже во второй раз в его жизни. После голосования прославленному маршалу пришлось выйти из зала.

Тридцать первого октября 1957 года Фурцева провела актив московской городской организации КПСС. Екатерина Алексеевна втолковывала москвичам, что произошло с Жуковым:

— Бывший министр обороны нарушал ленинские принципы руководства вооруженными силами, вел линию на отрыв армии от партии и ее Центрального комитета, на свертывание работы партийных организаций и политорганов Советской армии. Он рассматривал советские вооруженные силы как свою вотчину. Речь идет здесь, товарищи, не об отдельных ошибках, а о системе ошибок, о непартийной линии бывшего министра товарища Жукова и об очень опасной линии, которая была фактически направлена к устранению Центрального комитета партии от решения важнейших вопросов, связанных с жизнью наших вооруженных сил… Жуков пытался сосредоточить все руководство вооруженными силами в своих руках, уйти из-под контроля нашей партии…

Фурцева обвинила маршала в насаждении собственного культа личности:

— В Советской армии стал насаждаться культ личности товарища Жукова при его личном активном участии. Угодники и

подхалимы стали превозносить товарища Жукова в лекциях, докладах, в статьях, кинофильмах, брошюрах, непомерно возвеличивая его персону, его роль в Великой Отечественной войне. В угоду Жукову искажалась подлинная история войны, извращалось фактическое положение дел…

Екатерина Алексеевна привела в пример подготовленное военным издательством «Учебное пособие по политзанятиям для солдат и матросов».

— Там был раздел об обороне Ленинграда. В этом разделе было написано, что товарищ Ворошилов в первый период войны был на этом фронте и руководил операциями. Эта формулировка перечеркивается и пишется: «Чепуха. Ворошилов был снят, назначен Жуков». Дальше пишется, что под руководством товарища Жданова большевики организовали оборону и так далее. Но все это перечеркивается и пишется: «Жданов никакой обороны не организовывал, он не руководил обороной»…

В зале, наверное, были люди, которые знали, что относительно истории обороны Ленинграда Жуков был прав. Командовать Ленинградским фронтом Ворошилову оказалось не под силу — не хватало ни военного образования, ни организаторских способностей. Мало того что маршал не понимал, как надо воевать, он смертельно боялся самостоятельно принимать решения. Подчиненные не могли добиться от него внятного ответа. Ворошилов командовал фронтом всего неделю. За эту неделю немцы окончательно блокировали Ленинград… Что касается партийного руководителя города Жданова, то в решающие дни обороны Андрей Александрович, питавший пристрастие к горячительным напиткам, вышел из строя. У Жданова был нервный срыв. Он не мог работать, ему нельзя было появляться на людях. Поэтому в Ленинград и был отправлен Георгий Константинович Жуков…

— Спрашивается, зачем нужно было товарищу Жукову думать над тем, чтобы заменить руководителей Комитета госбезопасности и Министерства внутренних дел, — перечисляла Фурцева грехи маршала, — и поставить у руководства этими органами — военных, подчинить их влиянию Министерства обороны? Значение органов госбезопасности исторически обусловлено и никому, никакому ведомству ЦК не может перепоручить руководства органами госбезопасности, кроме ЦК. Эта тенденция вела к нехорошему… Товарищ Жуков не оправдал оказанного ему партией доверия, оказался политически несостоятельным деятелем…

Третьего ноября 1957 года в «Правде» появилась статья маршала Конева «Сила Советской Армии — в руководстве партии,

в неразрывной связи с народом». В статье говорилось, что Жуков «неправильно, не по-партийному» руководил армией, «вел линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и военных советов», стремился все вопросы «решать единолично, не выслушивая мнений других и полностью эти мнения игнорируя». Жукову поставили в вину и «неудачи на фронтах вооруженной борьбы». На него возложили ответственность за то, что в 1941 — м войска приграничных округов оказались застигнутыми врасплох. Жуков очень обиделся за эту статью на Конева, которого, как он считал, в октябре 1941-го спас от расстрела.

Георгию Константиновичу обещали дать какую-нибудь работу, однако даже не включили в группу генеральных инспекторов Министерства обороны, куда он, как маршал, автоматически попадал… Хрущев распорядился возобновить оперативное наблюдение за Жуковым и сам знакомился с материалами слежки. Впоследствии КГБ докладывал о настроениях и разговорах Жукова лично Брежневу.

Решением ЦК от 27 февраля 1958 года Жукова отправили в отставку с правом ношения военной формы. Ему установили денежное содержание в размере 5,5 тысячи рублей (плюс доплата за воинское звание и процентная надбавка за выслугу лет), сохранили за ним право на медицинское обслуживание, квартиру, предоставили ему машину и дачу.

Почему Жукова не восстановили после падения Хрущева? Потому что руководство армии и политорганов было настроено против него. Жуков возражал против отхода от антисталинского курса, считал, что нельзя не говорить о причинах катастрофы 1941 года, а ГлавПУР и ЦК категорически возражали против этого. Генералы брали курс на восстановление культа личности Сталина. Жуков им мешал. Маршалы жаловались в ЦК, что он по-прежнему выступает против партии.

Сохранилась непроизнесенная речь маршала Жукова о Сталине. Он подготовил ее к пленуму ЦК, который в 1956 году на волне XX съезда должен был осудить культ личности Сталина. Речь Жукова — это обвинительный акт Сталину. Он считал, что неподготовленность к войне «явилась одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в первый период войны…».

«Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было, — писал Жуков. — О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты… С первых минут войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав

которую противник прочно захватил инициативу…

У нас не было полноценного Верховного командования. Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным… Он, не зная в деталях положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания…

Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами без всякой к тому необходимости проводить наспех организованные операции, без достаточного материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большим потерям… Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и „военный гений“…»

Когда Фурцева станет министром культуры, ее подчиненные будут вырезать Жукова из всех документальных фильмов. 7 июня 1962 года гвардии полковник в отставке Савелий Кононович Храбровицкий написал в ЦК:

«9 мая с. г., в День Победы, демонстрировались по телевидению хроникально-документальные фильмы… Я был поражен, когда увидел, что сделали деятели кино с историческими документами об истории Великой Отечественной войны.

Вы, конечно, помните, кинохронику, запечатлевшую для истории момент капитуляции немецко-фашистской армии и подписание акта о капитуляции. Маршал Жуков приказывает ввести командование немецко-фашистской армии во главе с Кейтелем, зачитывает им акт о безоговорочной капитуляции, затем приказывает увести Кейтеля. Акт о капитуляции утверждает маршал Жуков, а англо-американские представители скрепляют акт своими подписями.

Что же сделали деятели кино с этим историческим кинодокументом (конечно, не без ведома Министерства культуры)? Вырезали из фильма кадры, в котором показано советское командование, и получилось невероятное: капитуляцию приняла не Советская армия, а англо-американцы, ибо советской делегации в этом фильме нет, ее просто выкинули, вероятно, потому что ее возглавлял Г. К. Жуков…»

Екатерина Алексеевна Фурцева полностью и во всем поддерживала Хрущева. Она помогла ему сменить команду, освободиться от тех, кто больше не был ему нужен. Еще несколько месяцев главой правительства оставался Николай Александрович Булганин. Булганин, гедонист, поклонник

красивых женщин и ценитель хороших вин, был человеком нерешительным и в политике робким. Зато Николай Александрович в полной мере наслаждался жизнью. Он в ту пору ухаживал за прекрасной певицей Галиной Вишневской.

«Среди топорных, грубых физиономий членов правительства, — вспоминает Вишневская, — он выделялся своей интеллигентной внешностью, мягкими, приятными манерами. Было в его облике что-то от старорежимного генерала в отставке».

Булганин упорно добивался ее расположения:

— Я позвонил вам домой, но мне сказали, что вы там больше не живете, что сбежали…

— Не сбежала, а вышла замуж!..

— Поздравляю!

А замуж она вышла за выдающегося виолончелиста Мстислава Леопольдовича Ростроповича.

«Булганин разговаривает со мной так, как будто никакого мужа у меня и нету! — пишет Галина Вишневская, — Я еще пытаюсь все перевести просто на светскую болтовню, но голос на другом конце провода, серьезный и спокойный, не собирается включаться в мою тональность. Начинаю мямлить:

— У меня вечером репетиция в театре… кончится поздно… На том конце провода длинная пауза… Затем:

— Так я за вами пришлю машину».

Отказаться от приглашения главы правительства было страшно.

«И начались с того дня, — продолжает Вишневская, — чуть ли не ежедневные приглашения — то к нему на дачу, то в его московскую квартиру. И, конечно, бесконечные „возлияния“. Николай Александрович пил много, заставлял и Славу, да тот и без уговоров со злости хватал лишнего. Бывало, охмелеют оба, старик упрется в меня глазами, как бык, и начинается:

— Да, обскакал ты меня… — Да, вроде бы так.

— А ты ее любишь?

— Очень люблю, Николай Александрович.

— Нет, ты мне скажи, как ты ее любишь? Эх ты, мальчишка! Разве ты можешь понимать, что такое любовь? Вот я ее люблю, это моя лебединая песня… Ну, ничего, подождем, мы ждать умеем, приучены…»

Завоевать сердце Галины Вишневской Булганину не удалось. Но внимание Николая Александровича привлекали и другие яркие и красивые женщины. Булганин раздражал Хрущева. Никита Сергеевич уважал только тех, кто много работал.

И, пожалуй, он мешал Хрущеву. Ветераны помнили, что Булганин пользовался особым расположением Сталина.

«Последние годы, — вспоминал сам Хрущев, — Сталин порой заводил речь о своем преемнике. Помню, как Сталин при нас рассуждал на этот счет:

— Кого после меня назначим председателем Совета министров СССР? Берию? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не русский, а еврей. Молотова? Нет, он уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, стар, и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти годятся на вторые роли. Остается один Булганин».

Двадцать пятого марта 1958 года на заседании президиума ЦК возник вопрос о смене главы правительства. Хрущев очень резко отозвался о Булганине, припомнил ему все грехи:

— Вероломное поведение Булганина было равносильно предательству, гнусная роль была. С деловой стороны — не цепкий. Может быть, вернуть его в Госбанк?

Товарищи по президиуму сразу предложили и должность главы правительства тоже передать Хрущеву. Правда, вспомнили, что и Сталин совмещал оба поста.

— Предложение правильное, — в очередной раз поддержала Никиту Сергеевича Екатерина Фурцева. — Сделать товарища Хрущева председателем Совета министров и оставить первым секретарем ЦК. Аналогию со Сталиным надо разбивать.

Хрущев впоследствии уверял, что не хотел занимать пост главы правительства после Булганина, намеревался сделать председателем Совета министров Алексея Николаевича Косыгина. Даже представил его в 1957 году китайскому вождю Мао Цзэдуну в этом качестве. Но все-таки предпочел сам возглавить правительство, ссылаясь на то, что члены президиума ЦК настояли. Косыгину пришлось ждать семь лет: он стал главой правительства только после ухода Хрущева, в октябре 1964 года.

Президиум ЦК принял постановление:

«Ввиду того, что т. Булганин Н. А. проявил политическую неустойчивость, выразившуюся в участии в антипартийной фракционной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, за что июньский Пленум ЦК КПСС 1957 года объявил ему строгий выговор с предупреждением, не рекомендовать т. Булганина на пост Председателя Совета Министров СССР».

Булганина вновь назначили председателем правления Государственного банка СССР. На этом посту Николай Александрович не задержался. 14 июля 1958 года написал Хрущеву письмо:

«Никита Сергеевич!

Прости меня за все и за то, что настоящим частным письмом обращаюсь к тебе.

Пишу это письмо к тебе в надежде на твою помощь. Я написал прилагаемое при этом заявление в Президиум ЦК. Состояние мое до крайности тяжелое, таково, что я стал инвалид. Прошу тебя — помоги мне.

Президиуму ЦК известно, что я тяжело болен.

В результате болезни и перенесенной тяжелой операции (удаление желчного пузыря), а также в связи с перенапряжением нервной системы у меня наступило крайнее истощение нервной системы и здоровья. Я в настоящее время стал полностью нетрудоспособным. Работать я не могу. Мне это тяжело признать, но это так. Я не вижу другого выхода, как обратиться к Президиуму ЦК с просьбой дать мне возможность восстановить силы и трудоспособность.

Я обращаюсь к Президиуму ЦК с просьбой оформить меня временно на пенсию с освобождением от работы. Очень прошу удовлетворить мое настоящее ходатайство».

Но на пенсию его не отпустили. Из протокола заседания президиума ЦК № 163:

«Предоставить т. Булганину Н. А. по состоянию здоровья отпуск на один месяц».

В августе его отправили из Москвы в Ставрополь председателем совнархоза. В рамках хрущевской реформы упразднили десять общесоюзных и пятнадцать союзно-республиканских министерств. Все подчиненные им предприятия передавались на места — по всей стране образовывались советы народного хозяйства, которые подчинялись непосредственно правительству.

«Встретили его ставропольчане тепло, — вспоминал Михаил Сергеевич Горбачев, тогда еще второй секретарь крайкома комсомола. — По утрам, когда Булганин приезжал на работу, у здания совнархоза собиралась толпа — иногда до нескольких сот человек».

Но это вызывало гнев первого секретаря крайкома Ивана Кононовича Лебедева, склонного к сквернословию и хамству. Он прилюдно кричал на Булганина:

— Подыгрываешь отсталым настроениям? Что, приехал сюда демократию разводить?

«Лебедев буквально третировал его, — писал Горбачев, — собирал о нем сплетни и слухи, вытаскивал на бюро за малейший промах, пытался снять с поста председателя совнархоза и направить директором небольшого заводика».

Это были трудные годы для Булганина. В сентябре 1958 года

на пленуме ЦК его вывели из состава президиума. В ноябре указом президиума Верховного Совета из маршалов понизили до генерал-полковника. На декабрьском пленуме ему пришлось вновь каяться за прежние грехи.

— Когда в 1957 году активно развернулась антипартийная деятельность Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова, — признавался Булганин, — я присоединился к ним, поддержал их и стал их сторонником и соучастником. Будучи тогда председателем Совета министров, я оказался не только их соучастником, но и номинально их лидером. Антипартийная группа у меня в кабинете собиралась, сговаривалась о своей антипартийной фракционной работе.

Тридцатого декабря 1958 года генерал-полковника Булганина отправили в отставку. Но он оставался членом ЦК и еще год проработал. В феврале 1960 года Николая Александровича отпустили на пенсию. Пенсию дали хорошую, персональную союзного значения. К нему у Хрущева меньше всего было претензий. Булганина единственного из всех участников «антипартийной группы» не исключили из партии.

Глава седьмая
НИЗВЕРЖЕНИЕ С ОЛИМПА

Екатерина Алексеевна Фурцева стала второй после Елены Дмитриевны Стасовой (она была секретарем ЦК в 1919–1920 годах) женщиной, оказавшейся на высшем партийном посту. Секретариат ЦК ведал повседневной работой партийных комитетов, проверкой исполнения решений съездов и пленумов, решений политбюро, кадровыми делами. В практической жизни никакое сколько-нибудь важное назначение не производилось помимо секретариата. Ни одно министерство или ведомство в стране ничего не могло предпринять, не получив предварительного согласия секретариата ЦК.

В советские времена значение секретариата ЦК никому не надо было объяснять. Однажды Сталин, отдыхая в Мацесте, пошутил в узком кругу:

— История делится на три периода — матриархат, патриархат и секретариат…

Избрание секретарем ЦК резко изменило положение Фурцевой. Когда пленум окончился, Екатерину Алексеевну стали поздравлять коллеги — первые секретари, жали ей руку, желали успеха. Из зала ее пригласили пройти в комнату президиума, где собиралась партийная верхушка. Здесь пили чай с бутербродами и пирожными, обменивались мнениями. Начался новый раунд поздравлений — на сей раз Фурцевой пожимали руку те люди, чьи портреты трудящиеся по праздникам носили на Красной площади. Она стала одной из них.

После пленума Екатерина Алексеевна вернулась в свой старый кабинет в горкоме. В приемной ее ждал офицер Девятого (охрана высших должностных лиц) управления КГБ — прикрепленный к ней охранник, который станет неотлучно сопровождать ее повсюду. Хрущева сопровождала еще и машина охраны. Остальным руководителям партии полагался один охранник.

Как первый секретарь горкома Екатерина Алексеевна и так была обладателем всех благ, доступных только чиновникам высшего ранга. Но секретарю ЦК полагались не только охрана, но и большая квартира — величайшая ценность по тем временам, персональная машина, поликлиника и больница на улице Грановского, а также собственный врач…

Ей тут же подобрали государственную дачу.

«Первое, что поменялось, — это дача, — вспоминала ее

дочь. — Появился отдельный дом, за отдельным забором. Совершенно новый для моего глаза стиль: конюшня, баня, теплица, катера и даже открытая машина…»

К ее услугам были правительственные резиденции по всей стране и заграничный отдых. Одни предпочитали курорт в Карловых Варах в Чехословакии, другие ездили к Черному морю. В отпуск или в командировку Фурцева летала не рейсовым, а спецсамолетом. Ни за дачу, ни за отдых в государственной резиденции платить не надо было. Девятое управление КГБ взяло на себя не только заботу о безопасности Екатерины Алексеевны, но и бытовые проблемы — ее собственные и всей семьи.

Одни члены президиума ЦК жили в большом доме на улице Грановского, другие — по традиции — в Кремле. Трехэтажный дом, в котором находились квартиры Молотова и Микояна, больше не существует. На этом месте построили Дворец съездов. А раньше это была Коммунистическая улица, там находились гаражи, медпункт, прачечная, парикмахерская и другие службы, обеспечивавшие быт членов высшего партийного руководства. У входа в жилой дом и на каждом этаже стояли охранники.

Анастас Иванович Микоян с большим семейством занимал восьмикомнатную квартиру. Вячеслав Михайлович Молотов располагался над Микоянами. Друг с другом члены президиума практически не общались. Пригласить к себе знакомых было весьма затруднительно из-за строгой пропускной системы. Офицеры Главного управления охраны Министерства госбезопасности проверяли документы и докладывали о посетителе дежурному. У жен и детей членов политбюро были специальные пропуска, которые выдавал комендант Кремля. Мебель в кремлевских квартирах была государственная с жестяными номерками. И вообще сохранялось ощущение казенности и скуки. В комнатах еще стояли печи, которые каждое утро прислуга топила дровами.

Хрущев переселил членов президиума ЦК на Воробьевское шоссе, где построили двенадцать одинаковых двухэтажных особняков для высшего руководства страны. Особняки были отделаны мрамором и дорогими породами дерева. На первом этаже столовая и гостиная. На втором — спальня и кабинет. В особняки провели полный набор линий связи: городской и междугородной (ВЧ) правительственной, аппараты обычной московской телефонной сети и прямую линию в пункт охраны. Вокруг особняка — немалая территория для прогулок, вдоль забора асфальтированная дорожка. Высокие стены отделяли советскую элиту от горожан. Дежурный офицер открывал и закрывал ворота для черного лимузина хозяина особняка. Рядом

построили спортивно-физкультурный центр с бассейном, чтобы руководители страны и члены их семей укрепляли свое здоровье.

Секретарям ЦК не надо было ездить в продовольственный магазин для начальства на улице Грановского. Екатерина Алексеевна получила возможность заказывать продукты на спецбазе на определенную сумму, но эти цифры в рублях ничего не говорят, потому что цены на спецбазе были мифически ничтожные. Деньги никого из секретарей ЦК не интересовали: покупать, собственно, было нечего, всё или выдавали бесплатно, или платить приходилось сущие пустяки.

Сектор общественного питания хозяйственного отдела Управления делами ЦК выдавал помощникам секретарей ЦК «буфетную продукцию» (чай, сушки, кофе, молоко, печенье), а также бутерброды и оплачивал из партийного бюджета питание секретарей ЦК. На рабочем месте Екатерина Алексеевна завтракала, обедала и ужинала бесплатно, и с собой ей завертывали все, что душа пожелает.

Секретариат ЦК КПСС заседал каждую неделю по вторникам в четыре часа дня. В зал на пятом этаже приходили, помимо самих секретарей, руководители отделов ЦК, основных идеологических учреждений, начальник Главного политического управления армии и флота, главные редакторы центральных партийных изданий. Им предоставлялось право совещательного голоса — сидеть на стульях у стеночки и слушать. Иногда по ходу заседания от них требовали дать справку или высказать свое мнение.

Важнее всего были кадровые дела. Номенклатура — это перечень должностей, назначение на которые и смещение с которых проходило под контролем вышестоящего партийного комитета. Номенклатура существовала начиная с уровня райкома партии. Нельзя было, скажем, переизбрать секретаря первичной парторганизации, не согласовав кандидатуру с райкомом.

Номенклатура ЦК КПСС делилась на несколько категорий. Низший уровень — учетно-контрольная, это когда вопрос о назначении согласовывался с отделом ЦК, где с кандидатом на должность беседовал инструктор, заведующий сектором или заместитель заведующего отделом.

Номенклатура секретариата ЦК — более высокий уровень. Одних кандидатов на высокие должности приглашали непосредственно на секретариат. В день утверждались несколько десятков человек. Другие назначались путем заочного голосования секретарями ЦК. Они получали краткие личные дела кандидатов, подготовленные отраслевым отделом, и должны были в случае согласия поставить свою подпись. Часто секретари

ЦК этих людей не знали и полагались на мнение отдела.

Еще была номенклатура президиума ЦК: первые секретари обкомов, крайкомов, национальных республик, союзные министры и заместители председателя Совета министров, высший командный состав армии, послы, главные редакторы «Правды», «Известий», центрального теоретического органа партии — журнала «Коммунист». Но предварительно эти кандидатуры обсуждались на секретариате ЦК.

На заседаниях президиума решались наиболее важные проблемы страны — военные, политические, кадровые. Остальные решения принимались опросом: общий отдел ЦК с фельдъегерской связью рассылал членам президиума документы, на которых нужно было написать «за» или «не согласен».

Магнитофонные записи заседаний (даже когда такая техника появилась) исключались, во-первых, ради соблюдения секретности и, во-вторых, как ни странно это звучит — ради свободы высказываний. Еще в ленинские времена члены политбюро условились, что стенограмм не будет — все могут высказываться свободно и не думать о том, что потом кто-то прочтет запись и узнает, кто какой позиции придерживался. Только иногда, когда Хрущев созывал расширенное заседание президиума ЦК по экономическим и потому не очень секретным делам, он вызывал стенографисток, чтобы они записали его речь.

Никита Сергеевич завел ежедневные совместные обеды членов президиума ЦК в Кремле. За трапезой в неформальной обстановке обсуждались дела, поэтому никто без особой необходимости такой возможности не упускал. Никита Сергеевич любил компанию. Ввел традицию встречать Новый год на верхнем этаже Кремлевского дворца съездов. Помимо высшего руководства собирали деятелей культуры и искусства, военачальников, конструкторов, директоров. Ставили елку. Устраивали танцы. Богато сервированный стол можно и не упоминать.

Власть и влияние Фурцевой стали заметны. Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича, рассказывала, что никак не могла помочь своему дяде, бывшему первому секретарю ЦК компартии Армении Григорию Артемьевичу Арутинову, оставшемуся после смерти Сталина без работы.

«А в это время, — рассказывала Нами Микоян, — я встретила Екатерину Алексеевну Фурцеву, тогда она была одним из секретарей ЦК партии, кандидатом в члены президиума. Мы сидели рядом на футболе, и Екатерина Алексеевна меня спросила, как и где Арутинов.

Я рассказала, что он не может получить работу, серьезно

болел, сейчас поправляется, но впереди снова тупик — работы нет. Она возмутилась, сказала, что это безобразие и что постарается помочь. На другой день я была у нее в кабинете на Старой площади. Она пошла к Суслову. Не знаю, как она убедила его обойти Хрущева. По распоряжению Суслова дядя получил назначение — заведующим отделом Госплана Грузии».

Только 16 января 1958 года Екатерину Фурцеву окончательно освободили от обязанностей первого секретаря Московского горкома, чтобы она больше не отвлекалась на городские дела. Ее место неожиданно для многих занял генерал Владимир Иванович Устинов из КГБ.

Впрочем, и в Комитет госбезопасности Владимир Иванович попал случайно. 30 июля 1953 года, при смене кадров после ареста Берии и чистки органов, новым начальником Девятого управления стал не кадровый чекист, а первый секретарь Пролетарского райкома КПСС города Москвы Устинов. Это был принципиальный вопрос — Девятое управление госбезопасности ведало охраной высших руководителей партии и государства. Чекистам в тот момент не доверяли, взяли человека со стороны.

Через год, 31 мая 1954 года, Устинов получил генеральские погоны. Как начальник Девятого управления он постоянно находился рядом с Хрущевым, понравился Никите Сергеевичу и получил крупное повышение. Владимир Устинов много лет работал на заводе «Радио» — рабочим, мастером, начальником цеха. В 1940 году окончил Всесоюзную промышленную академию. В армию его не взяли, в войну так и трудился на производстве. После войны его сделали секретарем парткома завода автотракторного электрооборудования. Руководил заводом Павел Дмитриевич Бородин, будущий директор ЗИЛа.

Высокий, подтянутый, худощавый, Устинов пользовался хорошей репутацией в районе. Но, когда он вернулся в горком, коллеги Владимира Ивановича не узнали. Видимо, методы КГБ его серьезно изменили. Раньше таким резким он не был, хотя в районе он имел дело с директорами заводов, которым палец в рот не клади.

По традиции Фурцева продолжала участвовать в делах столицы. 13 марта 1958 года на президиуме ЦК обсуждался вопрос о внедрении в городское хозяйство Москвы троллейбусов и «других видов транспорта на электротяге для перевозки пассажиров и грузов». Вместе с первым секретарем МГК КПСС Устиновым на заседание пригласили председателя Мосгорисполкома Николая Ивановича Бобровникова и начальника Главного управления грузового транспорта Москвы

Иосифа Михайловича Гобермана. Договорились строить грузовые троллейбусы и электромобили (на аккумуляторах), развивать троллейбусное движение, а в пригородах и на окраинах — трамваи. Кроме того, говорили о необходимости озеленения Садового кольца, расширения тротуаров, об уборке снега. Москвичам посоветовали проявлять инициативу и смелее ставить вопросы перед руководством страны.

Семнадцатого июня 1961 года на президиуме ЦК обсуждали программу жилищного строительства и качество строительных работ. Фурцева как недавний руководитель столицы высказалась против пятиэтажек:

— Я хотела сказать, какие доводы москвичи приводят за восьмиэтажное строительство в Москве. Может быть, для всей страны не надо идти наверх, металла не хватит, но для Москвы стоит более внимательно посмотреть, потому что страшно расширяются границы города. Стройки уже за Кунцево пошли. Транспортировка очень затруднена, люди работают на ЗИЛе, а ездят из новых районов. Один километр метрополитена стоит один миллиард. Мысль такая, чтобы поплотнее строить, чтобы не расширялись границы.

Хрущев с ней не согласился:

— Это не новый довод. Я считаю, что строительство должно быть в четыре-пять этажей. Москва же не является исключением. Если исключить Москву, тогда пойдет Ленинград, Киев. Принцип должен быть один…

Владимир Устинов оставался первым секретарем Московского горкома три года. На этом посту он оказался слабее Фурцевой. В 1960 году его отправили послом в Венгрию.

Освободившись от городских дел, Екатерина Алексеевна активно занялась общесоюзными. На заседаниях президиума обсуждалось все, что происходило в стране. Фурцева высказалась за строительство новых кинотеатров и развитие сети радиовещания, за увеличение пособий многодетным семьям, участвовала в обсуждении ситуации в Азербайджане, вопроса о строительстве Карагандинского металлургического завода… Ее слово было решающим. Летом 1958 года Совет министров СССР принял постановление о строительстве в девятнадцати городах больших кинотеатров (больше тысячи зрительских мест).

Четырнадцатого декабря 1959 года заседание президиума стенографировалось, поскольку обсуждался важнейший для Хрущева вопрос о проекте новой программы партии. После его вступительной речи слово взяла Екатерина Алексеевна Фурцева:

— Ваше выступление, Никита Сергеевич, является материалом многим нашим пропагандистам для размышления о

новом периоде… Относительно экономической программы. Очень хорошо сказано… Относительно демократических предложений. Трудно сказать сильнее… Сейчас вражеская пропаганда использует эту нашу сторону… Мы вынуждены доказать, что у нас действительно демократизация. Нам и вопросы по этому поводу задают. Наша экономика находится в некотором противоречии с формой демократического управления, это то, что вы говорили, Никита Сергеевич… И если будет сменность, будут новые силы прибывать в партию, в советское строительство, это будет величайшее дело. И если через год будет эта программа, этот документ, то это еще раз подтвердит нашу силу. Даже трудно представить себе, как это будет воспринято в нашем народе. Это создаст еще большую уверенность…

Фурцева оставалась надежным помощником Хрущева и была уверена, что и Никита Сергеевич доволен ее работой.

Убийца Джона Кеннеди, президента Соединенных Штатов Америки, Ли Харви Освальд родился 18 октября 1939 года в Новом Орлеане, через две недели после смерти его отца, работавшего в страховой компании. Его мать не могла растить троих мальчиков. Старшие братья выросли в детском доме и пошли на военную службу в семнадцать лет. Ли тоже мечтал поступить в корпус морской пехоты вслед за братом Робертом.

Восемнадцатого октября 1956 года ему исполнилось семнадцать лет, и он сразу подал заявление с просьбой призвать его на военную службу. Он захотел стать оператором радиолокационной станции в американской армии. Вторая военная специальность — снайпер. Он добился неплохих результатов в стрельбе, потому что с детства любил охоту и обожал оружие. Это важное обстоятельство, поскольку часто ставится под сомнение его умение хорошо стрелять. Освальд окончил всего девять классов, что ограничивало возможности продвижения в армии. Он считал себя недооцененным. Он служил на американской военной базе в Японии. В октябре 1957 года выписал себе по почте из Америки пистолет. Это было нарушением правил. Его отдали под суд за владение незарегистрированным оружием. Приговорили к двадцати дням тяжелых работ, понизили в звании до рядового. Он подрался с сержантом и угодил в карцер на месяц. Оттуда он вернулся другим человеком — холодным и злобным.

Возможно, тогда у него и родилась мысль — раз ничего не получилось в американской армии, раз к нему отнеслись так плохо, бежать в Советский Союз и начать новую жизнь. Тем более что с юности он интересовался левыми идеями. Неожиданно

приступил к изучению русского языка, на вопросы сослуживцев отвечал русскими словами «да» или «нет». Сослуживцы придумали ему кличку «Освальдович» и ласково называли «советским шпионом».

В 1959 году подошла к концу его военная служба. Он подал документы в колледж имени Альберта Швейцера в Швейцарии, где изучают искусства. 23 марта 1959 года Освальд сдал экзамены, получил эквивалент школьного диплома, что позволяло ему поступить в колледж. В Новом Орлеане он купил билет на пароход и приплыл в Гавр. Через Лондон добрался до Хельсинки, где обратился в советское посольство за визой. 14 октября 1959 года он получил туристскую визу на шестидневную поездку. 15 октября он сел на поезд и на следующий день был уже в Москве.

В советской столице он неожиданно попросил политического убежища. Американцы делают это не каждый день, потому его делом занимался начальник контрразведки генерал Олег Михайлович Грибанов. Он доложил о молодом американце тогдашнему председателю КГБ Александру Шелепину. Председатель распорядился избавиться от Освальда: пусть уезжает к себе на родину.

Освальд отказался покидать Советский Союз. 31 октября 1959 года он пошел в американское посольство в Москве и демонстративно отказался от американского гражданства. Его хотели выслать, но он пытался покончить с собой — вскрыл себе вены.

Самоубийца нередко и не пытается уйти из жизни. Он надеется, что его спасут. Ему важно привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие. Но отнюдь не все, кто оказался в самом трудном положении, пытаются покончить с собой. Попытка перерезать себе вены очень многое говорит о личности Освальда, о его сложной и болезненной психике, о глубоко скрытой внутренней агрессии.

«В комитете госбезопасности, — вспоминает полковник Виктор Черкашин, работавший в Первом главном управлении КГБ по линии внешней контрразведки, — считали, что у Ли Харви Освальда не все в порядке с головой. Это стало ясно, когда он попытался совершить самоубийство в Москве. Его не только не считали подходящим для вербовки, но и подозревали, что он агент ЦРУ».

Вопрос доложили секретарю ЦК Фурцевой. Екатерина Алексеевна явно расположилась к молодому человеку. Похоже, она поверила в его искренность. Возможно, на нее произвела впечатление его готовность покончить с собой. Как будто Фурцева

чувствовала, что настанет момент, когда и она сама попытается лишить себя жизни в знак протеста против вопиющей, невиданной, немыслимой несправедливости!.. Екатерина Алексеевна по-матерински разрешила ему остаться.

Отправили американца в Минск. Это был крупный город в европейской части страны, при этом контакты Освальда с иностранцами практически исключались. В столице Советской Белоруссии в ту пору иностранных журналистов и дипломатов не было — только представительства социалистической Польши и Восточной Германии.

В КГБ Белоруссии мне подготовили справку о минском эпизоде жизни Освальда:

«1 декабря 1959 года распоряжением Совета министров СССР Ли Харви Освальду было предоставлено право временного проживания на территории СССР сроком на один год. В последующем предполагалось решить вопрос о предоставлении ему права постоянного проживания в Советском Союзе и получении советского гражданства.

Местом проживания определили Минск. Ему было предложено устроиться на радиозавод в качестве ученика с заработной платой в 780 рублей (кроме того, предполагалась ежемесячная компенсация по линии Красного Креста в размере 700 рублей, а также выделение 5000 рублей на оборудование квартиры).

В начале января 1960 года Ли Харви Освальд прибыл в столицу БССР и поселился в гостинице „Минск“ (номер 453).

В марте 1960 года американцу от радиозавода была предоставлена однокомнатная квартира в новом доме по адресу: ул. Коммунистическая, дом 4, квартира 24.

В Минске Ли Харви Освальд вел себя замкнуто. Хотя и называл себя марксистом и коммунистом, но никакого интереса к политической литературе, в том числе произведениям классиков марксизма-ленинизма, не проявлял. Высказывал намерение поступить учиться в Институт иностранных языков, для чего много времени уделял изучению русского языка.

В апреле 1960 года Ли Харви Освальд женился на ассистентке аптеки 3-й клинической больницы М. Н. Прусаковой. Брак был зарегистрирован Бюро ЗАГС Ленинского района Минска. Познакомился Освальд с Прусаковой на танцах в мединституте.

В декабре 1960 года Ли Харви Освальд установил переписку с американским посольством в Москве и начал изыскивать возможность возвращения в США».

Русскому языку по просьбе парторга цеха его учил будущий председатель Верховного совета Белоруссии Станислав

Шушкевич, который работал на том же заводе.

Странная это, конечно, была картина. В перерыве рабочие играли в домино. Освальд читал книгу. «Забивать козла» так и не научился. Он вполне ладил с товарищами по цеху. Только однажды подрался, и стало ясно, как легко он теряет внешнее спокойствие. Он охотно ходил в кино и театры, смотрел мотогонки на стадионе «Динамо». Заглядывал в кафе «Весна», булочную № 48, закусочную-автомат и гастроном на площади Победы. Любил танцы. Товарищи по цеху брали его на охоту.

«На охоте на уток мне с Освальдом довелось быть дважды в одной компании, — вспоминал инженер-конструктор Евсей Лившиц. — Помню, как спали на полу в деревенской хате где-то на Вишневском озере. Освальд не отличался особым умением в стрельбе по уткам, хотя и хвастался этим. У него в значительной степени получалось освоение великого и могучего русского языка, особенно в части ненормативной лексики… А вообще-то он производил впечатление честного и порядочного молодого человека, не способного на плохие поступки…»

В архиве КГБ Белоруссии хранятся толстые папки, которые все еще не рассекречены. Это подробные, поминутные отчеты о том, чем именно занимался Освальд, дословные записи его разговоров. Надо понимать, установленная в его квартире аппаратура прослушивания никогда не выключалась… И рядом с ним постоянно находились доверенные лица госбезопасности. Чекисты никогда не выпускали его из поля зрения. Судя по всему, Освальда до последнего подозревали в двойной игре.

Если бы Освальда считали пригодным для вербовки, если бы КГБ связывал с ним далеко идущие планы, его бы не на завод устроили, а поселили на конспиративной квартире под чужим именем. И никто бы в Минске его не знал…

На самом деле белорусских чекистов не покидала уверенность в том, что американец — агент ЦРУ. В отличие от Екатерины Алексеевны Фурцевой они Освальду не верили. Как только он разочаровался в советском образе жизни и захотел уехать, с ним с радостью расстались.

Марина не хотела уезжать в Америку. Они ссорились. В Освальде проснулся его бурный темперамент. Микрофоны, установленные оперативно-техническим управлением КГБ, фиксировали выяснение отношений между супругами на повышенных тонах. И все-таки Марина не захотела оставаться одна с маленьким ребенком. Освальд сохранял американское гражданство, поскольку отказался от него только декларативно. Он имел право на ссуду для возвращения на родину. А его жене и ребенку понадобились въездные визы. Их выдал работавший в

консульстве Джек Мэтлок, будущий посол Соединенных Штатов в Москве. 1 июня 1962 года Освальд покинул Советский Союз.

На родине он тоже не сумел устроиться. Странник между двумя мирами, он везде чувствовал себя чужим и ненужным. Да и семейная жизнь не удалась. Периодически Освальд писал в консульский отдел советского посольства в Вашингтоне, жаловался на свою жизнь. Время, проведенное в Минске, казалось счастливым и беззаботным. Он обзавелся винтовкой, которая придавала ему уверенности. В следующем году он убил президента Соединенных Штатов Джона Кеннеди.

Недостатка в версиях — почему он это сделал, в том числе самых фантастических, нет. Но версию убийцы-одиночки опровергнуть пока что никому не удалось. Убийцами не рождаются. Молодой веселый парень, ученик слесаря на радиозаводе, конечно же не был преступником, поэтому все, кто его знали в Минске, и не верят, что это он сделал. Хотя некоторые его поступки, начиная с попытки самоубийства, свидетельствуют о странности его натуры, о страстях, бушующих в его душе, о внутренней агрессии, которая рано или поздно должна была выплеснуться.

Но он не успел ни дать показания, ни побывать в руках психоаналитиков. Так что история убийства Кеннеди оставляет широкий простор для фантазии. А теперь, наверное, слишком поздно. Реального Ли Харви Освальда уже словно и не существовало. Есть множество литературных и кинообразов, степень достоверности которых зависит от мастерства и осведомленности автора.

Впрочем, один вопрос остается. Если бы Екатерина Алексеевна Фурцева не дала волю своим чувствам и не разрешила Освальду остаться в Советском Союзе, как это повлияло бы на его судьбу? Стал бы он убийцей американского президента?

С 20 января по 6 февраля 1960 года в Индии и Непале находилась большая советская делегация. В нее входили Ворошилов, Фурцева и Фрол Романович Козлов, член президиума ЦК и первый заместитель председателя Совета министров. Формально Ворошилов был главой делегации, фактически — Козлов, которого Хрущев перевел из Ленинграда и сделал своей правой рукой.

Девятого февраля, через два дня после возвращения делегации, на президиуме ЦК обсуждали итоги поездки. В протокол записали ритуальную формулу:

«Одобрить работу, проведенную делегацией в составе тт. Ворошилова, Козлова и Фурцевой во время пребывания в Индии и

Непале, и считать результаты поездки полезными».

На самом деле обсуждение было не таким гладким. Фрол Козлов сообщил, что по вине Ворошилова были «недоразумения». Фурцева уточнила:

— Когда вышли из всемирно известного мавзолея Тадж-Махал в индийском городе Агре, недовольный Климент Ефремович плюнул. А индийцы кинохронику выпустили.

Сопровождавший делегацию первый заместитель министра иностранных дел Василий Васильевич Кузнецов, терпеливейший человек, пожаловался:

— Товарищ Ворошилов с претензией заявлял, чтобы его больше показывали, обзывал меня подхалимом.

Министр Громыко, который всегда знал, что нужно говорить, припомнил все прежние грехи Ворошилова на встречах с иностранными делегациями. Самым ярким примером были слова Климента Ефремовича на переговорах с президентом Италии Джованни Гронки и министром иностранных дел Джузеппе Пелла. Престарелый маршал, устав от переговоров, сказал итальянцам просто:

— Давайте кончать базар.

Никита Сергеевич, подводя итоги обсуждения, предложил «считать полезной работу делегации», а относительно Ворошилова заметил с намеком:

— Самолюбие заедает товарища Ворошилова. Надо бы товарищу Ворошилову самому попроситься на отдых.

С ним уже случались неприятности по дипломатической линии. 7 июня 1958 года на заседании президиума ЦК разбирали телеграмму советского посла в Париже, который излагал недовольство французских коммунистов публичным заявлением Ворошилова. На приеме в финском посольстве Ворошилов сказал корреспондентам, что если генерал Шарль де Голль придет к власти, то отношения между двумя странами будут хорошими. Слова Климента Ефремовича воспринимались как поддержка де Голлю со стороны Советского Союза. Французские коммунисты требовали опровержения.

Екатерина Алексеевна Фурцева сказала тогда, что Ворошилов не имел права говорить о де Голле «до определения нашей линии», это нанесло морально-политический удар по французской компартии. Брежнев предложил осудить поступок Ворошилова как самовольство, из-за которого разгорелся скандал.

— Вас надо строго осудить и предупредить, — грозно сказал амбициозный Николай Григорьевич Игнатов, член президиума и секретарь ЦК.

С оступившимися товарищами поступали по всей строгости большевистского закона. Председатель Комитета партийного контроля Николай Михайлович Шверник разговаривал с маршалом по-свойски, советовал ничего не отрицать и не оправдываться:

— Ты начинаешь упираться. От этого толку не будет. Не сопротивляйся. Иногда ты вольничаешь.

Но Ворошилов твердо следовал принципу ни в чем не признаваться:

— С этими господами я никогда не разговаривал. То, что написано, выдумка. Моя вина, что вообще вступил в разговор. Повод дал для их разглагольствований. Виноват.

Члены президиума ЦК записали в постановлении:

«Осудить высказывание т. Ворошилова К. Е. как безответственное и нанесшее ущерб интересам внешней политики Советского Союза. Предупредить т. Ворошилова о недопустимости подобных противоречащих позиции ЦК КПСС высказываний».

Последней каплей стала встреча Ворошилова с сыном Сталина.

На следующий день после смерти вождя Василий Иосифович Сталин превратился в человека, ведущего антисоветские разговоры и потому опасного. Наказание настигает сына Сталина с поразительной быстротой. 26 марта 1953 года приказом министра обороны Булганина генерал-лейтенанта Сталина уволили в запас без права ношения военной формы. Через два месяца, 28 апреля, арестовали.

Василия Сталина судила военная коллегия Верховного суда — ускоренным порядком, принятым после убийства Кирова в 1934 году: без адвоката и без прокурора. Такую практику придумал его отец, чтобы поскорее отправлять на тот свет «врагов народа». Не думал, наверное, что это обернется против его собственного сына. Приговор — восемь лет лишения свободы. Его должны были отправить в лагерь, но держали во Владимирской тюрьме, подальше от людей.

Сталин провел в заключении шесть лет и восемь месяцев. Во Владимирской тюрьме сына вождя держали под фамилией «Васильев». Он, совсем еще молодой человек, уже сильно болел — видимо, на почве неумеренного употребления горячительных напитков. Да и советская тюрьма быстро разрушала здоровье.

Хрущев как-то поинтересовался у председателя КГБ Шелепина:

— А как ведет себя Василий Сталин? Поговорите с ним, посоветуйтесь со Светланой.

Шелепину сын вождя поклялся, что будет вести себя достойно.

Хрущев сказал:

— Я за то, чтобы его освободить.

Пятого января 1960 года председатель КГБ Шелепин и генеральный прокурор Руденко предложили амнистировать сына Сталина. 8 января предложение приняли после короткого обсуждения на президиуме ЦК. 11 января президиум Верховного Совета СССР освободил Василия Сталина от дальнейшего отбытия наказания и снял с него судимость. Ему обещали трехкомнатную квартиру в Москве, военную пенсию, единовременное пособие в тридцать тысяч рублей и путевку в санаторий на три месяца. Но ничем этим Василий Сталин практически воспользоваться не успел.

Девятого апреля с ним по-отечески беседовал Климент Ефремович:

— Я тебя знаю со дня, когда ты появился на свет, приходилось нянчить тебя. И я желаю тебе только добра. Но сейчас буду говорить тебе неприятные, плохие вещи. Ты должен стать другим человеком. Ты еще молодой, а вот какая у тебя лысина. У отца твоего не было, хотя он дожил до семидесяти четырех лет. Все это потому, что ты ведешь слишком бурную жизнь, живешь не так, как нужно. Ты носишь фамилию великого человека, ты его сын, и не должен это забывать…

Василий каялся, просил дать ему работу. Запись разговора Ворошилов отправил Хрущеву:

«Беседа записана слово в слово. Василий Сталин вел себя скромно и немножко испуганно, как мне показалось, но был вежлив и предупредителен в разговоре. Просит дать ему работу, связывая ее с своим поведением — „Дайте мне работу и я исправлюсь“ — все время твердил об этом.

Сообщи, пожалуйста, и свое мнение, и предложение по существу».

Хрущеву беседа Ворошилова со Сталиным не понравилась.

Четырнадцатого апреля 1960 года Шелепин и Руденко доложили в ЦК:

«Несмотря на даваемые ЦК КПСС заверения, В. Сталин систематически пьянствует, проводит время в кругу лиц с низкими моральными качествами, пьяницами… допускает враждебные разговоры антисоветского порядка и возводит клевету на отдельных руководителей Коммунистической партии и Советского правительства…

В. Сталин на днях посетил китайское посольство, где якобы, по его словам, оставил письмо на имя Мао Цзэдуна. Подробности

разговора в посольстве и содержание этого письма нам не известны. По имеющимся у нас данным, В. Сталин намерен пойти в китайское посольство и остаться там…»

Пятнадцатого апреля 1960 года на президиуме ЦК обсуждали, что делать с Василием Сталиным. Ворошилов рассказал, как он принимал «этого дурачка». Все накинулись на Ворошилова, хотя ничего дурного Климент Ефремович не сделал. Но члены партийного руководства поняли, что Хрущев заказал проработку Ворошилова…

— Василий Сталин — предатель родины, его место в тюрьме, а вы его приласкали, — отчитал маршала Фрол Козлов. — После беседы с товарищем Хрущевым он никуда не побежал, а после разговора с вами побежал в китайское посольство.

Василий Иосифович хотел просить китайское посольство разрешить ему поехать в Китай для лечения и работы. Отпускать сына вождя в Китай, отношения с которым портились на глазах, партийное руководство не собиралось.

Фурцева заключила:

— Что касается Василия Сталина, надо его изолировать. — Укорила Ворошилова: — Василий Сталин дискредитирует вас и президиум ЦК.

В решении президиума ЦК записали:

«Президиум ЦК считает неправильным поведение т. Ворошилова К. Е. в связи с приемом им В. Сталина. Зная об антиобщественном поведении последнего, т. Ворошилов проявил беспринципность к В. Сталину, не придал политического значения содержанию беседы с ним, вел ее невыдержанно».

Сталина-младшего вернули в места лишения свободы. Хрущев окончательно решил отправить Ворошилова на пенсию. Некоторые члены президиума ЦК не подозревали, что и их уберут с высоких постов в один день с Климентом Ефремовичем.

Но вернемся к двухнедельной поездке советской делегации в Индию. Екатерина Алексеевна взяла с собой юную дочь Светлану, Фрол Козлов — жену. Александра Константиновна Козлова искала своему сыну подходящую жену. Ей очень пришлась по душе дочь Екатерины Алексеевны. Она окончила музыкальную школу, поступила в МГИМО. Александра Константиновна принялась устраивать этот брак.

«Жена Фрола Романовича, — вспоминала Светлана Фурцева, — несколько раз звонила, куда-то приглашала… Александра Константиновна слыла большой театралкой и выбрала какой-то хит в театре Сатиры, от которого мне было трудно отказаться. Заказала билеты, и мы с Олегом встретились. Он мне сразу понравился: высокий, с большими зелеными

глазами, с красивыми волосами, хорошими манерами. Учился в Институте стали и сплавов, был старше меня на четыре года, много и интересно рассказывал о Ленинграде, который любил и знал. И вот вместо театра мы пошли в ресторан „Пекин“. С этого все и началось… Познакомились в конце марта, через месяц подали заявление…»

Союз Олега Козлова и Светланы Фурцевой казался вдвойне удачным — молодые соединили свои жизни по любви, но брак был еще и династическим: детей женили два члена президиума ЦК.

Удивительным образом не только с самой Фурцевой, но и с ее дочерью связывают некие детективные истории. В 1950-е годы поклонники футбола восхищались игрой знаменитого нападающего «Торпедо» Эдуарда Стрельцова. На него возлагались особые надежды, когда наша сборная готовилась к мировому футбольному чемпионату в Швеции в 1958 году. Вдруг Стрельцова арестовали за изнасилование школьницы. Вместо чемпионата мира его отправили отбывать наказание.

Среди болельщиков пошли разговоры, что Стрельцову сломала жизнь Екатерина Алексеевна Фурцева, дескать, это была материнская месть.

После Олимпиады в Мельбурне в 1956 году в Кремле давали прием в честь советских футболистов. Фурцева, хозяйка Москвы, привела с собой юную дочку. Как будто бы Екатерина Алексеевна уже думала о будущем дочери и искала ей жениха. Решила познакомить ее с красавцем восемнадцатилетним нападающим сборной Эдуардом Стрельцовым:

— Она так за вас переживала.

Уже выпивший Стрельцов взглянул на худенькую девочку и сказал…

Называют три варианта его фразы:

— Я свою Алку ни на кого не поменяю, спасибо.

— У меня невеста, я собираюсь жениться.

— У меня нет телефона, некуда будет звонить.

Словом, Екатерина Алексеевна будто бы обиделась, что ее дочкой пренебрегли. 1 июня 1958 года ей принесли дело Эдуарда Стрельцова. Она могла принять разные решения. Но пошла к Хрущеву со своими комментариями. Тот сказал: посадить и надолго. 22 июля 1958 года, еще до суда, опубликовали фельетон «О звездной болезни». Там речь шла о Стрельцове. Приговор был предопределен. Когда судья назвала срок, его мать упала в обморок. Знаменитый футболист получил за изнасилование школьницы пятнадцать лет, отсидел двенадцать…

Вот такая история получила распространение в те годы. На

самом деле Эдуард Стрельцов даже не обжаловал приговор. Он знал, что он совершил. И Фурцева тут ни при чем. В 1956 году ее дочери было всего четырнадцать лет. В любом случае рановато подыскивать жениха…

Светлане Фурцевой еще не исполнилось восемнадцати, когда она вышла замуж за Олега Козлова. Свадьбу играли на даче Фрола Романовича Козлова.

«Приехали Хрущев, Брежнев с женами и детьми, — рассказывала Светлана. — Поэтому свадьба была как бы не моя. Пили в основном за Хрущева, иногда за новобрачных… Но все выглядело очень красиво. Столы накрыли в саду под белыми цветущими вишнями… Потом жили в двухэтажном особняке Козловых на Ленинских горах…»

Тамадой был Леонид Ильич Брежнев.

Светлана Фурцева еще училась в институте, когда родила. Она сомневалась, хочет ли ребенка, — отношения с мужем не очень ладились. И опять же мама, теперь уже Екатерина Алексеевна, отговорила дочку от аборта. Все повторялось в этой семье. Девочку назвали Мариной — настояла свекровь. Светлана предпочла бы другое имя — Катя, в честь матери.

Светлана перешла на факультет журналистики Московского университета, где учиться было полегче, особенно на редакторском отделении. Потом работала в телевизионной редакции агентства печати «Новости», которая помогала иностранным съемочным группам. Проработав в АПН три года, по настоянию матери пошла в аспирантуру, защитила диссертацию, работала в Институте истории искусств.

Семья распалась в 1968 году. Олег Козлов ушел, когда дочке было пять лет. Екатерина Алексеевна возражала против развода дочери. Она сама десять лет после ухода мужа оставалась одна. Светлана Фурцева жила на Кутузовском проспекте с няней, которая растила ребенка вместо матери. Опять повторение семейной истории…

Светлана встретила другого мужчину. Игорь Васильевич был женат, у него росла дочь. Светлана не хотела называть журналистам его фамилию, объясняла туманно: «Работал он в такой организации, где развод был равносилен краху карьеры». Журналисты сделали вывод, что ее новый избранник из разведки.

Игорь Васильевич все-таки решился уйти из семьи и переехал к Светлане. Брак оказался счастливым, но недолгим. Игорь серьезно заболел. И скоропостижно скончался по дороге домой. Светлана Фурцева больше не вышла замуж…

А вокруг ее первого мужа развернулась целая интрига. Американские исследователи уверяли, что сын Фрола Козлова и

зять Екатерины Фурцевой был офицером КГБ. Летом 1966 года он приехал в США и предложил свои услуги ЦРУ. В подтверждение серьезности своих намерений выдал американцам одного агента советской разведки.

На деле это была комбинация, задуманная в КГБ. Он должен был на самом деле убедить Вашингтон, что Москва не причастна к убийству президента Джона Кеннеди, и заодно добраться до перебежчика — бывшего советского офицера Николая Шадрина. Тот служил на флоте и еще в 1959 году во время короткой стоянки в польском порту бежал в Швецию. Его переправили в США, дали новое имя — Николай Артамонов.

История эта сложная и запутанная. Разные источники излагают ее по-разному.

Сестра Олега Козлова Ольга Фроловна подала в суд на московских журналистов, которые об этом писали. Она сообщила, что ее покойный брат в Комитете госбезопасности не служил. Олег Козлов окончил Московский институт стали и сплавов и трудился в конструкторском бюро «Салют», в Соединенных Штатах никогда не был и скончался в октябре 2001 года. При Хрущеве служба в КГБ, даже в разведке, не считалась такой уж престижной. В конце 1950-х карьерные юноши из советской элиты выбирали себе другую стезю. Что касается детей высших руководителей государства, то им идти в разведку считалось нецелесообразным. Прокол или провал на оперативной работе за границей сына члена президиума ЦК привел бы к громкому скандалу, которого и спецслужбы, и государственный аппарат в целом старались избегать.

Если первый зять Фурцевой Олег Козлов не имел отношения к разведке, то о ком же идет речь?

Бывший генерал КГБ Вячеслав Ервандович Кеворков, служивший во Втором главном управлении (контрразведка), называет имя офицера, отправленного в Соединенные Штаты с заданием установить контакт с перебежчиком: «Качнов, который, кстати, был в то время зятем достаточно яркой личности в советском руководстве — Екатерины Фурцевой, члена ЦК КПСС и министра культуры».

Игорь Качнов был сотрудником второй службы Первого главного управления КГБ СССР. Вторая служба — это внешняя контрразведка, ее обязанность выявлять вражеских агентов в собственных рядах. Руководил внешней контрразведкой Олег Данилович Калугин (ныне обвиненный в предательстве). Юрию Андропову нравился агрессивный вербовочный стиль работы Калугина, поэтому Олег Данилович стал самым молодым в КГБ генералом. Калугин пишет в своей книге, что делом Шадрина

занимался его помощник. Так, может быть, речь идет о втором муже Светланы Петровны Фурцевой — том самом Игоре, профессию которого она старательно скрывала?

Ко времени появления Игоря Качнова в Соединенных Штатах бывший советский моряк Шадрин больше не представлял интереса для американской разведки, и Качнов смог с ним встретиться. Игорь привез ему письма от жены и сына, оставшихся в Ленинграде, и перевербовал: уговорил работать на родную страну, обещав прощение в обмен на информацию об американском военном флоте.

«Прибыв в США для вербовки Шадрина-Артамонова, — вспоминает генерал Кеворков, — Качнов обратился за помощью к ЦРУ, дав согласие на сотрудничество. Американские разведчики, оформив вербовку Качнова, дали указание одному предателю — Шадрину — завербоваться у вновь испеченного предателя Качнова».

Потом, впрочем, у КГБ возникли подозрения. Пришли к выводу, что Николай Шадрин на самом деле их обманывает, работает под диктовку ЦРУ. Тогда Шадрина выманили в Австрию, чтобы похитить. Во время операции что-то произошло. По одним рассказам, бывшего морского офицера случайно убили, по другим — у перебежчика не выдержало сердце, когда ему вкололи слишком сильный седативный препарат…

Игоря Качнова, второго зятя Фурцевой, знал известный писатель Эдуард Хруцкий:

«У Игоря была удивительная особенность моментально знакомиться с девушками на улице… Он был умен, начитан, деликатен… Потом я узнал, что он перевел пьесу для театра „Современник“. Вышел фильм по его сценарию… Меня это нисколько не удивило, Игорь рассказывал о своем интересе к изящной словесности, о том, что потихонечку пишет рассказы… И вдруг я узнал, что он скоропостижно скончался».

Но на этом история не заканчивается. Со слов генерала Кеворкова можно предположить, что и в отношении Игоря Качнова у руководства Комитета госбезопасности возникли сомнения. «То, что сам Качнов, — пишет Кеворков, — в это время уже действовал по велению американцев, стало известно много позже». Удивляться нечему: в этой сфере подозрительность не знает границ…

В 1957 году, одолев «антипартийную группу» и отправив в отставку маршала Жукова, Хрущев обрел всю полноту власти. Тем не менее в последующие годы он непрерывно убирал тех, кто стоит рядом. Всего три года Фурцева пребывала на вершине власти. Низвержение с Олимпа стало для нее полной

неожиданностью. В отличие от Молотова или Маленкова она вовсе не была противником Хрущева.

Четвертого мая 1960 года Никита Сергеевич в наступательном духе провел заседание президиума ЦК по кадровым делам — произвел большие перестановки в высшем руководстве. Договорились, что Ворошилов обратится к Верховному Совету с письмом об освобождении его от должности председателя президиума. А его пост займет Леонид Ильич Брежнев.

Хрущев ввел в президиум ЦК трех человек, которые по иронии судьбы сыграют важную роль в его свержении: Алексея Николаевича Косыгина (одновременно сделал его своим первым заместителем в правительстве), руководителя Украины Николая Викторовича Подгорного и председателя Совета министров РСФСР Дмитрия Степановича Полянского. Появился и новый секретарь ЦК — Фрол Романович Козлов.

На этом хорошие новости закончились. Хрущев объявил недовольно:

— Секретариат — слишком объемистый, удельный вес секретарей в президиуме ЦК излишне большой.

Как будто бы не он сам их всех назначал! В тот день Никита Сергеевич убрал сразу пятерых секретарей Центрального комитета: Кириченко, Игнатова, Аристова, Мухитдинова и Фурцеву. Такого еще не было. Маленькая кадровая революция.

Алексея Илларионовича Кириченко Хрущев в свое время перевел в Москву из Киева. Кириченко понравился ему энергией и напором. На XX съезде он обратился к Хрущеву:

— Между прочим, мне хотелось бы обратить внимание на то, почему у нас не соревнуются между собой республики, а если некоторые и соревнуются, то негласно. Очень многие колхозники, работники совхозов и МТС Украины высказывают пожелание, чтобы организовать соревнование между республиками.

— А с кем бы вы хотели соревноваться? — заинтересовался Хрущев.

— Отвечаю, — не смутился Кириченко, — Украина могла бы соревноваться с Российской Федерацией как самые крупные республики. А чего же!

Хрущев сделал Алексея Илларионовича фактически вторым человеком в партии. Но товарищи по партийному руководству наперебой жаловались на откровенное хамство и диктаторские замашки Кириченко.

Екатерина Фурцева говорила на президиуме:

— Получилось так, что все кадровые дела сосредоточились в руках товарища Кириченко. Хотя никто не поручал ему

курировать военные кадры и кадры Комитета госбезопасности. Получилось так, что все назначения зависят от Кириченко. Скажет: «Я его не видел. Я его не знаю» — и все. Без него ничего не решишь: «Вот вернусь из отпуска, тогда решим». А у товарища Кириченко много личных недостатков — честолюбие, властолюбие.

Хрущев считал, что Кириченко не выдержал испытания властью — зазнался и пользы от него немного. Он вывел Кириченко из президиума ЦК, с большим понижением услал первым секретарем обкома в Ростов, а вскоре спровадил на пенсию.

Вслед за Кириченко покинул свой кабинет на Старой площади Николай Григорьевич Игнатов. Его приметил еще Сталин и на последнем при своей жизни съезде, в октябре 1952 года, сделал секретарем ЦК и одновременно министром заготовок. В марте 1953-го в новом руководстве для Николая Игнатова места не оказалось и ему пришлось все начинать заново.

Его послали руководить Воронежским обкомом. В этой роли Игнатова наблюдал Борис Иванович Стукалин, будущий завотделом пропаганды ЦК КПСС, а в ту пору редактор областной газеты «Молодой коммунар»:

«Это был опытный, я бы сказал, прожженный партаппаратчик, мастер интриги и социальной демагогии. Но его подлинная суть многим стала понятна позже. Тогда мы восхищались демократизмом первого секретаря, который нередко пользовался трамваем, стоял в очереди за макаронами и селедкой, мог свободно вести беседы в окружении толпы. Нас всех поражала смелость и острота суждений нового лидера. На первом же пленуме обкома Игнатов заявил:

— Это позор, когда на трудодень в колхозах выдают по триста граммов зерна! Как люди только терпят такую власть, которая не в состоянии обеспечить их самым необходимым! Мы в корне изменим такое положение…

Примерно через год, когда уже нельзя было ограничиваться критикой прежних руководителей, а самому надо отвечать за дела в области, тон выступлений первого секретаря заметно изменился. В 1954 году был собран скудный урожай. А центр жестко требовал сдачи зерна государству. Игнатов созывает пленум обкома. И что же мы услышали?

— Область обязана выполнить план хлебозаготовок любой ценой. Надо покончить с вредными разговорами о том, что триста граммов зерна на трудодень — слишком мало. Заелись! Этого вполне достаточно».

Когда Хрущева попытались свергнуть, Игнатов, вовремя сориентировавшись, бросился на его защиту. В благодарность за это в декабре 1957 года Хрущев вновь сделал его секретарем ЦК. Но быстро в нем разочаровался: амбиции не по амуниции. Груб и резок, берет горлом, интриган и демагог, но мало что умеет.

Если Фрола Козлова Хрущев перевел из правительства на Старую площадь, то Николая Игнатова, напротив, назначил заместителем председателя Совета министров. Но не первым, а одним из многих, что означало серьезное понижение.

Петр Николаевич Поспелов казался Хрущеву слишком догматичным, скучным и безынициативным. Он уже приметил других людей на идеологическом поприще. Ему нравился Леонид Федорович Ильичев, моторный, с быстрой реакцией и неплохим образованием — он окончил Институт красной профессуры. В 1958 году Хрущев уже поручил Ильичеву заведовать отделом пропаганды и агитации ЦК, вскоре сделает секретарем ЦК и председателем Идеологической комиссии.

Петру Поспелову и Аверкию Аристову Никита Сергеевич поручил «сосредоточиться на работе в Бюро ЦК по РСФСР». Но это было лишь первым шагом. Уже через полгода, 20 января 1961 года Аверкия Борисовича освободили от обязанностей члена президиума ЦК и заместителя председателя бюро ЦК по РСФСР.

Хрущев пренебрежительно заметил:

— Товарищ Аристов оказался человеком спокойным, «вольным казаком». Подъедет, скажет речь и… только. Он честный и хороший человек, но как работник очень слабый. А с большими претензиями на знание сельского хозяйства. Он же пытался теоретически обосновать свои взгляды на ведение сельского хозяйства в Сибири. А теория-то липовая, подточена, потому что кто придерживался этой теории, тот хлеба не получал.

Аверкий Борисович Аристов тоже стал секретарем ЦК в 1952 году. Причем он ведал силовыми структурами. При Хрущеве курировал партийные организации России. Пострадал Аристов за истории типа той, что произошла в Рязанской области, когда планы поставок мяса и молока выполняли путем грубых приписок и махинаций. Аристова отправили послом в Польшу. Петра Поспелова поставили заведовать Институтом марксизма-ленинизма, благо он был академиком.

Нуритдин Акрамович Мухитдинов руководил Узбекистаном. Он приглянулся Хрущеву. Никита Сергеевич забрал его в Москву, сделал секретарем ЦК КПСС и членом президиума. Хрущев считал, что в руководстве страны должен быть представитель Средней Азии, его же использовал для контактов с исламскими странами третьего мира. Когда весной 1958 года приехал

руководитель Египта Гамаль Абдель Насер, то после переговоров его повезли по стране. Показали Узбекистан. Сопровождал египтянина недавний хозяин республики секретарь ЦК КПСС Мухитдинов.

На грандиозном обеде, устроенном в честь египетского гостя, вспоминал известный советский разведчик Вадим Кирпиченко, новый глава республики Шараф Рашидович Рашидов сказал просто и скромно:

— Сегодня солнце второй раз взошло над Узбекистаном — к нам приехал наш дорогой и любимый Нуритдин Акрамович Мухитдинов!

Но работником Нуритдин Акрамович оказался слабым. К тому же Хрущеву приходилось заниматься его личными проблемами. Однажды Мухитдинова отвел в сторону председатель КГБ, сказал:

— Ты ухаживаешь за хозяйкой своего особняка. Мухитдинов вспоминает, что был ошеломлен словами председателя КГБ:

— Ты откуда это взял?

— Она сама заявила.

— Врешь! Это ложь!

— Хочешь допрошу ее и запротоколирую?

— Наверняка уже сделал это, а протокол у тебя в кармане.

— Я хотел просто предостеречь тебя…

Вернувшись к себе в кабинет на Старой площади, Мухитдинов позвонил Хрущеву и попросил немедленно его принять. Никита Сергеевич спросил:

— Очень срочно? — Да.

Мухитдинов пришел к Хрущеву. Тот спросил:

— Что случилось?

Мухитдинов пересказал первому секретарю беседу с председателем КГБ. Хрущев слушал внимательно, не перебивая и, что удивило Мухитдинова, спокойно. Из этого можно было сделать вывод, что председатель КГБ его уже информировал. А может быть, и вовсе выполнял поручение Хрущева.

Никита Сергеевич рассудительно сказал:

— Многие работники обслуживающего персонала избалованы, так как купались в роскоши. Сейчас обновляем их состав, приучаем действовать в пределах утвержденных смет расхода средств, продуктов. Вот они и проявляют недовольство.

Поэтому будьте с ними поосторожнее, отношения пусть будут ровные, официальные…

Хрущев решил избавиться от разочаровавшего его Мухитдинова.

Четвертого мая 1960 года лишилась поста секретаря ЦК КПСС

и Фурцева.

Екатерина Алексеевна никогда не возражала начальству и безропотно произнесла:

— Предложения правильные. Перестановку в секретариате надо произвести. Если меня коснется, то я согласна на любом участке работать.

Хрущев распорядился освободить ее от должности секретаря ЦК. В тот же день Екатерину Алексеевну назначили министром культуры.

Ее предшественника на министерском посту Николая Александровича Михайлова, много лет руководившего комсомолом, отправили послом в далекую Индонезию. Его политическая карьера завершилась. А ведь еще недавно он занимал такие же высокие посты, как и Фурцева. Ему благоволил Сталин, Николай Михайлов был первым секретарем Московского обкома, секретарем ЦК. Так что Екатерина Алексеевна прекрасно понимала, что перевод в Министерство культуры — это опала, удар.

«О Фурцевой отец дома ничего не говорил, — вспоминает Сергей Никитич Хрущев, — мне кажется, что он ее по-человечески жалел. Но политика жалости не приемлет».

Что же послужило причиной массовой чистки высшего эшелона партийного руководства? Почему Хрущев в один день разогнал своих ближайших помощников? Они не достались ему в наследство от предшественников. Он сам их подбирал и выдвигал.

Точного ответа нет и по сей день. Считается, что чекисты записали вольные разговоры нескольких секретарей ЦК, которые они вели в своих комнатах отдыха, попивая чай или более крепкие напитки. Ничего крамольного они не говорили, лишь позволяли себе критически оценивать поведение Никиты Сергеевича.

В составе оперативно-технического управления КГБ существовал второй отдел, занимавшийся прослушиванием телефонов и помещений. Контролеры второго отдела, в основном женщины, владели стенографией и машинописью, их учили распознавать голоса прослушиваемых лиц.

Самым опасным было дурно отзываться о первом секретаре. Это практически всегда приводило к увольнению. Такие записи приносили председателю Комитета госбезопасности, он сам их прослушивал и либо самостоятельно принимал решение относительно судьбы неосторожного критика, либо, если речь шла об очень высокопоставленной персоне, ехал в Кремль. Официальные бумаги, в том числе и из КГБ, поступали в ЦК через

общий отдел. Деликатные материалы председатель Комитета госбезопасности докладывал первому секретарю без свидетелей.

Все важные разговоры опытные чиновники вели только на улице, не рисковали пользоваться телефоном или обсуждать нечто серьезное в рабочих кабинетах или у себя на квартирах и дачах. На июньском пленуме 1957 года Маленков, выставляя себя жертвой, говорил, что госбезопасность его подслушивала. Хрущев возразил, что это его подслушивали. Они прекрасно знали, что подслушивали обоих. Маршала Ворошилова подслушивали с 1942 года, когда Сталин разозлился на него за провалы на фронте и назначил на незначительную для бывшего наркома обороны должность главнокомандующего партизанским движением.

Существовал список чиновников, чьи телефоны подлежат «оперативному техническому контролю». К телефонам высокопоставленных аппаратчиков подключались только по особому распоряжению. Один из партийных работников, переведенный в МВД, в первый же день установил, что слушают все его телефоны. Человек опытный и знающий, сразу определил, что его телефон поставлен на прослушивание, — профессиональное ухо улавливает еле слышные щелчки подключения. Он сразу позвонил начальнику Третьего главного управления КГБ:

— Ты зачем меня прослушиваешь? Я ведь не включен в этот список…

Начальник Третьего главка засмеялся:

— Ладно, ладно, снимем с тебя прослушку. Действительно сняли, а заодно убрали еще два жучка, которые были установлены в служебном кабинете замминистра.

Сотрудники КГБ утверждали, что им запрещено прослушивать телефоны и записывать разговоры сотрудников партийного аппарата. Но эти ограничения легко обходили, когда, например, подслушивали тех, с кем беседовал сотрудник парторганов. Все высшие чиновники исходили из того, что их кабинеты и телефонные разговоры прослушивают, и были очень осторожны. В кабинетах опасных разговоров не вели. Но их слушали не только на рабочих местах.

Например, в санатории «Барвиха» был построен корпус для членов президиума ЦК. Обслугу обязали докладывать сотруднику КГБ, который работал в санатории, абсолютно все, что им удавалось услышать и увидеть: как себя ведет член президиума на отдыхе, с кем встречается, что и кому говорит. По существу, личная охрана членов политбюро присматривала за ними. А начальник Девятого управления информировал председателя КГБ о поведении и разговорах руководителей партии и страны.

Удивительно, что секретари ЦК с их-то политическим опытом оказались столь наивными. Не предполагали, что их могут прослушивать? Возможно, опрометчиво считали, что они так много сделали для Хрущева, что он век будет им благодарен?

Есть и другое объяснение. Секретарей ЦК вытеснил с Олимпа Фрол Романович Козлов, избавлявшийся от соперников. Он убедил Хрущева в том, что существует опасная «группа Игнатова», в нее входят Аристов и Фурцева. Козлов с Фурцевой женили детей, стали родственниками, но борьба за власть оказалась сильнее чувств к сватье.

«Я поддержал это предложение, — рассказывал Анастас Микоян, — хотя мне было жать Фурцеву. Но невозможно было ее отделить: она была целиком с ними. Да и Аристов был неподходящий человек с большими претензиями».

Впрочем, скорее всего, смена кадров — единоличное решение Хрущева. Никита Сергеевич не из тех, кто полагается на чужое мнение. Он был человеком увлекающимся. Понравившегося работника мог поднять на головокружительную высоту, но, быстро разочаровавшись, с той же легкостью расставался с недавним любимцем и продвигал нового. Он довольно часто менял работников, потому что не реализовывались связанные с ними большие надежды…

Еще год с лишним, до XXII съезда партии, Екатерина Фурцева оставалась членом президиума ЦК. Фурцева, возможно, до последнего момента на что-то надеялась, рассчитывала, что опала будет недолгой, Хрущев передумает и вернет ее на партийную работу. А может, наивно полагала, что Никита Сергеевич хотя бы сохранит за ней партийное звание. Тогда и министерский пост не страшен. Главное — участвовать в заседаниях президиума ЦК, где решаются все важные вопросы. Это определяет статус и положение чиновника.

Делегаты XXII съезда впервые собрались в только что возведенном Кремлевском дворце съездов. Съезд запомнился программой построения коммунизма за двадцать лет и решением вынести тело Сталина из Мавзолея.

На съезде предоставили слово и Фурцевой. Это был первый случай, когда на съезде выступал министр культуры. Возможность выступить вселяла в Екатерину Алексеевну некоторые надежды… Она оценила новую программу партии как коммунистический манифест современной эпохи, который обязательно станет реальностью:

— Советский народ добился грандиозных побед в строительстве коммунизма под руководством своей родной партии, ее Центрального комитета во главе с верным ленинцем,

неутомимым и беззаветным партийным бойцом Никитой Сергеевичем Хрущевым… Перед всем миром наша партия предстает как партия революционеров, смелых новаторов, коммунистов-ленинцев…

Екатерина Алексеевна отчиталась по своему ведомству, отметила появление новых спектаклей, кинофильмов, рассказала, сколько в стране клубов, домов и дворцов культуры, библиотек и киноустановок. Покритиковала писателей, драматургов, сценаристов, кинорежиссеров, композиторов и художников:

— Чем объяснить, что у нас появляется еще много посредственных и просто слабых произведений? Конечно, причин есть много. Но главная причина — это все еще слабая связь некоторых художников с жизнью народа и их попытки, как говорится, «познавать» жизнь издалека, со стороны… Приведу, на мой взгляд, весьма важные данные, которые подтверждают, что нам следовало бы серьезно задуматься над тем, чтобы наша творческая интеллигенция находилась ближе к местам, где создаются материальные ценности. Так, из 5200 писателей около 4000 живут в столицах союзных республик. В РСФСР, например, из 2700 писателей 1700 живут в Москве и Ленинграде… Примерно такое же положение с художниками и композиторами. Разумеется, возникает вопрос: что же, нам начинать кампанию за переселение из промышленных центров писателей, художников на места? Конечно, это дело очень сложное и трудное. Но, нам кажется, было бы неплохо обратиться к молодым нашим художникам, призвать их последовать примеру той молодежи, которая направилась из промышленных центров страны на стройки коммунизма, на освоение целинных земель — туда, где бьет ключом жизнь!

И тут Екатерина Алексеевна поняла, чем отличается положение секретаря ЦК от положения министра культуры. Если бы ее рабочий кабинет по-прежнему оставался на Старой площади, делегаты приняли бы ее слова как директиву и повторяли: «Как правильно заметила товарищ Фурцева…» Но Фурцевой со съездовской трибуны немедленно возразил главный редактор журнала «Октябрь» Всеволод Анисимович Кочетов, автор произведений на рабочую тему, которого считали одним из «автоматчиков партии»:

— Рядом с отличной продукцией кино и литературы — немало и дряни. Я совершенно согласен с вами, Екатерина Алексеевна, что происходит это от незнания сегодняшней жизни народа некоторыми нашими литераторами и сценаристами. Но я не думаю, что такое незнание жизни вызвано только тем, что авторы плохих книг и плохих сценариев живут в Москве или в

столицах союзных республик… Где живет писатель — это, конечно, немаловажно. Но еще важнее не где, а чем он живет, что волнует его, что влечет, о чем его думы, чему отдано его сердце.

Всеволод Кочетов клялся на съезде:

— В служении народу, в служении делу партии видим смысл своей деятельности и мы, советские писатели. Мы были, есть и всегда будем верными помощниками партии во всех ее начинаниях, во всех ее великих работах.

Но перебираться из столицы назад в деревню или рабочий поселок не хотели в первую очередь самые приближенные к начальству писатели. Они и служили власти ради того, чтобы иметь возможность переселиться в столицу, получить квартиру и дачу. Они вовсе не желали, чтобы идея Фурцевой получила развитие.

Еще больше Екатерине Алексеевне досталось на съезде от Михаила Александровича Шолохова. Он вроде бы поддержал ее призыв к деятелям литературы быть поближе к жизни, поскольку сам не пожелал обосноваться в столице, а предпочел остаться в станице Вёшенской. Но сделал это в весьма обидной форме:

— Наш министр с чисто женской вежливостью говорила о том, что, дескать, неплохо было бы обратиться к молодым художникам с призывом поехать по примеру нашей настоящей молодежи на стройки коммунизма. А вы спросите ее: что, она сама-то верит в то, что на такой призыв горячо откликнутся? Ей-ей, не верит! (Аплодисменты.) Молодым творцам «непреходящих ценностей» тоже хочется вкусить от плодов славы. Вот и прут в Москву, как правоверные в Мекку… (Смех. Аплодисменты.) Лично я давно уже отказался от мысли передвинуть писателей поближе к тем, о ком они пишут. Безнадежное дело! И пусть на этом благородном поприще наживает шишки товарищ Фурцева, а с меня хватит!

В зале смеялись и аплодировали. Юмор у Шолохова был злой и для автора «Тихого Дона» мелковатый. Но делегаты съезда, уставшие от казенных речей, были ему благодарны за развлечение.

Выступая, Шолохов фактически открыто издевался над Фурцевой. Опять-таки это секретаря ЦК нельзя было тронуть, а министра культуры очень даже можно. Шолохов начал так, что скрытую издевку не сразу и заметили:

— Прежде всего хочу сказать, что мы давно мечтали о министре типа товарища Фурцевой. И такого министра мы наконец-то получили.

Зал принял его слова за чистую монету и зааплодировал. Шолохов продолжал в том же ерническом стиле:

— Всем взяла наша дорогая Екатерина Алексеевна: и дело свое отлично поставила, потому что знает и любит его, и внешностью обаятельна, и в обхождении с деятелями культуры то же самое обаятельна… А тут еще все новые таланты у нее открываются, ну, мы и диву даемся и руками разводим от удовольствия и изумления.

А дальше Михаил Александрович напустился на министра культуры за низкое качество пьес, поставленных театрами:

— Я не министр и начисто лишен дипломатических способностей, а потому мне и хочется запросто, без умолчаний поговорить с Екатериной Алексеевной. Ну, хорошо, вы сказали, что из 1114 советских пьес, поставленных в театрах страны, 780 посвящены современной теме. Вы и проценты подсчитали, мол, более семидесяти процентов. Вот мне и хочется спросить: а сколько процентов из этих семидесяти останется на театральных подмостках?.. И второй вопрос: а сколько запомнятся зрителями?.. За творческое бессилие драматургов приходится расплачиваться бедным зрителям. Вот в чем беда! Лукавая вещь цифры и проценты, товарищ Фурцева, того и гляди подведут. Лучше уж им, этим цифрам, жить где-нибудь в Центральном статистическом управлении, там им будет уютнее, нежели в искусстве.

Зал охотно смеялся и аплодировал.

Почему Шолохов так поступил? У писателя были сложные отношения с партийным руководством: ему казалось, что он недооценен. Наверное, считал, что Фурцева его чем-то обидела, хотя власть ему неизменно благоволила.

Тридцатого августа 1959 года Хрущев приехал в гости к Шолохову в станицу Вёшенскую. Из «Правды» позвонили Твардовскому с просьбой написать статью о Шолохове.

— Написал бы, — откровенно ответил Твардовский, — но такую, что вы не напечатаете. Ведь вы хвалить хотите?

— Да, — подтвердили «правдисты».

— Не нужно этого. Не на пользу это ни нашей литературе, ни самому Шолохову, пишущему все хуже и хуже, ни престижу «Правды». Если уж нельзя сказать правду, то хоть промолчать благородней будет…

Сложные отношения у Шолохова были с самим собой.

— Это произошло в Ленинграде, — рассказывала «Комсомольской правде» народная артистка СССР Элина Быстрицкая, блистательно сыгравшая Аксинью в фильме «Тихий Дон». — Я снималась, а у них был симпозиум писателей. И я узнала, что там Шолохов. Он сказал: приходи. У него был трехкомнатный номер в гостинице. И через всю анфиладу комнат

стояли столы. И вчерашние гости полупьяные, и какие-то остатки еды, запах перегара, полный кошмар. У Шолохова вот такие набрякшие глаза, я поняла, что он пьян. Но, вместо того чтобы повернуться и уйти, я сказала: Михаил Александрович, как вы можете, что вы делаете с писателем Шолоховым?! А он: «Замолчи, ты думаешь, я не знаю, что я выше „Тихого Дона“ ничего не написал?..» Это была его боль…

Но съездовская речь Шолохова была лишь предвестьем неприятностей, ожидавших Екатерину Алексеевну.

На вечернем заседании 30 октября 1961 года бывших секретарей ЦК — Игнатова, Аристова, Фурцеву, Мухитдинова — вновь избрали в состав Центрального комитета. Об этом было объявлено на съезде. Вечером 31 октября собрался первый пленум нового созыва. Но в состав президиума ЦК их уже не включили. Они узнали об этом заранее, потому что тех, кого ждет высший пост, заранее фотографируют.

Это стало для Екатерины Алексеевны страшным ударом. Испытав публичное унижение, Фурцева, можно сказать, была раздавлена тем, что ее не включили в состав президиума ЦК…

Николай Игнатов и Аверкий Аристов смолчали (хотя Игнатов затаил обиду — он станет одним из самых активных организаторов смещения Хрущева в 1964 году). А вот Нуритдин Акрамович Мухитдинов, Екатерина Алексеевна Фурцева и ее муж Николай Павлович Фирюбин в знак протеста не пришли на вечернее заседание съезда. Это было воспринято как невиданная демонстрация, как вызов Хрущеву и всему партийному руководству.

Опытный Мухитдинов вызвал врача: «У меня появились сильные головные боли, поднялась температура, участился пульс, упало давление. Прибывшая по вызову лечащий врач сделала укол, предложила ряд лекарств и категорически запретила вставать. Приехали по ее вызову и другие врачи. Осмотрели, прослушали работу внутренних органов и прописали строгий постельный режим».

Екатерина Алексеевна Фурцева, переживая случившееся, пыталась уйти из жизни.

Рассказывали разное: вернувшись домой, Фурцева закрылась в ванной. Подруга пришла к ней в гости и удивилась, что ей не открывают. Она забила тревогу. Взломали дверь и обнаружили Фурцеву, истекающую кровью. Так ее удалось спасти…

«Сильно подвыпив с горя, — пишет Сергей Хрущев, — а Екатерина Алексеевна злоупотребляла алкоголем, она попыталась вскрыть себе вены. Но рука дрогнула, и самоубийство не удалось. Возможно, она и не собиралась расставаться с

жизнью, а просто по-женски пыталась таким образом привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие, но ее поступок произвел противоположный эффект».

Да, готовых и способных сочувствовать оказалось немного.

Светлана Фурцева рассказывала, что никогда не задавала матери вопросов об этой драматической истории: «Я понимала, что катастрофа для мамы заключалась не только в том, что ее вывели из состава президиума. Оскорбляло то, как это было сделано. Потрясло предательство».

Екатерина Алексеевна Фурцева считала, что ее предал Хрущев, которому она так преданно помогала. Но почему женщина с таким опытом, с такой силой воли и характером пыталась уйти из жизни?

Самоубийства — десятая по значению причина смерти в современном мире. Чаще всего люди лишают себя жизни из-за неспособности справиться со множеством обрушившихся на них проблем. Неопределенность, нестабильность, неуверенность порождают стресс и ведут к психическим расстройствам.

Но что же заставляет совершать самоубийства крупных политиков, уровня Фурцевой? Как-то все это не вяжется с обликом этих людей, решительных, жестких, способных преодолевать любые препятствия. Неужели и они сводят счеты с жизнью из-за сорвавшейся карьеры, страха перед начальством, неуверенности в своем будущем?

На эту тему я беседовал с нашим крупнейшим психиатром Татьяной Борисовной Дмитриевой, бывшим министром здравоохранения, академиком медицины, директором Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского.

Действительно ли депрессия так широко распространена?

— Это больная тема, — говорила Татьяна Дмитриева. — Фактически каждый второй, кто приходит в поликлинику, нуждается в психиатрической помощи.

— А почему разные люди, сталкиваясь с одними и теми же проблемами, реагируют так по-разному? — спросил я Татьяну Борисовну. — Одному вообще на все наплевать, с него, как с гуся вода. Другой выпьет стакан водки, стукнет кулаком по столу и придет в себя. Третий уедет на рыбалку, расслабится и вернется спокойным и веселым. А вот четвертый лезет в петлю. Или вскрывает вены. В чем же тут дело?

— Если подходить с научной точки зрения, — объясняла Дмитриева, — есть несколько причин и условий, которые иногда меняются местами. Конечно, основную роль тут играет неустойчивость к стрессам. Это зависит от наследственности, от

генов. Это не значит, что нельзя себя укрепить, натренировать, но изначально люди находятся в неравных условиях. Так что первая причина самоубийства — это биологическая предрасположенность. А вторая — специфика личностной структуры, психологические особенности личности. Есть люди более ранимые, а есть те, у кого, как говорят в народе, толстая кожа. Одному каждое обидное слово — боль, беда, а другой даже к гибели близких относится спокойно: бог дал — бог взял. В этой формуле, кстати, своя защитная философия. Так легче перенести горечь утраты — исправить-то ничего уже невозможно. Каждый должен понять: жизнь не бывает безоблачной. Нужно вырабатывать систему защиты. Не всякое горе пускать внутрь себя.

— А почему некоторые крупные политики, которые прошли через серьезные испытания в мирной жизни, вдруг сводят счеты с жизнью? Это люди, наделенные способностью легко преодолевать стрессы, иначе они бы не добрались до вершин власти. Что же с ними происходит?

— Помимо биологических причин надо учитывать внешнее воздействие и восприятие внешнего мира. Очень важна система нравственных ценностей. Подчас, если на одну чашу весов кладется жизнь, а на другую — честь, и человек выбирает честь, тогда он способен добровольно лишить себя жизни. Или другая ситуация — человек смертельно болен, знает, что обречен, что медицина бессильна, его мучают страшные боли. И он решает уйти из жизни. Я не могу одобрительно отнестись к такому выбору, потому что считаю, что всегда есть шанс. Тем не менее человек должен иметь право выбора. И когда сильные, достойные люди делают такой выбор, я к нему отношусь с уважением.

— Значит, в подобных случаях самоубийство — это не следствие какой-то болезни? Не патология психического развития? Не генетическая предрасположенность, не помутнение разума, а нечто иное?

— Это выбор человека, нравственный выбор. И ни в коем случае не надо оценивать его с позиции психиатрии. Что такое самоубийство? Это крайняя степень дезадаптации. То есть человек больше не видит себе места в жизни.

— Решение уйти из жизни — мгновенное, импульсивное решение? Или долго вынашиваемый замысел?

— В тех случаях, когда можно говорить о какой-то «подмоченности» биологических механизмов, срабатывают эмоции — и в пылу скандала человек способен выброситься из окна. Перехлестывают эмоции — и гибель. Если бы человек чуть-чуть подождал, если бы у него было время глубоко вздохнуть,

сосчитать до десяти, на секунду отвлечься от трагических мыслей, то, может быть, этого оказалось бы достаточно, чтобы сохранить себе жизнь. А бывает, человек приходит к мысли о самоубийстве после долгих размышлений, взвесив все «за» и «против». Это его выбор. Хотя, думаю, что и в такой ситуации хороший врач может помочь, вывести из депрессии, которая приводит к роковому шагу.

— И в таких случаях мы не должны подозревать генетическую, биологическую предрасположенность к самоубийству?

— Нет, нет. Если выбор сделан после серьезных размышлений, то это, как правило, решение сильного человека. Здесь действует иной механизм, когда нравственные ценности оказываются важнее собственной жизни.

— Но тогда получается, что кончают с собой только порядочные люди. А тот, кто не решился на этот шаг, не очень порядочный?..

— Каждую историю жизни и смерти нужно анализировать отдельно. Обобщать нельзя. Люди, о которых мы с вами говорим, поднялись из самых низов и преодолели много препятствий. Как правило, такие люди способны устоять при любых стрессах. Но действуют и другие факторы. Вряд ли мы в состоянии понять, что же стало последней каплей для каждого из них. Это могут быть какие-то глубинные механизмы, о которых, может быть, мы никогда не научимся узнавать…

После пленума, в первые дни ноября 1961 года, особняк Фурцевой навестил офицер госбезопасности, который отключил телефоны правительственной связи. Простому министру все это не положено. Затем появился сотрудник Управления делами ЦК, который весьма неделикатно попросил освободить дачу: она понадобится кому-то из новых членов президиума.

Все это было крайне неприятно. Казалось, ей наносят удар за ударом. Екатерина Алексеевна болезненно воспринимала утрату атрибутов прежней жизни. Но больше всего она думала о том, как люди вокруг радуются ее падению и злорадствуют… Насчет нравов в политической верхушке она не заблуждалась.

«После попытки самоубийства, — писал драматург Самуил Иосифович Алешин, — которую партийные круги осудили (а где партийная выдержка?), Фурцева очень страшилась первой публичной встречи с деятелями культуры. Но вот наступил день, когда ей пришлось появиться перед этими гнилыми интеллигентами. С трепетом вышла она из-за кулис и направилась к трибуне. И — о, боже! — что это? Зал встретил ее

овацией! Эти гнилые, подозрительные, эти, среди которых много беспартийных и даже евреев, вдруг сочли нужным показать, что поддерживают ее! Что они… Нет, оказывается, они понимают нечто такое, в чем сам человек, не очень-то разбираясь, тем не менее отчаянно нуждается в трудную минуту.

С тех пор и началось ее понимание. Нет, не искусства… Пришло понимание, и главное, доверие к тем, кто способен творить искусство».

Когда Хрущеву доложили, что трое членов ЦК в знак протеста не явились на съезд, он был вне себя. Потребовал от президиума «обсудить поступок, совершенный товарищами Фурцевой, Мухитдиновым и Фирюбиным». Но обсуждение вынужденно отложилось, чтобы Екатерина Алексеевна успела прийти в себя.

Разбирательство проходило в Кремле уже 9 марта 1962 года. Новый состав президиума собрался почти в полном составе. Всех троих провинившихся накануне обзвонили сотрудники общего отдела ЦК:

— Завтра в девять часов прибыть в Кремль на заседание президиума.

У подъезда встречал офицер, который проводил в приемную.

Екатерина Алексеевна умоляла товарищей поверить, что она тяжко болела. Николай Фирюбин тоже признал свою вину, но просил понять его положение:

— Иначе я не мог поступить.

Суслов, Козлов и Рашидов подготовили проект решения о выводе Фурцевой и Мухитдинова из состава ЦК КПСС. Козлов хотел откреститься от своей родственницы Фурцевой, которая повела себя неправильно…

Но время уже прошло, Никита Сергеевич остыл и проявил снисходительность. «Экзекуций отец не любил, — пишет Сергей Хрущев, — а Фурцеву к тому же попросту жалел: дура-баба».

— Поступок сложный, — скорее сочувственно говорил Хрущев о Фурцевой. — Я понимаю ее огорчение, когда на съезде не избрали в президиум. Но люди оценили ее поступок как протест против партии. По работе — ничего плохого не скажу. В острых вопросах — всегда держалась. Характер, правда, неважный. Я говорил ей: «То вы с Жуковым, то с Булганиным, то с Молотовым». Но в принципиальных вопросах держалась принципиально… А тут такой нехороший поступок.

Хрущев, тем не менее, учел раскаяние Екатерины Алексеевны и предложил в решении записать: отсутствовала вследствие заболевания. Относительно Фирюбина распорядился: за неправильное поведение указать.

«Я вошел, — вспоминал Мухитдинов. — Все члены,

кандидаты в члены президиума, секретари в сборе, председательствует Н. С. Хрущев. В конце длинного стола стоит Фурцева и, рыдая, что-то говорит. Я сел с краю, в углу. От Фурцевой требовали объяснений, почему не явилась на заключительное заседание съезда. От волнения и слез она еле говорила, и ей предложили сесть. Вызвали и ее мужа Н. П. Фирюбина.

Никита Сергеевич крепко ругал его. Напомнив прежние ошибки, он сказал:

— Как партийный работник в прошлом, как муж, вы должны были проявить волю, ум — не только самому явиться на съезд, но и предотвратить позорные действия жены.

Фирюбин извинялся, выражал раскаяние. Никита Сергеевич дал знак мне. Я подошел, остановился у края длинного стола.

— А вы почему не пришли? В ответ произнес одно слово:

— Заболел.

При общем молчании он продолжал:

— Мы вас так высоко подняли, создали условия, прислушивались к вашим предложениям, высказываниям. У нас были на вас большие надежды. Как вы могли так поступить?

Я не сказал ни слова…

Никита Сергеевич завершил обсуждение словами:

— Давайте проинформируем пленум об их поведении». Пленум ЦК открылся вечером 9 марта 1962 года.

— Прежде чем мы приступим к обсуждению, — сказал Хрущев, — хочу проинформировать вас о поведении некоторых членов ЦК, которые не явились на заключительное заседание XXII съезда партии. Тем самым не выполнили свой партийный долг как делегаты и члены ЦК. Вот товарищ Фурцева… Она пользовалась большим уважением, возглавляла столичную парторганизацию, входила в состав президиума и секретариата ЦК. В последнее время являлась министром культуры Союза. Но после организационного пленума проявила безволие только из-за того, что не избрана членом президиума, нанесла себе телесные повреждения. На президиуме ее резко критиковали. Она признала свои ошибки, обещала сделать выводы. Недостойно повел себя Фирюбин. Несмотря на его ошибки в прошлом, утвердили его заместителем министра иностранных дел, на съезде избрали кандидатом в члены ЦК. Вы знаете, он муж Фурцевой. Тоже не явился на съезд, хотя никаких веских причин у него к этому не было. Он был обязан не только явиться сам, но и воздействовать на жену. Не знаю, сможет ли он по-партийному оценить свой поступок, сделать нужные выводы…

Ни речь Хрущева, ни само заседание не стенографировались.

Вообще не найдены никакие материалы относительно того, что говорилось на пленуме, только воспоминания участников. Очевидцы рассказывают, что Хрущев выступал очень эмоционально. Но оргвыводов не потребовал.

Закончив, Никита Сергеевич спросил:

— Надо ли обсуждать вопрос?

Раздалось единогласное: «Нет!» В зале сидели опытные люди, знали, что ответить.

— Видимо, нет нужны принимать решение? — обратился Хрущев к залу.

И услышал то, что хотел услышать: «Нет!»

Екатерина Фурцева продолжала работать министром культуры. Николай Фирюбин остался заместителем министра иностранных дел, правда, больше в состав ЦК его не избирали. Нуритдин Мухитдинов пострадал больше всех. Его серьезно понизили — отправили в Центральный союз потребительских обществ заместителем председателя правления.

— Ошиблись в нем, — сокрушался Хрущев, — плохо воспитан как член партии. Пережитки байского есть у него. К нему есть и политические претензии — поддерживал узбекскую групповщину. Плюс нехорошие поступки бытового характера — бьет жену.

Занимался этими кадровыми делами новый хрущевский фаворит Фрол Козлов. Переведенный из Совета министров на Старую площадь, Козлов сразу занял позицию второго секретаря. 2 июня 1960 года в решении президиума записали: «Возложить на т. Козлова председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС, а также рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседаниям Секретариата ЦК».

Твардовский пометил в дневнике: «Есть такой человек в руководстве — Козлов, который, когда разговаривает, слушает только себя и сам пьянеет от своего голоса».

Семнадцатого июня 1961 года Фролу Козлову дали золотую звезду Героя Социалистического Труда — за полет Юрия Гагарина в космос. 31 октября 1961 года, на первом пленуме Центрального комитета нового состава, избранного XXII съездом партии, Хрущев сказал: по уставу у нас второго секретаря ЦК нет, но он нужен, и им будет Фрол Романович Козлов.

Козлов родился в деревне в Рязанской области, работал на текстильной фабрике, в 1936 году окончил Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина. Начинал в парткоме Ижевского металлургического завода, в 1940 году его сделали секретарем Ижевского горкома. На этом посту провел войну. Несколько лет проходил обкатку в аппарате ЦК и получил пост второго секретаря Куйбышевского обкома. После начала

«ленинградского дела», когда в городе прошла большая чистка и появились вакансии, Козлова перебросили в город на Неве.

Хрущев сделал Фрола Романовича хозяином Ленинграда. Козлов был грубым и упрямым человеком с узким кругозором. Однажды в Ленинград привезли главу Монголии Юмжагийна Цеденбала. Козлов устроил прием. Произносились тост за тостом. Поскольку присутствовало командование Балтийского флота, Цеденбал поднял бокал за советский военно-морской флот. Тогда Козлов провозгласил ответный тост — за военно-морской флот Монголии. Цеденбал с трудом сдержал смех: в Монголии нет ни моря, ни крупных озер, нет, разумеется, и военно-морского флота.

Хрущеву Козлов импонировал энергией и работоспособностью. Никита Сергеевич взял его в Москву, сделал одним из двух первых замов в правительстве. Хрущев страдал от обилия мелких дел, которые без него не решались. Когда заведующий общим отделом Владимир Малин докладывал ему почту, ворчал:

— Носят уйму бумаг, которые и прочесть-то не успеваешь.

Малин однажды сказал, что показывает ему только половину почты, а то и меньше. Что касается львиной доли бумаг, требующих его подписи, Малин напомнил, что вместо подписи ставит его факсимиле. Никита Сергеевич разразился бранью:

— Какое право ты имеешь без меня выпускать документы? Это же подлог! Я тебя выгоню.

Но Малин резонно ответил:

— Вы досадуете и ругаетесь, когда вам приносят лишь половину того, что вы должны подписывать. А если вам давать все бумаги, вы вообще не смогли бы ничем иным заниматься, кроме как с утра до ночи ставить свою подпись.

В январе 1959 года Анастас Микоян ездил в Соединенные Штаты, он дал интервью американскому телевидению. Его спросили, не сложился ли вокруг Хрущева новый культ личности. Микоян темпераментно опроверг такое предположение: Никита Сергеевич Хрущев очень популярен. Анастас Иванович рассказал, что двух первых заместителей главы правительства, то есть самого Микояна и Козлова, тоже мало критикуют.

— Вы могли бы подумать, что у нас кругом культ личности, — уверенно объяснял американцам Микоян. — Но это не так. Просто поскольку мы хорошо работаем, то нет оснований нас критиковать.

Фрол Козлов тоже ездил в США на открытие советской выставки в Нью-Йорке. В гостиничном номере собрались его помощники и охранники, поставили бутылку коньяка, распили ее.

Козлов понюхал пустую бутылку и брезгливо сказал:

— Керосином пахнет. Заменить!

Известный переводчик Виктор Суходрев рассмеялся, вспомнив, что точно так же поступал и Микоян:

— Фрол Романович, да ведь это любимая присказка Анастаса Ивановича.

Козлов мрачно посмотрел на Суходрева:

— При чем здесь Микояшка? У него и шутки армянские.

Товарищи по президиуму ЦК недолюбливали и побаивались Козлова. А Хрущева вполне устраивало стремление Фрола Романовича взять на себя все текущие дела, Козлова радовали частые поездки Хрущева по стране и миру. Козлов сыграл решающую роль в подавлении мятежа в Новочеркасске. Он приказал стрелять в толпу.

«Прозрачные глаза, завитые волосы, холеное лицо и ледяной взгляд» — таким его увидел кинорежиссер Михаил Ильич Ромм.

В отсутствие Никиты Сергеевича Фрол Романович оставался хозяином на Старой площади и, возможно, со временем претендовал бы на роль преемника. Во всяком случае журнал «Тайм» вышел с фотографией Козлова на обложке: писали о нем как о будущем руководителе Советского Союза. Фрол Романович, высокий, статный, хорошо смотрелся на трибуне. Но человек предполагает, а судьба располагает. 11 апреля 1963 года Козлова сразил тяжелый инсульт, одним из последствий которого стал левосторонний паралич.

Сын Никиты Сергеевича описал, как отец поехал навестить больного товарища:

«Козлов полулежал на подоткнутых подушках, бледное лицо отсвечивало желтизной. Когда мы вошли, он узнал отца, попытался сдвинуться с места, заговорить, но речь была бессвязна. Впечатление он производил удручающее. Отец постоял возле него некоторое время, пытался ободрить, шутил в своей манере…»

— Работать сможет? — спросил Хрущев врачей.

Ему объяснили, что Фрол Романович останется полным инвалидом. Хрущев понял, что Козлов не вернется, но должности его не лишал, пожалел. Понимал, что и заботятся о члене президиума ЦК много лучше, и психологически уход на пенсию станет для больного новым ударом.

Сменщики Хрущева подобной сентиментальности не проявили. Разделавшись с Никитой Сергеевичем, 17 сентября 1964 года президиум ЦК постановил:

«Принимая во внимание настоятельные рекомендации лечащих т. Козлова Ф. Р. врачей, ввиду тяжелого и затяжного

характера болезни и необходимости сохранения полного покоя, временно прекратить посылку т. Козлову текущих материалов, рассылаемых по Президиуму и Секретариату ЦК».

А через два месяца его отправили на пенсию.

Шестнадцатого ноября 1964 года на пленуме ЦК Брежнев завел речь о Козлове:

— Президиум ЦК КПСС уже не раз информировал пленум ЦК о состоянии здоровья товарища Козлова. Как вы знаете, заболевание явилось тяжелым и длительным и за последнее время изменений не произошло. Я прочту вам заключение о состоянии здоровья товарища Козлова, представленное в ЦК КПСС Четвертым главным управлением Министерства здравоохранения СССР: «11 апреля 1963 года у т. Козлова Ф. Р. внезапно наступило кровоизлияние в правое полушарие головного мозга с левосторонним параличом.

В процессе заболевания т. Козлов перенес инфаркт сердца и двустороннюю закупорку вен нижних конечностей. В настоящее время левая рука остается малоподвижной, нога имеет несколько больший объем движений, имеется стойкая потеря половины полей зрения. Также имеется понижение уровня психической деятельности. Тов. Козлов страдает гипертонической болезнью, склерозом сосудов мозга и сердца.

Тов. Козлов находится под постоянным наблюдением лечащего врача и профессора Шмитта, доцента Ткачева, академиков Лукомского и Василенко. Происшедшие изменения в организме являются необратимыми, трудоспособность утрачена стойко и соответствует инвалидности первой группы (нуждается в постоянном уходе)». Президиум ЦК КПСС обсудил этот вопрос и вносит на ваше рассмотрение предложение об освобождении т. Козлова Ф. Р. от обязанностей члена президиума ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС и следующий проект постановления:

«В связи с тяжелой болезнью, требующей длительного лечения, освободить т. Козлова Ф. Р. от обязанностей секретаря ЦК КПСС и члена президиума ЦК КПСС. Предоставить т. Козлову Ф. Р. отпуск для лечения».

Леонид Ильич добавил от себя:

— Я думаю, это — по-человечески. Действительно, он болен, мы по этой причине его и освобождаем. В партийном отношении, для партии, мы думаем, что этот проект правильный. Есть ли другие суждения или можно этот вопрос голосовать?

Других мнений не оказалось. Фурцева вместе с другими проголосовала «за»…

Что касается Фурцевой, Хрущев так и не сменил гнев на милость. Он выражал недовольство ее работой и в Министерстве

культуры. На заседании президиума ЦК 26 июля 1962 года Никита Сергеевич развивал одну из своих любимых идей — в стране перепроизводство артистов. Театральные вузы вообще не нужны, нужно в артисты отбирать талантливых людей через самодеятельность.

— Но кто этим занимается? — негодовал Хрущев. — Министерство культуры? Нет. Там руководство недостаточно квалифицированное. Секретариату ЦК надо с этим разобраться.

Это поручение не сулило Фурцевой ничего хорошего. Но у Хрущева руки не дошли до кадровых перемен в Министерстве культуры. Вообще говоря, в ходе децентрализации управления зашла речь и о ликвидации союзного министерства. В этом и заключалась задуманная Хрущевым реформа управления — замена отраслевого принципа территориальным. Никита Сергеевич старался упразднить как можно больше министерств и передать рычаги управления на места.

На заседании президиума ЦК 25 апреля 1963 года говорили об улучшении организационного руководства вопросами культуры. Хрущев выразил неудовольствие неуправляемостью кинематографией:

— Вот мы критикуем кино. Так, в аппарате ЦК людей, которые занимаются вопросами кино, всего двое… В Министерстве культуры аппарат, видимо, большой, но не способен, не может управлять. Это так?

— Справку можно дать? — спросила Фурцева.

— Пожалуйста.

— Когда было Министерство кинематографии, было девятьсот семьдесят человек, — объяснила Фурцева, — делали девять картин в год. А вот весь аппарат, который в союзном министерстве занимался — и художественными фильмами, прокатом — это сто двенадцать человек…

— Помимо этого, — раздраженно продолжал Хрущев, — сложилось и понятие какой-то «оттепели» — это ловко этот «жулик» подбросил, Эренбург, поэтому люди при «оттепели» стали не вникать в это дело. Теперь радио. Я не знаю, сколько людей поставлено у нас заниматься радио?

— Четыре человека, — подсказал секретарь ЦК Леонид Ильичев, имея в виду сотрудников подчиненного ему идеологического отдела.

— Тут четыре человека, там четыре, — сказал Хрущев, — все распылено и недостаточно… Телевидение, издательское дело. Это все вопросы идеологии, да какие… Оратор закончил свою речь, и затух его голос… А вот книга, кино — они оставляют свой след… Вот театр, театр имеет огромное значение… Как это лучше

сделать? Сейчас вот отделы идеологии и науки, видимо, это сочетание искусственное…

— Сделать самостоятельный отдел, — предложил Косыгин. Фурцева слушала с огромным вниманием. Решалась судьба идеологического аппарата страны, в том числе Министерства культуры.

— Мне Шуйский говорил, — поведал Хрущев, — что ему звонила Екатерина Алексеевна и сказала, что кто-то выдвинул идею ликвидировать Министерство культуры. Я считаю, что это неправильно, если такая идея выдвигалась.

Одного из своих помощников Григория Трофимовича Шуйского, Никита Сергеевич особо выделял и именовал «боярином». К нему по старой памяти и обратилась встревоженная разговорами о ликвидации министерства Фурцева. Вопрос действительно обсуждался на Старой площади. Шуйский донес беспокойство Екатерины Алексеевны до первого человека в стране. Никита Сергеевич публично ее успокоил:

— Министерство культуры нам надо сохранить, потому что будет отдел ЦК. И у нас сейчас по вопросам культуры большие связи международные. Поэтому отдел ЦК будет руководить министерством, но в сношениях с Западом, капиталистическим миром будет контакты поддерживать и соглашения заключать Министерство культуры.

— Тогда Комитет по культурным связям, — вмешался Ильичев, — ликвидируется, потому что у него главная функция — культурные связи, и это передать Министерству культуры.

Хрущев велел собрать комиссию, включив в нее Фурцеву, для разработки системы управления идеологией в стране. Комиссию сформировали под председательством Суслова. Вошли в нее секретари ЦК Ильичев, Андропов, Пономарев, главные редакторы «Правды» — Павел Алексеевич Сатюков, «Известий» — Алексей Иванович Аджубей, журнала «Коммунист» — Василий Павлович Степанов, первый заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК Алексей Владимирович Романов (многолетний партийный работник, он вскоре станет председателем Госкино)…

Семнадцатого сентября 1964 года, на последнем заседании президиума ЦК перед отъездом в отпуск (из которого он уже вернется пенсионером), Хрущев прикидывал, кого выдвинуть на грядущем съезде партии. Вернулся к кандидатуре Фурцевой и с сожалением заметил:

— Неровная. Никогда нельзя быть в ней уверенным. Так что надо наметить для выдвижения женщин помоложе. Пусть секретариат посмотрит.

В словах Хрущева сквозило недовольство Фурцевой.

Екатерина Алексеевна явно могла потерять и министерское кресло. Но через месяц Никиту Сергеевича самого отправили на пенсию. Фурцева осталась министром.

Кое-какие надежды вспыхнули у Фурцевой, когда в октябре Хрущева сняли со всех должностей. Она присутствовала на пленуме ЦК, который поставил точку в карьере Хрущева. Голосовала вместе со всеми. Но Леонид Ильич Брежнев ее не жаловал и на партийную работу не вернул.

Глава восьмая
НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Министерство культуры, которое возглавила Екатерина Алексеевна Фурцева, появилось в марте 1953 года, когда после смерти Сталина меняли систему управления страной. Сокращая аппарат, сливали несколько министерств в одно. Вот и в новое ведомство объединили министерства: высшего образования, кинематографии, трудовых резервов, а также Комитет по делам искусств, Комитет радиоинформации и Главполиграфиздат… Получилась огромная многопрофильная структура. В ведении Министерства культуры оказались не только театры, киностудии и музеи, а и полиграфические предприятия, цирки, зоопарки, строительно-монтажные управления, которые строили школы, детские сады, поликлиники[4].

Первым министром культуры стал Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Бывший руководитель Белоруссии в конце 1940-х был переведен в Москву. Сталин сделал его членом президиума и секретарем ЦК, заместителем главы правительства. После смерти вождя Пономаренко потерял все высокие должности. Его, как тогда говорили, «бросили на культуру» — отправили формировать новое министерство. На этом посту он вел себя очень либерально. Писатель Корней Чуковский вспоминал, что «эпоху Пономаренко» называли «идеологическим нэпом».

Чуковский с восторгом описывал, как побывал в министерстве. Пономаренко рассказал, что к нему пришел руководитель ансамбля народного танца Игорь Моисеев, пригласил принять новую постановку. Министр культуры ответил Моисееву:

— Вы меня кровно обидели.

— Чем?

— Какой же я приемщик?! Вы мастер, художник — и никакие приемщики здесь не нужны…

Пантелеймон Кондратьевич здраво смотрел на жизнь. Юрий Андреевич Жданов (бывший зять Сталина и сын члена политбюро) тоже заглянул к министру культуры. Пономаренко рассказал, что занимается реорганизацией сети научно-технических обществ, сокращением их числа. Поделился:

— Вот, например, общество штамповщиков. Зачем оно?

А потом задумчиво заметил:

— Впрочем, все мы его члены.

В марте 1954 года в Министерстве культуры его сменил один из главный идеологических чиновников сталинского времени Георгий Федорович Александров. На посту министра Георгий Федорович развернулся. Он питал страсть к слабому полу. Новая должность открыла широкие возможности — множество юных и хорошеньких артисток оказались в полной зависимости от министра, чем он не преминул воспользоваться.

Знаменитая балерина Майя Плисецкая вспоминала, как с удивлением всматривалась в министра, который «проводил темные московские ночи в сексуальных оргиях с молоденькими, аппетитными советскими киноактрисами. Разве откажешь любимому министру? По счастью, низкорослому, лысоватому философу любы были дородные женские телеса. Тощие, костлявые балеринские фигуры никаких вожделенных чувств у министра не вызывали. Большой балет остался в первозданной невинности».

В подмосковной Валентиновке обнаружили «гнездо разврата», где весело развлекался с женщинами легкого поведения министр Александров, а с ним еще несколько высокопоставленных чиновников. Он потерял свой пост. Сменил его бывший многолетний руководитель комсомола Николай Александрович Михайлов. Хрущев сначала испытал его на должности, которую прежде занимал сам, — сделал руководителем Московского комитета партии, но быстро разочаровался в малообразованном пропагандисте.

Заместитель директора издательства изобразительного искусства И. М. Горелов писал 5 марта 1957 года секретарю ЦК Шепилову о Михайлове: «Человек, умеющий изъясняться лишь на двух языках — русском и матерном, не являющийся знатоком ни в одной области культуры и искусства, возглавляет Министерство культуры величайшей страны социализма. Это оскорбительно для партии и страны».

Георгий Александров, как и Пантелеймон Пономаренко, был министром всего год. А вот Николай Михайлов занимал это кресло шесть лет — с марта 1954-го по май 1960 года. «С кудрявым чубом, пролетарской внешностью, сухой, холодный человек, — таким запомнила его Майя Плисецкая. — Судьба сводила меня с ним несколько раз на молодежных фестивалях. Служака, верный солдат партии, чтоб ее…»

Политическая карьера Михайлова завершилась потому, что ему пришлось освободить кресло для Екатерины Алексеевны Фурцевой.

К моменту ее назначения Министерство культуры уже перестало быть тем монстром, каким его создали в 1953-м. Но как

заведено у нас в стране, попытки сократить управленческий аппарат оказывались тщетными. За слиянием ведомств неизбежно следовало их разукрупнение. Так из Министерства культуры быстро вывели структуры, из которых образовали самостоятельные Министерство высшего образования и Главное управление трудовых резервов при Совете министров СССР. Потом на основе министерских же подразделений создали Госкомитет по культурным связям с зарубежными странами и Госкомитет по радиовещанию и телевидению.

Тем не менее Фурцевой досталось очень крупное хозяйство. Впрочем, эта сфера ей была хорошо знакома. Когда Екатерина Алексеевна трудилась на Старой площади, то по распределению обязанностей занималась и идеологическими делами. Рука об руку с ней на этом же фронте сражались еще два секретаря ЦК, Михаил Андреевич Суслов и Петр Николаевич Поспелов. Фурцева и Суслов были членами президиума, но Екатерина Алексеевна тогда еще нравилась Хрущеву, а Михаил Андреевич — не очень. Академик Петр Николаевич Поспелов был кандидатом в члены президиума, то есть ранг у него был пониже. Суслов считался старшим.

Поэт Валентин Берестов вспоминал, как летом 1959 года его, как и других поэтов, пригласили в ЦК. Выступал Суслов и попросил потрудиться над созданием нового гимна, поскольку старый безнадежно устарел. Один раз уже попытались объявить конкурс.

— В прошлый раз, — говорил Суслов, — все поэты добросовестно относились к разработке. Все наши требования были вами учтены. Но не было этого… ну как его? Екатерина Алексеевна, подскажите, чего не было.

Фурцева поджала губы и склонила голову.

— Петр Николаевич, — обратился Суслов к Поспелову. — Не было чего? Помогите.

Поспелов тоже поджал губы и опустил голову. Суслов с надеждой на подсказку поглядел в зал. Однако искать формулировку пришлось в одиночку:

— Не было… Как вам сказать… Ну как ее? Минуточку. Стоп! — И он торжествующе глянул на продолжавших мучительно размышлять соратников. — Поэзии не было, вот чего! Да-да, товарищи поэты! Не было поэзии!

Сценка, описанная Валентином Берестовым, это, конечно, откровенная издевка, но чего ожидать, если чиновники пытались командовать поэтами?

Третьего января 1958 года президиум ЦК сформировал Комиссию ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и

международных партийных связей. Суслова сделали ее председателем, в состав комиссии включили Фурцеву, Куусинена, Мухитдинова и Поспелова. Предполагалось, что комиссия займется изучением проблем международной пропаганды и теоретических вопросов международного рабочего движения и будет следить за освещением этих проблем в советской печати. Теориями секретари ЦК, ясное дело, заниматься не стали. Комиссия превратилась в верховную инстанцию, принимавшую политические решения по текущим вопросам науки, культуры, искусства.

В партийном руководстве тех лет все были догматиками. Но Екатерине Фурцевой катастрофически не хватало общей культуры и образования, поэтому ее выступления на идеологические темы производили особенно мрачное впечатление.

— Всем известно, какую жесточайшую борьбу и наступление ведут все наши враги на идеологическом фронте, — наставляла аудиторию Фурцева. — Работают сотни радиостанций, сотни газет, и все направлено на то, чтобы добиться раскола единства социалистического лагеря, чтобы подорвать авторитет нашей страны.

Екатерина Алексеевна произносила написанные ей помощниками речи, возможно, не отдавая себе отчета в собственных словах. На Советский Союз и социалистические страны действительно вещали несколько радиостанций. Аудитория у них была сравнительно небольшая, и полагать, что в конце 1950-х годов передачи иностранного радио как-то влияли на ситуацию в стране, нелепо… Конечно, о положении в Советском Союзе периодически писала вся мировая пресса, но в нашу страну она не попадала. С иностранными газетами и журналами знакомился в спецхранах только узкий круг идеологических чиновников.

Но западное влияние было привычным объяснением «негативных явлений», то есть попыток советских людей разобраться, что происходит, и высказать собственное мнение. Все высшие идеологические чиновники начали свою карьеру в сталинские времена, выучка у них была соответствующая.

Петр Поспелов много лет редактировал «Правду». В годы холодной войны главный партийный орган получил указание регулярно публиковать передовицы на международные темы. Текст предварительно посылался Сталину и Молотову. Однажды уже около полуночи фельдъегерь привез Поспелову пакет от Молотова, вспоминал один из ветеранов «Правды». Распечатали пакет и увидели, что от первоначального варианта осталось

буквально три слова. Остальное переписано рукой самого Молотова. Новый текст перепечатали и отправили в типографию набирать. А в два часа ночи главному редактору «Правды» позвонил Сталин и сообщил, что он считает текст передовицы подходящим и его можно публиковать… Поспелов растерялся: что же делать? Сталинского распоряжения ослушаться нельзя — надо печатать тот текст, который вождь просмотрел. Но как быть с Молотовым?

Поспелов встал, подтянул галстук, снял трубку вертушки и набрал номер Молотова. Он робко рассказал Вячеславу Михайловичу о ситуации и попросил указаний. Молотов помолчал и спросил:

— У вас есть мой текст? Возьмите в руки. Взяли? Разорвите и бросьте в корзину.

И повесил трубку.

Холодная война являлась не столько силовым столкновением супердержав, сколько войной идеологий. Или, точнее, идей. Археологические исследования идеологических развалин открывают неприятную истину: семена страха, предубеждений и ненависти к окружающему миру прорастали вновь и вновь. Запасы злобы и вражды стратегического значения переходили от одного поколения к другому.

На президиуме ЦК неоднократно обсуждали вопрос о том, как оградить советских людей от влияния иностранного радио.

— Давайте поручим товарищу Устинову, — распорядился Хрущев, — чтобы вместе с министром Калмыковым разработали вопрос о том, чтобы производить радиоприемники, которые работали бы только на прием от наших станций.

Дмитрий Федорович Устинов как заместитель главы правительства руководил оборонным комплексом, Валерий Дмитриевич Калмыков был председателем Госкомитета по радиоэлектронике.

В социалистическом лагере передачи иностранного радио — американского, британского, западногерманского — воспринимались как враждебные акции. Даже обычные новости о том, что происходит в мире, считались опасными — настолько они расходились с советской пропагандой. Передачи глушили — по мере возможности. Но это не значит, что о их содержании не знали в Москве. Все программы записывали и рассылали идеологическим чиновникам по списку, утвержденному ЦК. Особенно тревожилось руководство Гостелерадио — именно оно должно было решать, что именно позволить советским людям услышать, а что глушить.

И 26 сентября 1962 года отдел пропаганды и агитации ЦК

КПСС доложил своему начальству:

«Государственный комитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению вносит предложение о переходе от выборочного к сплошному глушению радиопрограмм „Немецкой волны“, передающихся с 1 августа с. г. радиостанциями ФРГ из гор. Кёльна на русском языке. Необходимость этого мотивируется тем, что передачи „Немецкой волны“ носят ярко выраженный антисоветский и антикоммунистический характер.

В соответствии с указанием ЦК КПСС от 7 августа с. г. Госкомитету поручено применять по отношению к передачам из Кёльна на русском языке порядок выборочного глушения клеветнических материалов, действующий в настоящее время в отношении передач „Голоса Америки“ и „Би-Би-Си“. Переход к сплошному глушению потребовал бы значительных дополнительных технических средств.

Полагаем, что нет необходимости изменять установленный порядок по отношению к радиопередачам „Немецкой волны“. В то же время считаем нужным обратить внимание Госкомитета на необходимость строгого контроля за этими передачами с тем, чтобы заглушить все клеветнические антисоветские материалы.

Просим согласия».

Суслов написал на записке: «Согласиться».

Президиум ЦК 25 апреля 1963 года одобрил предложения секретаря ЦК Леонида Федоровича Ильичева, изложенные в записке, которую он представил 30 марта:

«Глушение зарубежных передач, как средство защиты от враждебной радиопропаганды, было введено с 1949 года. Тогда вещание на Советский Союз из капиталистических стран составляло всего около трех часов в сутки. В настоящее время пропаганду на Советский Союз ведет 131 радиостанция на 21 языке народов СССР…

На создание помех враждебным передачам в настоящее время используется почти половина мощностей всех радиостанций Советского Союза… Как показала жизнь, глушение передач из-за рубежа полностью не достигает цели и носит скорее символический характер. Практически заглушаемые радиопередачи из капиталистических стран слышны по всей стране (за исключением крупных административных центров)…

Возможно ли заглушить все иностранные передачи? Практически нет…»

Леонид Федорович Ильичев считал необходимым прекратить выпуск радиоприемников с коротковолновым диапазоном, «оставив временно выпуск таких приемников только для экспорта, служебных целей, а также для продажи населению

Севера страны и районов с отгонными пастбищами в Казахстане и республиках Средней Азии».

Ильичев предложил не глушить официальные радиостанции — «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкую волну», но глушить музыкальными программами неофициальные — радио «Свобода», радиостанцию НТС и др. Разница состояла в том, что государственные радиокомпании в основном переводили на русский язык обычные программы своих новостей, в которых Советский Союз упоминался не так часто. А такие радиостанции, как «Свобода» и «Свободная Европа», специализировались на освещении жизни по ту сторону железного занавеса, изо дня в день рассказывали о нарушениях прав человека, о диссидентах и о советском руководстве.

Некоторые западные радиостанции, вещавшие на социалистические страны, даже пытались взорвать. Работники радиостанций были уверены, что это дело рук КГБ и других спецслужб социалистических стран…

В роли министра культуры Фурцевой придется получать согласие Ильичева на каждый свой шаг. Как и Поспелов, Ильичев в 1950-е годы руководил «Правдой». Когда в стране шла навязанная вождем дискуссия о проблемах языкознания, Сталин позвонил главному редактору «Правды»:

— Ильичев?

— Да, товарищ Сталин.

— У вас готова газета с листком по языкознанию?

— Уже готова, товарищ Сталин.

— Давайте приезжайте ко мне на Ближнюю дачу.

— Немедленно выезжаю. Через две минуты звонит опять:

— Нет, лучше в ЦК.

ЦК партии располагался на Старой площади. Сталин еще с довоенных времен сидел в Кремле, но, видимо, полагал, что ЦК там, где он находится. Эту историю Ильичев рассказал своему бывшему помощнику, тоже правдисту Валерию Ивановичу Болдину (который стал помощником Горбачева).

Сталин стал нахваливать Ильичеву некоего молодого автора:

— Он просто гений. Вот он написал статью, она мне понравилась, приезжайте, я вам покажу. Сколько у нас молодых и талантливых авторов в провинции живет, а мы их не знаем. Кто должен изучать кадры, кто должен привлечь хороших талантливых людей с периферии?

Когда Ильичев приехал, вождь в одиночестве прогуливался по кабинету. Дал ему рукопись. Ильичев быстро ее прочитал, дошел до последней страницы. Внизу подпись автора — И. Сталин. Леонид Федорович с готовностью произнес:

— Товарищ Сталин, мы немедленно останавливаем работу над номером, будем печатать эту статью.

Сталин получил удовольствие от того, как разыграл главного редактора.

— Смешно? — спросил он. — Ну что, удивил?

— Удивили, товарищ Сталин.

— Талантливый молодой человек?

— Талантливый, — согласился Ильичев.

— Ну что же, печатайте, коли так считаете, — разрешил довольный вождь.

На следующий день «Правда» вышла со статьей «Марксизм и языкознание». Потом ее пришлось изучать всей стране.

— В нашей стране у некоторой части интеллигенции, — горевала секретарь ЦК Фурцева, — особенно у молодежи, появились нездоровые настроения и тенденции. Среди писателей было особенно много нездоровых проявлений, а некоторая их часть скатилась до прямой клеветы на нашу действительность. Не случайно враги издали роман Дудинцева почти во всех капиталистических странах в огромных тиражах! Этот роман инсценирован, и пьеса сейчас идет в театре на Бродвее, а Голливуд ставит по роману кинокартину. Надо поправить положение на идеологическом фронте!

Сегодняшнему читателю трудно понять, чем так напугал советское руководство роман прозаика Владимира Дмитриевича Дудинцева «Не хлебом единым». Дудинцев, фронтовик, четырежды раненный на войне, десять лет писал историю изобретателя, вновь и вновь отвергаемого бюрократической системой. «Была в „Правде“ передовица, — вспоминал писа-. тель, — в которой говорилось, что на полках гниют 400 тысяч изобретений, получивших признание и авторские свидетельства. А я всего лишь об одном!»

В конце 1950-х читатели были потрясены искренностью Дудинцева, описавшего бесчеловечную бюрократическую систему, какой и был, собственно, советский строй. Екатерина Алексеевна напрасно поносила роман «Не хлебом единым», считая, что он клевещет на социалистическую действительность. Очень скоро она сама будет горько жаловаться на несправедливость.

«Советские люди, — вспоминал скульптор Эрнст Неизвестный, — как бы очнулись от магического сна. Мы были загипнотизированы адовыми, языческими идолами. Поэзия первой освобождалась от власти демонов… Коммунистические лидеры и аппаратчики боялись стихотворений Вознесенского, песен Окуджавы и скульптур не потому, что те реставрировали

веру и религиозность, а потому, что они в них чувствовали неуправляемую таинственность».

Четвертого ноября 1957 года на президиуме ЦК обсуждался неприятный вопрос о студенческих митингах и волнениях в высших учебных заведениях, где выражалось недовольство подавлением венгерского восстания. Фурцевой, Поспелову, Шепилову и председателю Комиссии советского контроля при Совете министров СССР Георгию Васильевичу Енютину поручили «внести предложение об очищении вузов от нездоровых элементов». 19 декабря президиум утвердил закрытое письмо ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов».

Двадцать девятого ноября на президиуме ЦК обсуждался вопрос «О пресечении вылазок антисоветских и враждебных элементов». За день до этого подведомственный Фурцевой отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС разослал записку о настроениях советской интеллигенции. Критиковались роман Дудинцева «Не хлебом единым», стихи молодого Евгения Евтушенко, статьи Константина Симонова и Даниила Гранина.

Поводом стало громкое обсуждение романа Дудинцева в Центральном доме литераторов за месяц до этого, 25 октября 1956 года.

«Перед Домом литераторов, — вспоминал сам Дудинцев, — толпы. Вся улица Воровского, насколько охватывает глаз, — головы, головы, головы… Окна, двери, крыша Дома литераторов забиты людьми. Чуть ли не на проводах висят…

Общество ждало открытого слова — слова правды. И, видно, мне выпало такое счастье — сказать его, да еще быть понятым. После стольких лет лжи правда нуждалась в защите. Вот и собрались люди — защищать мой роман…»

Свободное обсуждение так напугало идеологическое начальство, что на заседании президиума ЦК прозвучали устрашающие призывы: «Выслать, арестовать». С вольнодумцами поручили разобраться Фурцевой и ее коллегам при помощи руководителей КГБ и Генеральной прокуратуры.

Георгий Хосроевич Шахназаров, будущий помощник генерального секретаря ЦК КПСС, а в ту пору сотрудник Издательства политической литературы, описал, как в 1957 году побывал на заседании секретариата ЦК, где по инициативе отдела культуры призвали к ответу журнал «Новый мир», напечатавший роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Главный редактор журнала Константин Михайлович Симонов защищался умело и достойно. Шахназаров полагал, что на этом обсуждение

закончится.

«Но на трибуну поднялась Екатерина Фурцева, — вспоминал Шахназаров, — и, встав в позу разгневанной фурии, звенящим голосом разнесла в пух и прах роман, журнал и самого Симонова. Врезались в память грозные инвективы:

— Вы, товарищ Симонов, кандидат в члены ЦК, не имели права допускать такую грубейшую ошибку, граничащую с идеологической провокацией!

Признаюсь, я большой поклонник Симонова, особенно его лирических стихов. Ни один другой советский писатель не сделал так много для нашей победы в Отечественной войне. Было невыносимо стыдно и больно слушать, как эта чиновная дама буквально смешала его с грязью. Повторно поднявшись на трибуну, он попросил освободить его от обязанностей главного редактора.

На это ему было сказано, что так вопрос не стоит. Если ЦК сочтет необходимым заменить Симонова, ему об этом сообщат. А сейчас редакция журнала должна сделать выводы и извлечь уроки»…

С 28 июля по 11 августа 1957 года в Москве под лозунгом «За мир и дружбу» проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, ставший огромным событием. Никогда еще не было такого широкого и практически неконтролируемого общения с иностранцами. Разнообразное начальство, привыкшее жить за железным занавесом, само было напугано и пугало других.

Накануне фестиваля Екатерина Фурцева предупреждала московских чиновников:

— Есть слухи, что завезут инфекционные заболевания. Начали проводить прививки. В то же время было четыре случая каких-то уколов в магазинах: когда девушка стояла в очереди за продуктами, подходит человек, в руку делает укол. Пострадавшие находятся в больнице, состояние их хорошее. Это делается врагами, чтобы создать панику вместо торжества… Главное, что мы недооцениваем советских людей, их патриотизм. Зимой приезжала делегация американцев, среди делегатов был корреспондент-разведчик. Гуляют по Москве и видят: пьяный идет навстречу в спецовке, сейчас же корреспондент его сфотографировал, поинтересовался, кто он такой, обратился к нему на ломаном русском языке: «Где работаете, сколько зарабатываете, вид не очень приличный, плохо, наверное, живете». На это рабочий ответил: «Живу я очень хорошо, у меня жена, семья, все обеспечены, даже на водку деньги остаются. Пойдемте ко мне в гости, я вас угощу». Тогда американец смутился. Когда наши представители пошли к этому рабочему

узнать, кто он и где живет, оказалось, что он простой слесарь-ремонтник, живет на восьми метрах в полуподвальном помещении с семьей в пять человек. После этого мы ему дали квартиру. Человек в пьяном виде мог так отпарировать. Наши люди — безусловно честные, более патриотичны, чем другие нации…

Для воздействия на либерально настроенных писателей пускали в ход тяжелую артиллерию — главу партии. Сам Никита Сергеевич больше верил не в принятые постановления, а в личное общение.

Руководители страны 13 мая 1957 года встретились с членами правления Союза писателей. Известный прозаик Вениамин Александрович Каверин, автор популярнейшего романа «Два капитана», вспоминал, что Хрущев говорил два часа:

«Пересказать его речь невозможно. Она была похожа на обваливающееся здание. Между бесформенными кусками, летящими куда придется, не было никакой связи.

Начал он с заявления, что нас много, а он один. Мы написали много книг, но он не читал, потому что, „если бы он стал их читать, его бы выгнали из Центрального комитета“. Потом в середину его речи ворвалась какая-то женщина „нерусской национальности“, которая когда-то обманула его в Киеве. За женщиной последовал главный выпад против Венгрии с упоминанием, что он приказал Жукову покончить с мятежниками в три дня, а Жуков покончил в два. Вот здесь, кажется, он и перешел к „кружку Петефи“, подражая которому некоторые писатели попытались „подбить ноги“ советской литературе… Как ни бессвязна была речь Хрущева, смысл ее был совершенно ясен. „Они хотели устроить у нас 'кружок Петефи', и совершенно правильно, по-государственному, поступили те, кто ударил их по рукам“… Пахло арестами, тем более что Хрущев в своей речи сказал, что „мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов“.

Хрущев сразу отодвинул текст подготовленной ему речи:

— Эту бумагу я для вида взял. Я разрешу себе на таком авторитетном собрании выступить и сказать по некоторым вопросам без подготовки, без конспекта и тем более без предварительно подготовленной законченной речи.

Никита Сергеевич так и не смог ясно сформулировать свою позицию. Ему претили сталинские преступления, но он не в состоянии был осудить систему, которая сделала эти преступления возможными. В результате первый секретарь ЦК постоянно оправдывался относительно своего доклада на XX съезде, говорил путано и сбивчиво:

— И я, и друзья мои, с которыми я работал и работаю, мы по-детски плакали, когда были у гроба Сталина. Поэтому надо с этим считаться. И что же это, у нас были тогда слезы неискренние, когда мы плакали, когда Сталин умирал, а потом стали плевать на труп Сталина, когда его вынесли и в Мавзолей положили? Нет, товарищи, мы были искренними и сейчас искренни».

В писательской среде после смерти Сталина столкнулись два направления. Одни писатели называли себя «автоматчиками партии» (крылатое выражение поэта Николая Матвеевича Грибачева), доказывали, что писать нужно только то, чего от них ждет ЦК, и требовали от высокого начальства поддержки и привилегий. Другие доказывали, что писатель обязан правдиво отражать действительность.

Борис Николаевич Полевой, автор знаменитой «Повести о настоящем человеке» (о потерявшем ноги летчике Герое Советского Союза Алексее Маресьеве) и главный редактор журнала «Юность», ехидно заметил, что «автоматчиков партии пора демобилизовать». Еще «автоматчиков» презрительно именовали «лакировщиками действительности».

Никита Сергеевич вступился за лакировщиков:

— Кто же такой лакировщик? Это люди, которые хотели показать деятельность нашей партии, нашего народа под руководством партии, успехи партии, успехи народа. Так мы этих людей должны осуждать?.. Лакировщики — это наши люди. Это люди, преданные партии… Мы считали, что нужно сказать правду, нужно обнажить недостатки, надо на них указать, но указать и пути преодоления этих недостатков. А у Дудинцева это есть? Нет этого. Он смакует недостатки. Он ведет эту критику с вражеских позиций…

Хрущев заговорил о Твардовском, которого лишил должности главного редактора журнала «Новый мир». Видно было, что первый секретарь ЦК КПСС не совсем уверен, что принял правильное решение:

— Мы критиковали товарища Твардовского… Мне очень жаль, что товарищ Твардовский, говорят, закупорился очень. Я искал его по телефону, хотел по телефону найти и поговорить. Его не было, или он не мог подойти к телефону, но я считал, что мы должны все сделать, чтобы критика была товарищеская, чтобы в этой критике людей не глушить, а помочь, чтобы эти люди продолжали с еще большей пользой заниматься творческим трудом…

«Речь Хрущева, — с горечью пометил в дневнике Твардовский, — рассеяние последних иллюзий. Все то же, только

хуже, мельче. Рады одни лакировщики, получившие решительную и безоговорочную поддержку».

Но Хрущев не занимал однозначной позиции, когда речь шла о литературе и искусстве. Тут он был готов прислушиваться и к чужим мнениям. Идеологические вопросы как человек практического ума вообще не считал самыми важными. Его голова была занята более серьезными проблемами.

В августе 1953 года, когда Хрущев стал главой государства, ему положили на стол секретную справку:

«Хотя потребление большинства продовольственных продуктов в СССР в послевоенный период и возросло, тем не менее оно остается еще недостаточным. Общая норма потребления всех продуктов на душу населения в СССР по калорийности равна американской, но по ряду продуктов, особенно по овощам и по продуктам животноводства, нормы потребления отстают от норм потребления на душу населения в США и Англии…

Из этих данных видно, что в СССР меньше потребляется, чем в США и Англии — молока, мяса, яиц и сахара и значительно больше потребляется хлеба и картофеля… Потребление овощей, продуктов животноводства, рыбы и сахара значительно ниже норм, разработанных Институтом питания Академии медицинских наук СССР…»

Все десять лет своего правления Хрущев занимался сельским хозяйством, промышленностью, строительством. Идеологию передоверял другим. Когда ему докладывали о непорядках в этой сфере, взрывался, часто был несправедлив, но это не значит, что он не был способен признать чужую правоту.

Двадцатого июля 1957 года Александр Трифонович побывал у Хрущева. В ЦК его вызвал Дмитрий Алексеевич Поликарпов, который многие годы осуществлял партийное руководство литературой и искусством. Поликарпов обсудил с ним создание Союза писателей РСФСР. А потом повел к Хрущеву.

«Говорил я все то же, что и Поликарпову, — записал в дневнике Твардовский, — то есть то же, что говорю обычно о литературе, о ее нуждах и бедах, о ее бюрократизации и т. п. Часа полтора. От него две-три реплики. Потом он сказал, но в очень приемлемой форме, что у него десять минут на обед осталось, а потом он должен быть там-то».

Никита Сергеевич ощущал особое расположение к Твардовскому как подлинно народному поэту. И не мог не услышать искренности в словах Александра Трифоновича.

— Хорошо рассказываете, — сказал Хрущев, — я хотел бы еще вас послушать и ответить вам. Давайте на этой неделе…

«Вся эта встреча, — записал в дневнике Твардовский, — моя разгоряченность, сумбурность и существенность слов — все это теперь вспоминается как вчерашний хмельной день. Я даже не могу вспомнить, какая на нем была рубашка, — настолько мало меня это тогда занимало и настолько опрометью несся я бог весть куда. Помню только, что лицо у него не такое толстое и глупое, как на фотографиях, а более стариковское, пожухлое, но оживленное внутренним соображением, мыслью, хитростью».

Некоторые наивные фразы Хрущева поэта поразили, например:

— Лучше нам плохое, лакировочное произведение, но наше — оно хоть небольшую пользу сделает, чем талантливое, но не наше.

Провожая Твардовского, Дмитрий Поликарпов уважительно заметил:

— Неужели не понимаешь, что в тебе здесь заинтересованы больше, чем в ком бы то ни было из писателей страны, что ты первый поэт?

Тридцатого июля Хрущев сдержал обещание и пригласил Твардовского. Они разговаривали два с половиной часа. Никита Сергеевич вспоминал «антипартийную группу»:

— Молотов — честный коммунист, но еще Сталин называл его обычно так: «ж… — медный лоб». Каганович — честный коммунист, я его знаю сорок лет. Очень боится, что мы его посадим, а никто его сажать не собирается. Про Маленкова этого (о честности) не скажу. Это — глиста. Он умеет нравиться, культурен, обходителен, к месту может и пошутить, и все. Он втерся в доверие к Сталину. С Берией так дружил, что, как говорится в народе, в нужник вместе ходили…

Поликарпов напомнил первому секретарю ЦК КПСС о «гвозде» в сапоге Твардовского — истории с социальным происхождением, когда райком партии так и «оставил» поэта сыном кулака, не пожелал менять данные в партийных документах.

— Вообще мы могли бы вернуться к этому вопросу, — сказал Хрущев. — Я согласен быть клещами, которые вытянут этот гвоздь.

Твардовский промолчал. (Пометил в дневнике: «Пережил уж я это, и нет сил, нет нужды, нет охоты перемалывать все сначала».) Никита Сергеевич демонстрировал особое уважение к Твардовскому. Провожая, руку жал не менее трех раз:

— Будьте здоровы, будьте ближе к нам, чтоб нам с вами советоваться по делам литературы и искусства. (А не вас, мол, наставлять и т. п.)

Заодно заметил:

— Алигер я бы принял, рад и готов. И Дудинцева бы принял.

Поэтесса Маргарита Алигер подверглась столь же необузданной и несправедливой критике, как и прозаик Владимир Дудинцев. Но встречи с ними так и не состоялись. Идеологический аппарат не допустил. Хрущев доверял личному общению больше, чем бумагам. Если человек нравился, менял свое мнение о нем. Аппарат не хотел, чтобы Никита Сергеевич расположился к этим людям. Дудинцев оставался главной мишенью идеологических атак.

«Я был как бы тем кристалликом, который бросают в насыщенный раствор, чтобы началась кристаллизация, — писал Владимир Дудинцев. — Тут и Никита Сергеевич сказал, тут и наша старая гвардия стариков писателей, сплотившись, начала кричать, кликушествовать, вообразили, что я тот, которого они в 1918 году ставили к стенке. И началось… Василий Смирнов, писатель, одной своей читательнице, которая к нему пришла, сказал про меня: „Мы таких в восемнадцатом году ставили к стенке“».

А внимание первого секретаря ЦК КПСС к Твардовскому было замечено. Чуткий к перемене климата Михаил Андреевич Суслов в мае 1958 года, принимая членов Комитета по присуждению Ленинских премий, задержал Твардовского.

— Я не мог сказать вам при всех, но теперь скажу, что мне очень нравится все, что вы делаете в последнее время. Вы, оказывается, и в прозе… Да, у вас идет накопление на Ленинскую, — сказал он при Фурцевой, полагая, что больше всего этим осчастливит Александра Трифоновича…

По инициативе Хрущева в апреле 1958 года Твардовскому предложили вновь стать главным редактором «Нового мира». Екатерина Алексеевна Фурцева, секретарь ЦК по идеологии, пригласила Твардовского и сделала приятное предложение. Он не торопился с ответом — колебался, взваливать ли на себя такую ношу.

Пятого мая 1958 года он дал Фурцевой согласие. В июне приступил к редактированию журнала. Наступила новая эпоха в духовной жизни советского общества, которую многие связывают в первую очередь с особой ролью «Нового мира». Твардовский отдался работе всей душой. Он переживал и творческий подъем. Это были лучшие для него годы.

Девятого февраля 1960 года Твардовский обратился к Фурцевой с необычной для советской элиты просьбой — не посылать его за границу:

«Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна!

В связи с особыми обстоятельствами, определившимися в последнее время, я должен просить Вас освободить меня от предстоящей поездки в Америку.

Находясь уже в течение месяца в санатории „Барвиха“, я получил возможность без помех обратиться к работе над книгой „За далью — даль“, являющейся главным делом моей творческой жизни уже целого десятилетия…»

Фурцева настолько поразилась — коллеги Твардовского выбивали себе поездки за границу всеми правдами и неправдами, — что просьба поэта была исполнена с особым уважением. 11 февраля утром Твардовский приехал в ЦК. Екатерина Алексеевна сказала:

— Ваша работа должна быть на первом месте. Мы считаем, что вы правильно ставите вопрос, и поддерживаем вас.

Она обратилась к Поликарпову:

— Как вы считаете, Дмитрий Алексеевич?

— Я думаю, что Александр Трифонович прав, — ответил Поликарпов, хотя еще накануне не советовал Твардовскому ставить в ЦК вопрос об отказе от загранкомандировки. — Он хорошо понимает задачи, связанные с предстоящим XXII съездом партии.

Закончив поэму, Твардовский обратился к читателю, от которого зависела вся советская литература. 15 апреля отправил экземпляр поэмы Хрущеву с запиской:

«Дорогой Никита Сергеевич!

Мне очень хотелось сердечно поздравить Вас с днем Вашего рождения и принести Вам по этому случаю как памятный знак моего уважения и признательности самое дорогое сейчас для меня — заключительные главы моего десятилетнего труда — книги „За далью — даль“…»

Через несколько дней ночью позвонил помощник первого секретаря ЦК по идеологии Владимир Семенович Лебедев, сообщил мнение шефа о поэме:

— Прочел с удовольствием. Ему понравилось, очень понравилось, благодарит за внимание, желает…

Девятнадцатого мая 1957 года в правительственной резиденции Хрущев вновь встречался с деятелями литературы и искусства. Для начала он напугал слушателей. Как раз накануне вернулся из поездки в Индонезию председатель президиума Верховного Совета СССР Климент Ворошилов. О его успешном визите в дружественную страну писали газеты. И вдруг Хрущев сказал:

— Вы думаете, что у нас уже бесклассовое общество, врагов нет, что же, с молитвами будем жить дальше? Я расскажу вам

один секрет… Ворошилов находился в Джакарте, а мы знаем, чья агентура поехала уничтожить самолет с Ворошиловым. (Удивление в зале.) Да, да.

— Чья? — поинтересовалась писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Хрущев прямого вопроса не ожидал. Отрезал:

— Этого я вам не скажу. (Смех.) Не все ли вам равно? Наших врагов, а какая разница — американская или французская, от этого не легче… Враги существуют, и оружие надо держать наготове и прежде всего держать главное оружие — идеологическое оружие в порядке. Сейчас хотят разложить с идеологического фронта, поэтому ваш участок фронта, участок писателей, самый главный, потому что через вас хотят, влияя на вас, разлагать наше общество…

Но тут опять встряла Мариэтта Шагинян:

— А можно спросить — есть ли в Армянской республике масло? Мы идем к коммунизму, а население кричит — где же масло?

Недовольный Хрущев повернулся к представителю Армении:

— У вас нет масла?

— Масло есть, сахар есть. Правда, масла стало поменьше…

— А когда я была, — продолжала Шагинян, которую нельзя было сбить с толку, — масла не было.

— Она была в марте, — оправдывался представитель республики, — действительно один-два дня не было.

— Там живут мои родственники. Масла там нет, — настаивала Шагинян.

— Мариэтта Сергеевна, — пытались ее урезонить, — такой случай может быть и впредь один раз в году.

— Как туда ни приеду, так масла нет, — упрямо констатировала Шагинян.

В зале смеялись.

Хрущев предпочел продолжить разговор о положении в писательских союзах:

— Хуже всего в Москве, а очень важно, кому служит Московская писательская организация, какие цели она ставит… Книга должна быть оружием в арсенале партии… У нас духу хватило бы принять меры против вас. И государство должно принимать эти меры, если способны загубить его дело…

Он обратился к Екатерине Алексеевне Фурцевой:

— А о москвичах, товарищ Фурцева, я скажу, что Московский городской комитет немножко либерально подошел. Нельзя быть зрителями положения в московском Союзе писателей. Или товарищи должны разобраться и принять оздоравливающие меры,

или же мы должны помочь им. Нельзя, чтобы в Москве разводилась гниль…

Но столичная интеллигенция только и делала, что огорчала Хрущева и его товарищей по президиуму ЦК. К особенностям нашей духовной истории относится то, что понятия «интеллигент», «интеллигентный», «интеллигенция» неизменно сохраняют откровенно пренебрежительный оттенок. С этим пренебрежением к интеллекту давно следовало бы покончить, но ничего не меняется.

Настоящий интеллигент в силу самой своей природы расположен к критике. Ему свойственно стремление ставить под сомнение то, что большинству представляется естественным. Это и предопределяет конфликт интеллигенции с властью. Интеллигент считает своим долгом идти поперек течения, говорить не то, что говорят другие, противоречить общепринятой точке зрения и вступаться за униженных и оскорбленных. Поэтому интеллигентов так часто именовали антипатриотами, космополитами, предателями и осквернителями собственного гнезда.

Так было всегда. После подавления первой русской революции 1905 года Максим Горький ездил по всему миру и призывал не давать кредиты царскому правительству. Это тоже казалось кому-то непатриотичным.

Но как должен поступать настоящий интеллигент?

Есть две линии поведения. Одна — решительно протестовать против глупых, вредных и преступных действий власти. Так поступали, скажем, писатель Александр Солженицын и академик Андрей Сахаров. Другая линия — пытаться воздействовать на власть изнутри, сдерживать ее. Так поступали Александр Твардовский, когда был редактором журнала «Новый мир», и академик Петр Капица, который постоянно писал то Сталину, то Молотову, то Хрущеву и всякий раз чего-то добивался. Твардовский, постоянно делая реверансы в сторону ЦК и цензуры, превратил «Новый мир» в форпост либеральной мысли. Академик Капица, пользуясь своим авторитетом, сумел многим помочь, а будущего лауреата Нобелевской премии Льва Ландау вытащил из тюрьмы. Но они вынуждены были держаться в определенных рамках и своим сотрудничеством придавали власти видимость респектабельности. И в этом их упрекали. Сахаров и Солженицын считали, что важнее всего следовать своим принципам, а компромисс с властью губителен. Сахаров говорил так: сделать ничего нельзя, но и молчать нельзя… Но надо признать: и тот и другой сделали для страны много больше, чем вся армия их

гонителей и хулителей.

В годы перестройки профессиональный партийный работник Виктор Васильевич Прибытков не по своей воле оказался на работе в Главлите и здесь впервые прочитал запрещенную его предшественниками поэму «По праву памяти» любимого им Твардовского. Прибытков достал из архива верстку поэмы, набранной в 1969 году для апрельского номера «Нового мира». Верстка поступила в четвертый отдел Главлита.

Прибытков увидел «верстку, испещренную подчеркиваниями и знаками вопроса, поставленными красным карандашом бдительного цензора. Почти все строфы подчеркнуты красным карандашом с массой вопросительных и тревожно-восклицательных знаков на полях. Нередко по три кряду!» Через полтора десятилетия не пустившие поэму к читателю цензоры все еще трудились в Главлите. «Потрясло меня, — пишет Виктор Прибытков, — то, что вины за собой они не чувствовали, а усматривали чуть ли не подвиг в том, что „зажали самого Твардовского“…».

Двадцать третьего октября 1958 года Борис Леонидович Пастернак получил телеграмму секретаря Нобелевского фонда о том, что он удостоен премии по литературе «за выдающиеся достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». Его пригласили на торжественное вручение 10 декабря Нобелевской премии в Стокгольм. Пастернак ответил телеграммой: «Бесконечно признателен, тронут, горд, удивлен, смущен».

За три месяца до этого, 11 июня 1958 года, Борис Пастернак писал Нине Табидзе: «„Живаго“ это очень важный шаг, это большое счастье и удача, какие мне даже и не снились…» Он конечно же не подозревал, что его ждет. Его роман «Доктор Живаго» был опубликован в нескольких европейских странах. Пастернаку писали восхищенные читатели. Он был счастлив. В августе 1958 года появилось заграничное издание на русском языке. Роман представили на Нобелевскую премию. Кандидатура Пастернака собрала в Шведской академии большинство голосов.

Его успеху радовались все, кому дорога русская словесность. Но на Старой площади несанкционированный триумф русской литературы восприняли как диверсию. В тот же день президиум ЦК принял решение организовать кампанию против Пастернака, мотивировав это тем, что присуждение ему премии «является враждебным по отношению к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны».

Возглавить эту кампанию поручили Екатерине Алексеевне Фурцевой. Ей поступали все бумаги по «делу Пастернака». Она требовала от аппарата принятия мер, она же одобряла или отвергала предложения отделов ЦК.

На следующее утро партийный руководитель литературы Дмитрий Поликарпов примчался на дачу в Переделкино к Константину Александровичу Федину, первому секретарю Союза писателей. Поликарпов велел Федину пойти к Пастернаку, который жил по соседству, и любым путем заставить его отказаться от премии.

Константин Федин писал старомодно, но его литературного таланта и вкуса никто не отрицал. Он считался вполне уважаемым человеком в среде российской интеллигенции. Но напуганный Поликарповым, он, что называется, потерял лицо и стал грозить Пастернаку всяческими карами.

«Поначалу, — докладывал, вернувшись из Переделкина, Поликарпов Суслову, — Пастернак держался воинственно, категорически сказал, что не будет делать заявления об отказе от премии и могут с ним делать все, что хотят. Затем он попросил дать ему несколько часов на обдумывание позиции. После встречи с К. А. Фединым Пастернак пошел советоваться с Вс. Ивановым. Сам К. А. Федин понимает необходимость в сложившейся обстановке строгих акций по отношению к Пастернаку, если последний не изменит своего поведения».

Известные писатели Всеволод Иванов и Корней Чуковский поздравили Пастернака, они восхищались его творчеством, но как люди опытные обеспокоились отрицательной реакцией начальства. Чуковский предложил поэту поехать к Фурцевой и объясниться. Пастернак не захотел. Набросал Екатерине Алексеевне письмо:

«Я думал, что радость моя по поводу присуждения мне Нобелевской премии не останется одинокой, что она коснется общества, часть которого я представляю. Мне кажется, что честь оказана не только мне, а литературе, к которой я принадлежу… Кое-что для нее, положа руку на сердце, я сделал. Как ни велики мои размолвки со временем, я не предполагал, что в такую минуту их будут решать топором. Что ж, если Вам кажется это справедливым, я готов все перенести и принять…»

Корней Иванович Чуковский прочитал, вздохнул и посоветовал письмо Фурцевой не отправлять.

В стране усилиями партийного аппарата и госбезопасности развернулась настоящая травля поэта. 27 октября 1958 года секретариат Союза писателей исключил Пастернака из членов союза. На заседание приехал заведующий отделом культуры

Поликарпов. Похоже, в последний момент он засомневался: стоит ли это делать? Какое впечатление произведет на страну и мир исключение выдающегося поэта? Но решение уже было принято.

Московские писатели по собственной инициативе потребовали от родного правительства изгнать поэта из страны. Этот пункт в резолюции собрания не предусматривался. Главный редактор «Литературной газеты» Валерий Алексеевич Косолапое заранее получил резолюцию собрания и теперь не знал, как быть: печатать вариант, утвержденный в ЦК, или новый с добавлением насчет лишения гражданства? Позвонил Фурцевой. Выслушав Екатерину Алексеевну, распорядился:

— Даем с поправкой. Иностранные «голоса» уже передали…

Двадцать седьмого февраля 1959 года судьба Пастернака решалась на заседании президиума ЦК с участием Фурцевой, Суслова, председателя КГБ Шелепина и генерального прокурора Руденко. Генеральный прокурор предложил не привлекать Пастернака к уголовной ответственности, а в соответствии с пунктом «б» статьи седьмой закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 года лишить его советского гражданства и выслать из страны.

Высылать не стали. Руководители государства так сформулировали позицию в отношении Бориса Пастернака:

— Предупреждение от прокурора сделать и сказать, что, если будет продолжать враждебную работу, будет привлечен к ответственности.

Поэта вызвали в Генеральную прокуратуру. Допрос проводил сам Роман Руденко. Пастернаку пригрозили привлечением к уголовной ответственности по статье 64-1 УК — измена родине, если он будет продолжать встречаться с иностранцами.

Фурцева и другие идеологические секретари решили усилить работу с творческой интеллигенцией страны, прежде всего с писателями. 17 июля 1960 года под Москвой устроили встречу руководителей страны с деятелями литературы и искусства.

«Где бы ни появлялся Никита Сергеевич Хрущев и его товарищи-соратники, — писали газеты, — тотчас их окружали празднично одетые люди. Завязывались беседы, звучали шутки, вспыхивал смех… Вот он вместе с К. Е. Ворошиловым подошел к украинскому композитору Данькевичу:

— Ну, помоги старику, — сказал Климент Ефремович и запел народную украинскую песню.

Тотчас к дуэту присоединился и Никита Сергеевич.

Знаменитый украинский певец Гмыря своим могучим басом поддержал зародившуюся песню. Это был необыкновенный концерт, веселый и радостный…

Время перешло за полдень. Под гигантским шатром, осененным вековыми липами, хлебосольно накрыты столы. Открывая обед, с большой программной для деятелей науки и искусства речью обратился к гостям член президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов… С вполне понятным нетерпением ожидали собравшиеся выступления Никиты Сергеевича Хрущева. Остроумно, с юмором, с яркими развернутыми образами, просто и живо говорил Никита Сергеевич…»

Непрерывным потоком через письменный стол секретаря ЦК Фурцевой шли документы, жалобы, просьбы, петиции и манифесты. Художники просили, чтобы государство покупало у них картины. Военные политработники жаловались, что в художественной литературе ослабло военно-патриотическое направление. Начальник цензуры негодовал по поводу публикаций о Фадееве, которые «принижают общественное значение его творчества». Работники отдела культуры представляли проект нового устава Союза писателей и просили инструктировать руководство союза перед съездом.

Все требовали поддержки и одобрения Екатерины Алексеевны.

После непонравившейся статьи отдел ЦК постановил собрать редакторов газет и журналов — провести с ними воспитательную беседу. Не возражает ли Екатерина Алексеевна? Обсуждается вопрос об учреждении Ленинских премий как в области науки и техники, так и литературы и искусства. Фурцевой и еще нескольким членам президиума поручено додумать, как часто и кому присуждать премии. Ленинские премии учредили 6 ноября 1956 года… Присуждение премий проходило в конфликтной обстановке. Всегда находился кто-то недовольный, просил о приеме. Фурцева должна все уладить, помирить деятелей литературы и искусства.

Идеологический аппарат реагировал на малейшее отклонение от генеральной линии и бил тревогу.

Десятого января 1958 года заместитель заведующего отделом культуры ЦК Борис Сергеевич Рюриков и заведующий сектором Борис Михайлович Ярустовский (музыковед по профессии) доложили Фурцевой, что в газете «Советская культура» опубликована статья профессора Московской консерватории Игоря Федоровича Бэлзы:

«Статья написана автором без учета реальной обстановки, сложившейся в кругах художественной интеллигенции Польши.

Известно, что за последний год в печати, на собраниях

творческих союзов ряд польских писателей, художников, композиторов позволили себе выступить с клеветническими заявлениями по адресу советской культуры… Тов. Бэлза не только проходит мимо этих фактов, сглаживая сложность идейной борьбы, но оценивает как положительные явления те, которые на самом деле заслуживают критики… Такое отношение к процессам, происходящим в настоящее время в польском искусстве, явно играет на руку его нездоровым элементам…

Отдел культуры указал редакции газеты „Советская культура“ на ошибки, допущенные в статье „Среди польских друзей“. Секретариату Союза советских композиторов рекомендовано рассмотреть вопрос о выступлениях т. Бэлзы и разъяснить ему неправильность его высказываний».

Предшественник Фурцевой на посту министра культуры Николай Михайлов 24 февраля 1958 года обратился в ЦК с просьбой:

«В соответствии с решением ЦК КПСС подготовлена и будет проведена Всесоюзная творческая конференция работников художественной, документальной и научно-популярной кинематографии всех союзных республик… Министерство культуры просит секретарей ЦК КПСС принять участие в работе конференции. Было бы крайне желательно выступление по вопросам кино одного из секретарей ЦК КПСС. Это имело бы большое значение для всей дальнейшей работы советской кинематографии».

Фурцева приехала на конференцию и зачитала приветствие ЦК партии.

Двадцать девятого марта 1958 года отдел культуры составил записку в связи с предложением Министерства культуры проводить в Советском Союзе Международный конкурс скрипачей, пианистов, виолончелистов, симфонических дирижеров имени Чайковского. Фурцева согласилась с предложением. Вслед за ней на записке расписались другие секретари ЦК — Суслов, Поспелов, Мухитдинов. Так родился этот важный в музыкальном мире конкурс.

Двенадцатого апреля 1958 года первый заместитель министра культуры Сергей Васильевич Кафтанов прислал Фурцевой срочную и секретную записку о невиданном успехе на конкурсе американского пианиста Вана Клиберна (Вэна Клайберна):

«В нарушение принятого положения о жюри конкурса все члены жюри стоя аплодировали исполнителю. Переполненный Большой зал Московской консерватории устроил бурную овацию, длившуюся несколько минут…»

Но жюри имело установку — побеждают советские участники. Однако в данном случае даже присуждение двух первых премий — одной Клиберну, другой советскому пианисту — означало бы скандал.

«Вокруг выступления Ван Клиберна создается ажиотаж, — информировал Фурцеву заместитель министра, — неверное настроение среди некоторой части музыкальной общественности о якобы возможной необъективной оценке его творчества…

В связи с изложенным Министерство культуры СССР считает, что Ван Клиберну должна быть присуждена первая премия… Это ни в коей степени не нанесет ущерба авторитету советского исполнительства, так как на конкурсе скрипачей все первые места заняты советскими скрипачами, на конкурсе пианистов советскому пианисту Л. Власенко может быть присуждена вторая премия…»

Фурцева согласилась. Ван Клиберн получил заслуженную премию. Международный конкурс пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского стал заметным событием.

Пятого ноября 1958 года к Фурцевой обратились научные сотрудники и лекторы Центрального музея В. И. Ленина:

«Считаем своим долгом сообщить Вам о недопустимом искажении образа Ленина в некоторых произведениях драматургии и киноискусства, вышедших за последнее время… Содержание пьесы Н. Погодина „Третья патетическая“ вызывает возмущение безответственным отношением драматурга к такой важной для советского человека теме, как образ великого Ленина…

В пьесе Погодина в уста Ленина вложены чуждые ему слова… Совершенно излишни рассуждения Ленина о своей смерти и о том, добрый он или недобрый… В пьесе приводится немало двусмысленных выражений, песня пошлого содержания и некоторые реплики действующих лиц, которые вызывают отвращение. Например:

Настя: „Ипполит! Он ведь женщину ниже декольте и вообразить боится…“

Мы просим Центральный Комитет КПСС установить такой порядок, при котором все пьесы и сценарии о Ленине предварительно обсуждались бы партийной общественностью».

В роли министра культуры Фурцева будет вновь и вновь сталкиваться с этой проблемой: система не позволяла создания неканонического образа вождя, что губило творческие поиски лучших отечественных драматургов…

Лауреат Сталинской премии Николай Федорович Погодин был признанным мастером ленинианы. Его пьесы «Человек с

ружьем» и «Кремлевские куранты» считались советской классикой. Екатерина Алексеевна поручила Поликарпову и отделу ЦК разобраться. После долгих переговоров и уговоров автор переработал пьесу, чтобы успокоить музейных надзирателей. Премьера во МХАТе состоялась 3 января 1959 года. «Третья патетическая» Николая Погодина с успехом шла по всей стране.

— Идеологи буржуазии, — говорила Фурцева на XXI съезде партии в январе 1959 года, — не в силах противопоставить светлым и чистым коммунистическим идеалам какие бы то ни было новые идеи, способные зажечь и увлечь массы. Им поэтому не остается ничего другого, как извращать нашу коммунистическую идеологию, клеветнически изображать ее в виде некой угрозы духовной культуре, свободе личности, цивилизации. Однако как ни стараются наши противники, правду не спрячешь, она — светлее солнца!

Намучившись с цензурой и театральными начальниками, Погодин написал для журнала «Москва» статью «Почему я стал писать прозу?». Цензоры прочитали верстку и возмутились. Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете министров обратилось в ЦК с просьбой статью не печатать.

Подчиненные Фурцевой поддержали Главлит:

«В статье Н. Погодина проводится мысль, что над советскими драматургами якобы установлен некомпетентный, неграмотный контроль соответствующих министерств с их деятелями. По мнению драматурга, такой контроль делает невозможным занятие профессиональным трудом даже удачливым драматургам…

Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР обратил внимание главного редактора журнала „Москва“ т. Поповкина на его неправильное отношение к справедливым замечаниям цензуры и рекомендовал не публиковать статью Н. Погодина».

Екатерина Алексеевна от себя попросила передать журналу личную просьбу ни в коем случае не печатать статью…

Тринадцатого марта 1959 года отдел культуры представил Фурцевой записку о недостатках в работе творческих союзов художников и композиторов:

«В практике работы Союза композиторов можно указать, например, на недопустимые случаи легкомысленного отношения к приему иностранных гостей, которые нередко отправляются в поездки по Советскому Союзу только в сопровождении переводчиков, посещают квартиры лиц, не заслуживающих необходимого доверия.

Имеются случаи необдуманного подбора состава делегаций, выезжающих за рубеж, в результате чего имели место нежелательные поступки: внутренние раздоры, необдуманные разговоры, требования предоставления концертов…

Настоятельно требуется, чтобы в аппаратах Союзов были опытные и подготовленные в политическом отношении работники, знакомые со спецификой искусства… В этих целях было бы правильно установить в Союзах художников и композиторов по примеру Союза писателей должность секретарей Правлений по организационным вопросам». В феврале 1958 года на пленуме правления Союза писателей была учреждена должность оргсекретаря. Им стал Константин Васильевич Воронков.

Фурцева согласилась, но объяснила отделу, что вводить новые должности следует «без увеличения штатов, то есть за счет имеющегося числа секретарей Союзов». Идея назначения оргсекретарей не реализовалась, потому что натолкнулась на требование Хрущева бороться с засильем чиновников и делать упор на общественность. В конце того же 1959 года записку отправили в архив со ссылкой на то, что «секретариаты правлений творческих Союзов готовят предложения о переходе работы на общественные начала и сокращении штатов аппарата Союзов». А в дальнейшем должности секретарей по организационно-творческим вопросам ввели во всех союзах, эти кресла занимали, как правило, профессиональные партийные работники.

Руководители творческих союзов входили в номенклатуру ЦК КПСС, причем руководитель союза (первый секретарь или председатель) утверждался решением политбюро, оргсекретарь — решением секретариата ЦК. Остальные кандидатуры согласовывались в отделе культуры ЦК. Личные дела «главных» писателей, художников и кинематографистов хранились в секторе учета руководящих кадров отдела организационно-партийной работы на Старой площади.

В партийных кругах было принято демонстрировать скромность, это становилось второй натурой. Чиновный люд на Старой площади передвигался бесшумно, своим поведением и обличьем говоря: чту начальство и готов беззаветно следовать указаниям. Но власть в их руках была немалая. Ничто в стране не происходило без санкций работников ЦК. Слово Фурцевой было законом для идеологической сферы.

Сохранилась стенограмма заседания редакционной коллегии толстого журнала «Иностранная литература» от 10 февраля 1959 года. Популярность «Иностранки» объяснялась тем, что журнал

публиковал переводы лучших произведений мировой литературы. Главным редактором его был Александр Борисович Чаковский, который через несколько лет перейдет в «Литературную газету».

На заседании редколлегии обсуждалось содержание очередных номеров. Александр Чаковский заговорил о переводе нового романа американского прозаика Грэма Грина, находившегося на пике своей литературной славы:

— В романе Грина, как вы знаете, имеется несколько неприемлемых для нас мест с точки зрения политической. У нас есть предложение эти места в некоторых случаях перевести с другим оттенком, а иные просто удалить.

Дело в том, что в романе в не слишком уважительном контексте упоминался Хрущев. Редколлегия решила:

— Употребление имени Никиты Сергеевича в связи с общим контекстом представляется неприемлемым.

В одном месте героя романа Грина спрашивают: за кого вы, за Восток или Запад? Он отвечает: «Какой Восток, какой Запад? Ах, это! Чума на оба ваши дома». Мудрецы из редколлегии «Иностранки» решили перевести иначе: «Какой Восток, какой Запад? Ах, это! А мне что до них!»

Была еще одна проблема. Один из героев романа говорит:

«Он потерял жену во время войны в Испании и разочаровался и в той, и в другой стороне, особенно в своих друзьях-коммунистах».

Слово «особенно» смутило — разве можно разочаровываться в коммунистах? Предложили заменить его другим словосочетанием — «то есть». Кто-то заметил, что получается не слишком красиво. Александр Чаковский вразумил пуристов:

— Я считаю так: пусть лучше одно слово будет неуклюжее с литературной точки зрения, нежели оно будет двусмысленным с политической.

Сняли еще пару абзацев. Чаковский призвал коллег к бдительности:

— Не осталось ли в памяти у членов редколлегии еще каких-либо мест в романе, которые вызывают сомнение?

Нашлись еще сомнительные места, и они тоже были исправлены…

Заместитель главного редактора «Иностранной литературы» Савва Артемьевич Дангулов доложил:

— Несколько слов в связи с критическими замечаниями, которые были высказаны товарищем Фурцевой в адрес нашего журнала на одном из последних совещаний в ЦК. Говорилось о том, что нужно было давать больше контрпропагандистских материалов. Правда, этот упрек был сделан не только в адрес

нашего журнала, но и других журналов, которые недостаточно печатают таких материалов. Мы уже предприняли усилия, и в шестом номере у нас идет два контрпропагандистских материала наших авторов. Кстати, на этом совещании говорилось, что надо больше давать таких материалов и написанных именно нашими авторами. Это замечание приобретает особое значение в связи с предстоящей американской выставкой в Москве. Наша пресса будет публиковать много материалов, которые рассказывают об истинном положении вещей в США, вскрывают острые проблемы и противоречия… И вообще наш отдел публицистики должен давать больше материалов по вопросам, которые не являются только литературными вопросами, а и политическими. На это надо сознательно идти и учитывать требование времени…

За помощью к Фурцевой в 1959 году обратился писатель Сергей Владимирович Михалков. Он пожаловался секретарю ЦК КПСС на несправедливое отношение к нему одного из партийных секретарей:

«Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна!

Беспокою Вас в связи с немаловажным для меня вопросом, имеющим принципиальное значение. Московский театр Сатиры поставил в нынешнем году мою сатирическую комедию „Памятник себе“. Театральная и писательская общественность Москвы, а также газеты… многие партийные и общественные деятели, в том числе тт. Д. С. Полянский, А. И. Аджубей, А. Н. Кузнецов (зам. министра культуры СССР) лично высказывали мне свое положительное мнение о моей работе. Это дало мне основания полагать, что я, работая в жанре сатиры, делаю нужное и полезное для общества дело.

Газета „Правда“ от 22 марта с. г. писала о моей комедии: „Новая комедия хорошо раскрывает, в чем сущность мещанства в современных условиях. Она обличает того мещанина, который пристроился, прижился в нашем сегодняшнем общежитии, который, как никогда, нетерпим в век наших героических дел“.

Как же мне расценить после всего этого публичное выступление секретаря Новосибирского обкома КПСС тов. Е. К. Лигачева, который на совещании творческих работников города назвал мою комедию пьесой „злопыхательской, чернящей нашу жизнь“ и одобрил решение коллектива Облдрамтеатра, который якобы „сам“ снял пьесу из репертуара как порочную и вредную?! Точка зрения тов. Лигачева была обнародована в двух новосибирских газетах „Советская Сибирь“ и „Вечерний Новосибирск“. Пьеса моя опорочена, и я полагаю, у Облдрамтеатра надолго отбита охота заниматься сатирой.

Полагаю, что подобные выступления руководящих партийных

работников не стимулируют развитие нашей комедиографии. Странным кажется само выступление секретаря обкома КПСС, после того как в „Правде“ и др. советских и партийных газетах была дана совершенно иная оценка моей работы. И как же это не согласуется с выступлением товарища Хрущева по вопросу о роли сатиры в деле строительства коммунизма. Если бы тов. Лигачев не был секретарем обкома КПСС в столь большом городе, каким является Новосибирск, я бы скорее всего не придавал такого значения его личной точке зрения».

Егор Кузьмич Лигачев, будущий главный кадровик первого этапа перестройки, всегда чувствовал себя уверенно и, выражая собственное мнение, за словом в карман не лез. Знал, что наказывают за непростительный либерализм, за то, что пропустили недозволенное, а за излишнюю жесткость максимум ласково пожурят.

Фурцева попросила своих подчиненных разобраться: секретарь областного комитета партии, конечно, отвечает за идеологическую работу в Новосибирске. Но оценивать пьесу московского автора, уже положительно отмеченную центральным органом партии газетой «Правда», — не его дело. Егор Кузьмич, известный своим крутым характером и прямолинейностью, вышел за пределы своей компетенции. Придется поправить.

Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР пришел на помощь писателю, представил Фурцевой записку:

«Писатель С. Михалков жалуется на то, что секретарь Новосибирского обкома КПСС тов. Лигачев в своем выступлении на совещании творческих работников Новосибирска в ноябре 1959 года характеризовал его комедию „Памятник себе“ как зубоскальскую пьесу, чернящую нашу жизнь…

Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР считает, что в сатирической комедии „Памятник себе“ имеются отдельные недостатки, в частности в ней довольно слабо выписаны положительные персонажи, однако было бы неправильно относить эту пьесу С. Михалкова к разряду произведений, чернящих нашу действительность…

Тов. Лигачеву по этому вопросу дано соответствующее разъяснение. Ответ С. Михалкову сообщен».

Эстетические пристрастия Егора Кузьмича и его прямолинейную манеру руководить вмешательство отдела ЦК не изменило. Но Сергей Михалков убедился в том, что высшее начальство ему по-прежнему благоволит.

В идеологических отделах, подчиненных Фурцевой, работали разные люди. Как правило, в аппарат ЦК принимали только со стажем освобожденной партийной работы, то есть бывших

секретарей райкомов-горкомов-обкомов. Высоко ценились умелые составители речей и докладов. Доверить эту работу партийным чиновникам было никак нельзя, искали людей с талантами, с эрудицией, с хорошим пером. Иногда брали и людей образованных, искусствоведов, музыкальных и литературных критиков, не прошедших школу партийного аппарата, то есть со свежими, неиспорченными мозгами.

Это было время осторожного пересмотра некоторых марксистских догм. Иногда теоретические споры не имели никакого значения, иногда помогали жизни меняться в лучшую сторону. Например, пробивала себе дорогу идея о том, что на смену диктатуре пролетариата приходит общенародное государство. Принятие этой идеи на вооружение теоретически означало, что внутри страны врагов нет и репрессии против них не нужны…

Министр культуры Михайлов проявил бдительность и прислал в ЦК свои соображения о неблагоприятном состоянии современной литературы и работе Союза писателей. Фурцева передала записку в отдел культуры. Инструктор отдела литературный критик Игорь Черноуцан подготовил язвительный ответ:

«Замечания, высказанные т. Михайловым о советской литературе и работе Союза писателей, не основываются на конкретном изучении этого вопроса, а предложения, содержащиеся в письме, носят характер самых общих пожеланий… Принимать дополнительные меры в связи с данным письмом не представляется возможным».

Фурцева расписалась на ответе: «Согласиться». И министру Михайлову пришлось прочитать весьма неприятный ответ.

Но идеологическое начальство пугали «нездоровые явления в Московской писательской организации»: «В столичной писательской организации, которая должна быть образцом и примером, имеется гниль, проявляется групповщина, сказываются вредные и ошибочные тенденции, чуждые основным принципам советского искусства».

На самом деле на волне оттепели многие писатели всего лишь пытались заговорить в полный голос. Но чиновников и это настораживало. 29 марта 1957 года состоялось закрытое партийное собрание московских писателей. Екатерина Алексеевна Фурцева выступила на нем с большой речью, пытаясь их вразумить. Потом поделилась впечатлениями с членами президиума и секретарями ЦК.

Самым громким идеологическим скандалом стало посещение Хрущевым выставки московских художников. Существует

множество версий этой истории. Одни полагают, что первый секретарь ЦК взорвался и дал волю эмоциям из-за того, что различные группы художников пытались перетянуть его на свою сторону, а ему это надоело. В Союзе художников, как и в Союзе писателей, шла борьба не только между различными школами, но и между теми, кто добивался успеха верной службой начальству, и талантливой молодежью.

Другие полагают, что Хрущева ловко вовлек в эту историю хитроумный Михаил Андреевич Суслов, который в реальности пытался избавиться от конкурента, становящегося опасным, — секретаря ЦК Леонида Ильичева.

Скорее, скандал в Манеже был результатом сложных проблем советского руководства. В основе массированной атаки на либерализм в сфере культуры и литературы — провалы во внутренней политике, в экономике, когда ухудшилась ситуация с продовольствием. Власть ответила обычным образом — закручиванием гаек.

После XX съезда собирались провести пленум ЦК по идеологическим вопросам, чтобы продолжить десталинизацию, но так и не провели. А вот после Манежа, в июне 1963 года, собрали единственный за все десять хрущевских лет пленум по идеологии.

— После того как на мартовском и ноябрьском пленумах прошлого (1962) года были решены вопросы промышленного и сельскохозяйственного производства и вопросы руководства народным хозяйством, — объяснял секретарь ЦК Леонид Ильичев, — обсуждение идеологических проблем является весьма закономерным.

О том, как относиться к художникам, давно шли споры. Трезвомыслящие работники аппарата призывали к разумной осторожности. Заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС Борис Рюриков говорил на совещании:

— Союз художников — это не та организация, в которой можно работать приказом и указом. Нормальная работа союза требует коллективности, не позволяя ставить личное над общим. К сожалению, таких качеств у товарища Герасимова и некоторых его соратников не оказалось.

Живописец Александр Михайлович Герасимов был с 1947 года президентом Академии художеств. Прославился не только страстной борьбой против «антипатриотов и космополитов» в художественной критике, но и полным неприятием исканий современных живописцев, видя во всем новом разлагающее влияние Запада. Избавиться от него мечтали уже и в аппарате ЦК.

Избранный вторым секретарем Московского горкома Николай

Григорьевич Егорычев вспоминал: «Первое поручение, которое я получил от П. Н. Демичева, — заняться идеологией, хотя я был далек от этих вопросов. Пробным шагом в этой области был мой поход на выставку шестнадцати молодых художников на Беговой улице. Я должен был решать: открывать или не открывать эту выставку, так как на ней было представлено много модернистских работ. Я осмотрел выставку, побеседовал со многими художниками. Они смотрели на меня настороженно, у всех в глазах вопрос: „Ну как? Откроют?“ Меня это даже удивило. Я сказал: „Открывайте, конечно. Кому это нравится — пусть посмотрят“. Во всяком случае, как я полагал, нашей идеологии это никак не навредит».

Осенью 1962 года в Центральном выставочном зале организовали показ работ, посвященный тридцатилетию Московской организации Союза художников. В Манеже долгое время располагался правительственный гараж. Только в конце 1950-х Никиту Сергеевича уговорили передать Манеж художникам.

«В конце ноября, — вспоминал Егорычев, — я ознакомился с выставкой, организованной в Центральном выставочном зале. Действовала она уже около месяца и вызвала большой интерес москвичей и гостей столицы. За это время ее посетили более ста тысяч зрителей. Занявшая весь первый этаж Манежа выставка действительно оказалась очень интересной: показали все лучшее, что было создано за тридцать лет работы Московской организации Союза художников».

В Министерстве культуры с подозрением наблюдали за исканиями молодых живописцев, видя в них, как водится, тлетворное западное влияние.

— В последние годы, — говорила министр Фурцева, — отмечается усиление влияния буржуазной идеологии на некоторую часть советских художников и скульпторов. В результате этого отдельные молодые художники стали работать в духе подражания формалистическим течениям буржуазного изобразительного искусства Запада.

Ее первый заместитель Александр Николаевич Кузнецов негодовал:

— Мы пишем записки, а Академия художеств и Союз художников идут по своей дороге и делают, что им нужно. Нужно активнее выступать. Я сам виноват. Было партийное собрание в Московской организации Союза художников незадолго до этой выставки. На нем было много сказано неправильно.

Кузнецов обратился к начальнику отдела изобразительного искусства министерства:

— Вы там были, но не выступили. Вы сказали: «Как выступить? С трибуны стащат». Я думаю, что сейчас нужно считать за честь, если тебя с трибуны стащат…

Александр Кузнецов с юных лет работал в столичном партийном аппарате и партийной журналистике. В 1933 году его взяли в культпропотдел ЦК ВКП(б), а через два года определили помощником к Андрею Александровичу Жданову. После его смерти Маленков попросил Сталина утвердить Кузнецова заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК — «работник он квалифицированный и с порученной ему ответственной работой в аппарате ЦК справится». Сталин согласился. Через год Кузнецов стал аспирантом Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Выпускнику академии нашли место в Вильнюсе, в республиканском ЦК. После смерти Сталина он лишился должности, преподавал в Саратовском автодорожном институте и Московском экономическом институте, редактировал журнал «Социалистический труд». В 1957 году Кузнецов стал работать в Государственном комитете Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами, а через два года его перевели в министерство. Он восемь лет был первым заместителем Фурцевой…

Газета «Известия» попросила Илью Эренбурга написать о выставке в Манеже. «Известия» редактировал зять Хрущева Алексей Иванович Аджубей. Следовательно, разгром этой выставки заранее не замышлялся. Илья Григорьевич написал одобрительную статью и не мог понять, почему ее не печатают. А дело было в том, что 20 ноября 1962 года возмущенные выставкой партийные художники написали жалобу в ЦК: «формалисты» зажимают реалистов! Суслов доложил о письме Хрущеву.

Двадцать девятого ноября 1962 года на президиуме ЦК — с участием главного редактора «Известий» Алексея Ивановича Аджубея, заведующего отделом культуры ЦК Дмитрия Алексеевича Поликарпова, главного редактора «Правды» Павла Алексеевича Сатюкова — Хрущев разбирал письмо группы художников в ЦК.

Влиятельные руководители Союза художников жаловались на засилье «формалистов», которые протаскивают «буржуазную идеологию в советское изобразительное искусство, растленно влияя на молодежь». Авторы письма недоумевали: почему «формалисты» нашли трибуну и в «Неделе», и в «Известиях»?

Обсуждение происходило спустя три недели после Карибского кризиса, и Хрущев сорвался. Эта драма мирового значения была воспринята как поражение Хрущева. На самом

деле Никита Сергеевич многого добился. Президент США Джон Кеннеди обещал не нападать на Кубу и убрать из Турции ракеты «Юпитер». Это была победа Хрущева, но об этом знали только посвященные. В обмен Хрущев обещал забрать ракеты с Кубы. И весь мир увидел, как советские корабли разворачиваются и уходят. Это было зримое свидетельство поражения.

Карибский кризис подточил власть Никиты Сергеевича. Товарищи по партийному руководству видели, что он пошел на попятный. Советские военные были крайне недовольны тем, что им пришлось отступить, считали это унижением и полагали, что Хрущев просто струсил.

Теперь Никита Сергеевич демонстрировал идеологическую непреклонность. Ему было особенно неприятно, что идеологические чиновники углядели промахи у его зятя, Алексея Аджубея. Все это заставило Хрущева говорить жестче обычного.

Заведующий общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин записал слова Хрущева на заседании президиума:

«Остро высказывается по поводу недопустимости проникновения формализма в живописи и крупных ошибок в освещении вопросов живописи в „Неделе“ и газете „Известия“.

Резко говорит по адресу т. Аджубея.

„Похвала“ (т. Суслову).

Проверить приложение, „Неделю“, разобраться с выставками. Кассировать выборы, отобрать помещение, вызвать, арестовать, если надо. Может быть, кое-кого выслать».

Вот в таком раздражении, заведомо настроенный против Московского отделения Союза художников, 1 декабря 1962 года Хрущев отправился смотреть в Манеже выставку работ столичных живописцев.

Это было совершенно необычное явление, глава государства посетил городскую выставку, хотя ни разу не побывал ни на одной всесоюзной. Никита Сергеевич был на взводе, вошел в Манеж со словами:

— Где тут у вас праведники, где грешники?

Сопровождали его члены президиума ЦК Михаил Андреевич Суслов и Дмитрий Степанович Полянский, секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, первый секретарь Московского горкома Николай Григорьевич Егорычев, министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева и новый секретарь ЦК комсомола Сергей Павлович Павлов. Кивнув в их сторону, Хрущев сказал художникам:

— Вот они говорят, что у вас мазня. Я еще не видел, но думаю, что они правы.

«У меня вызвало некоторое удивление, — рассказывал

Егорычев, — когда я не увидел в этой представительной группе Л. Ф. Ильичева — секретаря ЦК по идеологии… После того, как они осмотрели работы на первом этаже, Хрущева — неожиданно для меня — повели на второй этаж. Я недоуменно спрашиваю: „Куда всех ведут?“

Как потом выяснилось, „отсутствующий“ Ильичев за ночь (!) до посещения выставки руководителями ЦК распорядился собрать по квартирам работы молодых абстракционистов и следил за их размещением на втором этаже вне выставки МОСХ. Он и авторов пригласил. Те вначале были очень довольны, что их работы хотят показать. Но оказалось, что кому-то очень хотелось столкнуть их с Н. С. Хрущевым. Провокация удалась. Хрущев, как только увидел эти работы, стал кричать…»

На первом этаже висели работы знаменитых художников 1920-х годов, но человеку, не подготовленному к восприятию современной живописи, с эстетической глухотой, картины казались странными и нелепыми. Хрущев был скор на приговор:

— Нашему народу такое не нужно!

Взвинченный и раздраженный, Никита Сергеевич поднялся на второй этаж, где выставлялись молодые живописцы, которые вскоре станут известными всему миру.

— Что это за безобразие, что за уроды? Где автор? — ругался Хрущев. — Что это за лица? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше нарисует.

«Когда Хрущев подошел к моей последней работе, — вспоминал художник Борис Жутовский, — к автопортрету, он уже куражился:

— Посмотри лучше, какой автопортрет Лактионов нарисовал. Если взять картон, вырезать в нем дырку и приложить к портрету Лактионова, что видно? Видать лицо. А эту же дырку приложить к твоему портрету, что будет? Женщины должны меня простить — жопа.

И вся его свита мило улыбнулась».

Хрущев настойчиво интересовался социальным происхождением художников. Неужели ему мнилось, что это дети помещиков и купцов? Но молодые художники, чьи работы он не понимал, происходили из простых семей и к тому же прошли войну — кто рядовым, кто младшим офицером.

— Я недоволен работой Министерства культуры, — бросил Хрущев.

Фурцева стояла рядом.

Выставку использовали для начала мощной атаки на все антисталинские силы в советской культуре.

«Московский горком партии, — рассказывал Николай

Егорычев, — был обязан реагировать на такого рода события. Разумеется, это входило и в планы организаторов провокации. Однако мы сделали вид, что ничего особенного не произошло… Московскому партийному руководству пришлось выдержать сильное давление „сверху“, чтобы не допустить расправы с теми, кого критиковал Хрущев на этих встречах. В аппарате ЦК напрямую требовали от МГК принятия „конкретных мер“.

На меня лично обрушился Ильичев:

— Почему не принимаете меры? Почему никто не наказан? Ваша „Вечерняя Москва“ — это бульварная газета. Она вообще не понимает своей роли в этом деле.

Он обвинял МГК в беспринципности. Я не соглашался со всеми этими обвинениями и предложил вынести наш спор на рассмотрение президиума ЦК КПСС. Ни Ильичев, ни Суслов не решились. Я хорошо понимал, что Суслов и Ильичев моими руками хотели таскать „каштаны из огня“ — громить творческие союзы Москвы».

Семнадцатого декабря 1962 года в Доме приемов на Ленинских горах устроили встречу руководителей страны с деятелями литературы и искусства. Разгромный доклад прочитал секретарь ЦК по идеологии Леонид Федорович Ильичев.

Старшие секретари держали Ильичева на подхвате. Он раздражал товарищей умением говорить без бумажки, хорошей памятью и образованностью. Хрущев все чаще именно ему поручал выступить по ключевым идеологическим вопросам. Ильичева газеты цитировали чаще других, и Леонид Федорович словно оттеснял более значительные фигуры. Особенно это раздражало Михаила Андреевича Суслова.

«Человек непростой, тертый калач, — вспоминал Ильичева скульптор Эрнст Неизвестный. — Как надгробие Хрущева я сделал из черно-белых глыб, так и все те люди состояли из разных слоев. Они были противоречивы и непоследовательны, как само время. Они были услужливы и трусливы. Все ребята из ЦК были раздвоены, жили двойной жизнью. Тот же Ильичев. Мой главный и всех главный враг. Но он, кляня меня, установил со мной почти заговорщические отношения».

Когда Хрущев приехал в Манеж, Ильичев подошел к Неизвестному, укоризненно подергал за курточку:

— Что же вы в таком виде?

— Мы готовились к выставке всю ночь, а мне не дали переодеться. Одежду принесли, но охрана сюда не впустила… А как вам не стыдно попрекать меня курточкой в стране трудящихся?

Хрущева несло, туалетная тематика захватила его

воображение. Скульптору Эрнсту Неизвестному (который со временем поставит памятник на могиле Никиты Сергеевича) первый секретарь ЦК говорил:

— Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет… Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите.

В марте 1963 года в Свердловском зале Кремля вновь собрали деятелей литературы и искусства. Хрущев вновь вспомнил о Неизвестном:

— Прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного и возмущались тем, что этот человек, не лишенный, очевидно, задатков, окончивший советское высшее учебное заведение, платит народу такой черной неблагодарностью. Хорошо, что таких художников у нас немного, но, к сожалению, он все-таки не одинок среди работников искусства. Мы видели и некоторые другие изделия художников-абстракционистов. Мы осуждали и будем осуждать подобные уродства открыто, со всей непримиримостью…

Некоторые историки полагают, что Хрущева ссорили с интеллигенцией его враги. Участники антихрущевского заговора хотели его дискредитировать, выставить посмешищем перед всем миром… За этими интригами стоял и личный интерес. От хрущевского гнева выиграл Владимир Александрович Серов, лауреат двух Сталинских премий, автор картины «Ходоки у В. И. Ленина», борец с современной и талантливой живописью. Ему поручили возглавить Академию художеств.

По-хамски Хрущев говорил о талантливых писателях и художниках, словно доказывая после Карибского кризиса свою идеологическую непримиримость.

На пленуме ЦК в июле 1963 года Хрущев задним числом объяснил свою резкость:

— Иной раз по ошибке, а иной раз без ошибки крепко ударим. Это тоже неплохо: чтобы не сбивался с пути, не бил по своим, не помогал классовым врагам, не оказывал услуг идеологам империализма.

С нескрываемым раздражением Никита Сергеевич откликнулся и на вполне невинную инициативу нескольких писателей. На сессии Верховного Совета СССР три видных писателя (и депутата) — Алексей Александрович Сурков, Николай Семенович Тихонов и Илья Григорьевич Эренбург решили обратиться к коллегам по Союзу писателей с предложением прекратить внутренние конфликты и обвинения.

Сурков сказал Эренбургу, что письмо подпишут также вполне правоверные писатели Леонид Сергеевич Соболев и Максим Фадеевич Рыльский, с которыми он разговаривал, и попросил составить черновик.

«Мы считаем, — говорилось в письме, — что пришла пора покончить с холодной войной в писательской среде и установить в ней мирное сосуществование».

Слова о прекращении холодной войны и мирном сосуществовании, использованные как фигура речи, вызвали приступ озлобления в партийном аппарате: такие мысли даже в голову не должны приходить советскому человеку! Сначала письмо осудил секретарь ЦК Ильичев. Этого показалось мало. В первых числах марта в Кремле устроили встречу с писателями. Вновь вспомнили злополучное письмо. На Эренбурга накинулся Хрущев:

— Прошлый раз товарищ Эренбург говорил, что идея сосуществования высказана в письме в виде шутки. Допустим, что так. Тогда это злая шутка… Товарищ Эренбург совершает грубую идеологическую ошибку, и наша обязанность помочь ему это понять.

Слова руководителя партии относительно «грубой идеологической ошибки» были равносильны обвинительному приговору, за которым должно было последовать серьезное наказание. Илья Эренбург отправил Хрущеву письмо с просьбой его принять. Немолодой писатель принужден был каяться за преступление, которого не совершал, и хотел оправдаться перед первым секретарем:

«Одно недоразумение я должен выяснить — вопрос о письме, в котором были слова „мирное сосуществование“.

Говоря о „мирном сосуществовании“, мы думали о товарищеских отношениях между советскими писателями, о ликвидации „групповщины“, подписи показывали, что на этом положении сошлись очень разные люди. Жалею, что мы составили это письмо…

Должен прямо сказать — я никогда не придерживался идеи мирного сосуществования идеологий и не раз писал, что всеобщее разоружение не будет ни в коем случае означать идеологического разоружения, напротив, конец холодной войны поможет нам доказать превосходство нашей системы, наших идей над капиталистическим Западом. Да если бы я стоял за отказ от борьбы против идеологии капитализма, я был бы попросту изменником. Таким я себя не считаю. Я верю, что и Вы, Никита Сергеевич, относитесь ко мне как к товарищу и поможете мне выйти из создавшегося положения»…

Надо отдать должное Хрущеву. Он не культивировал в себе злобы в отношении тех, кого подозревали в идеологической ереси. Воспоминания Эренбурга с трудом продирались через цензуру. Красный карандаш орудовал безжалостно. Но сжить писателя со свету Хрущев не позволял.

В январе 1960 года Илья Григорьевич Эренбург, увлекавшийся сад овод чеством, написал в «Вечерней Москве» заметку, рекомендуя выращивать круглогодично зимний салат. Хрущев со свойственным ему неподдельным интересом ко всему новому и полезному прочитал заметку и, встретив 15 января Эренбурга на сессии Верховного Совета СССР, попросил писателя дать ему попробовать салат.

На следующий же день Эренбург прислал помощнику первого секретаря ЦК Владимиру Лебедеву образцы салата с краткой запиской:

«Буду Вам благодарен, если Вы перешлете прилагаемый при этом салат Никите Сергеевичу. Его выращивает т. Василенко в Академии им. Тимирязева и я у себя на даче».

Третьего августа 1963 года Хрущев принял Эренбурга. Писатель объяснял первому секретарю ЦК, что в его воспоминаниях нет ничего опасного для Советского государства. Никита Сергеевич сказал Эренбургу, что полностью ему доверяет и никакая цензура для его сочинений не потребуется. Но аппарат стоял на своем.

Восемнадцатого августа 1963 года Эренбург в письме Хрущеву печально констатировал:

«Дорогой Никита Сергеевич.

Еще раз благодарю Вас за беседу, она произвела на меня глубокое впечатление и придала бодрости. Беда в том, что о Ваших словах, видимо, не знают товарищи, ведающие литературными делами… Я по-прежнему в безвыходном положении».

Хрущев распорядился воспоминания Эренбурга опубликовать, а затем в партийной печати раскритиковать.

Четырнадцатого августа 1964 года Эренбург вновь обратился за помощью:

«Мы имели возможность говорить наедине, как мужчина с мужчиной. Надеюсь, что и это письмо будет передано Вам лично».

На сей раз очередную часть мемуаров остановила не цензура, а самая высокая инстанция — ЦК КПСС. Леонид Ильичев, Дмитрий Поликарпов и один из руководителей отдела пропаганды Василий Иванович Снастин подписали вердикт: «Считаем нецелесообразным публикацию мемуаров И. Эренбурга в данном виде». А в октябре 1964 года Никиту Сергеевича

отправили в отставку и цензура опять вцепилась в Эренбурга. Теперь уже руководители партии и правительство не соглашались его принимать…

После ухода Хрущева на пенсию Фурцеву спросили, как она теперь оценивает встречи Никиты Сергеевича с творческой интеллигенцией.

— Никак не могут успокоиться, — сетовала министр культуры, — обязательно какой-нибудь каверзный вопрос зададут… Конечно, методы не очень хорошие. Окрик, грубость, которые допускались, не достигали хорошей цели. В своей основе требовалось и покритиковать, и обсудить. Это право ЦК, и это должно быть, в этом нуждаются сами художники. ЦК должен заниматься этими вопросами. Разговор нужно было провести, и нужно было выяснить какие-то позиции. Всякий разговор помогает. Но такая грубость не принесла пользы.

Глава девятая
МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Власть министра культуры была ограничена. Все важнейшие вопросы решались в ЦК КПСС. Когда готовились отметить семидесятилетие МХАТа имени М. Горького, «Литературная газета» поручила Александру Кравцову сделать интервью с Екатериной Алексеевной Фурцевой. Когда корреспондент пришел к министру, выяснилось, что вопрос о том, кого и как будут награждать, еще не решен. Оставалась всего неделя. И тут Екатерина Алексеевна взорвалась. Лицо и шея покрылись красными пятнами; пальцы напряженные, словно сведенные судорогой, взлетали над крышкой стола; в голосе проскальзывала хрипотца.

— Но эти, мать бы их… Этот мадридский двор!!! — Министр указала в сторону здания ЦК КПСС. — Он же сам полез разбираться в званиях и наградах — никаких советников ему не надо! Мне даже не намекают ни о чем! Тишина!.. Молчок!.. Тайна! Мадридский двор хренов… Что я могу сказать людям…

Из ее глаз потекли слезы.

Один из бывших подчиненных Фурцевой по Московскому горкому партии Виктор Иванович Туровцев, член бюро МГК КПСС и председатель Городского комитета народного контроля, вспоминал:

«Нам, городским руководителям, во время различных мероприятий, которые проходили во Дворце съездов, отводился в президиуме этих собраний третий ряд. Мы видели затылки вождей нашей партии. Эти затылки, испещренные глубокими морщинами, до сих пор стоят перед моими глазами. Я видел затылки старых, дряхлых людей, которые руководили такой колоссальной страной… Члены политбюро уже ничего сами не могли создать. И не только возраст — интеллект не позволял этого сделать».

Партийные чиновники в вопросах культуры и искусства, как правило, были ретроградами. На любую вольность художника жаловались Фурцевой. А те, кто имел больший аппаратный вес, еще и распекали министра за ошибки и промахи подведомственных ей мастеров культуры.

— Фурцевой сильно доставалось из-за меня, — рассказывал скульптор Эрнст Неизвестный. — Она говорила мне: «Ну перестаньте, ну сделайте что-нибудь красивое. Сейчас с вами говорит не министр культуры, а женщина. Пожалейте женщину!

Если бы знали, сколько у меня неприятностей из-за вас… Товарищи так сердятся!»

В Ленинграде в Большом драматическом театре, которым руководил Георгий Александрович Товстоногов, польский режиссер Эрвин Аксер поставил знаменитую пьесу немецкого драматурга Бертольта Брехта «Карьера Артуро Уи, которой могло не быть». С немецкого ее перевел профессор Ефим Григорьевич Эткинд. Принимать спектакль пришел сам первый секретарь Ленинградского обкома Василий Сергеевич Толстиков, по словам профессора Эткинда, — «лоснящийся, толстомордый, известный своей жестокой тупостью».

После спектакля Георгий Товстоногов с облегчением сказал Эткинду:

— Обошлось. Толстиков не решился на международный конфликт — режиссер-то поляк.

— И ничего не велел убрать? — удивился профессор.

— Две вещи. Ему не понравилось, что Артуро Уи держит руки на причинном месте. Лебедев и я говорили, что Гитлер именно так держал ладони и что режиссер ничего не придумал. Толстиков сказал: «Убрать!» И второе. Один из персонажей говорит: «…Только когда увижу труп мерзавца Гири, мне полегчает, словно я держался и наконец отлил».

Толстиков очень рассердился: его благовоспитанность не позволяла ему — да еще в обществе жены! — слышать такие непристойные речи. «Держался… отлил… — повторил он, пылая негодованием. И добавил: — Может быть, в Польше это принято. Но вы-то, неужели вы не понимаете, что это не в традициях русского театра?»

— Что будем делать? — озадаченно спросил профессор Эткинд.

— А ничего, — спокойно ответил Товстоногов. — Больше он не придет. В этих замечаниях нет никакой политики, мы останемся при своем.

Первый секретарь обкома не был членом политбюро, большим авторитетом в Москве не пользовался (и вскоре будет отправлен послом в Китай), так что его недовольством Фурцева в любом случае могла пренебречь.

А вот с главой правительства министру культуры приходилось нелегко. Председатель Совета министров ходил на выставки, посещал музеи, но больше всего любил театр, не пропускал ни одной премьеры. Но Фурцеву интерес Косыгина к ее хозяйству не радовал. Мрачное, неулыбчивое лицо Алексея Николаевича отражало своеобразный взгляд на мир.

Человек сталинской школы, глава правительства в сфере идеологии был догматиком, более консервативным, чем даже Суслов. Говорят, что Косыгин с дочкой побывали во МХАТе на спектакле по пьесе Михаила Рощина «Валентин и Валентина». Премьер, видимо, вторя дочери, назвал трогательный и нежный спектакль о любви «порнографическим». У режиссера Олега Ефремова были неприятности.

Министру культуры не просто было ладить с главой правительства. Идеологическими делами, конечно, занимался ЦК, но содержание всего огромного хозяйства — от театров до музеев по всей стране — требовало немалых денег. Деньгами ведал Косыгин. Больше всего глава правительства интересовался деталями. Беседовал с министром, как со студентом на экзамене, считал своим долгом проверить, как глава отрасли владеет материалом.

В отличие от Фурцевой Алексей Николаевич был человеком суховатым, неэмоциональным. На женские прелести не реагировал. Для него существовала только одна женщина — его жена. Впрочем, рассказывал Анатолий Сергеевич Рябков, один из работников его секретариата, Екатерина Алексеевна все равно пыталась произвести впечатление на мужскую часть правительства.

На заседании президиума Совета министров обсуждался вопрос о строительстве нового здания цирка на Ленинских горах. Для завершения стройки нужен был дополнительный миллион рублей, но исполком Моссовета не хотел его выделять.

— Нигде так плохо не относятся к строительству большого, оборудованного по последнему слову техники цирка, как в Москве. Неужели товарищам из Мосгорисполкома не стыдно тянуться в хвосте у других? Стройку, которую можно было бы закончить за два-три года, стремятся растянуть на десятилетие.

И тут, вспоминает Рябков, строгое, решительное лицо Екатерины Алексеевны изменилось. Она стала обычной, милой и симпатичной женщиной:

— Товарищи члены президиума, Алексей Николаевич, у вас у всех есть дети, внуки. Неужели они не донимают вас — когда же наконец выстроят новый цирк? Добавьте мне миллион, и я вас всех вместе с ребятишками приглашу в декабре будущего года на его открытие!

Фурцева пустила в ход все свое обаяние:

— Алексей Николаевич, товарищи мужчины-министры, я — слабая, беззащитная и единственная среди вас женщина. Ну, пожалуйста, дайте мне миллиончик! Чего вам стоит? И я достроюцирк в будущем году.

Все рассмеялись. Косыгин заранее решил, что даст дополнительные деньги, чтобы покончить с долгостроем, мимо которого он каждый день ездил на дачу. Откликнувшись на ее слова, спросил:

— Никто из мужчин-министров не возражает, если добавить слабой, беззащитной женщине миллион?

Он посмотрел на представителя исполкома Моссовета:

— В будущем году этот долгострой нужно завершить. А беззащитная женщина, думаю, не позволит вам растянуть строительство еще на год.

На XXIII съезде партии Фурцевой дали слово для обсуждения не политического доклада Леонида Ильича Брежнева, а экономического, с которым выступил глава правительства.

— Сеть учреждений культуры, — говорила Екатерина Алексеевна, — в ряде районов страны сложилась неравномерно. Особенно это сказывалось в новых, быстро растущих экономических районах и в сельской местности. Усугублялось положение еще и тем, что до недавнего времени были попытки представить дело так: сначала, мол, создадим материально-техническую базу коммунизма, а затем будем подтягивать и материальную базу культуры. Хорошо, что эта неверная тенденция отошла в прошлое. Мы надеемся, что она никогда не будет иметь места.

Раздались аплодисменты. Но много денег все равно не давали.

Помимо всего прочего министр культуры отвечала за культурное обслуживание руководства страны. Накануне очередного пленума ЦК КПСС, 16 января 1964 года, заместитель Фурцевой Георгий Иванович Владыкин подписал приказ по министерству:

«Для специального обслуживания театральными билетами участников Пленума ЦК КПСС приказываю:

1. Московскому объединению театрально-зрелищных касс открыть с 7 февраля 1964 года и до особого распоряжения билетную кассу для обслуживания Пленума ЦК КПСС.

2. Установить следующие нормы театральных билетов, передаваемых театрами и концертными залами г. Москвы в специальную билетную кассу и бронирование билетов в кассах театров и концертных организаций на период работы Пленума:

Кремлевский Дворец съездов — 300

ГАБТ СССР — 250

Московский Художественный — 100

Филиал МХАТа — 100

Малый театр — 100

Филиал Малого — 50».

Постоянной головной болью становились праздничные концерты для высокого начальства. Балерина Большого театра народная артистка СССР Марина Викторовна Кондратьева рассказывала в «Известиях» о кремлевских концертах:

«Воспоминания ужасные. Особенно новогодние. Нас приводили в Кремль 31 декабря, часов в десять вечера. Там была маленькая комнатка, из нее выход на лестничную площадку, а далее лестница, из которой мы попадали в зал. Даже разогреться было негде.

Выступали под звон бокалов и стук вилок о тарелки. Но самым тяжелым было ожидание выхода. Иногда уже двенадцать било, а мы в костюмчиках сидим и ждем, когда нас позовут танцевать. Зато помню, как поразил банкет в честь 8 Марта в Кремлевском дворце. Он проходил под патронатом Фурцевой. Мы оттанцевали, и нас пригласили за стол отобедать вместе с руководством. Такое на моем „кремлевском“ веку случилось впервые…

Фурцева была чудесным человеком. Вникала во все перипетии нашей жизни. Никогда не забуду один случай. Галина Сергеевна Уланова поссорилась с главным балетмейстером Большого театра Лавровским. Ее муж, главный художник Большого театра, прилюдно Лавровскому заявил: „В старые времена я бы вас вызвал на дуэль“. Фурцева пришла их мирить. „Я не уйду, — говорит, — пока не помиритесь…“ Ее любовь к артистам чувствовалась даже в мелочах. Например, у всех солистов были кремлевские пропуска — подъезжали прямо к подъезду Кремлевского дворца. А сейчас не то, что въехать, зайти на территорию — целая проблема».

Решая, кто выступит перед высоким начальством, Фурцевой приходилось учитывать множество факторов, в первую очередь вкусы членов политбюро, иногда взаимоисключающие.

Аркадий Райкин и Роман Карцев должны были участвовать в правительственном концерте. Собирались показать невероятно смешную миниатюру «Авас», герой которой — выходец с Кавказа. Над ней хохотала вся страна. Вдруг Райкину позвонила министр культуры:

— Аркадий Исаакович, «Аваса» играть нельзя — в зале Мжаванадзе.

Василий Павлович Мжаванадзе был первым секретарем ЦК компартии Грузии. Боялись обидеть его кавказским акцентом. Пришлось срочно менять репертуар. Аркадий Райкин прочитал басню. И вот за эту басню его два года не пускали в Москву. Кому-то она не понравилась…

— Вот сколько раз мы с Витей Ильченко, — рассказывал Карцев, — выступали на правительственных концертах, играли «Ликеро-водочный завод», «Авас», «Как это, как это…», «Наш человек на складе», — и все это в гробовой тишине. А там сидели полторы тысячи человек. Друзья мои так и говорили: «Чего это вы для правительственного концерта такую несмешную миниатюру выбрали?» А ведь на концертах для обычных людей всегда все смеялись. Я не могу этого объяснить. В правительстве есть нормальные люди, но, видимо, это среда такая… Райкин всю жизнь на всех правительственных концертах читал один и тот же монолог — и всегда в гробовой тишине.

Для тех, кто стоит у власти, искусство само по себе ничего не значит. Их интересует только одно: как искусство можно использовать. Это создавало определенные стандарты. Например: искусство должно быть оптимистичным.

Народный артист СССР композитор Мурад Кажлаев, председатель правления Союза композиторов Дагестана, написал музыку к первому дагестанскому балету «Горянка» по мотивам поэмы Расула Гамзатова. Кажлаев в интервью радио «Культура» рассказывал, как их с Гамзатовым вызвала Фурцева:

— Что вы там натворили? Почему убиваете героиню?

— Екатерина Алексеевна, — пытался объяснить Расул Гамзатов, — она по сюжету пострадала от рук своего коварного жениха — весь смысл в этом.

— Нет, надо сохранить ей жизнь, — настаивала Фурцева. Композитор и поэт вышли из кабинета министра культуры.

В коридоре Гамзатов твердо сказал:

— Знаешь, что, Мурад, будем держаться до конца! Тем не менее балет подвергся переработке.

— Конечно, — объяснял Кажлаев, — радость была бы сохранить ей жизнь, но тогда потерялся бы смысл этой черной линии, черного этого как бы адата, который веял над Дагестаном. Асият погибала и в новой редакции, но обстановка немного поменялась: больше была показана молодежь.

Седьмого октября 1965 года Фурцеву пригласили на семинар творческих работников. Открыл встречу секретарь горкома комсомола Альберт Михайлович Роганов. Присутствовали секретарь Московского горкома партии Алла Шапошникова и начальник Управления культуры исполкома Моссовета Борис Евгеньевич Родионов. Беседа с молодежью оказалась программным выступлением министра культуры, вот почему хотелось бы процитировать ее слова.

— Когда сковывается инициатива, проявляется чрезмерное

администрирование, — говорила Фурцева, — человек не может создавать произведения искусства, если он морально не спокоен. Надо больше доверять. Но, естественно, искусством надо руководить, надо поддерживать все хорошее, гражданственность, партийность, но тонко, гибко, умело, не позволяя субъективных выводов, которые часто бывают. Что значит давать больше свободы? Надо позволять отбирать пьесы нашим театральным деятелям и тем органам, которые руководят. Могут быть споры. С чем-то руководящие органы и театральные деятели могут быть не согласны. Но никогда не нужно в этом случае запрещать. Потому что запрет — это форма довольно простая, для этого не нужно способностей, а для того, чтобы доказать, убедить режиссера, нужны способности и знания…

Министр культуры уже выработала для себя практическую позицию — как управлять творческими людьми, не ущемляя их самолюбия.

— Свобода свободой, право ставить у режиссера есть, — продолжала Фурцева. — Но надо иметь в виду, что не каждый режиссер способен хорошую пьесу поднять, а часто бывает наоборот: хороший настоящий художник из менее значительной пьесы делает большое произведение… Главная наша беда состоит в том, что мы не очень гибко осуществляем все это руководство. Работает режиссер, целый коллектив. Ставится спектакль. После того как были затрачены и труд колоссальный, и средства материальные, идет уже генеральная репетиция, и тут мы начинаем мешать, критиковать, не принимать, откладывать выпуск пьесы. Это неправильно… Могут быть и должны быть вмешательства, может быть оказана совместная помощь постановке. Но не после того, как пьеса проходит генеральную репетицию и премьеру. Это вызывает обиду и возмущение…

Фурцева обещала привлечь к руководству культурой новых людей, более образованных и деликатных:

— Я думаю, что все товарищи разделят мою точку зрения: сейчас нужно по-новому вмешиваться в деятельность театра, умно, тонко, не обижая художника, подсказывая и помогая. Но не делать это тогда, когда работа почти закончена. А то сидят два человека и делают не очень тонкие выводы… Это зависит от людей, которые руководят искусством. Сейчас все делается для того, чтобы привлекать к руководству в ведомствах, начиная с союзного и республиканских министерств, людей, которые имеют специальное образование — искусствоведческое, литературное, чтобы более профессионально разбирались в этом вопросе. В этом смысле есть упрек московскому управлению культуры, но, наверное, любому в этом управлении работать нелегко. Я бы

считала долгом сказать: в Москве самое трудное — руководство театральными и другими коллективами. Кроме управления есть еще два министерства, у каждого свое мнение. Иногда российское министерство говорит: хорошая пьеса, а наши товарищи говорят — нет, начинаются споры. Поэтому московскому управлению трудно работать, часто много вмешательства, инстанций много…

Тут Екатерина Алексеевна была совершенно права. Говорят, однажды писателя Виктора Шкловского, отличавшегося острым и парадоксальным умом, спросили, почему у нас нет хорошей сатиры. Виктор Борисович мгновенно ответил: невозможно рассмешить столько инстанций…

— Товарищи, — призывала Фурцева, — давайте возможность художникам более самостоятельно работать. Но осуществлять руководство, вмешиваться, — товарищи, что поделаешь, — надо более умело и с большей любовью… Простая аналогия. В производстве, где миллионами выпускается продукция, все проверено, и даже там бывают издержки и брак, а в искусстве не может быть развития, если человек по трафарету будет вести свои исследования, если он будет создавать произведения повторно, а поиски, открытия — это риск своего рода. Поэтому отношение к этим издержкам должно быть терпеливое, но критиковать надо доброжелательно, не убивать человека в смысле моральных ущербов, а больше содействовать, чтобы он после ошибок мог работать еще лучше. Это линия нашего ЦК во всем руководстве и в первую очередь таким сложным делом, как искусство.

Екатерина Алексеевна была человеком слова. Старалась исполнять обещания. Вот как она отозвалась о поэте Евтушенко, который был тогда излюбленной мишенью ревнителей генеральной линии.

— Я знаю Евтушенко. Он очень талантливый человек. Он создал много интересных и полезных, особенно для молодежи, произведений. Его молодежь любит. Ему создано большое общественное положение в стране. Я думаю, что он переоценивает отношение к себе и часто этим бравирует… Иногда — как занесет его, и пошел! Это и хорошо, что он выплескивает свою энергию, но надо думать — на пользу это идет или во вред. Я думаю, наша задача — поговорить с ним. Часто мы травмируем людей. Вот, например, я сегодня сказала, а завтра ему могут передать в многократно увеличенном виде. Я лично хочу с ним увидеться, попросить написать пьесу К сожалению, наша беда: мы редко встречаемся с людьми. Заочное осуждение — это плохая вещь. Надо встретиться и поговорить. Евгений Евтушенко рассказывал:

— Когда родилась песня «Хотят ли русские войны» и мы ее

записали с Марком Бернесом, политическое управление армии выступило против. Сказали, что песня будет деморализовывать наших советских воинов, а нам нужно воспитывать боеготовность. Когда Бернес начал ее петь, у него возникли неприятности. Тогда я пошел к Фурцевой, поставил на стол магнитофон с записью песни и попросил послушать. На глазах у Екатерины Алексеевны выступили слезы. Несмотря на то, что Фурцева была в опале, она позвонила председателю радиокомитета. Сказала, что просит передавать песню под ее ответственность. «Может, дать письменное указание?» Фурцева подписала бумагу, и на следующий день песня уже звучала по радио…

Отношение к Евгению Александровичу Евтушенко было сложным. Многих чиновников он просто выводил из себя. Начальники поумнее понимали, что с ним можно ладить, свидетельствует Альберт Андреевич Беляев, в ту пору заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

— Евтушенко, — внушал своим сотрудникам секретарь ЦК по идеологии Петр Демичев, — демократ по убеждениям, интеллигент с острым политическим чутьем, потому он так остро реагирует на кажущиеся ему несправедливыми действия властей. Геополитическая необходимость иногда вынуждает власти идти на самые непопулярные меры. Я думаю, позже он это поймет и сам. Но при всех издержках его творчество работает на пользу дела социализма. Это главное. И надо спокойно, без лишнего ума сдерживать эмоции некоторых ретивых ортодоксов, готовых затоптать ногами поэта в грязь. Этого допускать не следует…

Министр Фурцева обладала немалой властью. Но каждое решение таило в себе угрозу для карьеры.

Первого июля 1960 года Илья Григорьевич Эренбург обратился к Фурцевой с просьбой предоставить хранящиеся в советских музеях работы художника Пабло Пикассо для выставки в Лондоне:

«Я думаю, что предоставление работ Пикассо для Лондонской выставки найдет благоприятный отклик среди английской интеллигенции и поэтому является целесообразным. Я счел возможным побеспокоить Вас, поскольку непосредственное обращение к Вам — единственный способ быстрейшего решения вопроса».

С одной стороны, ее просили взять на себя ответственность и разрешить то, что остальным чиновникам казалось опасным. С другой — контролирующие инстанции, видя отклонение от генеральной линии, били тревогу. 20 июня 1964 года руководители подотдела культуры ЦК Дмитрий Поликарпов и Василий Кухарский докладывали секретарю ЦК Леониду

Ильичеву:

«15 июня с. г. по указанию министра культуры СССР т. Фурцевой Е. А. в Центральном выставочном зале московского Манежа была открыта выставка работ художника И. Глазунова. Открытие не было согласовано с МГК КПСС и состоялось в противовес мнению творческих организаций художников.

Организация персональной выставки работ И. Глазунова в Манеже является беспрецедентной. До сих пор в этом зале не устраивались персональные выставки даже крупнейших советских художников… В выставочном зале собралось несколько сот приглашенных Глазуновым любителей сенсаций и скандальчиков, которые своими выкриками и шумом создали ненормальную обстановку. В этих условиях проводить обсуждение выставки оказалось невозможным, и оно было отменено…

Учитывая недопустимость подобных явлений в организации массовых мероприятий по линии учреждений культуры, считаем необходимым: установить впредь, что центральные и республиканские учреждения могут проводить массовые мероприятия в Москве только с ведома и согласия МГК КПСС;

заслушать в ЦК КПСС объяснения Министра культуры СССР т. Фурцевой Е. А. по поводу организации в Москве выставки работ И. Глазунова…»

Но у Ильи Глазунова нашлись серьезные и влиятельные защитники и покровители. Так что история с выставкой Глазунова министру культуры не повредила.

Новый председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов не обошел вниманием Илью Глазунова. Андропов предлагал действовать не кнутом, а пряником, выходя далеко за пределы компетенции Комитета госбезопасности.

Вот его записка в ЦК КПСС:

«С 1957 года в Москве работает художник Глазунов И. С, по-разному зарекомендовавший себя в различных слоях творческой общественности. С одной стороны, вокруг Глазунова сложился круг лиц, который его поддерживает, видя в нем одаренного художника, с другой, его считают абсолютной бездарностью, человеком, возрождающим мещанский вкус в изобразительном искусстве.

Вместе с тем Глазунов на протяжении многих лет регулярно приглашается на Запад видными общественными и государственными деятелями, которые заказывают ему свои портреты. Слава Глазунова как портретиста достаточно велика.

Он рисовал президента Финляндии Кекконена, королей Швеции и Лаоса, Индиру Ганди, Альенде, Корвалана и многих других. В ряде государств прошли его выставки, о которых были

положительные отзывы зарубежной прессы. По поручению советских организаций он выезжал во Вьетнам и Чили. Сделанный там цикл картин демонстрировался на специальных выставках. Такое положение Глазунова, когда его охотно поддерживают за границей и настороженно принимают в среде советских художников, создает определенные трудности в формировании его как художника и, что еще сложнее, его мировоззрения.

Глазунов — человек без достаточно четкой политической позиции, есть, безусловно, изъяны и в его творчестве. Чаще всего он выступает как русофил, нередко скатываясь к откровенно антисемитским настроениям. Сумбурность его политических взглядов иногда не только настораживает, но и отталкивает. Его дерзкий характер, элементы зазнайства также не способствуют установлению нормальных отношений в творческой среде.

Однако отталкивать Глазунова в силу этого вряд ли целесообразно. Демонстративное непризнание его Союзом художников может привести к нежелательным последствиям, если иметь в виду, что представители Запада не только его рекламируют, но и пытаются влиять, в частности, склоняя к выезду из Советского Союза.

В силу изложенного представляется необходимым внимательно рассмотреть обстановку вокруг этого художника. Может быть, было бы целесообразным привлечь его к какому-то общественному делу, в частности, к созданию в Москве музея русской мебели, чего он и его окружение настойчиво добиваются. Просим рассмотреть».

Фурцевой помогало то, что в правящей элите были и люди, разбиравшиеся в искусстве. Евгений Матвеевич Самотейкин, референт Брежнева по внешнеполитическим делам, навещал опального скульптора Эрнста Неизвестного, привозил к нему высокопоставленных гостей. Изменить культурную политику партии они не могли, но пытались спасти талантливых людей от гонений. Это давало Екатерине Алексеевне какую-то возможность маневра, когда от нее требовали крови кого-то из мастеров, впавших в немилость по причине неортодоксальности.

Коллега ее мужа, Владимир Семенович Семенов, тоже заместитель министра иностранных дел, был поклонником современного искусства, коллекционировал его. В политике он стоял на очень жестких позициях, а в искусстве ценил настоящих мастеров, презирал правоверных конъюнктурщиков.

«Сегодня, — записал Семенов в дневнике 7 апреля 1968 года, — у нас появилась „обнаженная“ Сарры Дмитриевны Лебедевой. Очень приятная, по-античному пластичная вещь

малой формы… С. Д. Лебедеву представили мне на выставке как одного из крупнейших скульпторов нашего времени. Скульптурой я тогда не интересовался, поэтому, сделав заинтересованное лицо, от дальнейшего знакомства уклонился. Как это жаль! Она нуждалась в поддержке, живая, полупризнанная и полугонимая бандой рвачей Вучетича. А я мог бы ей помочь словом, да и делом, но прошел мимо, несмотря на оценки людей, знающих толк в искусстве. Как много среди нас, людей, считающихся интеллигентами, людей полуинтеллигентных, полуневежественных. Вроде меня! И жалко, и совестно!»

Фурцева вновь и вновь ощущала, как изменилось ее положение в иерархии власти. Пока она была в ЦК, ее просили разрешить или запретить. Когда ее ограничили Министерством культуры, ситуация стала иной. Теперь Екатерина Алексеевна обращалась в ЦК за разрешением, а ее бывшие подчиненные решали: согласиться с ее мнением или отвергнуть. При слабом лидере сила аппарата становится огромной. Это и произошло в брежневские годы. Многое решается путем личных отношений, так рождается искусство ладить с аппаратом.

С 29 сентября 1955 года в аппарате ЦК существовал отдел культуры. Заведовал им Поликарпов. В декабре 1962 года подразделения, ведавшие идеологией, слили в единый отдел, его подчинили секретарю ЦК Ильичеву, а подотделом культуры руководил все тот же Поликарпов. В 1965 году восстановили самостоятельный отдел культуры. Его опять возглавил Поликарпов.

Дмитрий Алексеевич был догматиком, но он не уходил от сложных вопросов, то, что мог решить, решал. И был бескорыстен.

«От службы он не хотел ничего, — писал заместитель главного редактора „Нового мира“ Алексей Кондратович, — ни шикарных квартир, ни особых пайков и льгот, — служба была выше. Он служил с душой, а не ради чего-то. Он нисколько не походил на аппаратчиков новой формации, которым только бы урвать, схватить, получить».

Дмитрия Поликарпова невзлюбил секретарь ЦК Ильичев, обвинял в непозволительном либерализме… Кому-то сегодня Ильичев представляется широкомыслящим и разумным человеком. Верно забыли, каким он был на самом деле. Леонид Федорович вцепился в талантливый фильм Марлена Хуциева «Застава Ильича», передавший атмосферу Москву тех лет, настроения и чувства москвичей. Фильм оказался настоящей удачей, а начальство его разносило в пух и прах. Тогда ходила по Москве эпиграмма:

В верхах сказали сгоряча,
Что у Хуциева порочная основа,
И стала «Застава Ильича»
Перед заставой Ильичева.

Рвавшийся наверх Ильичев проявил необыкновенную активность. Обвиненный в недостатке бдительности, Поликарпов тяжело заболел.

Александр Твардовский писал Валентину Овечкину: «Кругом пусто, пойти не к кому, даже о. Поликарпий, от которого порой можно было чего-то добиться, вновь заболел и находится в тяжелейшем состоянии, уже, говорят, не вернется на работу, а может быть, и домой из больницы не вернется».

Навестивший Поликарпова в больнице Альберт Беляев увидел «исхудавшего усталого старика, хотя ему только недавно исполнилось шестьдесят лет… Глаза его потускнели, смотрели безразлично, без каких-то эмоций, казалось, он смотрит не на тебя, а сквозь тебя, как будто он силился что-то увидеть за твоей спиной».

В 1965 году он умер. В ЦК его сменил прибывший из Белоруссии Василий Филимонович Шауро. Он прославился тем, что практически никогда не выступал. Он предпочитал молчать. Его предшественник Поликарпов ощущал себя хозяином и был заинтересован в том, чтобы его хозяйство процветало.

«О Шауро, — писал Алексей Кондратович, — этого сказать никак нельзя. Хозяйство для него уже не существовало. Есть должность, пост, позволяющий быть, казаться, представляться и присутствовать. А хозяйство со всеми заботами — одна тягость. И от хозяйства карьера может пострадать, переломиться и даже кончиться. Поэтому главная задача и заповедь — ничего не делать, по возможности ни во что ни вмешиваться, ни с кем не портить отношения. Ни о чем не беспокоиться, бездействовать и избегать самого опасного — решений».

В начале 1960-х годов идеологический аппарат ЦК обновился за счет выпускников Академии общественных наук, некоторые из них потом стали докторами наук, профессорами. В сектор художественной литературы пришли Альберт Андреевич Беляев и Александр Алексеевич Михайлов, в сектор кино — Георгий Иванович Куницын, в сектор театров Алла Александровна Михайлова. «Это были молодые люди из провинции, совершенно не знакомые со сложными лабиринтами политической жизни столицы и особенно ее верхушки, — вспоминал

Альберт Беляев, недавний моряк и секретарь Мурманского

обкома комсомола. — Мы были полны надежд на лучшее будущее, на то, что партия очистится и отделит себя от сталинизма и его преступлений против собственного народа…»

Инструктор отдела культуры Юрий Борисович Кузьменко на внутреннем совещании предлагал отменить предварительную цензуру, пусть главный редактор литературно-художественного журнала сам решает, что ему печатать. Главных редакторов назначает секретариат ЦК, не справятся — их сменят. Но система не могла существовать без цензуры. Руководители Главлита твердили: «Каждое произведение литературы и искусства должно работать во славу партии и советской власти».

Формально Главлит подчинялся отделу пропаганды ЦК. Фактически руководители цензуры вели себя очень самостоятельно; они понимали, что система такова: за то, что они запретили совершенно безобидное произведение, их никогда не накажут, в худшем случае попросят отменить решение. А если они пропустят нечто недозволенное, то поплатятся своими креслами…

Работники отдела культуры ЦК пытались вступиться за художников и писателей, доказывали: нет никаких оснований мешать публикации по цензурным соображениям. Следовал прямой вопрос руководителей Главлита:

— Вы берете на себя ответственность?

Брать на себя ответственность никому не хотелось. В отделе культуры нашли выход: отправляли записку в секретариат ЦК с предложением передать вопрос о спорной публикации на усмотрение редколлегии. Цензура теряла право вмешиваться.

Иначе говоря, среди работников ЦК, к которым обращалась Фурцева, были самые разные люди. В том числе понимавшие и ценившие настоящее искусство, но, по определению поэтессы Риммы Казаковой, «и временем, и собственным пониманием времени засунутые в рамки тогдашней морали и тогдашних условий игры».

Впрочем, в отделе культуры были и другие люди, которых никак нельзя было назвать либералами. Совсем наоборот. Заместителем заведующего сделали Юрия Серафимовича Мелентьева, заведовать сектором поставили Юрия Яковлевича Барабаша. Но при Шауро они оба ушли из отдела культуры. Василий Филимонович побаивался крайностей и с удовольствием выдвинул обоих на самостоятельную работу. Мелентьев, кстати говоря, стал министром культуры России, Барабаш — первым заместителем министра культуры СССР. Причем поговаривали, что Юрий Барабаш приставлен к министру комиссаром.

Василий Шауро был чиновником до мозга костей. Больше

всего боялся проколов в своем ведомстве. Требовал все держать под контролем. Устраивал сотрудникам выволочки и проработки, причем в жесткой и обидной форме. Даже опытный Шолохов не смог разобраться в Шауро, сказал его подчиненному по отделу культуры:

— Много мы с твоим шефом разговаривали, а смотришь ему в глаза и не поймешь — откровенно он говорит или осторожничает?

«Многие годы, — вспоминала Нами Микоян, жена одного из заместителей министра культуры, — приходилось видеть Зою Туманову и Василия Шауро, первого заместителя и заведующего отделом культуры ЦК КПСС. Изменились за пятнадцать-двадцать лет их черты характера. Постоянная напряженность, страх, боязнь промахов, осторожность и прочее вызвали изменение черт лица у обоих — у Тумановой они вытянулись вперед, у Шауро, наоборот, втянулись вглубь. Поразительно — ни у кого я не наблюдала такой трансформации облика, как у этих типичных представителей совковой чиновничьей касты. Кстати, многим из них казалось, что они выполняют очень важную функцию в государстве, а на самом деле это был как отдел КГБ — надзор, запрет, слежка за деятелями культуры».

Став в 1964 году руководителем партии, Леонид Ильич Брежнев поручил идеологию, культуру и науку спокойному по характеру и умеренному во взглядах Петру Ниловичу Демичеву, который курировал химизацию народного хозяйства, а до этого был первым секретарем Московского горкома. Силы и влияния Демичеву не хватало. Окружающие быстро заметили, что далеко не все обещания Петра Ниловича исполняются. Твардовский сказал ему в лицо:

— Я вам не верю. Вы говорите одно, а потом все получается по-другому.

В 1971 году Майя Плисецкая репетировала новый балет «Анна Каренина». Музыку написал ее муж Родион Щедрин. Руководство Большого театра и Министерство культуры были недовольны постановкой. Посмотрев первый прогон, велели прекратить репетиции.

Плисецкая и Щедрин обратились за помощью к Демичеву. «Демичев выслушал нас приветливо, — вспоминала Плисецкая. — Мы видим его в первый раз. Вблизи он проще, мягче, чем изображен на своих портретах в руках участников первомайских демонстраций.

Демичев говорит тихо, неторопливо, убаюкивающе. Все на „пиано“, все в одной интонации. Временами голос его так затихает, что разобрать речь нет никакой возможности. Мы

напрягаемся, тянем шеи, угадывая временами смысл сказанного только по движению губ.

— Я разделяю ваше беспокойство. Даже если попытка воплощения балетной „Анны Карениной“ будет не очень удачной, министерству следовало бы поддержать вас за смелость. Надо довести дело до конца. Я распоряжусь».

В данном случае Петр Нилович исполнил обещанное. После снятия Хрущева быстро менялась идеологическая атмосфера.

На XXIII съезде партии Брежнев произнес пугающую фразу:

— Ремесленники от искусства избирают своей специальностью очернение нашего строя, клевету на наш советский народ.

После XXIII съезда секретарь ЦК Демичев на совещании в узком кругу объяснил:

— Вместе с критикой культа личности мы очернили огромный период в жизни и истории советского общества. Надо восстановить истину, очистить историю от очернительства. Реабилитировать советский пример строительства социализма. В идеологической работе перейти от обороны к нападению.

Вместе со Сталиным, говорил Демичев, выбросили из истории всех и вся, словно не было героической борьбы народа за социализм, породили тем самым нигилизм и неверие. У Сталина много заслуг, его нельзя отделять от партии и социализма…

«И опять пошли в ход обвинения в безыдейности, аполитичности, в отрыве от жизни народа, — вспоминает бывший заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС Альберт Беляев. — Гайки закручивались жестко… Это означало только одно: в стране наступает реабилитация Сталина и о годах его правления отныне не будет позволено говорить критически, а тем более осуждающе».

Поначалу Фурцева занималась еще и кино. С 1953 по 1963 год кинематографом ведало Министерство культуры. К кино относились утилитарно. Один из ее предшественников на посту министра, Георгий Александров, объяснял коллегам:

— Товарищ Маленков прямо сказал, что мы вытесняем и будем вытеснять водку из быта. Мы будем внедрять кино.

Екатерина Алексеевна Фурцева как первый секретарь горкома очень серьезно помогла в строительстве киностудии «Мосфильм», превратила объект в ударную стройку, которая началась в 1954 году, когда она стала хозяйкой города.

Одним из первых опытов Фурцевой в руководстве кинематографией стала история с фильмом «Чистое небо» знаменитого кинорежиссера Григория Наумовича Чухрая. Фильм

вышел на экраны в 1961 году и стал явлением в отечественном кинематографе… Но путь на экран был долгим и трудным. Сразу после окончания съемок, когда работа над лентой еще шла полным ходом, режиссера вызвал директор студии и приказал показать материал. На следующее утро приехала делегация из Министерства культуры во главе с Фурцевой. Чухраю, как он вспоминал, стало не по себе.

— Здравствуйте, — сказала Екатерина Алексеевна, протягивая руку. — Пришли смотреть вашу картину.

— Это не картина, а первая подборка материала, — возразил режиссер. — Я не могу показать вам ее в таком виде.

— Но я уже пришла.

— Меня не предупредили, что картину будет смотреть министр. Я считал, что предстоит рабочий просмотр материала, — настаивал Чухрай.

Екатерина Алексеевна улыбнулась:

— Что же, вы меня не пустите в зал?

— Не пущу, Екатерина Алексеевна, — решительно сказал режиссер. — Картина еще не смонтирована. Фильм получается сложный. Надо расставить все политические акценты, а потом показывать вам.

Екатерина Алексеевна помрачнела.

— Хорошо, — сказала она ледяным тоном. — Пойдемте со мной.

Она повернулась и быстро направилась в кабинет директора. Там Екатерина Алексеевна раскрыла сумочку и бросила на стол письмо:

— Читайте!

«Письмо было от женщины, — вспоминал Чухрай, — работника съемочной группы. Я хорошо относился к этой женщине, да и она всегда была приветлива и любезна. В письме она писала, что считает своим долгом предупредить Фурцеву о том, что я готовлю фильм, „который будет плевком в лицо нашей партии“.

— Как я должна поступить в таком случае? — спросила Екатерина Алексеевна.

Григорий Наумович пожал плечами:

— Смотрите…»

«Письмо это, — рассказывал Чухрай, — вызвало во мне не удивление, не возмущение, а только досаду. Мы вошли в зал, в котором уже сидели редакторы, студийная дирекция и помощники Фурцевой. Ждали только ее.

— Вы хотите что-то сказать перед просмотром? — спросила Фурцева, усаживаясь на свое место.

— Нет.

— Тогда начинайте.

Просмотр шел в абсолютной тишине. На экране появлялись и исчезали куски не отобранного и не смонтированного материала, реплики были записаны начерно, иногда они пропадали совсем за шумом лихтвагена, работающего во время съемок. Меня все это нисколько не волновало. Мной овладело полное безразличие, которое все росло по мере просмотра и превращалось в глухую боль.

Показ кончился. Все молчали. Ожидали, что скажет Фурцева. Но и она молчала, глядя куда-то в пол. Пауза затянулась.

— Да-а-а! — промолвила наконец Фурцева.

И только тогда в зале наступило какое-то движение. Присутствующие позволили себе изменить положение, даже показать жестами, что они думают, что это вопрос не такой уж простой.

— Но ведь все это правда! — Фурцева обвела взглядом присутствующих.

Все вдруг оживились и очень охотно стали соглашаться с тем, что это абсолютная правда. Так ведь было! Да что так — было значительно хуже. Было ужасно! Некоторые готовы были даже привести примеры. Но их перебила Фурцева:

— И девушка хорошо играет…» Екатерина Алексеевна поднялась.

— Проводите меня, — сказала она Чухраю.

Когда вошли в лифт, Екатерина Алексеевна быстро нажала кнопку, двери закрылись, и все, кто шел с ними, остались на лестничной площадке.

— Заканчивайте фильм, — сказала Екатерина Алексеевна. — Мне говорили, что у вас небольшой перерасход, — денег добавим. А там что скажет народ.

Чухрай понял, что она имеет в виду, и кивнул.

— Только один вам совет, — продолжала Фурцева. — Надо сделать так, чтобы ошибки прошлого не накладывались на наше время. Это было бы несправедливо.

Режиссер сказал, что подумает, как это сделать. И придумал ночную сцену, в которой герои узнают о смерти Сталина…

Когда закончили фильм, Григория Наумовича Чухрая вызвали в Министерство культуры. Директор студии обреченно сказал:

— Все, доигрались. Придется мне отвечать за твои штучки!

Но когда секретарь Фурцевой им улыбнулась, Чухрай понял, что все в порядке — иначе бы она нос воротила. Вышла Фурцева:

— Спасибо, товарищи. ЦК посмотрел картину и одобрил ее. Никита Сергеевич спрашивал, не надо ли чего.

— Спасибо, — ответил Григорий Наумович, — ничего не нужно.

Директор студии его поправил:

— Он скромничает. Ему квартира нужна, он в коммуналке живет.

Так Чухрай получил квартиру.

«Если бы не Хрущев, — вспоминал Чухрай, — ни один из моих фильмов бы не вышел. И пока был Хрущев, я мог снимать. Он ведь тоже не был закрыт для воздействий. Для дурных тоже, но хорошее все-таки перевешивало. И как Фурцева была светлым пятном на фоне темного министерского царства в прошлом и будущем, так и хрущевское время было светлым на фоне того, что было до и что стало после».

На Фурцеву давили сверху. 7 июня 1961 года отдел культуры ЦК пожаловался своему начальству, что киностудия «Мосфильм» выпустила «идейно ошибочный» фильм «А если это любовь?» режиссера Юлия Райзмана:

«Сосредоточивая внимание зрителя только на теневых сторонах, на показе уродливых, отрицательных явлений, заслоняющих все чистое и светлое в нашей жизни, фильм „А если это любовь?“ создает одностороннее, искаженное представление о нашей действительности…

Считаем, что фильм в настоящем виде не может быть выпущен на экран. Полагали бы целесообразным поручить Министерству культуры СССР принять меры, обеспечивающие улучшение идейно-художественного качества фильма».

Трудности возникали с показом зарубежных лент.

Кинорежиссер Ив Чампи снял франко-итальянский художественный фильм «Кто вы, доктор Зорге?», который пользовался большим успехом везде, кроме Советского Союза. О разведчике Рихарде Зорге в нашей стране знали только профессионалы.

Генерал-лейтенант Сергей Кондрашев из внешней разведки КГБ даже попросился на прием к Фурцевой. Он предложил Екатерине Алексеевне купить и показать советским зрителям этот фильм. Министр возмутилась:

— Я этого не допущу! Этот фильм — клевета на марксизм-ленинизм.

В фильме знаменитый разведчик предстает любителем слабого пола и светской жизни, авантюристом и искателем приключений. Ленту о Рихарде Зорге прислали Хрущеву для воскресного просмотра на даче. Никита Сергеевич был потрясен, узнав, что у Советского Союза был такой знаменитый на весь мир разведчик. Он приказал найти и представить ему материалы о

Зорге. В 1964 году Зорге стал посмертно Героем Советского Союза.

Решение о закупке иностранных фильмов принимала комиссия Министерства культуры, председательствовал первый заместитель министра. В конфликтных случаях последнее слово оставалось за Фурцевой.

В 1960 году Министерство культуры запланировало приобрести сто шестьдесят зарубежных картин. Отдел культуры ЦК возмутился: «При таком подходе к делу наши кинотеатры покажут 120 отечественных и 160 иностранных фильмов». В январе 1961 года ЦК КПСС принял постановление «О мерах по улучшению организации кинопроката», в котором ставилась задача сократить тиражи выпуска буржуазных фильмов и ограничить их показ по телевидению. В феврале Фурцева подписала свой приказ — «О мерах по улучшению проката фильмов». Она требовала от своих подчиненных: меньше показывать иностранных картин, больше советских.

В 1962 году Московский горком пожаловался на неисполнение Министерством культуры партийных решений:

«До сих пор количество фильмов из капиталистических стран, идущих на экранах кинотеатров и клубов Москвы, все еще велико. Показом буржуазных фильмов особенно увлекаются клубы. Вызывает тревогу тот факт, что наибольшее количество зрителей собирают фильмы, идейная и художественная ценность которых весьма незначительна. За 1961 год самый большой сбор имел фильм „Граф Монте-Кристо“ (его посмотрели 2261 тысяча зрителей)…

Между тем оценка зарубежных фильмов в печати появляется крайне редко. Зрителю не помогают разобраться в сильных и слабых сторонах идущих на экранах фильмов, в ряде которых идиллический показ „западного образа жизни“ дает неправильное представление о действительности».

Выполнение приказа Фурцевой натыкалось не только на всеобщее желание посмотреть разное, в том числе иностранное кино, но и на финансовый план. Многие идеологически выдержанные, но тоскливые отечественные ленты не собирали зрителей. Кинотеатры и клубы несли убытки, компенсировали потери кассовыми иностранными лентами. И с этим министерство ничего не могло сделать. Фильм не пускали на большой экран, его показывали в клубах.

Творческие люди не любили чиновников, от которых зависели, справедливо считая, что лучше министерских работников разбираются в искусстве. Но Фурцева пришлась людям кино по душе. Отношения Министерства культуры и

созданного в те годы Союза кинематографистов улучшились. Фурцева помогала «Мосфильму», поддерживала работу творческих объединений.

В феврале 1962 года прошел пленум оргкомитета творческого Союза кинематографистов. Отдел культуры ЦК информировал руководство страны:

«Отдельные ораторы пытались взять под защиту те кинофильмы, которые подвергались принципиальной критике со стороны общественности, и даже ставили под сомнение возможность кого-либо, кроме самих работников киноискусства, правильно оценивать фильм… Кинорежиссер т. Ромм М. И. допустил грубый выпад против министра просвещения РСФСР за то, что тот на одном из выступлений покритиковал фильм режиссера Ю. Райзмана „А если это любовь?“. „Почему режиссер, — сказал М. Ромм, — обязан слушать суждения этого дикого человека“…»

Одной строчкой отметили, что «на пленуме выступила министр культуры СССР т. Фурцева Е. А.», зато подробно сообщили:

«Товарищи отмечали серьезные недостатки в деятельности Министерства культуры СССР, указывали, что работники министерства плохо знают состояние дел на местах, не занимаются всерьез вопросами планирования и организации производства кинофильмов…»

Директор «Мосфильма» кинорежиссер Иван Александрович Пырьев, лауреат шести Сталинских премий, снявший фильм «Кубанские казаки», обратился к коллегам:

— У меня конкретное предложение к министру культуры — сменить аппарат министерства и главка и послать его на производство, а с производства взять людей более молодых, понимающих наше искусство, видящих его трудности, видящих, как их можно решить, и послать их в главк и в министерство. А пока этого нет, мы делаем такое предложение: руководство кинематографией учредить здесь, на Васильевской улице, в нашем прекрасном здании, а мы все: я, Ромм, Арнштам, Юткевич и другие режиссеры будем аппаратом Екатерины Алексеевны, будем ее обслуживать. А у входа поставим вахтера и прикажем не пускать сюда аппарат министерства и главка…

«Товарищ Пырьев, — говорится в справке отдела культуры ЦК, — обвинил работников аппарата Министерства культуры в том, что они будто бы неуважительно относятся к работникам киноискусства и мешают им в работе».

Справку подписали заведующий отделом культуры Дмитрий Поликарпов и заведующий сектором кино Владимир Баскаков.

Владимира Евтихиановича Баскакова вскоре перевели в Министерство культуры. Он стал заместителем Фурцевой и одновременно начальником Главного управления по произво детву фильмов. Начинал Баскаков с военной журналистики, служил в газете «Красный воин», окончил Московский областной педагогический институт. В 1956 году его взяли инструктором в отдел культуры ЦК КПСС, в 1960 году он возглавил сектор кинематографии.

«Настроение у Фурцевой, — рассказывал Владимир Баскаков, — менялось быстро, стоило сменить круг общения. Общение, которое было ее работой, было и ее ежедневной радостью. Снимая „Войну и мир“, потом получившую „Оскара“, Сергей Бондарчук обошел художественный совет студии, получив „добро“ на выбранных им актеров у министра. И, напротив, Фурцева закрыла для Ролана Быкова роль Пушкина. Собственное восприятие было для нее аргументом. Но она поддавалась убеждению, особенно если разговор шел наедине. К людям искусства относилась с пиететом, хотя и верила в возможность партийного контроля над ними. У нее были свои пристрастия — Бондарчук, Ефремов, Рихтер и, конечно, Плисецкая».

Фурцева сделала все, чтобы Московский международный кинофестиваль стал постоянным. Второй кинофестиваль открылся во Дворце спорта в Лужниках.

«Внезапно по гигантскому залу прокатывается буря аплодисментов, — писали на следующий день газеты. — В ложе появляются руководители Коммунистической партии и правительства Советского Союза… Никита Сергеевич Хрущев дружески улыбается собравшимся в зале, аплодирует участникам фестиваля».

С речью выступила министр культуры.

— Свое высокое призвание, — читала Екатерина Алексеевна подготовленный для нее высокопарный текст, — мастера советского кинематографа видят в служении человеку, в том, чтобы прославлять его созидательный труд, раскрывать богатый духовный мир человека, окрылять его благородные стремления и страстно звать в будущее. Мы — советские люди — большие оптимисты. И это понятно. У того, кто строит новое, мысли всегда устремлены в светлое будущее. А будущее нашей страны, нашего народа — прекрасно!

С режиссерами, людьми, у которых по определению, мягко говоря, сложный характер, надо было учиться ладить. Но и с артистами, особенно популярными, познавшими успех, знающими себе цену, Фурцевой было очень трудно. Капризы! Настроения! Не только у женщин, но и у мужчин.

В 1962 году Фурцева начала продвигать проект киноэпопеи по роману Льва Толстого «Война и мир». Загвоздка состояла в том, что проектная стоимость ленты оценивалась в четыре миллиона рублей, то есть в четыре раза дороже самого масштабного фильма, снятого к тому времени. И это без шефской помощи Министерства обороны, которое бесплатно обеспечивало съемки масштабных батальных сцен.

Один из зрительских кумиров того времени Олег Александрович Стриженов обиделся на Сергея Федоровича Бондарчука, взявшегося снимать «Войну и мир». Сначала предполагалось, что он сыграет Долохова. Но роль перешла к Олегу Николаевичу Ефремову. Возникла другая идея: Стриженов — князь Болконский. А Стриженов знал, что роль предлагалась уже многим актерам, и обиделся, что к нему обращаются тогда, когда другие отказались или не подошли. В сердцах бросил, что у Сергея Бондарчука вообще сниматься не станет.

«Однажды я сплю, — вспоминал Стриженов, — окна зашторены, и тут звонок:

— Это Фурцева!

Кокетливым тоном. А я спросонья не пойму — день или ночь. И решил, что это кто-то из девочек киношных решил меня разыграть. И понес на нее чуть ли не на нашем фольклоре. А потом бросил трубку. Она перезванивает. Слышу, в голосе низы появились:

— Олег Александрович, это действительно Екатерина Алексеевна говорит…

Короче, через пару часов я был у дверей ее кабинета. По коридору туда-сюда ходит Бондарчук. Только я подумал: вот, может, мы сейчас с ним поговорим, и я его прощу, — а тут секретарша Фурцевой меня к ней на ковер вызывает. За столом целая коллегия. От Сергея Герасимова до чиновников всяких. Ну, ясно. На испуг будут брать. Но я же никого не боюсь… И вдруг слышу из уст Фурцевой гневное:

— Я не понимаю, почему вы не хотите играть любимый образ нашей молодежи?!

А я и говорю:

— Екатерина Алексеевна, я окончил два учебных заведения — художественное училище и театральное. И только и слышал, что у нашей молодежи всего два любимых героя: Овод и Павка Корчагин. А вот то, что князь Андрей стал любимым образом молодежи, я впервые от вас слышу. Но не печалюсь, ведь Овода я сыграл.

Герасимов, сидевший напротив меня, просто заплясал на стуле и с хохотом выбежал из кабинета. А Фурцева

многозначительно стала расспрашивать, как я живу. Попроси я тогда орден, звание, другую квартиру — уверен, дали бы. Но я ответил, что живу, мол, себе потихонечку, чего и всем желаю».

На роль князя Болконского Фурцева предложила Бондарчуку молодого Вячеслава Тихонова…

— Интересная женщина, — вспоминал Юрий Никулин. — Может, не шибко умная. Но умела командовать, не забывала, что министр. Она спасла «Кавказскую пленницу». Этуш играл в этом фильме роль «товарища Саахова». А у парторга «Мосфильма» фамилия была Сааков. И начальство уперлось: надо переозвучивать фильм! А это лишнее время, а главное, деньги. Я проверенным способом отправился на прием к Фурцевой. Без десяти десять утра стою в коридоре у ее приемной. Она улыбнулась: «О, какими судьбами?» — зашла в кабинет, там ей сделали какие-то уколы, и запустили меня. Я рассказал всю эту историю. Фурцева схватила телефон, связалась с директором студии: «Эт-то что за идиотство?» Тот ей ответил: что вы, что вы, никто и не ставил так вопрос, видимо, какое-то недоразумение, фильм уже готов и скоро выйдет на экраны.

Кино довольно быстро отобрали у Фурцевой, считая ее недостаточно идеологически строгой. 10 мая 1963 года создали Государственный комитет Совета министров СССР по кинематографии. Главным кинематографистом страны сделали первого заместителя заведующего идеологическим отделом ЦК партии Алексея Владимировича Романова. Владимира Баскакова перевели в новый комитет. 10 августа 1963 года образовали еще и Госкомитет по печати; издательская сфера тоже ушла из-под контроля Фурцевой.

Теперь структура Министерства культуры выглядела следующим образом (см. работу М. М. Гольдина «Опыт государственного управления искусством. Деятельность первого отечественного Министерства культуры»):

Управление театров
Управление музыкальных учреждений
Управление изобразительных искусств и охраны памятников
Управление культурно-просветительских учреждений
Главная библиотечная инспекция
Управление кадров и учебных заведений
Планово-финансовое управление
Управление внешних сношений
Отдел капитального строительства и новой техники
Отдел снабжения
Первый отдел
Управление делами.

Екатерина Алексеевна часто жаловалась на министерскую жизнь:

— Меня иногда так захлестнет текущая работа, что пройдет день, две недели, я анализирую, что за это время сделала, и выходит, что ничего не сделала.

Министерству непосредственно подчинялись 47 ансамблей песни и пляски, 47 хоров, 37 симфонических оркестров, 20 оркестров народных инструментов. Екатерина Алексеевна обязана была посещать огромное количество мероприятий. Ее отсутствие было бы ударом для деятелей искусства. Вот несколько примеров того, что входило в обязанности.

Вечер, посвященный семидесятилетию певца Леонида Осиповича Утесова, открыл председатель Всесоюзного театрального общества Михаил Иванович Царев. Он сразу предоставил слово Фурцевой. Она зачитала указ о присвоении Утесову звания народного артиста СССР и обратилась к юбиляру:

— Дорогой Леонид Осипович! Пожалуйста, только сядьте и позвольте мне по поручению Министерства культуры Советского Союза и лично от меня сердечно, от всей души поздравить вас сегодня с вашим юбилеем и творческими успехами. Мы не хотим верить в дату, которой посвящается эта ваша встреча с друзьями. Мы верим, что это неточная дата. Творческий возраст у вас очень молодой, и мы надеемся, что вы будете долго работать и много сделаете хорошего, прекрасного для советских людей… Я хочу пожелать нами глубоко любимому Леониду Осиповичу здоровья. Все теперь у него есть, а здоровье — нужно!

В 1969 году сам Михаил Царев был удостоен Государственной премии СССР. Фурцева тут же подписывает составленное помощниками поздравление:

«Советский зритель хорошо знает Вашу многолетнюю творческую деятельность на сцене советского театра, помнит и любит созданные Вами образы в пьесах современных драматургов и произведениях русской и зарубежной драматургии.

Ваши сценические создания — Вожак в пьесе „Оптимистическая трагедия“ и Старик в одноименной пьесе, были по заслугам удостоены высокой награды. Ваши успехи тем более значительны, что Вы сочетаете труд артиста с активной общественной деятельностью во Всероссийском театральном обществе…»

Министр культуры пришла на торжество секретаря правления Союза художников СССР и члена-корреспондента Академии художеств Екатерины Федоровны Белашовой и произнесла речь:

— Мне вдвойне приятно вас поздравлять: во-первых, потому что я тоже женщина, и, во-вторых, вы не просто

представительница женской части населения Советского Союза, а настоящая талантливая женщина… Мы знаем, что советская женщина справится с любым делом. Но все-таки есть какие-то особенности женской конституции, которые создают трудности в успешном освоении тех или иных сложных специальностей. Я понимаю, что особенности и трудности есть и в этом сложном виде искусства, в котором работает Екатерина Федоровна… Здесь, как и в каждом виде искусства, должен быть человек убежденный. В наше время, время господства передовых идей, мы должны безгранично верить в эти идеи, и не просто верить, а осуществлять их, и не просто осуществлять, а сердцем осуществлять…

Екатерина Белашова получила в 1967 году Государственную премию, в 1968 году ее избрали председателем Союза художников СССР. Отмечая заслуги своей тезки, известного скульптора, Екатерина Алексеевна затронула весьма болезненную тему:

— Если и честно и откровенно сказать, мы с вами такие красивые слова и так высоко начинаем говорить о творчестве только в юбилейные дни, а в обычное время мы чаще стремимся где-то больно сделать, да кое-что и недооцениваем в искусстве… Самое главное — сказать человеку приятное вовремя. Если человек заслуживает высокой оценки, это нужно ему сказать, это продолжит жизнь художника, творчество его обогатится, и он более счастливым становится в жизни. Если он ошибается, ему тоже нужно сказать правду, но сказать так, чтобы не задеть его человеческое, уметь так сказать, чтобы он и понял, и воспринял, и не повторил этой ошибки. До чего же вы все ранимы! Если уж другим трудно говорить правду, то художникам тем более… Желаю вам еще раз много радости и счастья, благополучия, чтобы вам всегда сопутствовали здоровье, радость, творческий успех и чтобы в глазах ваших никогда не было такого, что омрачает, чего вы не заслуживаете…

Сама Екатерина Алексеевна далеко не всегда поступала в соответствии с этими своими словами. Но по крайней мере понимала, как следует относиться к художникам. Она была человеком практической складки. После работы в партийном аппарате она легко ориентировалась в хозяйственных делах.

Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Николай Петрович Каманин, ведавший подготовкой космонавтов, высоко ценил министра культуры, которая помогла поставить достойный памятник Юрию Гагарину. Записал в дневнике: «Фурцева, как всегда, продуманно и быстро решает вопросы. У нас с ней были десятки деловых встреч, и всегда я восхищался ее умением быстро находить правильные решения самых непростых вопросов.

Она бесспорно входит в десятку лучших наших министров и даже в десятку лучших государственных деятелей. Я знаю далеко не всех министров, но такие из них, как Афанасьев, Щелоков, Дементьев, Калмыков и даже Гречко, уступают Фурцевой в способностях и умении работать с людьми».

В реальной жизни возможности министра культуры были ограничены, особенно когда речь шла о деньгах. Бывший первый секретарь Новосибирского обкома Александр Павлович Филатов, еще будучи председателем Новосибирского горисполкома, стал строить цирк в городе:

«Делали, делали и наделали на девятьсот тысяч рублей сверх сметной стоимости. Залезли в „карман“ строителей: в средства основных фондов. Как возвращать? Да к тому же меня обуяла идея заменить кресла в зрительном зале, которые мало чем отличались от подобной мебели в сельском клубе.

Довели наши проблемы до Министерства культуры. Приезжает Екатерина Алексеевна Фурцева со своей закадычной подругой Людмилой Зыкиной. Поехали мы смотреть, „куда денежки зарыли“. Усадил я министра в кресло в зале и спрашиваю:

— Ну, как?

— Хорошо, — говорит, оглядывая стены и купол. — Красиво.

— А как сидится? — спрашиваю.

— Нормально, — с недоумением отвечает Фурцева.

— Не может быть! — не согласился я. — Кресла-то неудобные.

— Нормальные… Сойдет, — жестко сказала она, и я понял: дополнительных средств не будет. Надо скорее выбивать уже затраченные сверхнормативные средства.

Я сказал об этих девятистах тысячах рублей, которые мы задолжали строителям, и попросил погасить долг из средств Министерства культуры.

— Ладно, Александр Павлович, решим…

Не решили. Не знаю, как бы мы выкрутились, но нам повезло. Первый заместитель председателя Совета министров СССР Кирилл Трофимович Мазуров приехал к нам в область вскоре после отъезда Фурцевой и сразу решил вопрос с выплатой нашего долга строителям. За счет резервного фонда Совмина. 11 февраля 1971 года цирк принял первых зрителей».

Первый секретарь обкома напрасно обиделся на министра культуры. Она и лишнего рубля не могла дать из кассы, которая ей не принадлежала. А Мазуров по своему положению имел право воспользоваться резервным фондом.

Из-за бытовых проблем обиделась на Фурцеву чудесная

певица Клавдия Ивановна Шульженко. Она жаловалась, что ждала в приемной министра культуры битый час. Не выдержала, ушла, бросив секретарю:

— Передайте своей шефине, что она дурно воспитана! Клавдия Шульженко разводилась с мужем. Делили четырехкомнатную квартиру на улице Алексея Толстого. Шульженко хотела купить трехкомнатную кооперативную квартиру. Но Моссовет не разрешал: слишком большая площадь для одного человека. Шульженко обратилась к Фурцевой. Министр ответила:

— Ничем не могу помочь. Закон есть закон. Важнейшей проблемой для людей культуры (как, впрочем, и для всех остальных) было получение квартиры. Помочь с жильем в Москве мог один человек — председатель исполкома Моссовета Владимир Федорович Промыслов. К нему постоянно обращались с просьбой выделить квартиру, дачу или гараж. Поскольку в его кабинет попадали только заметные в обществе люди, то Промыслов старался никому не отказывать. Но резолюции на заявлениях ставил разными карандашами, и опытные подчиненные твердо знали, что именно начальник желает: действительно помочь или вежливо замотать вопрос.

Фурцева и Промыслов хорошо знали друг друга. Екатерина Алексеевна когда-то сделала Владимира Федоровича секретарем горкома партии, но она же и убрала его с высокого партийного поста. Назначила с понижением начальником Главного управления по жилищному и гражданскому строительству исполкома Моссовета. Это потом он занял один из важнейших постов в столице…

Коллегия Министерства культуры СССР состояла из семнадцати человек, в нее входили деятели искусства, представители общественности. По традиции коллегия заседала каждый четверг в час дня. Екатерина Алексеевна не хотела заседать так часто, собирала коллегию реже.

«Выглядела Екатерина Алексеевна на коллегиях министерства всегда прелестно: изящно одета, со вкусом причесана, — такой она осталась в памяти сотрудницы ведомственной газеты „Советская культура“ Мариам Игнатьевой. — Пока не начинались „экзекуции“, все казалось пристойным… Фурцева кричала, тон был грубый, слова обидные, оскорбительные».

Ее подчиненные не упустили случая польстить министру, сказать, как работа ведомства преобразилась после прихода Фурцевой.

— Если вспомнить партийное собрание, которое проходило

год назад, когда мы обсуждали также свою работу, — говорил первый заместитель министра культуры Кузнецов, — было много суеты в работе, мало проверки исполнения, живой творческой работы…

Екатерина Алексеевна с ее опытом партийной работы обещала не отрываться от подчиненных.

— Нужно организовать работу аппарата, — говорила она на партийной конференции, — и, прежде всего со стороны руководства министерства, нужно систематически встречаться с работниками аппарата.

Министерство не было таким уж большим. В Управлении изобразительных искусств и охраны памятников числилось восемнадцать человек, в управлении театров всего пятнадцать. На коллегиях и внутриминистерских конференциях жаловались, что такого количества для полноценной работы явно недостаточно. Плюс постоянная текучка, да и уровень министерских работников часто оставлял желать лучшего…

Людмила Синянская, работавшая в Управлении театров Министерства культуры, рассказывала, как после выхода спектакля «Павшие и живые» на Таганке Фурцева вызвала к себе руководство управления:

«Министр вышла из-за письменного стола, сделала два или три шага навстречу нам, уперла руки в боки и хорошо поставленным голосом с негодованием произнесла:

— Что же это у вас делается, товарищи? Одни жиды на сцене! По-видимому, начальник управления был готов к этому вопросу, потому что сразу ответил:

— Не одни…

Она долго его распекала, объясняя, что не для того он сюда поставлен, чтобы сидел как мешок с дерьмом и тому подобное. Потом, словно только тут заметив нас с инспектором, тоже молодой женщиной, возмущенно спросила:

— А вы, девушки, куда смотрите, если у вас начальник?.. Не помню, произнесла ли министр слово „дурак“, но оно было написано крупными буквами у нее на лице…

Фурцева секла „руководящий состав“ — своих замов и начальников подразделений — по понедельникам, — впрок, на неделю. Наш начальник приходил с таких понедельничных совещаний, как из бани, — красный, распаренный, с припухшими веками. На этих совещаниях она отводила душу — кричала, не стеснялась в выражениях.

С мелкими исполнителями, напротив, была корректна, особенно — с женщинами, а начальников мордовала, по-видимому, апеллируя к низменным человеческим инстинктам,

твердо веря, что нижестоящему приятно, когда бьют вышестоящего, а заодно — всем для острастки».

Екатерина Алексеевна Фурцева руководила Министерством культуры четырнадцать с лишним лет, до самой смерти. Оценивают ее роль по-разному.

— Кто-то дал Хрущеву плохой совет, потому что Фурцева никак не должна была быть министром культуры, — рассказывал мне бывший первый секретарь Московского горкома Николай Григорьевич Егорычев. — Те ее качества, которые высоко ценились, — напористость, организационные способности, твердость характера, — часто играли отрицательную роль на ее новой работе. Мне кажется, это Суслов такое подсказал Хрущеву. А для Фурцевой эта была трагедия всей жизни.

Екатерине Алексеевне не хватало образования и кругозора. В определенном смысле она так и осталась секретарем райкома…

Кинорежиссер Эльдар Александрович Рязанов, снимая фильм «Гусарская баллада», на роль Кутузова пригласил замечательного артиста Игоря Владимировича Ильинского. В Министерстве культуры пришли к выводу, что Рязанов оклеветал образ великого полководца. Ильинский — мастер комедийного жанра, и Кутузов получился комическим персонажем. Показ картины был отменен, и Фурцева потребовала все переснять.

Но фильм посмотрел зять Хрущева, главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей. Ему лента понравилась. В «Неделе», еженедельном приложении к «Известиям», появилась одобрительная рецензия, в которой отмечалась работа Ильинского над ролью Кутузова. Фурцева моментально сняла свои претензии.

«На посту министра культуры, — считал Егорычев, — многие ее прекрасные качества ей не только не помогали, а, наоборот, даже вредили в работе с творческой интеллигенцией. Ей не хватало гибкости, такта, внимания к творческим работникам, может быть, и терпения. По-видимому, эта должность была не для нее. Но и на этом посту ей многое удалось сделать. Помню, как она жала на меня, чтобы закончить строительство МХАТа на Тверском бульваре, нового здания для Третьяковки. Что-что, а давить она умела…

Увидев великолепно написанные Павлом Кориным образы священнослужителей, нищих и других представителей старого мира, эскизы которых художник готовил для своей огромной работы „Русь уходящая“. Фурцева страшно возмутилась и категорически потребовала:

— Всех попов убрать, выставку в таком виде не открывать!

Позвонили мне. Я срочно приехал на Кропоткинскую. Разгорелся спор. Никакие доводы на Екатерину Алексеевну не действовали. Даже тот факт, что Горький очень высоко ценил эти портреты и выпросил у Сталина особняк для художника, чтобы создать ему необходимые условия для работы. Пришлось пустить в ход последние аргументы, что, мол, эта выставка открывается в Москве не по линии Министерства культуры СССР, а посему мы, москвичи, несем полную ответственность за ее проведение и принимаем решение — поддержать выставку народного художника СССР Корина.

Выставка прошла с огромным успехом. А с Павлом Дмитриевичем Кориным мы стали после этого близкими друзьями до самых последних дней его жизни…

Народный художник СССР Сергей Тимофеевич Коненков открывал свою выставку в Доме Академии художеств. За несколько часов до открытия туда опять же приехала Екатерина Алексеевна. Все было хорошо, пока она не подошла к бюсту Хрущева. Увидев работу, она потребовала убрать ее из экспозиции, так как, по ее словам, „выполнен бюст плохо, карикатурно и позорит нашего лидера“. И здесь, как говорится, нашла коса на камень. Коненков категорически заявил, что в этом случае выставки не будет. Министр культуры стояла на своем. Ни о чем не договорившись, Фурцева уехала. Организаторы выставки остались в полной растерянности, не зная, что им дальше делать. Пришлось мне снова ехать на Кропоткинскую.

Я, конечно, сделал вид, что ничего не знаю о посещении министра культуры. Долго ходил по выставке в сопровождении Коненкова. Очень хвалил его действительно прекрасные работы. Подойдя к бюсту Хрущева, я долго стоял около него и молчал.

Екатерина Алексеевна была абсолютно права. Но как сказать об этом скульптору?

Бюст был из белого мрамора. Выдающийся скульптор ухватил одно из характерных выражений лица Хрущева, которое иногда делало его физиономию какой-то несимпатичной. А выполненный в мраморе портрет нашего лидера, да еще несколько утрированно, действительно выглядел карикатурно.

Пауза затягивалась. Наконец, я говорю:

— Ну, Сергей Тимофеевич, это же гениально! Это же вылитый Никита Сергеевич! Как вы ухватили это выражение? Ведь Никита Сергеевич так многолик. Поздравляю вас!

Все это было сказано громко, чтобы окружающие могли слышать. Коненков был очень доволен. Его напряжение прошло. Он как-то ожил, засветился:

— А вот Фурцева раскритиковала.

— Не могу согласиться с Екатериной Алексеевной. И буду везде отстаивать свое мнение.

Потом отвел его в сторону и тихонечко так, чтобы никто не слышал, говорю:

— Бюст настолько хорош и реалистичен и так точно передает схваченное вами выражение лица Никиты Сергеевича, что тот может и обидеться, ведь все его приукрашивают в духе социалистического реализма, изображают его этаким красавцем мужчиной, подхалимствуя перед ним. А вы дали его не очень красивым человеком.

Для Коненкова это оказалось неожиданным аргументом. Он сказал, что как-то раньше не думал об этом, ну уж если Никита Сергеевич может обидеться, а он этого ни в коем случае, естественно, не хочет, то, пожалуй, лучше этот бюст и не выставлять. Так был урегулирован этот конфликт. Но отношение к Фурцевой и у Коненкова, и у других художников от этого, мягко говоря, не улучшилось.

По сути дела, то же самое произошло у Фурцевой с Ростроповичем. В результате знаменитый виолончелист оказался за рубежом, а советское искусство от этого лишь крупно проиграло. К сожалению, подобные примеры можно было бы продолжить. Все это в конечном счете обернулось для партии потерей авторитета среди творческой интеллигенции, который никакими государственными и даже ленинскими премиями восстановить было невозможно…»

Мстислав Ростропович уехал за границу, когда Николая Егорычева уже сослали послом в Данию. Будучи в Москве, Егорычев зашел к председателю КГБ Андропову:

— Юрий Владимирович, плохо вы отнеслись к Ростроповичу.

Это наш хороший гражданин. Его просто упустили. Вы же его обидели! Вы ему создали такие условия — а он человек взрывчатый, вот он обиделся и уехал. Если бы к нему было проявлено доброе отношение, он бы никуда из Советского Союза не уехал. Я сейчас возвращаюсь в Данию. Насколько мне известно, его пригласила королева Дании. Он обязательно ко мне зайдет. Хотите — критикуйте меня, хотите — доносите, но с Ростроповичем я встречусь обязательно.

«Андропов, — рассказывал Егорычев, — против моей встречи со знаменитым виолончелистом не возражал, только просил, чтобы я написал ему личное письмо о том, как Ростропович относится ко всему случившемуся с ним… Действительно, королева пригласила Ростроповича. Он в первый же день пришел ко мне. Мы со Славой посидели. Он был растроган, потому что тогда он еще недолго жил за границей и очень переживал разлуку с Москвой…

Пока он был у меня в кабинете, работники, которые имели отношение к госбезопасности, всё прислушивались около двери, какой там у нас разговор. Я им говорю:

— Знаете, что, ребята, вы перестаньте этим делом заниматься. Я получил согласие на эту встречу от самого Юрия Владимировича Андропова. Мы с Ростроповичем хорошие друзья, я бы ему никогда не отказал в такой встрече…»

Присутствие Комитета госбезопасности в делах культуры Фурцева ощущала постоянно. Юрий Андропов через полтора месяца после прихода на Лубянку, 3 июля 1967 года, отправил записку в ЦК, в которой живописал действия подрывных сил, направленных «на создание антисоветских подпольных групп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов».

Новый председатель Комитета госбезопасности сигнализировал о том, что «под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия».

В феврале 1960 года тогдашний председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин, следуя линии Хрущева, упразднил Четвертое управление, которое занималось борьбой с антисоветскими элементами и ведало интеллигенцией, как самостоятельную структуру. Шелепин считал, что следить за писателями, художниками, актерами — не главная задача КГБ и

незачем держать для этого целое управление. Андропов же, напротив, предложил создать в центре и на местах подразделения, которые сосредоточились бы на борьбе с идеологическими диверсиями.

Семнадцатого июля 1967 года политбюро предложение Андропова поддержало:

«Создать в Комитете госбезопасности при Совете Министров СССР самостоятельное (пятое) Управление по организации контрразведывательной работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника. В КГБ республик, УКГБ по краям и областям иметь соответственно пятые Управления-отделы-отделения…»

Юрий Андропов никогда не работал на производстве, ничего не создавал собственными руками. Ни экономики, ни реальной жизни не знал. Уверенно чувствовал себя только в сфере идеологии. Поэтому занимался интеллигенцией, художественной и научной, пытался влиять на ситуацию в литературе и искусстве. Нечего удивляться, что Пятое управление КГБ приняло на себя функции политической полиции.

«Это подтверждает мою старую мысль о нереальности реальной жизни и всевластии литературы, которая вовсе не воспроизводит, не отражает, а творит действительность, — отметил в дневнике писатель Юрий Маркович Нагибин. — Иной действительности, кроме литературной, нет. Вот почему наше руководство стремится исправить литературу, а не жизнь. Важно, чтоб в литературе все выглядело хорошо, а как было на самом деле, никого не интересует».

Подготовленные Пятым управлением КГБ материалы — это прямые доносы на мастеров литературы и искусства, которые «подрывают авторитет власти». Поносились спектакли театра на Таганке, театра имени Ленинского комсомола — за «двусмысленность», за попытки в «аллегорической форме высмеять советскую действительность». КГБ раздражало даже то, что «моральная неустойчивость отдельных людей стала весьма желательной темой некоторых работников кино и театров».

Вот отрывки из служебных записок Комитета госбезопасности:

«Вызывает серьезные возражения разноречивое изображение на экране и в театре образа В. И. Ленина. В фильме „На одной планете“, где роль Ленина исполняет артист Смоктуновский, Ленин выглядит весьма необычно: здесь нет Ленина-революционера, есть усталый интеллигент…»

«Трудно найти оправдание тому, что мы терпим по сути дела политически вредную линию журнала „Новый мир“… Критика

журнала „Юность“ по существу никем не учитывается, и никто не делает из этого необходимых выводов. Журнал из номера в номер продолжает публиковать сомнительную продукцию…»

Разве Комитету госбезопасности было поручено давать оценки театрам и литературным журналам? Но КГБ именно так понимал свою роль: шпионов было немного и содержать ради них такой огромный аппарат было бы нелепо. Андропов и Пятое управление считали, что главная угроза для партийного аппарата и всей социалистической системы исходила от свободного слова.

Такие записки комитета оборачивались неприятностями для Фурцевой. Чекисты сигнализировали о «неполадках» в ее хозяйстве, ЦК предъявлял претензии министру культуры.

Первого июля 1972 года Андропов доложил в ЦК:

«Комитет госбезопасности располагает данными об идейно-ущербной направленности спектакля „Под кожей статуи Свободы“ по мотивам произведений Е. Евтушенко, готовящегося к постановке Ю. Любимовым в Московском театре драмы и комедии. Общественный просмотр спектакля состоялся 12 июня 1972 года.

По мнению ряда источников, в спектакле явно заметны двусмысленность в трактовке социальных проблем и смещение идейной направленности в сторону пропаганды „общечеловеческих ценностей“. Как отмечают представители театральной общественности, в спектакле проявляется стремление режиссера театра Любимова к тенденциозной разработке мотивов „власть и народ“, „власть и творческая личность“ в применении к советской действительности…»

Андропов хотел истребить всякое инакомыслие, тем более если оно высказывается публично. При Андропове начался расцвет политической полиции. Создание отдельного управления, как следовало ожидать, увеличило число дел против интеллигенции. Пятое управление не только следило за настроениями интеллигенции, окружив заметных людей своими информаторами, но и пыталось влиять на процессы в творческой среде. Чекисты, освобожденные от необходимости искать шпионов, которых на такой большой комитет все равно не хватало, рьяно взялись за интеллигенцию.

Серьезные трудности возникали у министра культуры с зарубежными гастролями.

В мае 1961 года труппа Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова выехала на гастроли в Париж. В составе труппы был солист театра Рудольф Нуриев. Ему было всего двадцать четыре года, но он уже был известным всему миру танцовщиком.

КГБ докладывал в ЦК:

«23 июня сего года из Парижа поступили данные о том, что Нуриев нарушает правила поведения советских граждан за границей, один уходит в город и возвращается в отель поздно ночью. Кроме того, он установил близкие отношения с французскими артистами, среди которых имелись гомосексуалисты. Несмотря на проведенные с ним беседы профилактического характера, Нуриев не изменил своего поведения…»

Сотрудник КГБ, включенный в состав труппы, предложил досрочно откомандировать Рудольфа Нуриева домой. 16 июня труппа Кировского театра отправилась в аэропорт, чтобы лететь дальше — в Лондон. Нуриеву сказали, что его дома ждет больная мама. Нуриев решил, что больше его за границу не отпустят, и прямо в аэропорту попросил у французских властей политического убежища.

Убежище было предоставлено. Пятнадцать лет Рудольф Нуриев танцевал в Лондонском королевском балете, и его называли величайшим танцовщиком XX века. Его побег стал аргументом для аппаратчиков и чекистов, которые считали, что за границу ездить могут только они сами. Выдающемуся пианисту Святославу Теофиловичу Рихтеру не разрешали зарубежные гастроли. КГБ проинформировал ЦК:

«Отец Рихтера (по национальности немец) в 1941 году был расстрелян органами госбезопасности. Мать (русская), по имеющимся данным, переехала в Западную Германию, где проживает и в настоящее время. Сам С. Рихтер фактически является одиноким, детей не имеет, его брак с певицей Н. Дорлиак не зарегистрирован, окружение его не вызывает особого одобрения, ведет замкнутый образ жизни».

Решить вопрос мог только первый человек в стране.

«Фурцева, — вспоминал Хрущев, — докладывала мне, что наша госбезопасность возражает против гастролей Рихтера за границей. У него в Западной Германии живет мать, и неизвестно, вернется он или не вернется. Конечно, потеря такого крупного музыканта, как Рихтер, — ущерб для страны. Это ведь в музыкальном мире человек № 1. Что же делать? Я говорю: „Пусть едет“… Надо посоветовать ему: „Вы не видели мать столько лет, поезжайте, повидайтесь с ней“… Рихтер поехал в Западную Германию, встречался с матерью… И вернулся».

Министр была чуть ли не единственным человеком в руководстве страны, заинтересованным в культурном обмене с другими государствами, в том, чтобы советские мастера выезжали на гастроли за границу, а в Советский Союз приезжали

иностранные певцы, музыканты, артисты, привозили выставки из лучших мировых музеев.

Девятнадцатого июля 1963 года Екатерина Алексеевна Фурцева дала интервью знаменитому американскому кинорежиссеру Стэнли Крамеру. Режиссер спросил ее, что можно сделать для улучшения отношений между двумя странами.

— Я думаю, вы хотите знать, что можно сделать по линии культуры. Я думаю, возможности здесь неограниченные, совершенно неограниченные. И без преувеличения можно сказать — это один из очень важных путей сближения наших народов. Главное решение проблемы зависит от доверия между народами, а искусство, литература, часто даже не требуя перевода, как раз выполняют эту роль. Мы думаем — и в области кино, в котором вы работаете. Ваши картины пользуются у нас очень большой популярностью. Это уже один из больших наших вкладов в улучшение взаимоотношений. И театр, и литература, и музыка, выставки живописи, личные контакты — все это должно содействовать сближению. Чем больше мы будем знать друг друга, доверять друг другу, тем ближе мы будем к нашей общей задаче укрепления мира и запрещения войны. Я думаю, что мы в этом сходимся с вами.

— Как вы понимаете слово «гуманизм»? — поинтересовался у министра Стэнли Крамер.

— Это очень широкое понятие, я постараюсь ответить в самых общих словах. Гуманизм — это прежде всего отношение к человеку, как я понимаю, забота о человеке, о его счастье. Чтобы труд не был таким тяжелым, чтобы он был приятным, чтобы в жизни, во всем было счастье, чтобы человек мог приобрести все культурное, все необходимое для себя. И чтобы в человеке развить все лучшее, талантливое, хорошее — вот я так понимаю, и так мы стараемся делать…

Зарубежные гастроли были крайне выгодны государству — выдающиеся мастера после возвращения домой сдавали в казну большие суммы в валюте. Поэтому Министерство культуры хотя бы из ведомственных соображений было сторонником гастролей. А партийный аппарат и система госбезопасности считали, что лучше никого никуда не выпускать. Скептически относились к любым контактам с заграницей.

«Рихтер ездил по Америке с концертами, — вспоминал Хрущев. — Ему подарили чудесный рояль. Пришла Фурцева и говорит: „Как быть? По нашим законам, чтобы перевезти рояль через границу, надо заплатить большую пошлину. Рихтер, видимо, не в состоянии будет ее заплатить“».

— Передайте от меня тем, кто занимается на границе

пошлинами, что надо оформить все так, чтобы пошлину с него вообще не брали, — сказал министру Хрущев. — Раз он в Соединенных Штатах получил в премию рояль, то не нам ставить препятствия для владения подарком. Если мы его лишим подарка, то у него сохранится в душе горький осадок, огорчение. Для музыканта иметь хороший инструмент — большая радость. Не лишайте его этой радости, он заслуживает ее, большего заслуживает!

Фурцева, писал Хрущев, тоже была довольна, что так решен вопрос.

Право пересечь государственную границу давала комиссия ЦК по выездам за границу. Она решала, кому можно ездить, а кому нельзя. В реальности, вспоминает один из руководящих работников аппарата ЦК, просто с помощью КГБ проверяли благонадежность выезжающих, а для подстраховки еще и собирали множество подписей — руководителей отраслевых отделов ЦК и местных партийных органов.

На каждого выезжающего, кроме высших чиновников государства, посылался запрос в Комитет госбезопасности. Чекисты, покопавшись в архиве, давали два варианта ответа: в благоприятном случае — «компрометирующими материалами не располагаем», в неблагоприятном — сообщали о наличии таких материалов, ничего не уточняя.

В принципе, окончательное решение должны были принимать руководители комиссии ЦК партии. Они имели право пренебречь мнением КГБ и разрешить поездку за рубеж. На практике в аппарате никому не хотелось брать на себя такую ответственность. Спрашивать Комитет госбезопасности, какими именно «компрометирующими материалами» там располагают, тоже не решались. И люди становились «невыездными», не зная, в чем они провинились…

Это положение могла изменить только высшая воля. Когда известный журналист, которого не выпускали за границу, стал родственником члена политбюро, из его бумаг исчезли все негативные замечания, выяснилось, что отныне ничто не мешает его длительной зарубежной командировке.

В июле 1959 года комиссию по выездам переименовали в отдел кадров дипломатических и внешнеторговых органов ЦК. В мае 1965 года это подразделение ЦК стало называться отделом по работе с заграничными кадрами и выездам за границу. Суть не изменилась: если можно было не пускать, не пускали.

Иногда до ЦК дело не доходило. Выезжающему за границу требовалось разрешение местных партийных органов. В Москве в конфликтной ситуации еще можно было найти защиту у кого-то

из просвещенных вождей. А на местах люди были в полной власти провинциальных партийных секретарей.

В Ленинградском обкоме КПСС идеологическими делами ведала Зинаида Михайловна Круглова, профессиональный партийный работник.

«Женщина средних лет с внешностью не то ткачихи, то не игуменьи, — описывал ее профессор Ефим Эткинд, — тусклым голосом монотонно считывала с бумажки трафаретные фразы о расцвете социалистической культуры и ее перспективах; говорила она мертво, безнадежно скучно, не слишком грамотно и выглядела непроницаемо: на ее скуластом лице не появилось ни тени улыбки, или волнения, или смущения, или еще чего-нибудь человеческого…

Она славилась иезуитской логикой и непривычным в ее кругах открытым цинизмом… У нее было редкостно удачное для такой карьеры сочетание свойств: беззастенчивость и твердость, полное отсутствие мнений или дарований, поразительное владение советской фразеологией, подходящая внешность».

Рассказывали, что один крупный ученый был избран почетным доктором западного университета. Но его не выпускали на церемонию. Он попал на прием к Кругловой. Она сказала:

— Мы не можем отпустить вас на Запад. Это они безразличны к своим ученым, мы же свои кадры ценим и бережем.

— Но, Зинаида Михайловна, меня там ждет докторская мантия, а не террористический акт, — возразил ученый.

— Как знать, — ответила Круглова, — мы не можем поручиться, что они вам не сделают какой-нибудь укол, под влиянием которого вы будете говорить совсем не то, что думаете.

Зинаиду Михайловну Круглову перевели в Москву и назначили заместителем министра культуры СССР…

Партийные секретари как могли противились поездкам за границу, во-первых, по идеологическим соображениям — нечего соприкасаться с капиталистической действительностью; во-вторых, из чувства страха. В случае побега им предстояло отвечать. Когда остался в Англии тульский писатель Анатолий Кузнецов, потерял работу секретарь Тульского обкома по идеологии, поставивший свою подпись под его характеристикой-рекомендацией.

Екатерина Алексеевна Фурцева с удовольствием открывала для себя мир. Она ездила за границу и раньше, но для секретаря ЦК каждая поездка была большой редкостью. Министр культуры же должна была путешествовать по миру в силу прямых обязанностей. За границей женщина-министр неизменно

вызывала большой интерес.

В Англии о встрече с Фурцевой мечтал Стивен Уорд, заметная в Лондоне фигура. Он был остеопатом, причем модным. Муж королевы принц Филипп и Уинстон Черчилль приходили к нему лечиться. Кроме того, Стивен был художником. Он даже рисовал членов королевской семьи. Стивен Уорд хотел получить советскую визу, поехать в Москву и нарисовать Хрущева.

Стивен Уорд сблизился с капитаном второго ранга Евгением Михайловичем Ивановым, помощником военно-морского атташе в Англии. Уорд очень хотел нарисовать портрет министра культуры, когда Екатерина Алексеевна приехала в Лондон.

Он разбудил Иванова телефонным звонком:

— Только ты можешь это сделать. Устрой мне встречу с Фурцевой. Мне необходимо нарисовать ее портрет. Представляешь, русская женщина-министр позирует мне и дает интервью. Да любой редактор застрелится, чтобы получить такой материал…

Советские руководители подпускали к себе журналистов только на официальных пресс-конференциях. А сотрудник посольства Евгений Иванов имел возможность поговорить с Фурцевой и сумел убедить ее в необходимости встретиться со Стивеном Уордом.

— Хорошо, приводите своего англичанина, — сдалась Фурцева. — Пусть рисует. Только я смогу уделить ему не более пятнадцати минут…

Стив рисовал, время от времени задавая вопросы. Иванов переводил:

— Вы первый раз в Лондоне? Как вам здесь нравится? Вы любите живопись? Не любите модерн? Вы прекрасно выглядите. Как вам это удается? Занимаетесь теннисом? Не любите косметику? Не носите драгоценностей?

Фурцева кратко отвечала на незамысловатые вопросы художника. Через четверть часа портрет был готов.

— Ну-ка, дайте мне взглянуть, — сказала Екатерина Алексеевна. — Недурно.

Иванов, напротив, не высоко оценил труды своего лондонского приятеля:

«Фурцева выглядела значительно моложе своих пятидесяти двух лет. На портрете Уорда она вовсе не являла собой образ государственного деятеля, скорее походила на кокетливую даму. Самой Фурцевой портрет очень понравился, может быть, именно потому, что она на нем выглядела совсем не такой, какой заставляло ее быть положение партийного руководителя…»

Портрет Фурцевой и небольшой материал, написанный

Стивеном Уордом, поместила газета «Дейли телеграф». Иванов приехал в лондонский аэропорт «Хитроу», чтобы проводить министра и вручить ей газету.

— Уже знаю, — сказала Екатерина Алексеевна. — Ваши посольские мне перевели. Неплохая заметка получилась…

В феврале 1960 года решением президиума ЦК образовали Государственный комитет Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами. Его сначала возглавил журналист из «Правды» Юрий (Георгий) Александрович Жуков, в 1962 году его сменил Сергей Калистратович Романовский, бывший секретарь ЦК комсомола. Комитет занимался приглашением иностранных мастеров искусств и отправкой советских артистов, устройством выставок и концертов.

В октябре 1965 года статус Комитета по культурным связям с зарубежными странами понизили, а потом и вовсе передали эту сферу в ведение Министерства культуры. Теперь за все отвечала Екатерина Алексеевна.

В 1966 году заместителем к Фурцевой — отвечать за международные контакты — пришел Владимир Иванович Попов, недавний помощник Андропова. Попов после войны окончил Московский университет, работал в ЦК комсомола и Комитете международных организаций. В 1960 году его взяли в отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Он дослужился в ЦК до поста заведующего сектором. В андроповском отделе, вспоминал его сослуживец Георгий Шахназаров, было заметно представительство так называемых «комсомолят», бывших работников ЦК ВЛКСМ, которым покровительствовал член политбюро Александр Шелепин:

«Среди них выделялись заместитель заведующего отделом Николай Месяцев, заведующие секторами Владимир Попов и Леонид Мосин… После того, как Брежнев окончательно взял верх над Шелепиным, убрал со всех более или менее значимых постов его сторонников, его бывшие соратники лишились былого задора…»

Леонид Сергеевич Мосин, бывший первый секретарь Липецкого обкома комсомола, тоже был одно время помощником Андропова в ЦК, руководил сектором, который ведал отношениями с Венгрией и Румынией. Его сектор именовали «комсомольским», поскольку вокруг себя он собрал бывших товарищей по ЦК ВЛКСМ. Кончилось тем, что Владимиру Попову поручили отвечать за международное сотрудничество в ведомстве Фурцевой, а Леониду Мосину подобрали должность пониже рангом — сделали заместителем председателя Госкино по

международным связям.

Екатерина Алексеевна поддерживала идеи международного культурного обмена, хотела, чтобы советский зритель видел лучшие образцы мирового искусства, а мир — восхищался достижениями отечественных мастеров. Ирина Александровна Антонова, директор Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, вспоминала: «У нее была страсть к масштабным проектам. Вывезла шедевры Эрмитажа, Третьяковки, Русского и Пушкинского музеев в Японию без страховки под личную ответственность — она умела рисковать».

Фурцева привезла в Москву «Джоконду» и французских импрессионистов. Благодаря Фурцевой в Советский Союз приехал итальянский театр Ла Скала, дирижировал Герберт фон Караян. А Большой театр отправился в Милан. В Л а Скала по соглашению с Министерством культуры стажировались советские певцы. Директора Л а Скала Антонио Гирингелли даже считали поклонником Екатерины Алексеевны.

Его секретарь писала Фурцевой:

«Доктор Гирингелли попросил меня быть посредником между ним и Вами. Он давно мечтал заказать Ваш портрет. Он собирал Ваши фотографии и поручал различным художникам написать по ним портрет. И все ему не нравились. Только теперь, как ему кажется, что-то получилось. Он хотел бы преподнести этот портрет Вам по случаю приезда театра в Москву — в память о многолетнем сотрудничестве, о дружеских отношениях и той любви и симпатии, которую он всегда испытывал к Вам. Но очень боится, как бы Вы не рассердились за смелость, и поэтому поручил мне попытаться выяснить Ваше отношение…»

Фурцева покровительствовала американскому певцу Дину Риду. Крайне левый по взглядам, он уехал из Соединенных Штатов, выступал и снимался в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Фирма «Мелодия» дважды выпускала долгоиграющие пластинки с его записями. Фурцева ему симпатизировала. К новому, 1972 году Екатерина Алексеевна отправила Дину Риду и его подруге Эве шампанское и конфеты. В феврале 1972 года благодаря Фурцевой певцу сделали небольшую операцию в Центральной клинической больнице Четвертого главного управления Министерства здравоохранения СССР и потом отправили в санаторий «Барвиха» — для высшего начальства. Но ей не удалось раздобыть для него московскую квартиру.

В 1973 году Дин Рид обосновался в ГДР, где жил до своей смерти в 1986 году. Его нашли утонувшим в озере. Похоже, он совершил самоубийство. Судьба Фурцевой еще раз пересеклась с

человеком, который предпочел добровольно уйти из жизни…

«Опеку Екатерины Алексеевны сейчас можно вспоминать по-разному, — считал певец Муслим Магомаев, — в том числе с улыбкой. Не следует смотреть на политических деятелей тоталитарного прошлого как на каких-то партийных монстров. Они были живые люди, и человеческого в них было немало.

Екатерина Алексеевна Фурцева понимала меня, а если сказать верней, то относилась ко мне по-матерински: она позволяла мне то, что позволяла не каждому. Возможно, у нее были в этом случае свои соображения. Когда бросают камни, „зажимают“ мэтра, это одно: у него есть защита — его имя. А когда начинают покусывать начинающего артиста — это другое: его могут „съесть“ в самом начале творческого пути».

Летом 1964 года Муслиму Магомаеву предстояли гастроли в Париже. Но руководство Азербайджана не хотело, чтобы он ехал. Первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Вели Ахундов и секретарь ЦК по идеологии Шихали Курбанов обижались на певца, к которому уже пришла всесоюзная слава:

— Магомаев азербайджанец, а в Азербайджане давно не был.

Решили наказать.

«Подходило время ехать во Францию, — вспоминал Магомаев, — а наш ЦК тормозил решение. Что делать? Пошел к Фурцевой. И вот я сижу в кабинете министра культуры СССР. Уже ночь, а мы все никак не можем соединиться с Вели Юсуповичем Ахундовым. Удалось дозвониться только до Шихали Курбанова. Вдруг слышим:

— Нет, мы не можем разрешить! Мы должны его наказать! Только в двенадцать ночи дозвонились до главы республики. Фурцева возмущенно заговорила:

— Вели Юсупович! Что же вы делаете? Нам Магомаев нужен — он объявлен в Париже красной строкой! Если он не будет представлять Советский Союз, нас не будут приглашать на престижные площадки! У нас же одна страна! — В голосе Фурцевой зазвучал металл.

Это у нее получалось. Ахундов, словно впервые услышав о той проблеме, по поводу которой ему среди ночи звонила министр культуры СССР, вынужден был сказать:

— Екатерина Алексеевна, я разрешаю ему. Пусть едет.

Улетел я в Париж лишь в день концерта. Выступал в „Олимпии“ без репетиции».

Вели Ахундов, врач по профессии, работал в Азербайджане министром здравоохранения, пока при Хрущеве не начался его стремительный взлет. Его сделали в 1958 году секретарем республиканского ЦК, в том же году пересадили в кресло главы

правительства, а на следующий год сделали первым секретарем ЦК компартии Азербайджана. Он руководил республикой десять лет.

В другом случае уже сама Фурцева не отпустила Муслима Магомаева в Париж — его приглашали на целый год.

— Она отказала не по своей воле, — оправдывал певец министра. — Тогда было много правительственных концертов и почти всегда меня просили выступить. Так что за границей мне долго оставаться было нельзя.

Фурцевой не нравилось, что Магомаев поет не только классику, но и эстрадные песни, пользовавшиеся фантастической популярностью. Магомаев знал, что ответить:

— Екатерина Алексеевна, это одна сторона медали. Но есть и другая — у меня масса поклонников среди эстрадной публики. Они приходят на мой концерт и невольно слушают классику. Если из них хотя бы человек пятьдесят, пусть даже десять, уйдут заинтересованными классическим репертуаром, откроют для себя то, чего они никогда не слышали, я считаю, что это большая победа для меня… Для всех нас.

Летом 1969 года Фурцева настояла на том, чтобы Магомаев поехал в польский город Сопот на девятый Международный фестиваль эстрадной песни. Магомаев ехать не хотел: зачем ему, уже очень популярному певцу, соревноваться, что-то доказывать? Фурцева настояла. Проблема была в том, что исполнять. Магомаев выбрал песню «Сердце на снегу» композитора Арно Бабаджаняна. Заместитель министра культуры Василий Феодосьевич Кухарский предложил «Время» Аркадия Островского. Сослался на мнение Союза композиторов.

Василий Кухарский в 1967 году сменил Кузнецова на посту первого зама. Кухарский поступил в музыкальное училище в Киеве, перед войной работал лектором в Ленинградской государственной академической капелле. Вернувшись с фронта, поступил в Московскую консерваторию имени П. И. Чайковского, служил в Комитете по делам искусств, Союзе композиторов СССР, был ученым секретарем Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР, занимался созданием Союза композиторов России. В 1960 году Кухарского взяли в аппарат ЦК — заведовать сектором искусств отдела культуры, а в 1967-м перевели к Фурцевой.

— Если вы хотите, чтобы советская песня получила премию, — ответил Магомаев Кухарскому, — дайте выбрать мне, тому, кому исполнять. Рекомендуемые вами песни я петь не стану. Это у нас в стране такие песни хороши и популярны, а за границей «Время» — семь минут политики — не пройдет. В

Сопоте конкурс эстрадной песни. Вы же предлагаете мне вместо песни с танцевальным ритмом песню с державным размахом: «Время счет ведет вековым пером…» Такой песни там не поймут… А песня Бабаджаняна написана в современном ритме, который сразу подхватит публика, начнет подхлопывать…

Разговор не получился. Выйдя от Кухарского, Магомаев поднялся на другой этаж — в приемную министра. Ему разрешили войти.

— Я должен поехать в Сопот, — сказал певец Фурцевой. — Но еще немного — и я откажусь… Если Союз композиторов решает, что певцу петь, то пусть решает и кто это будет петь. На конкурс еду я. Почему кто-то должен навязывать мне песню?

— Кто это придумал? — спросила Фурцева.

— Я только что от Василия Феодосьевича… Фурцева сняла трубку:

— Зайдите ко мне. Вошел Кухарский.

— Что у вас с мальчиком? — поинтересовалась Екатерина Алексеевна.

— Да, собственно, ничего особенного. Разногласия некоторые по поводу конкурсных песен. Наши композиторы постановили…

Фурцева перебила своего заместителя:

— Что значит постановили? Мы просим Муслима поехать, чтобы наконец советский певец что-то завоевал. А ему навязывают, что и как петь. Ему петь — ему и решать.

Фурцева сделала жест рукой:

— Поезжайте и пойте, что хотите…

«Фурцева была высокоинтеллигентный человек, — считал Муслим Магомаев. — Незаурядная личность. После нее на этом посту такой личности уже не было. Был еще Демичев — человек мягкий, тонкий. Но ему не хватало ее мужества. Она была лидер. В гневе была страшна, ее побаивались. Но те, кто хорошо ее знал, ее уважали».

Министерству культуры СССР непосредственно подчинялись только Кремлевский дворец съездов, Большой театр, Малый и МХАТ. Остальными театрами ведали республиканские министерства культуры. Но многие проблемы приходилось решать самой Фурцевой. С одной стороны, только она одна, известный в стране человек, способна была помочь. С другой — лишь Екатерина Алексеевна могла справиться со знаменитыми режиссерами и актерами, у которых были поклонники в высшем эшелоне власти. Фурцева должна была удерживать их в рамках генеральной линии. Но не обижать, не доводить дело до скандала. И заботиться о том, чтобы мастера сцены радовали

зрителя (иногда этим зрителем был первый человек в стране) новыми успехами. Иногда это оказывалось для нее невыносимо трудно!

Желающих запретить было множество, а брать на себя ответственность и разрешать никто не хотел. Иногда она шла наперекор цензуре, брала ответственность на себя. Но чаще должна была — или хотела — помешать появлению на сцене того, что считалось недозволенным. А не дозволялось очень многое.

Проблема с небольшими театрами, особенно провинциальными, состояла в том, что они были убыточными. Надо было их защищать — чтобы их не закрыли, выбивать в Министерстве финансов дотации. Это, конечно, дело хлопотное. Но большие театры, возглавлявшиеся крупными мастерами, игравшие важную роль в духовной жизни страны, представляли для Фурцевой куда более серьезную проблему.

Что касается репертуара, Министерство культуры составляло рекомендательный список пьес. Министерство имело возможность влиять на репертуар с помощью государственного заказа. Оно покупало у драматургов пьесы, которые соответствовали всем требованиям. Но значительные театры работали с драматургами напрямую. Пьеса писалась специально для определенного театра и режиссера.

На посту министра культуры Фурцева столкнулась с новой проблемой вокруг Александра Твардовского. 23 декабря 1965 года в Московском театре сатиры состоялся первый прогон спектакля по поэме «Теркин на том свете». Поэма была многострадальной. Ее запрещали, потом Хрущев ее лично разрешил. После отставки Никиты Сергеевича сатирическая поэма вновь стала вызывать сомнения у ревнителей идеологической чистоты. Самому Александру Трифоновичу постановка понравилась, он растрогался. На премьеру пришли известные писатели, они хвалили спектакль.

Главный режиссер театра Валентин Плучек впоследствии рассказывал: «Мы все понимали, что „оттепель“ сменяется „похолоданием“, что налицо явные признаки отката к сталинизму, против которого направлены поэма и спектакль. Поэтому попросили пригласить на приемку „кое-кого из друзей театра“. Созваны были и пришли очень многие люди, имевшие тогда авторитет в самых разных областях искусства. Среди них — Шостакович, Симонов, Кукрыниксы… В их присутствии чиновники не посмели закрыть спектакль „сразу“».

Нашлись добровольные помощники. 12 февраля 1966 года руководители министерской газеты «Советская культура» обратились в ЦК с развернутым доносом: «В Московском театре

Сатиры выпущен новый спектакль „Теркин на том свете“. Первые просмотры этого спектакля, на которых мы присутствовали, дают основания утверждать, что мы имеем дело с произведением антисоветским и античекистским по своему существу. Мы были поражены тем, как советский театр смог нанести глубочайшее оскорбление гражданским, патриотическим чувствам советских людей…

Удивительно почти полное совпадение авторских выпадов, намеков и полунамеков в адрес органов государственной безопасности, в адрес наших славных чекистов с клеветой, характерной для буржуазной пропаганды…

Считаем, что такому спектаклю не место на советской сцене».

Обращение в высшую партийную инстанцию встретило в аппарате полное понимание.

Твардовский записал в дневнике, что происходило на совещании в ЦК:

«Ответ Демичева на записку о том, когда же наконец будет снят Твардовский с „Нового мира“, и ответ Фурцевой на записку о том, когда же будет снят антисоветский, клеветнический спектакль „Теркин на том свете“. Ни тот, ни другой ответ, как передают, отнюдь не содержал возражения по существу постановки вопросов, но лишь указывал на трудность и деликатность этих акций. Фурцева — та с женским простодушием и доверительностью среди своих: „спустим на тормозах“».

Спектакль по поэме Твардовского, в котором играли Анатолий Папанов и Борис Новиков, шел на сцене всего двадцать один раз. Сама поэма «Теркин на том свете» была негласно запрещена и не переиздавалась до горбачевских времен.

Валентин Плучек: «Несмотря на поистине героическое сопротивление Александра Трифоновича, спектакль был запрещен. Потрясение, которое мы все пережили, невозможно до конца выразить словами, мы были потрясены и как граждане, но, прежде всего, как художники, на глазах у которых изничтожают их любимое произведение…

Наиболее важные „официальные лица“ из числа противников спектакля так и не видели его… Расправа над спектаклем и его авторами производится чужими руками. К этому привлекается пресса, организуются разнообразные комиссии, ревизующие все стороны деятельности театра… Газеты, особенно „Советская культура“, устроили театру настоящую травлю, комиссии и проверки шли одна за другой…

Наконец, в горкоме было созвано целое совещание, посвященное одному только вопросу: работа партийной организации театра… Как-то смягчить ситуацию, защитить театр

пытался лишь один человек — тогдашний начальник управления культуры Б. Е. Родионов… Театр уцелел, газетная кампания против него кончилась, комиссий больше не присылали. Я остался главным режиссером, но спектакль сохранить не удалось…»

Но Екатерина Алексеевна не была держимордой. Она действовала в меру своих представлений об искусстве. Помимо партийных установок часто руководствовалась личными симпатиями и антипатиями. Главный режиссер театра «Современник» Олег Николаевич Ефремов к пятидесятилетию Октябрьской революции поставил пьесу Михаила Филипповича Шатрова «Большевики». Цензура ее запретила. Министр культуры взяла на себя смелость разрешить спектакль.

Начальник Главлита Павел Константинович Романов 15 ноября 1967 года пожаловался в ЦК:

«В московском театре „Современник“ 7, 8 и 12 ноября с. г. была показана без оформления в Главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР премьера спектакля „Большевики“ (по пьесе М. Шатрова „Тридцатое августа“). Это — совершенно недопустимый и беспрецедентный случай нарушения установленного порядка, в соответствии с которым драматические произведения современных советских авторов могут показываться на сцене лишь после разрешения их текстов к постановке органами Главного управления по охране государственных тайн в печати.

Текст пьесы М. Шатрова „Тридцатое августа“ не был подписан нами для исполнения, так как содержал ряд существенных недостатков идейно-политического характера… Пьеса получила отрицательное заключение Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС…

Рассмотрение этого произведения показало, что в нем, например, допускалось искажение ряда мыслей В. И. Ленина… Вызывала также сомнение историческая достоверность и политическая оправданность введения в число действующих лиц пьесы таких персонажей, как Стеклов, Коллонтай, Крестинский, которые как до событий, изображаемых в пьесе, так и в последующем были в оппозиции к В. И. Ленину, выступали против политики партии по принципиальным вопросам, примыкали к различным антипартийным группировкам…

Главное управление не сочло возможным подписать пьесу к исполнению в представленном виде, о чем 5 ноября с. г. было сообщено заместителю министра культуры СССР т. Владыкину. Несмотря на это, 6 ноября в театре „Современник“ состоялся официальный прием спектакля „Большевики“ по пьесе М.

Шатрова „Тридцатое августа“. После просмотра спектакля руководство Министерства культуры дало согласие на постановку этой пьесы…»

Вокруг постановки шла серьезная борьба. Мнения разделились. Ревнители идеологической чистоты требовали запрещения спектакля, словно не видя, что спектакль оказался удачей для театра, идет на ура и делает для партийной пропаганды гораздо больше, чем пустые, но «правильные» пьесы.

Фурцева не испугалась и не отступила. Полгода — невиданное дело! — спектакль шел без разрешения цензуры. В зрительном зале «Современника» ни одного свободного места. 18 декабря 1967 года Екатерина Алексеевна в свою очередь обратилась в ЦК, причем в адрес цензуры она высказалась необычно резко:

«При решении вопроса о пьесе Шатрова „30 августа“ Министерство культуры исходило из того, что спектакль „Современника“, поставленный по этой пьесе, представляет собой в целом яркое и волнующее произведение театрального искусства на ленинскую тему… Премьера спектакля „Большевики“ состоялась 7 ноября 1967 года. С тех пор он прошел 9 раз, встречая горячий прием у самых различных кругов зрителей. Революционно-патриотическое звучание спектакля вызывает волнующий интерес, большой эмоциональный подъем в зрительном зале…

Претензии т. Романова к пьесе построены на вырванных из контекста отдельных фразах. Записка Главного управления вообще искаженно, предвзято освещает как содержание произведения, не раскрывая его существа, так и вопросы прохождения пьесы в органах цензуры.

Кроме того, в этих претензиях, что вообще характерно для практики Главного управления, полностью игнорируется то обстоятельство, что речь идет о художественном произведении, где большое значение имеет эмоциональное воздействие, изображение действительности в живых образах, в индивидуальных характерах. Пьеса находилась на рассмотрении в Главном управлении в общей сложности в течение трех месяцев, причем замечания его сотрудников носили противоречивый и некомпетентный характер…

Министерство культуры СССР считает необоснованным запрещение пьесы М. Шатрова органами цензуры и просит решить этот вопрос».

Дискуссия продолжалась долго. Автор Михаил Филиппович Шатров и режиссер-постановщик Олег Николаевич Ефремов какие-то замечания именитых партийных историков из Института

марксизма-ленинизма при ЦК КПСС приняли, кое-чем поступились, что-то изменили в тексте и театральном действии. Но спектакль был сохранен. Фурцева взяла верх. Последняя беседа состоялась в кабинете Демичева в мае 1968 года; беседовали втроем — сам Петр Нилович, Фурцева и Романов. Пьеса была разрешена.

На этом, впрочем, история спектакля не закончилась. Летом того же 1968 года Михаил Шатров и Олег Ефремов приехали в Болгарию, где на сцене софийского театра тоже поставили пьесу «Большевики».

Шестнадцатого августа 1968 года председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов доносил в ЦК, что «по полученным от болгарских друзей данным» московские гости «допустили идеологически вредные высказывания»:

«Выступая перед артистами театра, Шатров говорил, что „некоторые сочинения Ленина в нынешних их изданиях являются грубой фальсификацией истории революционного движения в России, так как все основные труды Ленина были подвергнуты переработке Сталиным… Сталин, — утверждал далее Шатров, — после смерти Ленина направил развитие социализма в СССР совсем по иному пути — пути больших жертв и лишений“. Много лестных слов Шатровым было сказано в адрес Троцкого. Ефремов, давая оценку пьесе, сказал, что „предлагаемая пьеса — современна и против нее могут выступать только те, кто сейчас у власти… Пьеса раскрывает правду истории“».

Разбираться поручили отделу культуры ЦК. Пришлось Фурцевой приглашать к себе в министерство Шатрова и Ефремова, объяснять им «необходимость более ответственного поведения за рубежом».

Сложнее всего Екатерине Алексеевне приходилось с театром на Таганке, где главным режиссером был Юрий Петрович Любимов. Он играл в театре имени Вахтангова, а в 1964 году не без участия Фурцевой получил собственный театр.

«На заре театра, — рассказывал поэт Андрей Вознесенский, — Ю. П. Любимов вместе с министром культуры Е. А. Фурцевой и ее приближенными, обходя здание, ввел ее в свой кабинет и показал на только что оштукатуренные стены:

— А здесь мы попросим расписываться известных людей…

Разрумянясь от шампанского, министр захлопала в сухие ладошки и обернулась ко мне:

— Ну, поэт, начните! Напишите нам экспромт!

Получив толстый фломастер, я написал поперек стены: „Все богини — как поганки перед бабами с Таганки!“

У Юрия Петровича вспыхнули искры в глазах. Министр

передернулась, молча развернулась и возмущенно удалилась. Надпись потом пытались смыть губкой, но она устояла. Впоследствии Фурцева приезжала запрещать „Кузькина“. Я тогда выступал против нее, в защиту спектакля, хотя даже вход в зал был строжайше запрещен — будто речь шла о водородной бомбе, а не о спектакле. Впрочем, сама Фурцева была незлым человеком — эпоха была такова».

Повесть Бориса Андреевича Можаева «Из жизни Федора Кузькина» опубликовал в 1966 году журнал «Новый мир». Сюжет был по советским временам крайне необычным: крестьянин-фронтовик по прозвищу Живой, желавший самостоятельности, выходит из колхоза…

Юрий Любимов взялся инсценировать повесть. Борис Можаев, член художественного совета театра на Таганке, сам написал пьесу «Живой» («Из жизни Федора Кузькина»). Он вывел тип, не характерный для советской драматургии. По описанию игравшего главную роль артиста Валерия Золотухина, герой пьесы Федор Кузькин — «божий человек, бесхитростный напрочь, острый на язычок, больше от характера занозистого, как Иванушка, не себя защитить, а народ и волю свою от мироедства».

«Незадолго до показа „Живого“, — вспоминал Любимов, — нас приняла Екатерина Алексеевна Фурцева. Была она не одна — вместе со своими заместителями. Беседа получилась горячая, основательная. В конце концов нам удалось убедить ее, что спектакль должен идти. Она махнула рукой: ну ладно уж, репетируйте. Сделаете — мы придем, посмотрим…

На сдачу спектакля в апреле 1969 года никто не пришел; вместо этого нас с Можаевым вызвали в Министерство культуры. Фурцева нас не приняла, а ее заместители без обиняков объявили, что спектакль никто не разрешал, на каком основании мы его предлагаем? Мы напомнили о предыдущей встрече у министра, на которой наши собеседники присутствовали. Глядя нам в глаза, они сказали, что ничего не помнят».

Началась битва за спектакль. Работу театра обсуждало большое начальство. Искусство стало жертвой большой политики.

«Все происходит от страха, — записал в дневнике Валерий Золотухин, — от страха повторения Чехословакии, от страха культурной революции по их подобию, от страха потерять теплые места, от страха просто вдруг, как бы чего не вышло… Цензура не дает возможности ничего делать стоящее, только розовое и зовущее вдаль…»

Попытка реформировать социализм, предпринятая в Чехословакии, напугала советских руководителей. 5 апреля 1968 года пленум ЦК компартии Чехословакии одобрил «Программу

действий КПЧ». Партия ставила перед собой задачу интенсифицировать экономические реформы. Радован Рихта придумал формулу — «социализм с человеческим лицом». Он включил ее в одну из речей, написанных для первого секретаря ЦК компартии Чехословакии Александра Дубчека, и она вошла в «Программу действий КПЧ». Эта привлекательная формула стала символом обновления, которое пытались осуществить Дубчек и его команда.

Дубчек никогда не сомневался в правоте социалистических идей, искренне отстаивал социалистические идеалы и был уверен, что его реформы служат социализму. Люди получили право свободно высказываться, исчезла цензура, и страна изменилась. Народ поверил Дубчеку. Впервые лидер компартии стал народным лидером. Даже люди, тихо ненавидевшие коммунистическую власть, поверили в нее. Выяснилось, что восемьдесят процентов населения поддерживают новую политику коммунистической партии и безоговорочно высказываются за социализм. От этого московских лидеров просто оторопь брала. А пражские лидеры считали, что они не делают ничего, что идет во вред советским интересам. Они отказались от всевластия компартии и говорили о возможности многопартийных и свободных выборов…

В Чехословакию ввели войска, а в Советском Союзе стали закручивать идеологические гайки.

«Секретарь горкома Шапошникова волнуется так, что кажется, будто плачет, — вспоминал Валерий Золотухин. — Даже жалко ее стало. „Товарищи! Я не готовилась выступать, но я не могу не ответить товарищу Любимову. Товарищ Любимов хорошо подготовился, видимо, долго готовился. Он умеет красиво говорить, он известный оратор“. (Сбивается, мелет чушь, топчет языком на месте, мысли тощие, еле поспевают за языком, опаздывают…)».

Против любимовского театра привели в действие все механизмы власти. Подключили Пролетарский райком столицы, на территории которого до ноября 1968 года находился театр.

«Адская машина закрутилась снова, — записал в дневнике Валерий Золотухин. — Вчера на райкоме решено просить МК и Управление культуры о снятии Любимова:

— Режиссер поставил себя вне критики, создал оппозиционный театр, постоянно заостряющий свое внимание на теневых сторонах нашей жизни, отрицающий и не подчиняющийся партийному руководству, противопоставляющий все прогрессивное (ученого, художника) властям, и это не частное заблуждение, а определенная тенденция из спектакля в

спектакль, генеральная линия — критика властей… Мы укрепим руководство художественное и партийное — в театр придут молодые, партийные артисты».

Первый секретарь Пролетарского райкома партии Петр Ильич Шабанов внушал режиссерам:

— Высоцкий — это морально опустившийся человек, разложившийся до самого дна. Я не рекомендую вам Высоцкого…

Смотреть спектакль «Живой» в театр приехала Екатерина Алексеевна Фурцева.

«Всех собрал шеф в зале, — записал в дневнике Валерий Золотухин, — как перед боем, такое всех охватывало волнение и озноб».

— Не ждите никакой реакции, — сказал артистам Любимов, — предупреждаю — будете играть как при пустом зале…

— Ну, неужели они не живые люди, ну хоть что-то, где-то должно их прошибить.

— Не надейтесь и не обольщайтесь, поверьте моему опыту… Юрий Любимов: «Вошла Екатерина Алексеевна, каракульчевое манто у нее с плеча свисает, свита из тридцати четырех человек. Из зала выставили всех, чтобы и мышь не проскользнула…»

Валерий Золотухин: «И грянул бой… Зал как будто вымер. Сорок человек живых сидит в зале, а мы играем будто для кресел…»

Юрий Любимов: «Едва кончился первый акт, Фурцева хлопнула ручкой и крикнула: автора — ко мне!

— Послушайте, дорогой мой, с этой условностью надо кончать!.. Нагородил черт знает что. Режиссера — сюда! Режиссер, как вы посмели поставить такую антисоветчину? Куда смотрела дирекция? А партком?.. Весь театр надо разгонять. В этом театре есть советская власть?.. Что это такое нам показывают? Это же ведь иностранцам никуда даже ездить не надо, а просто прийти сюда и посмотреть, вот они все и увидят…»

Валерий Золотухин: «И началось. Это безобразие, это неслыханная наглость. Нет, это не смелость, антисоветчина, ничем не прикрытая и т. д. Я сиганул наверх, быстро переодеваюсь, проверяю реквизит и бегу на начало второго акта, а в зале истерика Мадам. Я накрылся корзиной, слушаю и ушам не верю, чего говорят взрослые люди, в чем нас обвиняют… Был такой момент в ругани, когда казалось, что не хватает маленькой капли, чтобы Мадам хлопнула дверью и выскочила как ошпаренная со своею свитою из театра.

А в театре холод, ей принесли шубу. Слышу, она проворчала:

— Ну, давайте, досмотрим…»

После спектакля заговорил заместитель министра Григорий Иванович Владыкин — с истерикой в голосе:

— Мы давно нянчимся с товарищем Любимовым, стараемся всячески помочь ему, по-хорошему смотрим, советуем, спорим, ничего не помогает — товарищ Любимов упорно гнет свою линию, порочную линию оппозиционного театра. Против чего вы боретесь, товарищ Любимов?! Вы воспитали аполитичный коллектив, и этого вам никто не простит. Сегодняшний спектакль — это апофеоз всех тех вредных тенденций, которых товарищ Любимов придерживается в своем творчестве. Это вредный спектакль, в полном смысле — антисоветский, антипартийный…

Григорий Владыкин в 1940-е годы заведовал отделом художественной литературы в агитпропе ЦК партии. Он сам стал жертвой очередной идеологической кампании и потерял высокое кресло. В апреле 1950 года его бывшие коллеги по отделу пропаганды и агитации отправили секретарю ЦК Маленкову донос:

«Тов. Владыкин, освобожденный от работы в аппарате ЦК ВКП(б), сын крупного лесопромышленника, шельмовал людей, которые пытались бороться с космополитами, формалистами и эстетами в литературе. Владыкин приказал снять зав. сектором Гослитиздата как антисемита. По указанию т. Владыкина вышла в свет книга „Французский романтизм“ — книга антимарксистская, вредная, смакующая упадочные, пессимистические, антиреволюционные произведения французских аристократов».

Изгнание из ЦК, приклеивание ярлыков, вообще вся эта послевоенная история гнусных идеологических разносов, казалось бы, должны были чему-то научить, но, увы… Григорий Владыкин ведал в Министерстве культуры театрами и неуклонно проводил «партийную линию».

Валерий Золотухин подробно записал, что происходило дальше…

«— Я ехала, честное слово, с хорошими намерениями, — говорила Фурцева. — Мне хотелось как-то помочь, как-то уладить все… Но нет, я вижу, у нас ничего не получается! Вы абсолютно ни с чем не согласны и совершенно не воспринимаете наши слова.

Министр обратилась к автору пьесы Борису Можаеву:

— Дорогой мой! Вы еще ничего не сделали ни в литературе, ни в искусстве, ни в театре, вы еще ничего не сделали, чтобы так себя вести.

— Зачем вы так говорите, — вступился за автора Юрий Петрович Любимов, — это уважаемый писатель, один из любимых нами, зачем уж так огульно говорить об одном из лучших наших

писателей…

Можаев объяснял, что написал комедию, условие жанра — персонажи карикатурны, смешны…

— Какая же это комедия, это самая настоящая трагедия! — возразила Фурцева. — После этого люди будут выходить и говорить: „Да разве за такую жизнь мы кровь проливали, колхозы создавали, которые вы здесь подвергаете такому осмеянию“. А эти колхозы выдержали испытание временем, выстояли войну, разруху… Бригадир — пьяница, предрайисполкома — подлец… да какое он имеет право, будучи на партийной работе, так невнимательно относиться к людям… Я сама много лет была на партийной работе и знаю, что это такое, партийная работа требует отдачи всего сердца к людям…

— Вы были хорошим работником, а это работник другой…

— Спектакль этот не пойдет, — заключила Екатерина Алексеевна, — это очень вредный, неправильный спектакль.

Она обратилась к главному режиссеру:

— И вы, дорогой товарищ, задумайтесь, куда вы ведете свой театр… Даю вам слово, куда бы вы ни обратились, вплоть до самых высоких инстанций, вы поддержки нигде не найдете, будет только хуже — уверяю вас.

— Смотрели уважаемые люди, академики, — отстаивал спектакль Юрий Любимов. — У них точка зрения иная, они полностью приняли спектакль как спектакль советский, партийный и глубоко художественный.

— Не академики отвечают за искусство, а я…»

В оформлении декораций были использованы обложки журнала «Новый мир», и Фурцева в запале произнесла:

— Вы что, думаете, подняли «Новый мир» на березу и хотите далеко с ним ушагать?

А у Любимова с языка сорвалось:

— А вы что думаете, с вашим «Октябрем» далеко пойдете?

Екатерина Алексеевна не поняла, что Любимов имел в виду журнал «Октябрь», руководимый Всеволодом Анисимовичем Кочетовым. Потому что тогда было такое противостояние: «Новый мир» Твардовского и «Октябрь» Кочетова.

«А у нее сработало, — вспоминал Любимов, — что это я про Октябрьскую революцию сказал. И она сорвалась с места:

— Ах, вы так… Я сейчас же еду к генеральному секретарю и буду с ним разговаривать о вашем поведении. Это что такое… это до чего мы дошли.

И побежала… С ее плеч упало красивое большое каракульчовое манто. Кто-то подхватил его, и они исчезли…

С ними исчез спектакль „Живой“».

Все, кто работал над спектаклем, тяжело переживали запрет, во всем винили министра.

Валерий Золотухин: «Фурцева научилась у актеров ораторству, показушничеству Перед зеркалом училась, наверное, или Завадского привораживала, беря уроки тона у Марецкой. Переняла у Марецкой тон, интонации, штампы. Если бы не знал, что это Фурцева в зале разоряется, подумал бы на Веру Петровну — те же ласковые, придыхательные интонации, абсолютно та же эмоциональная вздрючка, граничащая с хамством, а потом опять истома в голосе — милые вы мои… Научилась, матушка, располагать к себе аудиторию домашностью, интимностью, всех за родных почитает, — и такая ласковая, такая добрая ко всем, упаси нас Бог от вашей доброты».

Двенадцатого марта 1969 года начальник Управления культуры исполкома Моссовета Борис Евгеньевич Родионов подписал приказ:

«Получился идейно порочный спектакль, искаженно показывающий жизнь советской деревни 50-х годов… Директору театра т. Дупаку Н. Л. и главному режиссеру т. Любимову Ю. П. исключить из репертуарного плана и прекратить работу над спектаклем по пьесе т. Можаева Б. А. „Живой“».

Спектакль был запрещен. Зрители увидели его только в 1989 году.

Судьба Юрия Петровича Любимова висела на волоске. Его собирались лишить театра. Но он поставил рвущий душу спектакль по повести писателя-фронтовика Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Спектакль вызвал восхищение и — главное — понравился генеральному секретарю ЦК КПСС. Положение главного режиссера театра на Таганке упрочилось.

Пятого февраля 1971 года в Завидове обсуждался проект доклада Брежнева на XXIV съезде партии. Чуть ли не все участники совещания призывали закручивать гайки. Леонид Ильич Брежнев оказался самым либеральным:

— Вы помните, что Горький, будучи в эмиграции, заблуждался, ошибался, Алексей Толстой — тоже. Но если у человека есть большой настоящий талант, он может дать обществу хорошую отдачу, он заслуживает того, чтобы с ним повозились. Возьмите театр на Таганке. Его режиссер товарищ Любимов один раз сорвался, второй раз сорвался, а сейчас поставил великолепный патриотический спектакль «А зори здесь тихие». А такой писатель, как Симонов, который тоже не лишен ошибок, но как он чувствовал многие вещи, какое желание появилось у него работать. Роберт Рождественский — прекрасный парень. Их шпыняли, шпыняли, но надо подсказывать им, что

делать, чтобы они не стояли в стороне от большого партийного дела, а чувствовали себя участниками…

Спектакль «А зори здесь тихие» (который поначалу кляли как пацифистский) в 1971 году был выдвинут на Государственную премию. Любимов считал, что Фурцева настроена против него, мешает ему получить премию.

«Катерина Алексеевна, — пишет Любимов, — объехала всех, чтоб они не проголосовали за меня. И кто-то болел, и она ездила и говорила:

— Нельзя этому человеку давать, он не заслужил, у него столько ошибок. Пусть работает, исправляет ошибки, успеет получить.

И когда я узнал, что она проявила такую активность, я сказал, когда она меня вызвала:

— Я вам благодарен, что вы проявили такую заботу обо мне. Она говорит:

— Какую заботу?

— Да ведь мне и не надо, у меня Сталинская премия есть. Но она перевела разговор на другое».

Запрещение спектакля «Живой» не было личной инициативой министра. Идеологическая ситуация в стране, атмосфера запретов практически ставили крест на всем, что казалось опасным отступлением от генеральной линии. Большинство решений принималось в тиши кабинетов, советская власть была анонимной. Фурцева же в силу должности оказалась на авансцене, и о запретах объявлять приходилось ей самой.

Даже председатель КГБ Андропов вовсе не хотел войти в историю душителем свободы, поэтому распространялись слухи о том, что Юрий Владимирович в душе либерал и покровитель искусств.

— Из ЦК пришло представление на награждение орденами группы актеров и режиссеров, — вспоминал его помощник Игорь Елисеевич Синицын. — В списке был и Юрий Петрович Любимов. Андропов написал против его фамилии — «нет». Я удивился и говорю: «Юрий Владимирович, ведь сразу же станет известно, что именно вы вычеркнули Любимова». Он сразу же зачеркнул свое «нет» и написал: «согласен».

По словам бывшего сотрудника Андропова Александра Евгеньевича Бовина, Юрий Владимирович искусством почти не интересовался: «Ни в театрах, ни в концертах Андропов замечен не был. И джазом, о чем иногда пишут, не увлекался. Никаких языков, кроме русского, не знал».

«В театр он не ходил, — подтвердил бывший начальник его секретариата Владимир Александрович Крючков, — так как

считал, что это потеря времени. Зато прочитывал все пьесы, которые шли, „а как, говорит, они ставят, — это я домыслю“».

Однажды работник ЦК Георгий Хосроевич Шахназаров привел к Андропову Юрия Любимова, у которого постоянно возникали проблемы с идеологическим начальством. Андропов не прочь был познакомиться с режиссером, о котором все говорили. Беседа оказалась плодотворной. Юрий Владимирович обещал Юрию Петровичу помочь, даже с кем-то переговорил и сказал Шахназарову:

— Его оставят в покое, если Таганка тоже будет вести себя более сдержанно, не бунтовать народ и не провоцировать власть.

Но у Любимова тут же возникли новые проблемы, и Шахназаров опять привел его к Андропову. На сей раз разговор не получился. Юрий Владимирович, похоже, обиделся на своего сотрудника — зачем его втравливают в такие опасные дела? В ЦК не полагалось влезать в чужую епархию. За этим в аппарате следили.

Георгий Шахназаров, в ту пору заместитель заведующего отделом ЦК, вспоминал, как ему позвонила министр культуры. Властный женский голос спросил:

— Это товарищ Шахназаров?

— Да, Екатерина Алексеевна, — не узнать министра было невозможно.

— Вы проталкивали пластинку с песнями Высоцкого? — Да.

— Зачем вы это делали?

— Потому что это талантливый человек, которого зажимают, ему надо дать дорогу.

— Так вот, не вмешивайтесь не в свои дела.

— Как ответственный работник ЦК считаю, мне до всего есть дело.

— Я вас предупредила. Будете продолжать — вылетите! — и повесила трубку

Московский Художественный театр был предметом особого внимания министра культуры. Гордость отечественной сцены, театр с мировой славой переживал не лучшие времена. Летом 1970 года мхатовские старики собрались на квартире Михаила Михайловича Яншина и договорились просить Фурцеву назначить главным режиссером Олега Николаевича Ефремова, который сделал театр «Современник» одним из лучших в стране.

Седьмого сентября министр культуры приехала в театр представлять Олега Николаевича. Его встретили аплодисментами. Фурцева прочитала письмо коллектива «Современника»: «Мы отдали вам самое дорогое, что имели…»

Выступила Алла Константиновна Тарасова:

— Сегодня — исторический день нашего всеми любимого Художественного театра. В наш коллектив, в нашу семью входит Олег Николаевич Ефремов. Ему сорок три года, и это прекрасно! Это расцвет. И то, что мы, старшее поколение, целиком, сразу выставили эту фамилию, этого человека, я считаю, мы это сделали правильно… Мне хочется его поздравить с такой большой честью — быть руководителем Московского Художественного театра… Екатерина Алексеевна правильно сказала, что Художественный театр должен быть вышкой, а сейчас он не вышка, и правильно, что нас ругают на заседаниях и что многие лучше нас. Но подняться гораздо труднее, чем упасть… Я очень рада, что встречаю здесь этого худенького молодого человека, но я знаю, что он очень крепкий… Счастливого вам творческого пути, дорогой Олег Николаевич!

Ефремов предложил начать творческий сезон с пьесы любимого им Александра Володина. Через двадцать минут в нижнем фойе Олег Николаевич уже читал его новую пьесу. Все были в восторге от его чтения.

Фурцева очень благоволила Олегу Ефремову. Но это не значит, что ему дозволялось все. И не только по идеологическим соображениям. Это не были столкновения ангелов с силами зла. Профессионалы пытались работать лучше, но система была такова, что в интересах Фурцевой было запретить, а не разрешить, потому что за удачный спектакль похвала достанется режиссеру или артисту. А за «ошибки» отвечать придется ей.

Известный драматург Леонид Генрихович Зорин написал пьесу о Пушкине — «Медная бабушка». Сюжет необычный: великий поэт пытается продать статую императрицы Екатерины II, чтобы избавиться от безденежья. Пьеса понравилась Олегу Ефремову. Ставил он ее вместе с Михаилом Козаковым. На роль Пушкина пригласили Ролана Быкова, только что темпераментно сыгравшего в фильме «Женитьба Бальзаминова».

«Он специально похудел для роли, — вспоминал Козаков. — В гриме был похож невероятно. Рост, пластика, живость игры, ролановская парадоксальность, юмор давали основания надеяться, что он сыграет сцены, эпизоды, диалоги одного года пушкинской жизни. Сыграть Пушкина — нельзя, невозможно, однако Ролан сумел понравиться пушкинистам (и каким!), а они, пушкинисты, в отношении всего того, что касается Александра Сергеевича, строги чрезвычайно».

Ролан Быков очень серьезно готовился, читал Пушкина и о Пушкине. И он совершил то, что представлялось немыслимым, — сыграл гения русской литературы. Знатоки поэзии поверили в

него, увидели в нем поэта, восхитились его игрой. Но Быкова не увидели в роли Пушкина министерские чиновники и мхатовские «старики». Они просто его не поняли. Они не приняли исполнения национального героя актером негероического облика, хотя в гриме Быков был невероятно похож на реального Пушкина.

Один из пушкинистов, приглашенных на обсуждение спектакля, Натан Яковлевич Эйдельман записал в дневнике 9 марта 1972 года: «В пустых коридорах МХАТ бродит Зорин — решается судьба „Медной бабушки“: мы эксперты. В кабинете О. Н. Ефремов — милый, обаятельный — звонит зам. министра Воронкову — другу пьесы: тот болен, а из-за него перенесли на два дня, чтобы не был один Иванов, начальник главка. Ефремов жалуется: думал, что лучше быть в таком важном театре, где над тобой одно начальство — нет, лучше, когда много…»

Константин Васильевич Воронков в 1958–1970 годах был секретарем правления Союза писателей СССР по организационно-творческим вопросам. Эту должность занимали когда-то и Александр Щербаков, будущий секретарь ЦК, и Дмитрий Поликарпов, будущий заведующий отделом культуры ЦК. Без преувеличения — важнейший пост в литературно-политическом пейзаже. Воронков был бдительным и верноподданным чиновником, крутым, но внешне вполне респектабельным, таким запомнила его поэтесса Римма Казакова. И его сделали заместителем Фурцевой. В Союз писателей после долгих консультаций и размышлений прислали недавнего заведующего отделом культуры МГК КПСС Юрия Николаевича Верченко, человека доброжелательного и обаятельного, умело ладившего с поэтами, прозаиками, драматургами… А Константин Воронков (не зря же он столько лет руководил писателями) соорудил сценическую композицию по поэме Твардовского «Василий Теркин», ее поставил в 1961 году театр имени Моссовета.

«Ролан Быков волнуется, — записал в дневнике Эйдельман. — Пьеса идет на „ура“ — смех etc. Затем обсуждение. В громадном кабинете — сначала мы все умело хвалим — „есть положительные результаты“. Затем — Степанова, злая как ведьма, пренебрежительно, нехорошо об актере (Быкове) — маленький etc… Спекулируют на скованности, нерешительности Быкова — и тут же уходят — им надо на вечерний спектакль. После этого „поименное голосование“: вся молодежь за Быкова, все старики — что не тот, не обаятелен…»

«Старикам» не нравился негероический облик Ролана Быкова.

— Вот я, — возмущенно говорила Алла Тарасова, — если бы я, скажем, увидела Пушкина, я бы сразу в него влюбилась…

— Вы бы, Алла Константиновна, — не выдержал Козаков, —

влюбились бы в Дантеса.

Начальник Управления театров Георгий Александрович Иванов был недоволен пьесой Леонида Зорина.

Эйдельман: «Иванов говорил, что читал пьесу два-три раза, но его замечания не учтены, что в пьесе нет драматургии, и его берут измором — что надо говорить о пьесе (и режиссере): дескать, Зорин и Ефремов виноваты в плохом Быкове…»

Зорин: «Я поставил двадцать пьес, десять кинофильмов, обо мне пишут диссертации — и вот дожил: нету драматургии. Если „Медная бабушка“ не будет иметь успеха, я торжественно обещаю бросить перо… Я — за Быкова…»

На другой день утром приехала Фурцева с двумя замами. Автора пьесы на обсуждение не пустили.

— А вы куда? — остановила его Екатерина Алексеевна. — Нет, вам туда не следует. Мы театральные дела обсудим.

Растерянный Зорин ушел.

Фурцева отвергла Ролана Быкова как исполнителя роли Пушкина:

— Это урод! Товарищи дорогие, он же просто урод! Никто не смог ее переубедить.

— А пушкинисты, — сказала Фурцева, — пусть занимаются своим делом…

Она повернулась к ветеранам МХАТа:

— Товарищи старейшины, я вами недовольна (испуг, заметил Эйдельман). Вы мало критикуете ваших молодых руководителей (облегчение).

Но Олега Николаевича Ефремова министр в обиду не дала.

«Ефремов есть Ефремов, — записал впечатления от ее слов Михаил Козаков, — и он у нас один талантливый, молодой, мы в него верим».

Пытаясь спасти спектакль, Ефремов пообещал сам сыграть Пушкина. Но Фурцевой нужен был другой спектакль на современную тему — по пьесе Геннадия Кузьмича Бокарева «Сталевары». Ролан Быков не сыграл роли, для которой был создан; чудо погибло, заключил один из пушкинистов, который видел черновой прогон спектакля. Михаил Козаков покинул МХАТ. «Сталевары» были поставлены и имели успех. В октябре 1973 года Екатерина Алексеевна Фурцева открыла новое здание Московского Художественного театра на Тверском бульваре, где через год с ней будут прощаться.

Глава десятая
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

Как же все это случилось? Почему пошли разговоры о том, что Екатерину Алексеевну Фурцеву убирают с поста министра, что ждет ее безрадостная пенсионная жизнь — и, может быть, даже одинокая старость, поскольку рушилась не только ее политическая карьера, но и отношения с мужем?

Рассказывают, будто в разгар важного совещания в кабинет Фурцевой вошел человек в полувоенной форме, срезал белый телефон правительственной связи и удалился. Все всё поняли и на цыпочках покинули кабинет министра культуры. Она поехала домой и вновь вскрыла себе вены… Но это байка. Так дела не делаются. Телефоны не срезали даже у снятых начальников, в крайнем случае отключали. Тем более что аппаратов правительственной связи союзному министру полагалось несколько.

Известны, конечно, случаи, когда ни о чем не подозревавший министр получал пакет, привезенный фельдъегерем, вскрывал его и обнаруживал указ президиума Верховного Совета СССР об освобождении от должности. Но в отставку Екатерину Алексеевну не отправляли. Не успели. Она ушла из жизни. И по сей день никто не берется ответить, как именно она умерла. Не было ли это самоубийством?

Ни по возрасту, ни по настроению она вовсе не собиралась уходить. Наверное, даже представить не могла себя на пенсионном покое. Но, похоже, ее министерские дни были сочтены. И рассчитывать на милосердие товарищей по партии ей не приходилось. В политическом мире нет настоящих человеческих отношений.

Говорят, что с ней тяжело было работать, что она и сама могла быть жестокой и беспощадной. Привыкла к роли вершителя судеб и к власти над людьми. Странно, что ее не окрестили «железной леди». Хотя… само это понятие родилось позже, уже после ухода Фурцевой из жизни. Да она и не была железной! Для человека с ее политической карьерой она была, пожалуй, чересчур чувствительной.

«Все в ней было перемешано густо, — писал драматург Леонид Зорин, — с какой-то отчаянной расточительностью — благожелательность и застегнутость, вздорность со склонностью к истеричности и неожиданная сердобольность, зашоренность и вместе с тем способность к естественному сопереживанию,

подозрительность и взрыв откровенности…

Страстность, порывистость, женская сила и — безусловная нереализованность, было ясно, что жизнь ее несчастлива, в ней существует печальная тайна, что-то отторгнуто и отрезано. Но прежде всего, но над всем остальным — неукротимое честолюбие. Оно-то ее и погубило, она не смогла пережить опалы…»

В ней были природное обаяние, решительность, готовность сказать не только «нет» (что характерно для чиновников), но и «да». В ее искренности мало кто сомневался. Драматург Самуил Алешин вспоминал, как только что назначенная министром культуры Фурцева впервые беседовала с писателями, сочинявшими для театра.

— Не понимаю я вас, драматургов! — наивно недоумевала Екатерина Алексеевна. — Что вам надо? Вот недавно я была на ткацкой фабрике. Видела одну ткачиху. Она получила орден Ленина за тридцать лет беспорочной службы. И за все эти тридцать лет ни одного конфликта! Вот о чем надо пьесы писать. А вам все какие-то конфликты нужны! Ну зачем?

«И она, искренне недоумевая, начала поправлять свои золотистые роскошные волосы. Так как при этом ее стройная фигурка очень славно изогнулась, а бюст дразняще приподнялся, то Фурцева, наверное, сочла, что убедила нас как словесно, так и визуально. Очевидно в тех партийных кругах, откуда она к нам произросла, такие аргументы, особенно визуальный, действовали безотказно. Неотразимо».

Постепенно она прониклась интересами театра и, шире говоря, искусства, чаще брала сторону не чиновников, а людей творческих. К ней можно было прийти, поговорить по душам, и она была готова выслушать, понять и помочь. И защитить.

Фурцева в 1963 году обратилась в Крымский обком компартии Украины с просьбой не сносить в Севастополе Владимирский собор, потому что это прежде всего памятник героизма народа, проявленного при обороне города. А ведь именно в Крыму комсомольский работник Фурцева когда-то активно боролась с религиозными предрассудками, и крымский комсомол участвовал в закрытии храмов и мечетей. Она менялась, и менялась к лучшему.

«Екатерина Алексеевна была очень приветливой, хотя и не всегда ровной, — рассказывала Нами Микоян. — Я работала в журнале „Советская музыка“, входила в эстрадный совет при министерстве. Как-то она назначила встречу с советом. В зале сидели видные эстрадные артисты, музыканты. Вошла Екатерина Алексеевна, встала перед собравшимися, улыбнулась своей

полугрустной улыбкой (так улыбались актрисы Вера Марецкая и Валентина Серова), изящным движением руки как бы поправила волнистые волосы и тихо сказала:

— Здесь собрались такие высокие мастера. Что я, простая женщина, не знающая искусства, могу вам сказать? Я прошу говорить вас самих.

Все подскочили в восторге, аплодируя ей, — люди искусства, они оценили и манеры, и слова, и ее облик.

У Екатерины Алексеевны были интуиция и смелость. Во что-то поверив, она могла драться до конца с коллегами, членами правительства, Брежневым… Она была и резкой, вспыльчивой, могла накричать. Помню случаи с Арамом Хачатуряном, с Родионом Щедриным. Через несколько дней извинялась…

Она загорелась новой работой — при ней начались конкурсы имени Чайковского, первый кинофестиваль в кинозале „Россия“. Ее интуиция подсказывала ей, что композитора Шостаковича в министерство „вызывать“ неправильно, и она, созвонившись с ним, обычно навещала по деловым вопросам его дома».

Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, разумеется, высоко ценили и старались не беспокоить, но когда он положил слова стихотворения Евгения Евтушенко «Бабий Яр» в основу симфонии № 13, антисемиты взвились. По предложению идеологического отдела секретариат ЦК постановил: «…ограничить исполнение симфонии № 13». И Министерство культуры следило, чтобы симфонию не исполняли.

Народный артист СССР профессор Юрий Иванович Симонов стал самым молодым главным режиссером Большого театра. У него остались наилучшие воспоминания о министре культуры.

— Когда жива была Екатерина Алексеевна Фурцева, — рассказывал он «Независимой газете», — можно было в особо сложных ситуациях прийти с ней посоветоваться; в тот золотой период большинство моих творческих намерений у министра находило понимание и поддержку. Но после ее смерти мне частенько приходилось самому обращаться в инстанции, когда требовалось, скажем, защитить испачканного анонимкой музыканта еврейской национальности. Или подтолкнуть где-то «случайно затерявшееся» ходатайство на присвоение звания талантливому солисту оперы…

Екатерина Фурцева всегда очень хорошо выглядела, следила за собой. Делала гимнастику, научилась играть в теннис (тогда еще не такой модный), регулярно бывала в сауне. Пила кофе без сахара. Рассказывают, что, узнав о французском препарате «градицин» (для похудания), она его раздобыла и принимала, несмотря на побочный эффект — головокружения.

«Прекрасная фигура подчеркнута элегантным строгим платьем, — вспоминала Нами Микоян. — Русые волосы волнисто обрамляли лоб, высокий шиньон возвышался на затылке. (Эту прическу потом делали многие работавшие в номенклатуре „дамы“, из-за чего их, посмеиваясь, называли „Фурцева для бедных“.)

Екатерина Алексеевна всегда была подтянута, строго, со вкусом одета, красиво причесана. Около ее рабочего кабинета находилась маленькая комната, где стоял шкаф с ее платьями и со всем, что необходимо для вечерних мероприятий».

Хорошо одеться даже министру было непросто. Конечно, ее обслуживало ателье Управления делами Совета министров, но ей хотелось выглядеть оригинально. Не забывала, что она — единственная женщина-министр в стране. А купить что-то было так трудно!

«Вся пушнина шла на экспорт, — рассказывал Михаил Сергеевич Соломенцев, в те годы председатель Совета министров РСФСР. — Я поставил перед Косыгиным вопрос о том, чтобы половина производимой пушнины оставалась в республике для удовлетворения потребностей населения. Вопрос не простой. Косыгин думал над ним и с кем-то наверняка обсуждал. Я настойчиво убеждал Косыгина в том, что наступила пора, когда женщины России тоже хотят носить меховые воротники, головные уборы и горжетки из красивого меха. Многие уже подумывают и о приобретении шуб из российского меха… Под большим давлением Косыгин принял решение оставлять в распоряжении России четверть от проданного государству меха…»

Конечно, красивые вещи везли из-за границы. Кое-что Екатерине Алексеевне привозил муж. Но ведь надо выбрать, примерить… Мужчина этим заниматься не станет…

Коррупция в брежневские времена приняла широчайший размах, поскольку вся жизнь человека зависела от армии чиновников. Сегодня размер тогдашних взяток кажется смехотворным, но ведь и уровень жизни был иным. Поездки за границу имели прежде всего экономический смысл — можно было купить то, чего на территории Советского Союза вовсе не существовало.

Министр Фурцева, по словам певицы Галины Вишневской, охотно принимала подношения от артистов: «Предпочитала брать валютой, что могу засвидетельствовать сама: в Париже, во время гастролей Большого театра в 1969 году, положила ей в руку четыреста долларов — весь мой гонорар за сорок дней гастролей, так как получала, как и все артисты театра, десять долларов в день.

Просто дала ей взятку, чтобы выпускали меня за границу по моим же контрактам (а то ведь бывало и так: контракт мой, а едет по нему другая певица). Я от волнения вся испариной покрылась, но она спокойно, привычно взяла и сказала:

— Спасибо…»

Впрочем, известны и другие истории.

Солист Киевского театра оперы и балеты народный артист СССР Дмитрий Михайлович Гнатюк рассказывал журналистам, что должен был лететь в Австралию и Новую Зеландию, а решения о поездке все не было. Он приехал в Москву и в большом волнении долго ждал. Уже пора мчаться в аэропорт «Шереметьево», а заграничного паспорта ему так и не выдали. В растерянности позвонил Фурцевой:

— У меня тридцать семь концертов, а визы все нет.

— Все у тебя есть, — успокоила певца Фурцева. — Сейчас за тобой приедет машина.

Дмитрий Гнатюк жил в гостинице «Москва». Ему тут же перезвонили:

— Вы едете.

Он еле успел на самолет. Возвращаясь из очередной поездки, Дмитрий Гнатюк купил министру французские духи — «Шанель № 5» за пятьдесят долларов. Фурцева духи взяла, но строго заметила:

— Дима, я этого не люблю.

Гнатюк улыбнулся:

— В следующий раз буду знать, но сейчас, пожалуйста, примите от всего сердца.

Фурцева поехала на Каннский кинофестиваль. Она со многими познакомилась во Франции. И подружилась с Надей Ходасевич-Леже, русской женщиной, вдовой близкого к коммунистам французского художника Фернана Леже.

«Мама влюбилась во Францию, — рассказывала Светлана Фурцева. — Смеялась, что просто не может отступить от русской традиции — поклоняться всему французскому. Надя подсказала ей, где одеваться. У мамы теперь появились вещи от Ланвена, да и духи „Арпеж“ очень ей подходили».

Проблема же была не в том, чтобы выяснить адреса модных магазинов и названия косметических фирм, а в том, чтобы все это купить! Денег у Фурцевой не было. Даже союзному министру полагались сравнительно небольшие командировочные. На помощь пришли щедрые подруги. Практичная Надя Л еже не приезжала в Москву с пустыми руками.

«Надиными стараниями, — вспоминала Галина Ерофеева, жена известного советского дипломата, — Фурцева стала

появляться на приемах в вечерних туалетах от парижских кутюрье со всеми соответствующими туалетам аксессуарами и выглядела ослепительно, о чем могу свидетельствовать лично.

Кинорежиссер Сергей Иосифович Юткевич не без возмущения и со злой иронией рассказал нам, как Надя привезла ему на вокзал к отходу поезда огромный чемодан, а на его недоуменный вопрос о причине его неподъемной тяжести объяснила, что Екатерина Алексеевна обставляет новую квартиру и ей нужны занавеси на окна и соответствующая обивка».

Надя Леже получила квартиру в Москве и возможность построить дачу в писательском поселке Переделкино, которая стала достопримечательностью. Пока шла стройка, охранявшие дачу люди охотно разрешали желающим посмотреть, каким может быть загородный дом. Тогда это было в диковинку.

Благодаря умению Екатерины Алексеевны дружить Третьяковская галерея получила картины из коллекции покинувшего Россию в Гражданскую войну художника Савелия Абрамовича Сорина, ученика Ильи Репина. Савелий Сорин, известный живописец-портретист, рисовал знаменитых европейцев. Его вдова Анна Степановна сблизилась с министром культуры и привезла в Россию не только работы покойного мужа, но и рисунки Александра Николаевича Бенуа, который с 1926 года жил во Франции. Надя Леже тоже много дарила. Выходец из Витебска Марк Шагал передал Пушкинскому музею семьдесят пять своих литографий…

Заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов записал в дневнике впечатления о завтраке у посла ГДР в Москве, на котором присутствовала Екатерина Алексеевна: «Фурцева была на этот раз и проще, и понятнее. Как видно, среди буржуазной публики она уплощается и становится полупустой. Правда, глубиной своих понятий она поражает столь же часто, как и прежде».

Когда в Москву приехал шах Ирана вместе с шахиней, ему устроили пышный прием. «Был момент, — записал в дневнике Владимир Семенов, — когда шах уселся за главный стол, наши заняли боковые столики, а шахиня осталась одна с Фирюбиным, пока наши протоколисты не сообразили пригласить императрицу за отдельный женский стол. Вышло вроде хорошо, получилось интимней. Потом Фурцева, Зыкина (певица) и другие устроили пение песен, пляску, плясал и Полянский. Все собрались вокруг…»

Екатерина Алексеевна всю жизнь провела на руководящих должностях, но не обрела вальяжно-начальнических манер.

«Ничего в ней не было служебного — ни в одежде, ни в

походке, ни в манере разговора, — рассказывал драматург Виктор Розов. — Она умела быть и удивительно домашней, и деловой до сухости, и яростной до безудержности, но при всем этом оставаться нормальным человеком. Была у нее и одна слабость: она не любила мужчин, которые видели в ней только чиновника. Бабьим чутьем она ощущала, для кого она только руководящая единица, а для кого сверх того и женщина. Лично мне эта черта в ней нравилась. В самом деле, нельзя же разговаривать даже с министром, не учитывая того, что министр — женщина. По-моему, для любой женщины это оскорбительно…»

Фурцева была главным гостем на юбилейном вечере президента Академии художеств Николая Васильевича Томского. Произнесла тост:

— Дорогой Николай Васильевич! Правда ли, что мы тут празднуем твое семидесятилетие? Что-то мне не верится. Помнишь, как обнял меня однажды по случаю, — не то что ребра, все косточки затрещали. Ну-ка, обними Фурцеву еще разок и покрепче, и я скажу, семьдесят тебе или обманываешь.

Томский крепко обнял Екатерину Алексеевну, и она громко сказала:

— Есть еще порох в пороховницах.

Зал весело смеялся.

Однажды, по словам писателя Андрея Яхонтова, Екатерина Алексеевна вызвала к себе солиста Большого театра Зураба Анджапаридзе:

— У тебя любовь с Галиной? Заканчивай. Потому что ее муж в неистовстве. Хочет разводиться. Может совершить бог знает какие поступки. А мы хотим его сохранить. Если совсем не можешь без служебных романов, ищи Галине замену.

— Ей нет равных, — ответил известный серцеед. И, подумав, добавил: — Если только вы…

Фурцева дала ему пощечину. Он встал и пошел к двери. Когда он уже взялся за ручку двери, Екатерина Алексеевна его окликнула:

— Зураб!

Он оглянулся.

— Я подумаю, — сказала Фурцева.

Анджапаридзе оценил способность министра и женщины снять неловкость дурацкой сцены.

Женщины в министерстве не без зависти шептались, что Фурцева сделала пластическую операцию (что было тогда редкостью) и сразу улетела в Сочи. Когда вернулась загоревшая и отдохнувшая, никто и не заметил, что она преобразилась с помощью медицины. Уже не в юном возрасте Екатерина

Алексеевна продолжала волновать мужское воображение. Ее указания помощники исполняли с воодушевлением.

Фурцевой всегда хотелось доказать, что ей под силу всё, на что способны мужчины. Она умудрялась выглядеть одновременно женственной и сильной. Ей, возможно, нравилось унижать мужчин и утверждать естественное превосходство женщин. Общество восхищалось ее силой, но жаждало увидеть следы тщательно скрываемой женской слабости.

«Однажды с подачи ее помощника, — рассказывал член редколлегии газеты „Советская культура“ Владимир Разумный, — подготовил каркас выступления Е. А. Фурцевой перед театральной общественностью столицы. Поздно вечером по ее просьбе, переданной одной из ее верных, более — откровенно влюбленных в нее помощниц, приехал в Министерство культуры, где огнями светился лишь ее кабинет. Она быстро вошла, явно усталая после какой-то отнюдь не приятной беседы в соседнем помещении ЦК КПСС, и сразу же приступила к импровизационному проговариванию тезисов будущего доклада, демонстрируя и обширную эрудицию, и афористичность мышления. А я же в это время смотрел на нее с чисто мужским восхищением, ибо все в ней было ладно, изящно, захватывающе-женственно. Вот здесь-то и понял, что мутный поток нелюбви к неординарным, талантливым индивидуальностям у нас в подсознании усиливается столь же исконным, глубинным, мещанским неприятием женщины-лидера…»

Наиль Биккенин, который заведовал в отделе пропаганды ЦК сектором журналов, вспоминал, как ему позвонила министр культуры:

«Екатерина Алексеевна просила за журнал „Советский балет“, но аккуратно. Я оценил ее аппаратную воспитанность. Она производила на меня впечатление как женщина. Однажды я увидел ее в Кремле. Она обратила внимание, что я смотрю на ее красивые ноги, и изменила ракурс, чтобы они предстали в более выгодном свете».

«Трудное дело — в России ведать искусством и его жрецами, — пишет Михаил Козаков. — Посочувствуешь. А каково женщине на этом посту? Да еще хорошенькой женщине, ладно скроенной, блондинке в черном пиджачке в талию, с голубыми глазками и вздернутым носиком?»

Молодой Олег Ефремов пытался поцеловать ей руку. Екатерина Алексеевна, только-только вступившая в министерскую должность, вспыхнула, как маков цвет, и отдернула руку:

— Что вы, товарищ Ефремов! Это ни к чему, ни к чему

Со временем, освоившись в министерском кресле, она стала

свободнее, раскованнее.

«Фурцева была не только министром, — пишет искусствовед Анатолий Смелянский в своей книге об Олеге Ефремове. — Она была женщиной. И Ефремов ей нравился. Она позволяла себе невиданные вещи: могла, например, будучи навеселе, кокетливо приподнять юбку выше колена и спросить:

— Олег, ну скажи, у меня неплохие ноги?»

Лауреат Ленинской и Государственной премий скульптор Лев Ефимович Кербель, который поставит памятник на могиле министра культуры СССР, рассказывал Светлане Фурцевой о ее матери:

— Сидим мы на коллегии. Она на сцене, мы в зале. Она что-то говорит, а я смотрю на нее и думаю: откуда же у нее такие щиколотки? Пишут же — дочь крестьянки.

Екатерина Фурцева дружила с певицей Людмилой Георгиевной Зыкиной. Уверяли, что на даче у певицы министр крепко выпивала.

— Все мы не без греха, — отвечала Зыкина. — Но могу сказать одно: Фурцеву часто вынуждали выпивать, ее просто спаивали. То и дело на приемах, на разных мероприятиях подходили артисты с бокалами, каждый считал за честь представиться, выпить вместе.

За столом, когда спрашивали, что ей налить, Екатерина Алексеевна отвечала одинаково:

— Я всегда с мужчинами, я пью водку.

Михаил Козаков описал, как отмечали присуждение государственных премий за спектакли театра «Современник». Обмывали лауреатские значки в ресторане «Пекин», устроили банкет на сто с лишним человек. Пригласили друзей из цыганского театра «Ромэн». От Николая Сличенко потребовали спеть величальную.

«Тот ставит на поднос рюмку водки, — рассказывал Козаков, — и под аккомпанемент гитар выводит: „Чарочка моя серебряная, на золото блюдце поставленная… Кому чару пить, кому здраву быть? Чару пить… Екатерине свет Алексеевне!“ И с этими словами подносит чашу Екатерине Алексеевне Фурцевой, которая, нарушив суровую табель о рангах, пришла на этот неофициальный банкет. „Пей до дна, пей до дна, пей до дна!“ Выпила министр до дна, не поморщилась. Аплодисменты! Поздравила театр с праздником — и опять до дна. Аплодисменты, разумеется, пуще…»

Злые языки уверяли, что министра под белы руки до машины проводили артисты, которые сами-то на ногах не держались…

С годами, когда жизнь перестала ладиться, она стала

злоупотреблять горячительными напитками. Говорили, что пить она не умела, быстро пьянела. Вечерами у нее в министерстве собиралось ближайшее окружение. Оно охотно составляло ей компанию, а заодно выпрашивало у министра то, что было нужно.

Людмила Зыкина все это отрицала:

— Когда Фурцева была со мной, я стопроцентно могла гарантировать: она никогда не будет пьяной. Потому что я всегда вместо водки наливала в рюмку воду.

В 1972 году умерла мать Фурцевой, Матрена Николаевна, у которой министр по струнке ходила. Для Екатерины Алексеевны это был удар. Она зависела от матери, нуждалась в ее постоянном одобрении. Вместе с тем ей никогда не удавалось добиться полного одобрения — все время она должна была еще что-то сделать…

Говорят, что девушки выходят замуж за своих отцов, то есть инстинктивно ищут мужчину с привычными чертами характера. Фурцева же, пожалуй, вышла замуж за свою мать! Мать заставляла ее жить в бешеном темпе: не позволяй себе отдыхать и расслабляться, двигайся от хорошего к лучшему.

Точно так же строились ее отношения с мужем. Она нуждалась в его расположении. Уловить это было нетрудно. Она попала в психологическую зависимость от мужа. Понимала умом, что не в состоянии угодить ему во всем, но пыталась. Получалось, что единственный способ заставить его быть нежным — угадывать и исполнять все его желания…

«Была влюбленность в Фирюбина, ее второго мужа, — вспоминала Нами Микоян. — Я видела начало этого брака, увлечение рыбалкой — в отпуске она на рассвете уезжала на катере в море, почти на весь день, потом коптила сама выловленную рыбу, всех угощала вечером, долго плавала в море, иногда совершала очень долгие прогулки в горы — это было в Пицунде, на даче грузинского Совета министров. Уезжая оттуда, она свои летние сарафаны, платья оставляла горничным, работавшим на даче, о чем они радостно перешептывались.

Личная жизнь ее расклеивалась, хоть внешне все оставалось по-прежнему. Но Фирюбина раздражало ее высокое положение, которое всегда превышало его статус. Она много рассказывала о своей неудачной жизни с мужем одной из близких подруг — Наде Ходасевич-Леже, вдове французского художника Фернана Леже, и самой художнице, уроженке Витебска, тоже сильной и умной женщине…»

Подруги знали, что на душе у нее неспокойно.

— Екатерина Алексеевна, — рассказывала потом и Людмила Зыкина, — часто говорила о том, что ее никто не понимает, что

она одинока и никому не нужна.

Надо понимать, она имела в виду мужа, Николая Павловича Фирюбина.

— У меня с ним тоже были сложные отношения, — вспоминала Светлана Фурцева. — Он был человек увлекающийся, но, на мой взгляд, никогда ничем не умел дорожить… Последние годы были сложными… Прежде всего потому, что Фирюбин очень плохо старился. Разницы в возрасте у них практически не было, но Николай Павлович, в отличие от мамы, чувствовал свои годы. Часто не совсем деликатно повторял: «Плохо быть дедушкой, но еще хуже быть мужем бабушки». Признаться, мне трудно быть к нему объективной. Но женского счастья он маме не дал…

Насколько справедливы эти упреки? Сам Николай Павлович о своих отношениях с Екатериной Алексеевной не рассказывал. Во всяком случае публично. Он умер еще до того, как журналисты получили возможность задавать личные вопросы.

Первый заместитель Фурцевой в Министерстве культуры Василий Феодосьевич Кухарский считал ее мужа человеком мелким и завистливым: «Его глодало лидерство жены в семье, ощущение комплекса своей вторичности. Сидя с Екатериной Алексеевной в театре или на концерте, он постоянно зло бубнил нечто непотребное. И Фурцева, к сожалению, с ним соглашалась, а доставалось нам».

Ясное дело, что мужчины, которые зарабатывают меньше своих жен, чувствуют себя отвратительно. Фурцева делала все, чтобы муж не чувствовал разницы в положении. Она дорожила семейными отношениями. В браке она, пожалуй, хотела большего, чем ее муж — больше любви, больше внимания, преданности. И если не получала желаемого, то душу разъедало сомнение: да любят ли ее?

Дочь выросла, жила отдельно и самостоятельно. Мать ушла в мир иной. Муж остался самым близким человеком, который всегда рядом. С кем, как не с ним, делить свои чувства, секреты? А в нем проявляются очень неприятные черты — эгоцентризм, требовательность, жестокость, стремление добиться своего во что бы то ни стало. Самый ужасный момент наступил, когда она почувствовала, что внимание к ней и забота о ней стали испаряться. Она была крайне чувствительна к тому, что видела. Каждое слово, жест, гримаса, движение руки становились важными. И ранящими. Этот холод, эту жестокость мало кто в состоянии вынести. Поэтому она была готова на все, лишь бы этого избежать.

Но как трудно дается откровенность даже в самой малости, не говоря уже о ситуациях, когда на кон поставлено нечто

жизненно важное! Почему не попросить о чем-то важном прямо? Потому что просить рискованно. А вдруг ответ будет отрицательным? Страшно быть отвергнутой, получить отказ.

Попытки маневрировать заставляют таиться, изворачиваться, чтобы сохранить иллюзию хороших отношений. Жизнь много лучше, если супруги избегают ссор, скандалов и выяснения отношений. И если человек наделен легким нравом и чувством юмора, это избавляет от многих проблем. Но земная жизнь — это не райские кущи, без конфликтов не обойтись. Наверное, неправильно всеми силами их избегать, то есть избегать откровенного выяснения отношений. Нельзя считать, что ничего нет хуже спора и ссоры… Она так боялась, что муж ее бросит, что считала, что у нее есть два варианта: либо дать ему то, что он хочет, либо порвать с ним и вновь остаться одной. Второго она смертельно боялась. Первое было невозможно.

Когда-то Фирюбину было лестно оказаться мужем секретаря ЦК. Да и мужем министра культуры, известной всему миру знаменитой Фурцевой, тоже приятно. Но все проходит. С годами отношения в семье менялись.

В апреле 1973 года шеф Фирюбина министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко был избран членом политбюро (вместе с министром обороны Гречко и председателем КГБ Андроповым). До избрания в политбюро Громыко выступал в роли самого важного, но подсобного внешнеполитического работника. Теперь он становился чуть ли не единоличным творцом внешней политики. Андрей Андреевич ощутил себя почти непререкаемым авторитетом. Увереннее почувствовал себя и его заместитель Фирюбин. А позиции его жены, министра культуры, напротив, ослабли — все знали, что Леонид Ильич ее не жалует.

Наверное, что-то осталось со старых времен, когда Брежнев и Фурцева были в ЦК на равных. Похоже, Леонид Ильич не прочь был сменить министра культуры. И каждая скандальная история на культурном фронте усиливала его неприязнь к Екатерине Алексеевне.

Пятнадцатого сентября 1974 года, в воскресенье, несколько художников, которых именовали авангардистами, устроили вернисаж на московском пустыре. Городские власти сочли несанкционированную выставку вызовом. Разогнали живописцев с помощью бульдозеров и пожарных шлангов. Картины раздавили или отобрали. Двух художников отправили в милицию. Пострадало несколько приглашенных иностранцев. Разразился международный скандал, возмущались европейские коммунистические партии: Советский Союз, давящий

бульдозерами неофициальное искусство, компрометирует социализм!

Шестнадцатого сентября 1974 года первый секретарь МГК КПСС Виктор Васильевич Гришин отправил в ЦК информационную записку о разгоне несанкционированной выставки, которая проходила накануне вблизи пересечения улиц Профсоюзной и Островитянова (ныне здесь станция метро «Коньково»).

Семнадцатого сентября общий отдел разослал записку всем руководителям партии. 18 сентября помощник генерального секретаря ЦК по международным делам Александр Михайлович Александров-Агентов написал Брежневу:

«Просил бы ознакомиться с прилагаемой информационной запиской МГК относительно разгона неофициальной выставки художников-абстракционистов в Черемушкинском районе Москвы, а также с частью иностранных откликов на это событие. Хочу подчеркнуть, что это лишь малая часть откликов. Ими сейчас полны западная печать, а также радио.

Если дело обстоит хоть приблизительно так, как описывают корреспонденты, то какая же это глупость и неуклюжесть. Так не борются с чуждыми влияниями в искусстве, а помогают им. Мы добились того, что внимание чуть не всего мира оказалось привлеченным к группе никому до этого не известных лиц, что с острой критикой нашей политики в области культуры выступили не только органы буржуазной пропаганды, но и печать французской и датской компартий. Можно с уверенностью сказать, что будут и еще выступления. А среди советского населения пойдет волна многочисленных пересудов, подогреваемых иностранными передачами на русском языке.

Кому все это нужно? Зачем это было делать? Неужели идеологические работники Московского горкома и наша милиция не понимают, что борьба с неприемлемыми для нас направлениями в искусстве не может проводиться с помощью милиционеров, брандспойтов и бульдозеров? Ведь это компрометирует СССР как государство и ленинскую политику в области культуры…

В целом это, конечно, небольшой, хотя и досадный эпизод. Хуже, что он, по-моему, еще раз напомнил о том, что политика в области культуры находится у нас как-то без присмотра и, видимо, зачастую оказывается в руках людей, имеющих к культуре очень отдаленное отношение. А это не может не вредить партийному делу в целом».

Брежнев прислушался к мнению своего помощника и разделил его негодование:

«Сделано не только неуклюже, но и неправильно. Я по этому вопросу дал указание МГК — МВД и отделу ЦК». Леонид Ильич переслал записку секретарю ЦК Петру Демичеву и заведующему отделом культуры ЦК Василию Шауро: «Прошу прочесть».

Александров метил в секретаря горкома по идеологии — ретрограда и догматика Владимира Николаевича Ягодкина, от которого многие мечтали избавиться. Но рикошетом задело и министра культуры Фурцеву как отраслевого начальника.

А у Екатерины Алексеевны и без того возникли серьезные проблемы. Все началось с того, что она занялась постройкой собственной дачи и имела неосторожность попросить о помощи подведомственные учреждения. Желающих посодействовать министру строительными материалами и рабочей силой оказалось множество. Как же не воспользоваться возможностью сделать министру приятное! При этом кто-то из посвященных, как водится, написал донос: Фурцева, нарушив государственную дисциплину и партийную этику, приобрела по льготным ценам строительные материалы в Большом театре.

Поскольку отношение к Фурцевой «в верхах» ухудшилось, то делу дали ход. Его разбирала высшая инквизиция — Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, которым руководил бывший руководитель Советской Латвии член политбюро Арвид Янович Пельше.

По традиции личная собственность считалась делом антипартийным. Все, что необходимо крупному работнику для комфортной жизни, ему давалось во временное пользование. Работникам ЦК запрещалось строить собственные дачи. Если кто-то вступал в дачно-строительный кооператив, дело передавали в Комитет партийного контроля. Обычно предлагали сделать выбор: или работа в ЦК, или дача.

Высшие чиновники знали: после ухода на пенсию всё отнимут, а хотелось что-то оставить детям. Поэтому руководители страны преспокойно обходили этот запрет и строили дачи на имя своих близких. Фурцева поступила неосмотрительно, записав дачу на свое имя.

Окончательное решение зависело от хама и самодура с наполеоновским комплексом Андрея Павловича Кириленко, секретаря ЦК и члена политбюро. Ему благоволил Брежнев, и Кириленко упорно добивался места второго человека в стране, пока тяжелые мозговые нарушения не привели к полному распаду личности.

— Мама попросила только об одном, — рассказывала журналистам Светлана Фурцева, — дайте возможность создать комиссию и объяснить, кто строители или заказчик. Комиссию,

конечно, не создали, потому что Кириленко важен был сам прецедент. Маме объявили выговор, а дачу — совершенно незаконно — постановили отобрать…

Екатерина Алексеевна признала, что допустила грубую ошибку и сдала дачу. Ей вернули двадцать пять тысяч рублей. Она положила их на книжку и написала завещание в пользу дочери.

Брежнев вроде бы решил Фурцеву не наказывать по партийной линии, удовлетвориться тем, что отправить на пенсию. А она сказала одной из подруг:

— Что бы там ни было, что бы про меня ни говорили, я умру министром.

Так и случилось…

В сентябре Екатерина Алексеевна отдыхала на юге. Казалось, ничто не предвещало драматической развязки.

Вдова руководителя Москвы Гришина Ирина Михайловна впоследствии рассказывала «Вечерней Москве»:

— За день до ее кончины мы встретились с ней в кремлевской больнице. Там лежала в очень тяжелом состоянии мама Виктора Васильевича, и я ее навещала. В коридоре встретилась с Екатериной Алексеевной. Мы были знакомы, одно время даже вместе жили на даче. Она меня спросила, по какому поводу я здесь, и я спросила о том же. «У меня что-то с сердцем плохо, болит…» Это было сказано за день до смерти…

Двадцать четвертого октября 1974 года в Кремле был прием. Екатерина Алексеевна ничего не пила… Вечером заехала к дочери, у них были гости — грузинский композитор Отар Васильевич Тактакишвили. Екатерина Алексеевна привезла арбуз — угостить гостей, посидела со всеми и поехала домой. Она позвонила дочери уже из квартиры.

— Почему у тебя грустный голос? — спросила Светлана.

— Тебе показалось.

Больше Светлана уже не увидит ее живой…

Теперь уже не узнать, что именно произошло поздним вечером 24 октября 1974 года, когда Фурцева вернулась домой. Они с Фирюбиным жили на улице Алексея Толстого. Говорят, что именно в тот день стало известно, что ее ждет пенсия, а Николай Павлович встретил другую женщину. Екатерина Алексеевна не выдержала двойного удара. Тоскливая жизнь брошенной мужем пенсионерки была не по ней…

Наверное, много раз она мысленно прикидывала: сможет ли жить без работы и без мужа? Эмоционально она полностью зависела от своего положения в обществе, от того, как на нее смотрят окружающие. И конечно же от мужа! Одиночество

казалось самым страшным. Она даже не могла подумать о том, чтобы порвать с ним и начать все заново с другим человеком.

Не так-то просто обрести покой израненной душе. Как вернуться из глубины несчастья к нормальной жизни? Это мистическое путешествие. Чувства и страхи, испытанные в детстве, остаются навсегда и возвращаются вновь и вновь, особенно когда мы не в силах справиться со своими проблемами. Эмоциональная память заставляла Екатерину Алексеевну вести себя так же, как она вела себя в детстве, когда осталась без отца. Страх быть брошенной лишал ее возможности посмотреть на вещи реалистично. Понимала: подруги исчезнут, как только она перестанет быть министром. У дочери своя жизнь.

Она не в состоянии была справиться с фрустрацией. Многие сталкиваются с кучей проблем, но не впадают в отчаяние. Понимают, что всякий неуспех — дело временное, бывают неудачи и удачи. Но эту неудачу она не могла пережить…

После полуночи Светлане позвонил Николай Павлович Фирюбин:

— Мамы больше нет.

Когда приехали дочь с мужем, в квартире еще находилась реанимационная бригада. Доктор пытался успокоить Светлану:

— Даже если бы это случилось в больнице, врачи не смогли бы помочь.

Диагноз — острая сердечная недостаточность.

Одни говорили, что Екатерина Алексеевна приняла горячий душ после немалой дозы алкоголя. Последовал сердечный спазм и… Другие уверяли, что в тот день Брежнев устроил ей разнос. Вернувшись домой, она проглотила горсть люминала… Все это слухи. Но по Москве пошли разговоры о том, что она вновь решила покончить с собой. И на сей раз попытка удалась.

— Этот вопрос со мной обсуждать сложно, — объясняла Светлана Фурцева, когда журналисты спрашивали ее о причинах смерти матери. — Я знаю то, что знают и остальные. Конечно, можно выстраивать разные версии, особенно по аналогии с шестьдесят первым годом. Мы с мамой никогда не обсуждали этой темы, но я уверена, что причиной расстаться в шестьдесят первом году с жизнью было не честолюбие, как некоторые сейчас представляют, а глубокая обида от предательства человека, которому она верила… Но в семьдесят четвертом, осенью, пик переживаний в маминой жизни уже прошел… Уверена, что никакого самоубийства не было. Я не хочу думать о неслучайности ее смерти, у меня нет для этого оснований.

С фотографии, опубликованной в «Литературной газете» вместе с некрологом, вспоминал драматург Самуил Алешин, «на

вас смотрело милое, прелестного овала молодое лицо с красивой волной блестящих волос (в действительности золотистых), с большими девичьими, словно вопрошающими глазами под темными дугами бровей».

Прощание с министром культуры устроили в новом здании МХАТа, для строительства которого она приложила столько усилий. Поминки — в Доме актера. Лучше всех сказал писатель Константин Михайлович Симонов, которого Фурцева когда-то разносила на секретариате ЦК:

— Екатерина Алексеевна всегда имела смелость сказать «да» — и делала все, чтобы поддержать, помочь новому, порой только пробивающемуся. Имела смелость сказать «нет», и ее поступки всегда соответствовали сказанному. Согласен, так говорить и поступать могла только большая, светлая личность…

Ее первый муж, Петр Иванович Битков, говорил дочери на похоронах, что всю жизнь любил только Екатерину Алексеевну. Он иногда заходил проведать дочь, хотел видеть внучку. Он ненадолго пережил Фурцеву, вскоре ушел в мир иной.

Николай Павлович Фирюбин женился на Клеопатре Гоголевой, вдове Александра Васильевича Гоголева, покойного секретаря Московского обкома партии. Они жили на соседних дачах. Александр Гоголев после войны был заместителем председателя обувной артели в подмосковном Талдоме, заведовал районной сберкассой, заочно учился на историческом факультете Московского университета, стал преподавателем марксизма-ленинизма, поступил и в аспирантуру, но диссертацию не защитил, потому что его назначили заведующим отделом пропаганды и агитации Раменского горкома партии. В начале 1960-х Гоголев был партийным руководителем Раменок и Люберец, в 1963 году его забрали в аппарат Московского обкома. В апреле 1967 года избрали секретарем обкома, а в мае Александр Васильевич неожиданно скончался.

Клеопатра Гоголева, которую знакомые называли Клерой, была значительно моложе Екатерины Алексеевны.

— Молодая была, смазливая, — рассказывал мне Валерий Харазов. — Гоголев держал жену в ежовых рукавицах, следил, чтобы глупостей не говорила. После его смерти она приезжала ко мне в Литву — отдохнуть и прийти в себя. Когда Фирюбин на ней женился, меня это удивило: что он в ней нашел — по сравнению с Фурцевой? Мы с Фирюбиным как-то одновременно лежали в больнице, она приходила, ухаживала за ним.

Сын Фирюбина Николай работал в Швейцарии, там и остался. Дочь Рита окончила Московский авиационный институт, работала на радио. Николай Павлович Фирюбин оставался

заместителем министра иностранных *цел* до конца своих дней. Он пережил Екатерину Алексеевну на девять лет, скончался 12 февраля 1983 года на семьдесят пятом году жизни.

В некрологе, подписанном генеральным секретарем ЦК КПСС Юрием Андроповым, членами политбюро и коллегией Министерства иностранных дел, говорилось: «Его отличали высокая партийная принципиальность, сила убеждения и большая работоспособность. Он был чутким и доброжелательным к людям, хорошим наставником и воспитателем».

Через три недели после смерти Фурцевой, 14 ноября 1974 года, на ее место назначили кандидата в члены политбюро и секретаря ЦК КПСС Петра Ниловича Демичева. В конце заседания политбюро Суслов буднично произнес:

— Есть, товарищи, еще один вопрос. Предлагается утвердить указ президиума Верховного Совета СССР об утверждении товарища Демичева министром культуры.

Все согласно закивали.

— Ну что же, принято, — заключил Суслов.

Петр Нилович, по словам одного из участников заседания, «жалко лопотал что-то по поводу того, сколько он сделал для нашей идеологии, говорил, что долго был на партийной работе и назначение ему непривычно, однако он солдат партии…». Коллеги по секретариату ЦК встретили назначение Демичева в Министерство культуры с нескрываемым злорадством. Впрочем, к нему отнеслись великодушнее, чем когда-то к Фурцевой. Его-то оставили кандидатом в члены политбюро, власти лишили, но сохранили за ним статус небожителя…

Второй муж Светланы Фурцевой умер в 1995 году. Полученная по маминому настоянию кандидатская степень ей пригодилась. Она работала во Всесоюзном научно-исследовательском институте искусствознания, славившемся как оплот либерализма и место, где занимались настоящей наукой. Дружила с киноведом Неей Марковной Зоркой, которая отличалась не только острым пером, но и политическим темпераментом — подписывала письма в защиту диссидентов. Она всего лишь просила о снисхождении и помиловании, но и эту малую толику человечности сочли невиданным преступлением. Нея Зоркая была членом партии. Ее отец погиб в ополчении, защищая Москву в 1941 году. Она сама подала заявление в партию в День Победы, 9 Мая 1945 года. За письма партбилет у нее отобрали. Но с работы не уволили. Светлана Фурцева упросила мать не трогать Нею Зоркую.

Со временем Светлана Петровна Фурцева стала заместителем директора Института повышения квалификации работников

культуры. Она руководила Фондом развития русской культуры имени Е. А. Фурцевой. Умерла 9 октября 2005 года — в шестьдесят три года. Какое мистическое совпадение: ей было столько же лет, сколько и матери, когда та ушла из жизни.

Внучка министра культуры — Марина Олеговна — родилась в 1963 году, ей тоже дали мамину фамилию. Екатерина Алексеевна рассудила, что эта фамилия ей поможет в жизни. В пять лет Фурцеву-младшую взяли в Московское хореографическое училище, хотя обычно туда принимали детей с семи лет. Ее опекала директор училища Софья Николаевна Головкина. Как только бабушки не стало, от девочки избавились. Она поступила в ГИТИС, работала в литературной части Большого театра. Дважды выходила замуж, неудачно. Выйдя замуж в третий раз, уехала в Испанию, где преподает балетное искусство.

***

С годами о Екатерине Алексеевне Фурцевой говорят все лучше и лучше. Дурное забылось. Остались воспоминания о живом и душевном человеке.

Третьего декабря 2004 года на доме 9 по Тверской улице в Москве появилась бронзовая мемориальная доска. На ней профиль Фурцевой и надпись: «Екатерина Алексеевна Фурцева, выдающийся деятель культуры, жила в этом доме с 1949 по 1960 год». Таких мемориальных досок и таких высоких слов, кажется, не удостоился ни один из выдающихся деятелей культуры, которым пришлось творить под присмотром Екатерины Алексеевны Фурцевой.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. А. ФУРЦЕВОЙ

1910, 24 ноября (7 декабря) — родилась в городе Вышний Волочек Тверской губернии.

1925–1928 — учащаяся фабрично-заводского училища.

1928–1929 — ткачиха фабрики «Большевичка».

1929–1930 — ответственный секретарь районного совета физкультуры.

1930 — вступила в ВКП(б).

1930–1931 — секретарь Кореневского райкома ВЛКСМ Курской области.

1931–1932— секретарь Феодосийского горкома ВЛКСМ Крымской АССР.

1932–1933 — заведующая отделом Крымского обкома ВЛКСМ (Симферополь).

1933–1935 — слушатель Высших академических курсов Аэрофлота (Ленинград).

1935–1936 — помощник начальника политотдела по комсомолу авиационного техникума (Саратов).

1936–1937 — инструктор отдела студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ.

1937–1941 — студентка Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова.

1941–1942 — инструктор райкома ВКП(б) в Куйбышеве.

1942 — аспирантка Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова.

1942–1945 — секретарь Фрунзенского райкома ВКП(б) по кадрам.

1945–1948 — второй секретарь Фрунзенского райкома ВКП(б).

1948 — окончила (заочно) Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

1948–1950 — первый секретарь Фрунзенского райкома ВКП(б).

1950–1954 — второй секретарь Московского горкома КПСС.

1952, октябрь — избрана кандидатом в члены ЦК КПСС.

1954–1958 — первый секретарь Московского горкома.

1954–1956 — член редколлегии журнала «Партийная жизнь».

1956, 27 февраля — избрана секретарем ЦК КПСС.

1957, 27февраля — избрана кандидатом в члены президиума ЦК КПСС. *1957–1961* — член Главного военного совета при Совете

обороны СССР. *1957, 29 июня* — избрана членом президиума ЦК КПСС.

1958–1960 — член Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей.

1960, 4мая — освобождена от должности секретаря ЦК КПСС.

1960, май — назначена министром культуры СССР.

1963 — утверждена членом президиума Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР (в 1965 году преобразован в Комитет по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры).

1974, 24 октября — умерла в Москве. Похоронена на Новодевичьем кладбище.

Иллюстрации

Екатерина Фурцева.

Мать Е. А. Фурцевой — Матрена Николаевна.

Отец Е. А. Фурцевой — Алексей Гаврилович.

Вышний Волочек — родина Екатерины Фурцевой.

Екатерина Фурцева очень любила спорт,

…а отдых предпочитала активный.

На прогулке.

Довоенная Москва.

Хорошо усвоив правила достижения успеха на партийном поприще, Екатерина Фурнева быстро выдвинулась на первые роли.

Екатерина Алексеевна Фурцева и Николай Павлович Фирюбин.

Н. С. Хрущев сделал Е. А. Фурцеву своим соратником

…и доверил ей управление Москвой.

Правительственный банкет.

А. Туполев, А. Микоян. Ю. Гагарин. Е. Фурцева и другие.

На отдыхе.

С Валентиной Терешковой.

С Федором Шаляпиным.

С Андрияном Николаевым.

Фурцева в окружении «звезд» советского кинематографа.

Сергей Бондарчук, Марк Бернес, Екатерина Фурцева и Всеволод Санаев.

С Софи Лорен.

С Леонидом Брежневым.

С дочерью Светланой.

Перед выступлением.

Самый красивый министр культуры.

notes

Примечания

1

См. выпущенную столичным архивным управлением книгу «„Партийный губернатор“ Москвы Георгий Попов».

2

Подробнее см. книгу «Партийный губернатор Москвы».

3

См. книгу Ю. Остапенко «Товарищ министр».

Подробнее см.: *Гольдин М. М.* Опыт государственного управления искусством. Деятельность первого отечественного Министерства культуры. М., 2006.